

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани
Центр исследований истории Золотой Орды им. М.А.Усманова

ВОЕННОЕ ДЕЛО ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: проблемы и перспективы изучения

МАТЕРИАЛЫ

Круглого стола, проведенного в рамках
Международного Золотоордынского Форума.
Казань, 30 марта 2011 г.

ББК 63.3
В 63

Серия «История и культура Золотой Орды»

Выпуск 15

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 11-11-16501 г/В/2011)*

Ответственный редактор и составитель
кандидат исторических наук *И.М. Миргалеев*

Редколлегия:

*Р.С. Хакимов, И.М. Миргалеев, Ю.С. Худяков,
И.Л. Измайлов, В.А. Иванов, В. Свентославский*

Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 г.) / Отв. ред. и составитель *И.М. Миргалеев*. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – 220 с. + 8 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-905576-02-7

© Центр исследований истории Золотой Орды
им. М.А.Усманова ИИ АН РТ, 2011
© Институт истории АН РТ, 2011
© ООО «Фолиант», 2011

Содержание

Слово редактора (<i>И.М. Миргалеев</i>)	5
Кушкумбаев А.К. Историография истории военного дела кочевников Улуса Джучи	6
Измайлов И.Л. Войско Улуса Джучи во второй половине XIII – XV вв.: структура командования, способ комплектования, численность и рода войск	23
Свентославский В. К вопросу о появлении огнестрельного оружия в Золотой Орде	36
Худяков Ю.С. Комплекс вооружения восточных кыпчаков в эпоху развитого Средневековья	41
Горелик М.В. Монгольская латная конница и ее судьбы в исторической перспективе	47
Воронцов И.А. Предметы ударного вооружения золотоордынского времени с территории Нижнего Поволжья	59
Горбунов В.В., Тишкин А.А. Военное дело населения Лесостепного Алтая в золотоордынское время	63
Иванов В.А. Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологическом контекстах: где истина?	72
Губайдуллин А.М. О типах средневековых воротных проездов на территории Среднего Поволжья	78
Нарожный Е.И. Пластины доспеха из полуподземного склепа № 10 Келийского могильника (горная Ингушетия)	82
Сальников А.В. О вспомогательном снаряжении у монголов Предкавказья (по данным средневековых европейских письменных источников)	86
Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н. Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения	92
Хабибуллин А.Н. Что обозначает фортификационный термин <i>тарасы</i> ?	101
Рязанов С.В. Сырье и материалы для производства оружия в Золотой Орде	104
Бобров Л.А. К вопросу о защитном вооружении татар Западной Сибири последней четверти XVI – XVII вв.	106
Горелик М.В. Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV веках: традиции имперской культуры	121
Почекаев Р.Ю. Монгольские завоеватели и мирное население: правовые аспекты взаимоотношений	138
Пилипчук Я.В. Монгольское завоевание владений восточных кыпчаков и Волжской Булгарии	143
Пенской В.В. О численности войска Дмитрия Донского на Куликовом поле	157
Селезнёв Ю.В. Сколько всадников мог собрать Мамай? (К вопросу о системе комплектовании ордынских войск)	162
Черкас Б.В. Поход Токтамыша на Киевское княжество в 1380 году	167
Миргалеев И.М. Битвы Токтамыш-хана с Аксак Тимуром	170
Селиверстов Д.А. Сражение при Солхате (Кастадзоне) 22 июня 1434 года	183
Стенографический отчет Круглого стола «Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения» (Казань, Кремль, Лекционный зал Центра «Эрмитаж-Казань». 30 марта 2011 г.) (под ред. <i>И.М. Миргалеева</i>)	199
Список сокращений	218
Сведения об авторах	219

Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
M.A. Usmanov Centre of Research of the Golden Horde History

“Military science of the Golden Horde: Problems and Prospects of studying”

Materials of the Round Table spent in the framework
of the International Golden Horde Forum (Kazan, on March, 29-30th, 2011)

Contents

Ilnur Mirgaleev. Editor's word	5
Aybolat Kushkumbaev. Historiography History of Military Affairs of the Ulus Juchi Nomads	6
Iskander Izmaylov. The Army of the Ulus Juchi in the second half 13th – 14th centuries: the structure of command, the type of troops, recruitment and numbers of warriors	23
Witold Świątosławski. The beginnings of firearms in the Golden Horde	36
Yuliy Khudyakov. The Complex of Arms east kypchaks during an epoch of the developed Middle Ages	41
Michael Gorelik. The Mongol armour cavalry and his future in the historical perspective	47
Igor Vorontsov. The subjects of the strike weapons of the Golden Horde's era from the Low Volga Region	59
Vadim Gorbunov, Aleksey Tishkin. The soldiership of the forest-steppe Altai population on the Golden Horde era	63
Vladimir Ivanov. Armament Golden troops in the historical and archaeological contexts: where is the truth?	72
Ayrat Gubaydullin. About the types of the Middle Ages Gates in the Middle Volga Region	78
Evgeniy Narozhniy. The plates of armor from semisubterranean crypt №10 Kelyky's burial ground (mountainous Ingushetiya).....	82
Aleksey Salnikov. About auxiliary weapons of PreCaucases mongols (according medieval European written sources)	86
Yuriy Kuleshov, Ekaterina Abyzova. Two subjects of the mamluk's weapons from Moldova territory's as illustration ways shaping of the Golden Horde's arms complex	92
Almaz Khabibullin. What does the fortification term “Taras” means?	101
Sergey Ryazanov. The raw and materials for weapons production in the Golden Horde	104
Leonid Bobrov. About protective weapons of the Western Siberia tatars on the last quarter of 16th – 17th centuries	106
Michael Gorelik. The Mongol costume in 13th – 14th centuries: the imperial culture traditions	121
Roman Pochekaev. Mongol conquerors and civilians: legal aspects of relations	138
Yaroslav Pilipchuk. Mongolian conquest of acres of eastern qipchaqs and Volga Bulgaria	143
Vitaliy Pensko. About the number troops of Dmitriy Donskoy on the Kulikovo field.....	157
Yuriy Seleznev. How many riders could collect Mamay? (About the system of recruiting of the Golden Horde troop's)	162
Boris Cherkas. Toktamish's military campaign against Kiev's principality in 1380	167
Ilnur Mirgaleev. Toktamish-chan's battle with Aksak Timur	170
Dmitriy Seliverstov. The Battle of Solchat (Kastadzon) June 22, 1434.....	183
Verbatim Report of the Round Table “Military science of the Golden Horde: Problems and Prospects of studying” (Kazan, Kremlin, the Lecture Hall of the Center “Hermitage-Kazan”. March 30, 2011 (edited by <i>Ilnur Mirgaleev</i>)	199
The list of abbreviations	218
Data on authors	219

Слово редактора

В 2011 году в рамках Международного Золотоордынского Форума был проведен Круглый стол на тему: «Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения». Кроме докладов на эту тему прошла еще и достаточно интересная дискуссия, стенограмму которой мы также даем в этом сборнике. По предложению участников Круглого стола было решено издать отдельный сборник, что мы с удовольствием и сделали.

Если вначале вооружение и военное дело Золотой Орды были связаны с завоевательными походами татаро-монголов, то далее они уже развивались по своему пути. Со временем изменились и структура военной организации, и сама тактика ведения боя. Сегодня многие мифы по золотоордынской истории, характерные не только для российской историографии, но и для западных работ, опровергаются исследователями. Тот же миф о диких ордах татаро-монгольских завоевателей, вооруженных только луками и защищенных только «доспехами из шкур и кож», сам становится историей. Однако новые вопросы о формировании вооружения, об импорте и производстве оружия ставят перед специалистами новые исследовательские задачи.

Тема военного дела в Золотой Орде в тех или иных объемах затрагивается практически во многих исследованиях, посвященных золотоордынской проблематике. Однако утверждать, что все вопросы решены и что имеется достаточное количество специальных исследований, пока не приходится. Хотя на данный момент военная проблематика активно и разрабатывается археологами и оружейоведами, но и их работы не охватывают все вопросы. К сожалению, некоторые диссертационные исследования по военному делу до сих пор не опубликованы. Многие вопросы ждут основательных теоретических осмыслений. Среди них я бы назвал, например, вопрос о фортификационных сооружениях, так как утверждение, будто бы их на территории Золотой Орды не было, опровергается сегодняшними исследованиями. Например, Казань в течение всего золотоордынского времени имела укрепления.

Безусловно, крайне интересной является проблематика огнестрельного оружия. Некоторые работы отечественных историков и статья известного польского специалиста Витольда Свентославского в этом сборнике проливают свет на вопросы, связанные с этим аспектом. Однако и здесь специалистам еще предстоит решить серьезные исследовательские задачи.

Также и вопрос о тактиках ведения боя, и полководческое мастерство командиров ждут новых исследований. Ведь простая констатация о полководческой гениальности тех или иных деятелей не объясняет всю сложность достигнутых побед. Без учета дисциплины в войсках, организации разведки, снабжения, построения армии, выбора места сражения, передвижения войск без карт и специальных средств и т.д. – все эти вопросы ждут новых фундаментальных исследований.

Надеемся, что данный сборник и проведенная дискуссия в рамках Международного Золотоордынского Форума станут причиной новых изысканий в этом направлении.

Миргалеев И.М.

руководитель Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А.Усмана III АН РТ

Историография истории военного дела кочевников Улуса Джучи

Появившись в рамках единой Монгольской империи, Золотая Орда, что примечательно и парадоксально, как известно, не имела в средневековых источниках единого общепринятого названия как в период своего существования (в письменных повествованиях она фигурирует под самыми разными обозначениями), так и позднее в специальной литературе. Выдающийся российский востоковед XIX в. И.Н.Березин по отношению к Золотой Орде, исходя из изучения поздних нормативных правовых актов – ханских ярлыков, адекватно использовал понятие «*Улуг Улус*» – «Великий Улус» [18, с. 430]. По-видимому, такой термин также имеет право на существование и политическое обозначение Улуса Джучи в целом, в то же время, возможно, есть необходимость «закрепить» последнее официальное (общепризнанное в исследовательских кругах) название – «*Улус Джучи*» в целях унификации или есть целесообразность сохранить параллельно «старое», более часто используемое в литературе – Золотая Орда. Вместе с тем существует перспектива разделения истории Джучиева улуса по отдельным основным этапам и регионам, на каждом из которых происходили качественные изменения внутреннего состояния политического пространства реально (или мнимо) управляемого золотоордынскими династиями. Такую динамичную ситуацию необычного государства, видимо, и отражали разноязычные письменные источники.

Изучение истории Золотой Орды имеет длительную историографическую традицию и насчитывает около двух веков. Более или менее освещенными можно считать процесс становления, основополагающие этапы политического и социального развития, внешнеполитические связи (например, с мамлюкским Египтом в XIII–XIV вв.), взаимодействие русских княжеств и «татарских» властителей Сарая, внешние политические границы, административно-территориальное устройство, хронология и периодизация правления ханов, состав военно-потестарной элиты, материальная культура разноэтничных групп, локализация городов (оседло-земледельческих центров) и региональная городская культура, этнический и племенной состав, погребальная обрядность кочевников, религия, духовный мир и язык населения, система права Улуса Джучи. Вместе с тем, несмотря на эти исследовательские достижения нескольких поколений историков, востоковедов, археологов, по-прежнему остается ряд определенных тем, касающихся внутреннего развития этого государства. К такой интересной во всех отношениях проблематике относятся формирование, развитие и уровень вооружения и военного дела золотоордынского общества. Почти во всех исследованиях, посвященных Золотой Орде, так или иначе присутствует военный аспект, имеющий непосредственное отношение к политическому строю, экономике, праву и культуре в целом. Можно предварительно отметить, что в общем научном направлении джучиеведения приоритет, безусловно, принадлежит российским авторам. Надеемся, что предлагаемый историографический обзор поможет исследователям ориентироваться в проблемах золотоордынской военной истории.

Российская историография. Устойчивое внимание к военной истории монголов и их мировой державе наблюдается с середины XIX в. как в России, так и в других странах. В российской востоковедной литературе XIX столетия ставились и разбирались как общие, так и частные вопросы истории Золотой Орды тюркологом И.Н.Березиным [16–18]. Первым систематизированным трудом этой поры по военному искусству монголов в русской историографии является очерк, принадлежащий перу профессионального военного генерал-лейтенанта М.И.Иванина [66]. Несмотря на определенную ограниченность и невысокое качество переводов использованных источников, он смог дать разностороннюю характеристику боевым походам «татаро-монгол» XIII в. Вторая часть этого произведения, являющаяся его органичным продолжением, связана с военным делом среднеазиатских народов при Амире Тимуре. Обширные военные экспансии центрально-азиатских кочевников XIII в. М.И.Ивагин объяснял тем, что «монгольские войска превосходили прочие, современные им, качеством и умением действовать оружием, дисциплиной, устройством, а полководцы их – искусными соображениями и хорошими тактическими и стратегическими правилами» [66, с. 1–2]. Завоевания монголов были по преимуществу произведены конницей, а их военные успехи он связывал с соседством Китая, которое было хорошей школой для изучения

военного искусства [66, с. 9]. Его работа в конце XIX – начале XX в. стала учебным пособием для слушателей дореволюционной Российской академии Генштаба. Последующий общий опус по истории конницы М.И.Маркова [102] базировался на его сочинении и внес незначительные, но интересные новые знания по кавалерийской тактике кочевников.

Всей научно-исследовательской практикой ориенталистики доказано, что многочисленные произведения известного русского востоковеда академика В.В. Бартольда по истории Туркестана, Центральной Азии и монгольской эпохи, в частности, его фундаментальная работа «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» [14] и множество других публикаций обладают, безусловно, как общетеоретическим, так и прикладным значением и являлись востребованными как для начала прошлого века, так и сегодня. Видным представителем старой востоковедной школы императорской России был Н.И.Веселовский [29] – автор первой большой статьи о такой колоритной политической фигуре золотоордынской истории, каким был Ногай – полководец и руководитель наиболее отдаленного западного улуса владений Джучидов.

Принципиально существенным как для монголоведения, а также, если шире, для всего кочевниковедения имеет солидное аналитическое исследование Б.Я.Владимирцова – «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» [31], не утратившее своей злободневности по сей день. По затронутой тематике и глубине исследовательского интереса как по социально-политической, так и военной истории средневековых монголов эта работа давно признана классической. В конце 20-х гг. XX в. к монгольской военной истории обращается калмыцкий исследователь доктор Э. Хара-Даван – сторонник евразийского научного направления, написавший очерк «Чингис-хан как полководец и его наследие» [151]. Несмотря на то, что его книга – наглядный образец компиляции из ранее изданных и современных ему работ российских и западных ученых, она представляет собой одну из первых попыток на этой «синтетической» основе объяснить военную систему монголов XIII–XIV вв. и их сокрушительные победы на евразийском континенте.

В 1927 г. в СССР вышел объемный труд по всемирному военному искусству советского военного теоретика А.А.Свечина, один из разделов которого специально посвящен военной стратегии монголов. Весьма ценным выводом его изысканий является понимание того, что «степной простор, с огромным масштабом операционных линий, с оригинальными формами труда, накладывает оригинальный азиатский отпечаток и на военное искусство» [127, с. 138]. Это сочинение имеет не только познавательное, но и утилитарное значение для истории военной теории и практики и по настоящее время.

Разнообразная (многовариантная) тактическая модель поведения монгольской армии в бою была и остается объектом постоянного внимания как в специальной (военно-научной), так и в массовой публицистической литературе. С точки зрения известного российского исследователя кочевых народов Центральной Азии Ю.Н.Рериха, «многое в тактике монголов XIII в. настолько современно, что заслуживает самого глубокого изучения» (цит. по: [153, с. 96]).

Наиболее интересная статья, в которой рассматривалось влияние географического фактора на военное дело кочевников Центральной и Средней Азии и непосредственное взаимодействие военных институтов и тактики с коллективными охотами¹, принадлежит В.Н.Куну [93]. Долгое время в историографии преобладала точка зрения (встречается иногда до сих пор), согласно которой стратегия кочевников сводится к тактике истребления, которая была выработана самим кочевым образом жизни в пустынях и степях народа, не имевшего стационарных поселений, крепостей, городов. Чтобы обеспечить безопасность и свободу своих кочевий, номады должны были полностью истребить своих врагов, представлявших для их существования постоянную угрозу. Беспощадные кровавые войны кочевников, репрессии по отношению к побежденным, потрясавшие оседло-земледельческий мир своей показательной жестокостью, были закономерным следствием такого положения [93, с. 29]. В то же время следует заметить, что любая война – это уничтожение, т.е. максимальное ослабление (разрушение) вражеского военно-материального базиса, разгром узловых центров противника, истребление живой силы неприятеля, подавление его сопротивления всеми имеющимися силами и в конечном итоге овладение контролируемыми ими

¹ На материале традиционной бурятской и частично монгольской охоты средневековья, по этнографическим данным и письменным свидетельствам в 1980–1990-х гг. исследовалось влияние облавных охот на военное дело центральноазиатских лесостепных народов в публикациях А.З.Хамарханова [150], С.Г.Жамбаловой [60], Д.Жаргалова [61].

ресурсами. В этой связи армии кочевников ничем не отличались от вооруженных сил соседних оседло-земледельческих государств, ставивших схожие цели и задачи войны.

В советской историографии, как известно, внимание специалистов было сфокусировано преимущественно на истории разрушительных монгольских завоеваний и создания образа «хищнических», «военно-феодальных» татаро-монгольских государств. В целом период XII–XIV вв. и всемирная роль монголов в историческом масштабе оценивались как негативные явления, т.к. акцент делался на массовых убийствах гражданского населения, «колоссальных уничтожениях» материальной культуры и тотальном грабеже ценностей завоеванных народов, создании концепции «монголо-татарского ига», социальном и политическом регрессе и всеобщем упадке хозяйства, торговли и ремесла захваченных областей и пр. (исключение составили монографии и статьи Л.Н.Гумилева и некоторых др. исследователей). Тем не менее именно в СССР по общей истории Золотой Орды были опубликованы основательные труды таких авторов, как А.Н.Насонов [111], Б.Д.Греков и А.Ю.Якубовский [56], М.Г.Сафаргалиев [126], Г.А.Федоров-Давыдов [147] и многие другие. В данных работах страницы военной истории джучидской империи представлены как неразрывная часть общественных процессов, протекавших в золотоордынском обществе. Особенно много внимания уделялось и уделяется в российской историографии как прошлого, так и нынешнего времени монгольскому нашествию на страны Восточной Европы. В этом плане интересно пособие В.В.Каргалова [78], который первым обстоятельно и верно реконструировал вторжение монголов в северо-восточные русские земли 1237–1238 гг. и убедительно представил на основе глубокого знания прежде всего русских источников «военно-облавные» действия монгольских войск. Нельзя также не упомянуть академический сборник статей «Татаро-монголы в Азии и Европе» [138] с участием ведущих специалистов (востоковедов, славистов), где разнопланово охарактеризованы глобальные монгольские завоевания в Евразии. Разделы, написанные В.Т.Пашуто и Л.В.Черепнинным о монгольских походах чингизидских царевичей на русские княжества и центрально-европейские страны, и работа В.В.Каргалова, стали концептуально-каноническими в советской (русской) исторической науке на протяжении многих десятилетий.

Заметно отличаются от вышеуказанных работ исследования, выполненные тюркологами, монголоведами и синологами, в которых главным объектом выступало монгольское (или тюркское) кочевое общество. Например, перу Е.И.Кычанова принадлежат капитальные разработки по общественному и государственному строю кочевого улуса центрально-азиатских номадов, сосредоточенные в одной комплексной работе [95], о военно-политическом значении и месте гвардии – кешик в аппарате управления первых монгольских правителей [94] и другие труды крупнейшего китаиста. События и некоторые важнейшие эпизоды западного похода Чингизидов 1236–1242 гг., по сведениям «Юань ши», в частности участие китайских военных специалистов, подробности продовольственного снабжения мобилизованных войск, а также воинский набор и военная служба представителей западных владений монголов (кыпчаков, асов, русских) в армии Юаньского Китая отражены в его изысканиях [96].

В середине 1980-х гг. появилась итоговая монография В.Л.Егорова, охватывающая перечень спорных вопросов историко-географической проблематики Золотой Орды, в числе которых территория и границы, государственно-административная структура, военно-политическая и экономическая география, обстоятельства расширения и сужения политического пространства чингизидских владений. Демонстрируемый автором геополитический подход в отношении истории джучидских улусов закономерно привел исследователя к выводу, что «главным инструментом проведения золотоордынской внешней политики всегда оставалась армия» [59, с. 230].

В конце 1980 – начале 1990-х гг. на страницах популярного в академических кругах журнала «Вопросы истории» внимание историков Д.В.Чернышевского [157] и В.Б.Кошечеева [88] сосредоточилось на численности вторгнувшейся в русские земли монгольской армии, и были даны разумные оценки наличных военно-людских ресурсов Чингизидов. Основательностью и скрупулезностью осмысления почти всех письменных известий истории русских княжеств монгольской эпохи отличается проведенное исследование А.А.Астайкина [9], суммировавшего почти все сведения русских летописей о нападениях и набегах монголов и золотоордынских татар на Русь в течение большого времени – с 1223 по 1480 г.

В серии специальных многолетних изысканий тюрколога Т.И.Султанова [80; 81; 135; 136] выявлены, проанализированы и выверенно трактуются – на примерах из исторической практики Монгольской империи и государств Чингизидов – политические, правовые и идеологические ус-

тои и принципы государственной власти Чингиз-хана и его преемников на территории Евразии – Центральной Азии и Дашт-и-Кыпчака. Это позволило увидеть не только политическую концепцию представителей «*Алтан уруга*» (Золотого рода), но и объяснить идею государственности, а также реально-историческую деятельность и функции верховной военно-политической власти у кочевников. Там же хорошо отображены увлекательные ратные эпизоды из золотоордынской военной истории.

В лучших традициях российского востоковедения сделано исследование В.В.Трепавлова [141], где раскрываются социальные механизмы государственного, административно-территориального и политического устройства монгольских улусов-государств, показаны древние центрально-азиатские истоки традиционной государственной модели организации кочевой империи Чингизидов. Предметом всестороннего анализа выступили государственно-политический институт соправления, система крыльев и улусов, престолонаследие в Монгольской империи. Принципиален, на наш взгляд, его вывод о том, что государственная традиция у монголов выполняла две функции: «способствовала созданию полноценного управления государством; с другой – помогала консолидировать военные силы» [141, с. 112–113]. Бурные военно-политические события XIV в. в истории Золотой Орды отображены в другой недавно изданной его работе, в которой рассматривается и военная организация джучидского государства. В частности, мобилизация, численность вооруженных сил, участие военных отрядов из числа оседлых подданных. Исследователь логично считает, что «невозможно даже приблизительно определить численность ни населения Золотой Орды, ни ее войска» [142, с. 43].

Наиболее детализированной и первой системной работой по военному делу Монгольской империи можно считать книгу Р.П.Храпачевского [151], опубликованную в популярной серии «Военно-историческая библиотека». На основе большого количества письменных свидетельств интерпретированы особенности государственного функционирования монгольской военной державы XIII в.; подробно описаны армия и тактическая разведка, осадные технологии, военная и внешнеполитическая стратегия, планирование военных операций монголов, завоевательные походы Чингиз-хана и его последователей в первой половине XIII в., сделан развернутый критический анализ исторических источников и специальной литературы.

Военные аспекты истории империи Чингиз-хана и проблемы образования крыльевой (дуальной) системы власти, десятичного принципа организации войска, тактика средневековых монголов нашли отражение в работах видных кочевниковедов Н.Н.Крадина и Т.Д.Скрынниковой [90; 91], что позволило им дать в целом характеристику монгольской военной машины XIII в.

Прочное место в золотоордынской историографии заняли статьи и работы В.П.Костюкова [83–86] и Р.Ю.Почекаева [115–117], освещающие не только проблемы политической, правовой и социальной истории Улуса Джучи, но и вплетенные в этот контекст военные сюжеты (походы, войны, в которых принимали участие Джучиды и их вассалы). Заслуживают особого внимания малоизвестные факты из военно-биографических сведений о золотоордынских полководцах, воспроизведенные в статьях и книге Ю.В.Селезнева [128–131]. Он подготовил обобщающий систематизированный справочник обо всех известных по источникам вооруженных конфликтах между монголами, Золотой Ордой и русскими княжествами, начиная с появления татарских войск в восточно-европейских степях в 1223 г. и до падения Большой Орды в 1502 г., в котором прослежены маршруты тактических операций и численность войск [132]. Данная работа, безусловно, является продолжением исследования А.А.Астайкина.

Традиционно закономерный и профессиональный интерес к военному делу номадов проявляли специалисты, занимающиеся золотоордынской археологией, целенаправленно или в контексте общих и частных интересов изучавшие кочевнические древности (курганы, захоронения, погребально-культовые сооружения, материальный инвентарь, стационарные поселения) и городские оазисы. Наиболее исследованными в сфере материальной культуры кочевников джучидских улусов можно считать западные, центральные районы (как правило, входящие в оседлую зону или примыкающие к ней) и крайние (периферийные) северо-восточные пределы Золотоордынского государства. Хотя начало накопления археологических данных по вооружению населения Золотой Орды относится к концу XIX – началу XX в. [24; 29], полноценное изучение началось во второй половине XX в., в 1950–1970-е гг., и связано прежде всего с работами Г.А.Федорова-Давыдова [146; 148], А.Ф.Медведева [103; 104], Н.В.Малиновской [100] и отчасти А.Н.Кирпичникова [79]. Привлеченный ими большой археологический материал, анализ и классификация (отделы,

группы, типы) предметов вооружения средневековых кочевников, опыт проведенных изысканий (особенно Г.А.Федорова-Давыдова, А.Ф.Медведева) составили основу типологии оружейного комплекса, используемой до сих пор, отразились, например, на работах В.А.Иванова и В.А.Кригера [67; 68], занимающихся археологией позднесредневековых кочевников Южного Урала, и др.

В современной археологии евразийских степей древности и средневековья в последние десятилетия оформился специальный подраздел, который непосредственно проводит изучение военной истории по вещественным данным оружейно-материальной культуры (как правило, ее остаткам), получивший особое название – «военная археология». В рамках этой подотрасли археологической науки особенно интенсивно в последние годы развивается такое ее направление, как «археологическое оружиеведение». Оружиеведческие работы по исследованию кочевых обществ на территории Евразии, изданные в СССР во второй половине XX в. и в современной России в начале XXI века, несомненно, достигли значимых научных результатов по освоению ранее полученной информации и введению в научный оборот новых материальных артефактов военной культуры nomadov.

На протяжении многих лет успешно и результативно работает по монгольской и золотоордынской военной истории специалист по вооружению древних и средневековых кочевников Евразии М.В.Горелик [42–55]. Ему удалось представить организацию войска, выявить особенности военного искусства восточноазиатских киданей, монголов на территории Евразии, боевое снаряжение народов, входящих в состав Улуса Джучи (кыпчаки, булгары, асы, адыги и др.), подробно реконструировать средневековые оборонительные доспехи, военный костюм, оружие, защитный комплекс коней воинов, служивших в монгольских и золотоордынских армиях. В трудах данного автора, как правило, привлекается широкий круг содержательно-репрезентативных изобразительных источников: средневековые миниатюры Китая, Японии, Персии, Ближнего Востока, Руси, разнообразные военно-археологические материалы с огромной территории, музейные коллекции и частные собрания оружия, проводятся глубокие военно-этнографические параллели культурных достижений кочевых и оседлых народов. По существу именно эта сфера военного дела евразийских nomadov благодаря личному энтузиазму признанного российского исследователя стала одной из хорошо знакомых областей военной культуры имперских монголов и Золотой Орды и дает перспективную возможность реалистичной научно-исторической реконструкции защитных и наступательных боевых средств кочевых народов и далее. На сегодняшний день комплекс защитного вооружения и оружие ближнего боя монгольских и золотоордынских воинов XIII–XV вв. рассмотрены достаточно подробно в специальных работах прошлых лет и продолжает оставаться в фокусе взгляда ученых такого ранга.

Из разряда специальных оружиеведческих исследований нужно указать также на исследования и статьи неугомонного сибирского археолога и оружиеведа – Ю.С.Худякова [153–156], посвященные комплексу вооружения и военному искусству кочевников Центральной Азии и Сибири эпохи развитого средневековья. Сибирская школа оружиеведения при непосредственном участии и под руководством Ю.С.Худякова в последние годы достигла очень весомых научных достижений и как следствие – внушительное количество специальных монографий, сборников статей, учебных пособий по вооружению и военному делу кочевников Центральной Азии и других регионов Евразии. Огромный вклад, внесенный Ю.С.Худяковым при анализе и надежном понимании функциональных свойств оружейного набора ближнего и дистанционного боя и оборонительного вооружения кочевников монгольского периода, несомненен. Продуманная номенклатура элементов (понятийный аппарат), четкая классификационная схема и реконструированная им генеральная эволюция комплекса боевых средств кочевников Центральной Азии и смежных областей предоставляют хорошую практическую и теоретическую базу для адекватного и результативного постижения ключевых разделов истории военного дела в улусах Чингизидов и их наследников.

В рецензии и статьях А.Р.Артемяева рассматривались археологические находки из болгарских и древнерусских городов, разгромленных в ходе монгольских вторжений в 1236–1240 гг. Им неоднократно ставился вопрос о действительном наличии у монголов самостоятельного производства по изготовлению наступательных и оборонительных средств, подвергались критическому разбору методика и подходы других исследователей (Ю.С.Худякова, М.В.Горелика) [6–8].

Оружиеведческая проблематика военной истории Улуса Джучи с конца XX и начала XXI в. интенсивно разрабатывается по исключительно содержательным археологическим поздnekочевническим материалам Прикубанья, Северного Кавказа, Украины. Можно выделить работы: Ю.В.Зеленского [62; 63], В.Г.Блохина, А.Н.Дьяченко, А.С.Скрипкина [22], И.В.Волкова [32],

Е.И.Нарожного [109], Р.В.Прокофьева и В.В.Трубникова [119], Т.М.Потемкиной и Ю.А.Кулешова [118], В.Н.Чхаидзе и И.А.Дружининой [159] и мн. др. В 2000-е гг. конструктивно продолжены исследования золотоордынской панопии этого региона М.В.Гореликом [50; 52–55]. Довольно интересной является работа У.Ю.Кочкарова, посвященная оружию ближнего боя (сабли, копья, топоры, кинжалы, кистени) средневекового населения Северо-Западного Кавказа [87]. Азербайджанский археолог С.А.Ахмедов сделал сравнение военного снаряжения из погребений золотоордынских воинов в Закавказье с вооружением центральноазиатских кочевников [13]. Боевой инвентарь позднекочевнических курганов восточноевропейских степей разбирались Э.Е.Кравченко [89] и Ю.Я.Рассамакиным [120]. Массовый оружейный набор с Золотаревского поселения, предположительно разгромленного в ходе монгольского наступления на запад осенью 1237 г., интерпретировался Г.Н.Белорыбкиным [15], железные наконечники стрел с территории Волжской Булгарии золотоордынского времени классифицировались К.А.Руденко [123]. Предметы вооружения населения Алтая и Западной Сибири монгольского периода анализировались А.А.Тишкиным, В.В.Горбуновым, А.А.Казаковым [139; 140], А.И.Соловьевым [134].

В последние годы фиксируется дифференциация объекта исследовательского горизонта по отдельным видам оружия. Так, по саблям поздних кочевников Восточной Европы проведено большое типологическое исследование А.В.Евглевского и Т.И.Потемкиной [58]. По золотоордынским шлемам западных улусов опубликованы работы М.В.Горелика [50; 55], А.Е.Негина [112], Е.И.Нарожного [110]². Шлемами Алтая монгольского периода занимались В.В.Горбунов и А.Ю.Исупов [40], находкой уникального сузунского шлема – Ю.И.Ожередов и Ю.С.Худяков [113], боевыми наголовьями «цзиньского» типа и их распространением в западных улусах Чингизидов – Л.А.Бобров [20]. Ударное и защитное оружие средневековых народов Северного Кавказа – объект пристального интереса Е.И.Нарожного и Д.Ю.Чахкиева [108]. Навершие булавы из поволжских городов Золотой Орды давно в центре внимания А.А.Галкина [35; 36].

По диссертационным исследованиям В.В.Горбунова [41], И.А.Воронцова [33], А.В.Шлюшинского [161], А.В.Сальникова [125] прослеживается как тенденция в регионализации подхода, так и стремление углубить исследовательский кругозор в понимании собранных данных о кочевнической панопии. Работа И.А.Воронцова – пока единственная, напрямую посвященная военному делу Золотой Орды на примере вооружения поздних кочевников Нижневолжского района. Автор оперирует значительным массивом информированных источников, последовательно выделяет этапы развития военного дела и приходит к обоснованному заключению о синкретизме военной культуры Золотой Орды. Выделяя успехи представленного исследования, в то же время сложно согласиться с резюмируемыми выводами его концепции, в частности «о сокращении дистанции боя», «увеличении роли пехотных» частей, трудно доказуем выдвинутый тезис о «нукерстве» как основной части вооруженных сил золотоордынской армии [33, с. 20, 24–25]. Несмотря на эти замечания, он внес пласт свежих фактов в познание военного дела золотоордынских кочевников. А.В.Сальников обозначает Северный Кавказ как зону плотного взаимодействия восточного и западного военного дела и приходит к выводу о доминировании в военном арсенале воинов этого района наступательных средств центральноазиатского происхождения и автохтонном происхождении ударных средств, изготовленных в золотоордынских городах [125, с. 27].

В работах И.Л.Измайлова проанализированы развитие военного дела волжских булгар в раннезолотоордынский период [69], сражение между армией Тимур-Кутлука и Идегея и военной коалицией Витовта и Токтамыша на р. Ворскла 1399 г. [70]. В одной из последних своих работ он достаточно аргументированно доказывает сохранение местной домонгольской оружейной традиции Волжской Булгарии и ее влияние на военное дело Золотой Орды [71].

Каналам поступления предметов вооружения на территорию Золотой Орды и проблемам его местного производства посвящена специальная статья Ю.А.Кулешова [92], в которой на основе свидетельств большого массива письменных источников и литературы оспаривается точка зрения М.В.Горелика о сформировавшейся «имперской» оружейной культуре монгольской эпохи.

Следует заметить, что вопросы происхождения и этнокультурной атрибуции оружия и типология отдельных видов боевых средств являются до сих пор очень дискуссионными в военной археологии и оружейведении в целом. В контролируемых монгольскими завоевателями районах евразийского континента происходили неоднозначно трактуемые процессы культурного синтеза, в том

² См. также статью Ильюкова Л.С. и Лабунько Л.А в этом же издании, посвященную двум шлемам, хранящимся в Новочеркасском музее истории донского казачества [62].

числе и в сфере военного производства. После окончания агрессивных походов монголов XIII в. были устранены политические и экономические преграды домонгольского мира. Привнесенная монгольским военным нашествием военная культура кочевников – выходцев из глубинных районов континента – на западе евразийских степей находилась под разносторонним воздействием материальной культуры осваиваемого ареала. Военное дело евразийских номадов средневековья испытывало заметное влияние автохтонных оружейных ремесел оседло-земледельческой зоны и даже отдаленно расположенных производственно-экономических центров Азии и Европы с их традиционно развитой металлургической базой. Это могло происходить через торговлю, прямые военные поставки союзников, данничество, военную повинность вассалов, бытовой обмен. На огромной территории Золотой Орды (прежде всего это касается западной части) можно говорить о творческом сочетании ремесленных традиций изготовления оружия степных, переднеазиатских, иранских, болгарских, среднеазиатских, европейских и дальневосточных оружейников, появлении на этой основе, вполне возможно, самобытной местной военно-технической школы, широкой популярности наиболее известных копируемых аналогов или создании оригинальных образцов оружия, дальнейшей дифференциации (по регионам) оружейного комплекса. К тому же не надо забывать, что производство вооружения при благоприятно сложившихся обстоятельствах военно-политического и экономического характера относилось к наиболее динамичной и быстро осваиваемой области военной деятельности общества. История оружия показывает примеры сравнительно стремительного распространения передовых образцов вооружения, сопровождавшиеся закономерными процессами взаимовлияния, постоянным внедрением прогрессивных новаций в военном деле, в том числе и в смежных восточно-европейских областях эпохи развитого и позднего средневековья³.

Можно констатировать, что сейчас в научном сообществе наблюдается рост интереса специалистов к военной истории Золотой Орды и тюрко-монгольских кочевников евразийских степей в ракурсе крупных военно-исторических событий, что видно из работ И.М.Миргалеева [105; 106], Е.И.Сусенкова [137], Д.В.Чернышевского [158].

Завоевание и разгром Волжской Булгарии монголами является неизменной темой в историографии ученых Татарстана [149; 34]. Вопросам появления и употребления огнестрельного оружия у народов, населявших территорию Улуса Джучи, посвящены статьи Р.Ф.Шамгунова [160], Р.Ф.Набиева и Д.Габбасова [107]. Не отрицая наличия метательных машин (раннего огнестрельного оружия в том числе), тем не менее трудно принять полностью точку зрения авторов о «массовом применении» со второй половины XIV в. артиллерийских технологий в Золотоордынском государстве. Такой вывод, видимо, следует отнести к поздним тюрко-татарским ханствам, но не к Улусу Джучи XIII–XIV вв., и данный вопрос требует надлежащего прояснения и специального дальнейшего исследования.

Как видно, подавляющее большинство этих изысканий проведено специалистами, работавшими в области военной археологии. Стоит обратить внимание на то, что военное дело Золотой Орды только недавно стало предметом отдельного квалификационного исследования в науке, но в масштабах одного локального района. Отрадно, что в этом направлении археологического оружиеведения исследовательский поиск никогда не прекращался, а наоборот, наблюдаются углубление научно-теоретических подходов, расширение географического ареала изучения и хронологических рамок, включение ранее не известных материалов параллельно с совершенствованием практических методик, привлечение прикладных опытно-экспериментальных методов и приемов.

---

³ Уровень воздействия средневекового «татарского» (тюрко-монгольского) комплекса вооружения на военное дело соседних народов и на развитие древнерусского оружия, в частности, вполне очевиден и не вызывает глубоких сомнений. Это было давно хорошо известно дореволюционным российским историкам оружия. Об этом еще в XIX в. писали оружиеведы А.Ф.Вельтман [25; 26], Н.Е.Бранденбург [23]. Более того, П.П. фон Винклер вообще выделяет особо «монголо-татарский» период в истории русского оружия, который занимал довольно большой промежуток времени, начиная с XIII и до начала XVII века [30, с. 270–296], т.е. более трех веков. Популяризатор исторических знаний В.Д.Сиповский также пишет, что с XIV столетия «в военном деле многое заимствовано было у татар. Конский убор был тот же, что у татар» [122; с. 164–165] [выделено нами. – А.К.]. Современный историк русского оружиеведения Ю.В.Герасимов вполне объективно подчеркивает, что «насколько мощным было влияние тюркоязычных кочевников на развитие вооружения и военного дела Руси демонстрируют названия отдельных видов оружия» [38; с. 8–9] [выделено нами. – А.К.].

Казахстанская историография. Казахская историческая мысль середины XIX – первой четверти XX в. (Ч.Ч.Валиханов, Ш.Кудайберды-улы, М.Тынышпаев), отводя место монголам в истории Казахстана, сконцентрировалась главным образом на генеалогической истории казахского народа и родословии правящей династии Чингизидов в дашт-и-кыпчакских степях и улусах. Тем не менее уже в 1928 г. появилось небольшое сообщение М.Тынышпаева [143] в виде комментированной справки к заметке, приведенной в журнале «Экран», о наличии у монголов специальной машины, выпускающей удушливые газы на противника, и где объясняются внутривнутриполитические причины ухода монголов в 40-х гг. XIII в. из стран Центральной Европы. В 1935 г. были опубликованы переведенные и тематически сгруппированные материалы западных и восточных источников по монгольскому этапу истории средневекового Казахстана. В учебном пособии по «Истории Казахстана» профессора С.Д.Асфендиярова наряду с отрицательными последствиями монгольского нашествия указывается на тесные взаимосвязи оседло-земледельческих областей и кочевых районов, объединенных монголами, что способствовало расцвету торговли, безопасности и мирному сосуществованию в одном государстве обеих групп населения, а седентаризация кочевых масс, по его мысли, даже усилила оседлые народы [10, с. 77–84].

Новое качественное изучение «монгольского» (золотоордынского) периода произошло в 1960–1990-х гг. и связано с работами В.П.Юдина, Ю.А.Зуева, Б.Е.Кумекова, К.А.Пищулиной, С.М.Ахинжанова, М.Х.Абусеитовой, А.Ш.Кадырбаева. Эта историографическая традиция продолжена А.К.Муминовым, Ж.М.Тулибаевой, З.Кинаятулы, К.З.Ускенбаем. Заметное положение в общей истории изучения Золотой Орды принадлежит талантливому казахстанскому востоковеду В.П.Юдину, известному не только переводом и введением в научный оборот такого ценного источника, как «Чингиз-наме» [145], но и отдельной публикацией, затрагивающей особенности конно-лучной тактики даштских кочевников золотоордынского периода [162]. В своей последней работе большого концептуального характера [163] им были поставлены и досконально разобраны сложные задачи: проблема Орд на территории Евразии и политическая значимость крыльевых частей улусов Джучидов, военно-тактические единицы тюрко-монгольских народов, базирующиеся на десятичной системе, и числовые военные обозначения, трехкомпонентная военная организации кочевых племен⁴ и ряд других тем.

В казахстанской историографии преимущественно доминирует тематика, связанная с ведущей ролью родов и племен, проживавших на территории Казахстана, в этнической истории и этногенезе тюркских народов Евразии, династийно-генеалогической историей элитарных групп, общей этнополитической историей XIII–XV вв. восточного крыла (владений) Джучидов – именуемой у разных авторов как Ак Орда или Кок Орда⁵.

В монографии К.А.Пищулиной [114] с привлечением значительного количества оригинальных восточных (в основном персоязычных) источников охарактеризованы функционирование военно-административного аппарата, способы комплектования и численность войск, построение боевых порядков военных отрядов в сражениях в улусах Чингизидов XIV–XV вв. Южного и Юго-Восточного Казахстана и ханстве Абу-л-Хайра узбекского.

В научном творчестве А.Ш.Кадырбаева [74–76] специальные разделы посвящены роли воинских контингентов из числа тюркских и асских рекрутов, набранных с территории Золотой Орды и служивших в монгольской армии на Дальнем Востоке. Там же излагается историческое значе-

⁴ Изучением триальной структуры кочевников Центральной Азии, в том числе ее происхождением и военным значением, долгое время занимался Ю.А.Зуев [63; 64].

⁵ В российской историографии в основном преобладает мнение, согласно которому в отношении левокрыльных джучидских улусов используется как более приемлемое (адекватное) общее (политическое) название – Кок Орда. Среди казахстанских исследователей такого единого понимания нет. Так, К.А.Пищулина считает, что изначально Кок Орда находилась на востоке, но со временем в конце XIII в. при переносе столицы в Сыгнак политический центр улуса перемещается на Сырдарью. Именно с этими кардинальными изменениями, полагает она, на протяжении более полутора веков политическое обозначение данного государственного образования изменялось несколько раз: «Кок Орда – Ак Орда – Узбекский улус» [73, с. 79, 89, 114]. Тем самым, автор «как бы» нашла удобный компромисс в длительном противостоянии этих двух взаимоисключающих точек зрения. Пожалуй, это пока одно из лучших объяснений сравнительно непростой истории левого крыла Джучидов, но в этом направлении необходимо, с нашей точки зрения, провести дальнейший проблемно-исследовательский поиск, т.к. тот объем имеющихся знаний об этнополитической истории этого периода недостаточен для полноценной концептуальной реконструкции происходивших событий в этом важном регионе Улуса Джучи.

ние тюркских и монголизированных племен: кыпчаков, канглов, уйгуров, найманов, джалаилов, киреитов, онгутов, а также асов-алан в качестве внешней силы (орудие господства и подавления) в монгольской системе владычества в Китае, Иране, Передней Азии и на Ближнем Востоке, например, такой полиэтнической группы, как «сэму» в Юаньской империи.

Источниковедческие проблемы персоязычных сочинений монгольского периода, в частности, «Тарих'-и Джахангушай» и тюркоязычных источников [145] сосредоточены в работах М.Х.Абусеитовой [2; 3; 4], введение которых в научный оборот имеет теоретическое и прикладное значение в казахстанских историко-источниковедческих исследованиях, а также для более точной верификации и интерпретации военной истории улусов Джучидов. Как справедливо отмечено казахстанскими востоковедами, «выявленные новые сведения из восточных письменных источников сделали возможным рассмотрение неисследованных сторон жизни Улуса Джучи» [4, с. 6], в том числе и в военной сфере.

Создание улусной системы на захваченной монголами территории Восточного Дашт-и-Кыпчака и генеральная динамика развития военно-политической ситуации в левой стороне Джучидской державы XIII – первой четверти XV в. представлены в диссертации К.З.Ускенбая [117]. В последнее время растет интерес к военной истории монгольской эпохи, что видно из публикаций М.Ж.Абдирова, А.Жунусова о военной технике монголов [1] и Ж.М.Сабитова о численности монгольской армии в семилетней военной кампании Чингизидов [124].

Этнокультурную атрибуцию и описание материала из степных (кыпчакских) захоронений, в том числе и найденного оружия, датируемых рубежом XIII–XIV вв., можно увидеть в работах казахстанских археологов второй половины XX в., среди которых надо указать И.В.Синицына [133], А.Х.Маргулана [101], А.Г.Максимову [99], М.К.Кадырбаева и Р.З.Бурнашеву [77], Г.К.Кокебаеву [82], А.А.Бисембаева [19]. Проявил интерес к выяснению места и года первого боевого столкновения между армией хорезмийцев и вторгнувшимися монголами на землях Дашт-и-Кыпчака, а также к военным событиям начала монгольской экспансии на запад и используемым монголами военно-дипломатическим хитростям в борьбе с автохтонными кыпчакскими племенами С.М.Ахинжанов [11; 12].

Сейчас исследования материального инвентаря интересующих памятников золотоордынской эпохи проводились К.А.Акишевым и ведутся М.Х.Хабдулиной на недавно открытом городище Бозок на левом берегу реки Ишим под Астаной [5], предварительные результаты которых изданы в сборнике статей [21]. Во всех перечисленных выше работах отдельный оружиеведческий анализ не проводился. Пока можно констатировать, что в Казахстане нет специалистов, которые бы целенаправленно занимались военной археологией средневековых кочевнических древностей.

Западная историография. Впервые обращение к историческому опыту развития древнего военного искусства было предпринято в Западной Европе только в XVIII в. и продолжено впоследствии. Поэтому исследование военного дела монголов началось лишь в XIX в. в некоторых европейских странах (Франция, Германия). В середине XVIII в. вышло в свет первое сборное сочинение по истории гуннов, тюрков, монголов «и прочих западных татар» Ж.Дегиня [168], третья часть которого непосредственно связана с интересующим периодом. Из исследований западных ученых, имеющих прямое отношение к теме, нужно отметить книгу К.Д'Оссона [57], последовательно излагающего военно-политическую историю монголов, показывающего историческую роль Чингиз-хана. В эти же годы подготовлен первый специальный труд по Золотой Орде, принадлежащий австрийскому востоковеду Й.Хаммер фон Пургшталью [171], ставший отправным началом длительного изучения истории и политического устройства Улуса Джучи, но одновременно получивший жесткую критику со стороны российских историков. Следующая общая работа, относящаяся ко второй половине XIX в., была издана английским историком Г.Ховорсом – «История монголов» [172; 173], в которой представляют интерес две первые части, апологизирующие войны Чингиз-хана и освещающие генеральную канву политических событий в империи монголов и Золотой Орде.

Как только завершилась Первая мировая война, в начале 1920-х гг. вышла обзорная статья французского военного историка Анри Мореля в журнале «Французское военное обозрение» о стратегических кампаниях монголов XIII столетия. В 1927 г. капитан английской армии и известный военный теоретик Лиддел Гарт в своей работе о великих военачальниках прошлого уделил особое внимание Чингиз-хану и Субэдэю, которая рекомендована британским Генштабом «для изучения офицерам механизированной бригады». В 1930-е гг. начальник эскадрона К.К.Волкер

напечатал серию статей о военной деятельности Чингиз-хана, вышедшую в скомпонованной форме в 1939 г. как отдельная монография о монгольском полководце. Германский автор Альфред Павликовски-Чолев издал в 1937 г. отдельное исследование по военной организации и тактике монгольской конницы в приложении журнала «Дойче кавалери цайтунг». Американец Уильям А.Митчел в «Очерке всемирной военной истории», появившемся в 1940 г., дал характеристику военному вкладу Чингиз-хана в военное искусство [27, с. 125–126]. В этот период интерес к военной тактике и стратегии монголов наблюдается преимущественно среди профессиональных военных, таких, например, как французский подполковник Рэнк [см.: 151, с. 80, 84, 140, 142].

К монгольской военной тактике обращался такой исследователь, как английский публицист Г.Лэмб [98]. Историографическим событием первой половины XX в. считается единое концептуальное исследование евразийской истории монгольской эпохи, включая и военное дело кочевников Срединной Азии, французского ориенталиста Р.Груссе, впервые выпущенное в 1938 г. и выдержавшее несколько переизданий [169]. После прихода в Германии к власти национал-социалистов к середине 1930-х гг. стали выходить политизированные популярно-публицистическиеopus М.Правдина [176; 177] о завоеваниях монголов и Чингиз-хана, относившие его к гениальным личностям, создавшим в «диких степях» Азии из огромной массы кочевников могучую военную державу. Накануне и в годы Второй мировой войны в нацистской печати, «зараженной острофобией», монгольская военно-историческая тематика неизменно присутствует в немецкой историографии, о чем свидетельствуют публикуемые статьи Ф.Таубица [178], Л.Петри [174], Х.Аубэн [165], освещающие знаменитую битву под Лигницей 1241 г., где германский народ показан как избавитель от «восточной угрозы». Несмотря на такой «идеологический крен», одной из самых удачных зарубежных работ по Золотой Орде следует считать книгу немецкого востоковеда Бертольда Шпулера [181], впервые выпущенную в 1943 г. и развенчавшую миф о «татарском иге» на Руси, доказательно объяснявшей, что история русских княжеств XIII–XIV вв. – это органичная часть золотоордынской истории. Б.Шпулер постарался охарактеризовать не только внешнюю и внутреннюю политику, государственное правление и административный режим, но и военное дело Золотой Орды.

Если резюмировать работы немецких исследователей XX в., то отчетливо видно превалирование тем, связанных с западными походами монголов, судьбоносные битвы на Калке и при Лигнице, причины и обстоятельства поражения русских и соседних восточноевропейских народов, численность войск завоевателей, военно-политическая оценка «монгольского штурма» Европы, причины приостановки военной экспансии монгольских полководцев к середине XIII столетия. Вполне академический интерес западных ученых к монгольской военной экспансии, как это не странно, проявился практически среди военных кругов.

Во время войны нацистский генерал-фельдмаршал Э.Роммель (как известно, за свои военные акции в Северной Африке 1942 г. получивший прозвище – «*Лис пустыни*») специально интересовался тактическими операциями монголов и использовал эти знания при планировании своих военных действий. Военный опыт средневековых монгольских армий привлек внимание и американского генерала Дж. Паттона.

Приметной работой западной историографии по военной истории, в которой затрагивается и рассматривается комплекс оборонительных средств средневековых воинов, в том числе и проблемы монгольского защитного вооружения, является исследование Б.Тордемана [179]. В основу анализа ученого были положены остатки вооружения, обнаруженные в ходе работы археологической экспедиции на острове Готланд, недалеко от поселения Висби, где в 1362 г. разыгралось ожесточенное сражение в борьбе за датскую корону. Глубокие изыскания Б.Тордемана и методика реконструкции деталей оборонительного вооружения показали, что генезис составных компонентов европейского оружия тесно связан по происхождению с восточными странами, где есть такие аналоги. Устоявшееся мнение о примитивности монгольской (центральноазиатской) оружейной панолии было опровергнуто и в работе Х.Робинсона [121].

Среди работ, изданных за рубежом по Золотой Орде, необходимо выделить монографию яркого деятеля русского евразийства Г.В.Вернадского «Монголы и Русь» [27], написанную на английском языке в 1953 г. и переизданную на русском. Здесь затронуты все основные аспекты создания Монгольской империи: завоевания, военно-административное управление захваченными землями, армия и военное искусство, показана внутренняя история Золотой Орды, военно-политические и социальные вопросы русско-ордынских взаимоотношений, уровень и степень влияния монголов на Русь и ее последствия. Г.В.Вернадский, сделав краткий обзор изданной во-

енной литературы о монгольской армии и ее завоеваниях, вышедшей в XIX–XX вв., констатировал, что «монгольский принцип мобильности и агрессивной силы кажется все еще правильным, несмотря на все различие между миром кочевников и современным миром технологической революции» [27, с. 126]. Эволюция исторических взглядов Г.В.Вернадского и корректировка его представлений русско-монгольских отношений звучит в произведениях Ч.Дж.Гальперина [37].

Знаменитый английский военный историк и теоретик Лиддел Г. особо подчеркнул в своемopusе: «Наилучший пример стратегии в период средних веков показал не Запад, а Восток... благодаря поразительному уроку в области стратегии, преподанному монголами европейскому рыцарству. По масштабам и искусству проведения, по внезапности и подвижности, по стратегическому и тактическому использованию не прямых действий военные кампании монголов не уступают любым кампаниям, имевшим место в прошлом, и даже превосходят их» [97, с. 86]. В этом плане показательно, что стратегия и тактика средневековых монгольских армий притягивают взгляд не только военных историков, но и являются предметом преподавания в таких знаменитых военно-учебных заведениях мира, как французский Сен-Сир, американский Вест Пойнт. В работах англоязычных исследователей, таких как Дж. Саундерс [180], Л. де Хартог [170], Т.Т.Оллсен [164], Д.С.Бенсон [166], Д.Райт [182], проживающих преимущественно в США и Европе, военная история монголов нашла дальнейшее отражение и рассматривается на масштабном историческом фоне средневековья.

Военное дело монголов внимательно анализируется современными американскими военными экспертами, которые пришли к такому мнению, что монгольская военная машина XIII в. – это была вооруженная сила, не укладывающаяся в классическую военную стратегию стран Запада, но которая в развитии оперативного искусства далеко опередила свое время, – заключает Дана Питтард [175, р. 38–40]. Дж. Чамберс считает, что монгольская армия была близка по боевым характеристикам к вооруженным силам XX в. [167, р. 51]. Думается, такая высокая отметка средневекового монгольского (если шире степного, евразийского) военного искусства имеет под собой вполне адекватные исторические реалии.

Как видно из нашего общего обзора историографии истории военного дела Золотой Орды, в археологической науке и востоковедной литературе существует сложившийся интерес к военному прошлому позднесредневековых евразийских кочевников. Одновременно стоит указать, что единых теоретических и практических подходов (отсюда и общих концептуальных оценок) к военной истории тюрко-монгольских государств у специалистов до сих пор не сложилось. Изучение военного дела Золотой Орды и входящих в ее состав народов, на наш взгляд, имеет как научно-познавательную значимость, так и дает возможность понять и осмыслить цивилизационные и этнокультурные феномены кочевников с их специфической системой государственности.

При ознакомлении с имеющейся литературой по военному делу кочевников можно констатировать, что на данный момент военно-историческая проблематика изучения Улуса Джучи наиболее энергично разрабатывается преимущественно археологами, оружейоведами и поэтому носит ярко выраженный материально-вещественный (артефактно-технический) характер. В этой связи, чтобы это направление получило новое качественное наполнение в современном джучиведении, есть необходимость систематизировать и объединить полученные многолетние практические результаты, теоретические наработки всей совокупности накопленной исторической информации по военному делу кочевников золотоордынского периода. Не менее важна и необходима популяризация военно-исторических знаний. Поэтому своевременность научного осмысления военного дела монгольской эпохи и Золотой Орды представляется вполне очевидным как в историко-познавательной части, так и в прикладной значимости.

1. Абдиров М.Ж., Жунусов А. Военная техника монгольской армии эпохи Чингис-хана и его преемников // «Алаш» тарихи-этнологиялық ғылыми журналы. 2007. № 1–2.

2. Абусеитова М.Х. «Тарих»-и Джахангушай» Джувайни как источник по истории Казахстана // Валихановские чтения. – Кокшетау, 1992.

3. Абусеитова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII–XVIII вв. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

4. Абусеитова М.Х., Тулибаева Ж.М. Введение // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т. II) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Пер. и доп. подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х.Абусеитовой и Ж.М.Тулибаевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

5. Акишев К.А., Хабдулина М.К. Из средневековой истории города Астаны // Музеи Казахстана. 2004. № 1.
6. Артемьев А.Р. Новые работы о татаро-монгольском вооружении // Советская археология. 1989. № 4.
7. Артемьев А.Р. Вооружение татаро-монгольских воинов в походе на Волжскую Булгарию и Русь в 1236–1242 гг. // 100 лет гуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. – Улан-Удэ, 1996.
8. Артемьев А.Р. Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. // Восточная Европа в средневековье: к 80-летию Валентина Васильевича Седова. – М., 2004.
9. Астайкин А.А. Летописи о вторжениях на Русь: 1223–1480 гг. // Мир Льва Гумилева. Арабские истории. Вып. 3–4: Русский разлив. В 2-х т. Т. I. – М.: «ДИ ДИК Танаис», 1996.
10. Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). 2-е изд. / Под ред. проф. А.С.Такенова: Учебное пособие. – Алма-Ата: Казак университеті, 1993.
11. Ахинжанов С.М. Хорезм и Дашт-и-Кыпчак в начале XIII в. (о месте первого сражения армии хорезмшаха с монголами) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989.
12. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989.
13. Ахмедов С.А. Погребения монгольских воинов из Мингечаура и защитный вал Абага-хана как неизученный аспект истории войн Золотой Орды и государства Ильханов // Золотоордынская цивилизация: Сборник статей. Вып. 2. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009.
14. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. – М.: Восточная литература, 1963. Т. I.
15. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. – СПб.: Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001.
16. Березин И.Н. Тарханские ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея (введ., переп., пер. и примеч.). – Казань, 1851.
17. Березин И.Н. Нашествие Батыя на Россию // Министерства народного просвещения. Ч. LXXXVI. – СПб., 1855.
18. Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // Труды Восточного отделения Археологического общества. Ч. VIII. – СПб., 1864.
19. Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). – Уральск, 2003.
20. Бобров Л.А. Шлемы «цзиньского» типа: конструктивные особенности и вопросы эволюции // История и культура Улуса Джучи / Ин-т истории АН РТ. 2006. Бартольд Шпулер. «Золотая Орда»: традиции изучения и современность / Отв. ред. И.А.Гилязов, И.Л.Измайлов. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2007.
21. Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара. – Астана: ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, 2009.
22. Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани: Сборник научных трудов. – Краснодар, 2003.
23. Бранденбург Н.Е. О влиянии монгольского владычества на древнее русское оружие // Оружейный сборник. № 1–4. – СПб., 1871.
24. Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок 1888–1902. – СПб., 1908.
25. Вельтман А.Ф. Московская оружейная палата. – М., 1844.
26. Вельтман А.Ф. Московская оружейная палата. – М., 1860.
27. Вернадский Г.В. Монголы и Русь / Пер. с англ. Е.П.Беренштейна, Б.Л.Губмана, О.В.Строгановой. – Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1999.
28. Веселовский Н.И. Свистящие стрелы // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 30. – СПб., 1909.
29. Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время // Записки Российской академии наук. Сер. VIII. Т. XIII. № 6. – Петроград, 1922.
30. Винклер фон П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. – М.: Менатеп, Наука, 1992.
31. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934.
32. Волков И.В. О происхождении «монгольского» способа стрельбы из лука // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. – Армавир, 2003.
33. Воронцов И.А. Организация военного дела Золотой Орды (по материалам Нижнего Поволжья) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 2006.
34. Гагин И.А. Булгаро-монгольские войны первой половины XIII в. (по материалам персидских и арабских нарративных источников) // http://www.i-gagin.ru/content_art-18.html
35. Галкин Л.Л. Булава из Нового Сарая // Советская археология. 1963. № 4.

36. Галкин Л.Л. Две булавы из городов Улуса Джучи // История и культура Улуса Джучи / Ин-т истории АН РТ. 2006. Бертольд Шпулер. «Золотая Орда»: традиции изучения и современность / Отв. ред. И.А.Гилязов, И.Л.Измайлов. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2007.
37. Гальперин Ч. Дж. «Россия и Степь: Георгий Вернадский и евразийство». Ч. I. «Россия и Золотая Орда. Вклад монголов в средневековую русскую историю». Ч. II / Пер. с англ. Д.М.Костиной / Сост. М.К.Койгелдиев // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. – Алматы: Санат, 2005.
38. Герасимов Ю.В. Оружиеведение в отечественной археологии: история и механизмы формирования научного направления: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2005.
39. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Вооружение населения лесостепного Алтая в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб., 1998.
40. Горбунов В.В., Исупов С.Ю. Монгольские шлемы с территории Алтая // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий: Сборник научных трудов / Под ред. В.В.Горбунова, А.А.Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
41. Горбунов В.В. Военное дело средневекового населения Алтая (III–XIV вв. н.э.) // Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2006.
42. Горелик М.В. Средневековый монгольский доспех // Олон Улсын монголч Эрдэмтний III Их хурал. – Улаанбаатар, 1979. Бот. III.
43. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
44. Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987.
45. Горелик М.В., Фомичев Н.М. Рыцарские доспехи XIV века из Азова // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. – Ростов-на-Дону, 1989.
46. Горелик М.В., Дорофеев В.В. Погребение золотоордынского воина у с. Таборовка // Проблемы военной истории народов Востока (бюллетень Комиссии по военной истории народов Востока). Вып. II. – М., 1990.
47. Горелик М.В. Степной бой // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990.
48. Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. – Пенза, 2001.
49. Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. – М.: ООО «Восточный горизонт», 2002.
50. Горелик М.В. Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела // Степи Европы в эпоху средневековья. Половецко-золотоордынское время: Сборник научных работ. Т. III. – Донецк: ДонНУ, 2003.
51. Горелик М.В. Халха – Калкан (монгольский щит и его дериваты) // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии / Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии» / Под ред. А.А.Бурханова. Вып. 4. – Казань: Изд-во «Фэн», 2004.
52. Горелик М.В. Золотоордынские латники Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа: Межд. российско-украинский сборник научных трудов. Вып. 9. – Армавир, 2008.
53. Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. – Нальчик, 2008.
54. Горелик М.В. Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV веках: традиции имперской культуры // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.). 17 марта 2009 г. Сб. статей. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009.
55. Горелик М.В. Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний // Степи Европы в эпоху средневековья. Золотоордынское время. Сб. научн. работ. Т. 8. – Донецк: ДонНУ, 2010.
56. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
57. Д'Оссон К. От Чингисхана до Тамерлана / Пер. и предисл. проф. Н.Козьмина. 2-е изд. – Алматы: Санат, 1996.
58. Евлевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья: Сборник научных работ. Т. I. – Донецк: ДонНУ, 2000.
59. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1985.
60. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. – Новосибирск: Наука, 1991.
61. Жаргалов Д. Облавные охоты до и после Чингисхана. – Иркутск: Имя, 1996.
62. Зеленский Ю.В. Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья // Историко-археологический альманах. Вып. 3. – Армавир; М., 1997.
63. Зеленский Ю.В. Поножи из половецкого погребения в степном Прикубанье // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. Вып. 1. – М.: Квадрига, 2008.

64. Зуев Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (к вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1981.
65. Зуев Ю.А. О формах этносоциальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: Пестрая Орда, Сотня (сравнительно-типологическое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья): Сборник статей. – Алматы, 1998.
66. Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. – СПб., 1875.
67. Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987.
68. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). – М.: Наука, 1988.
69. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань; Магадан, 1997.
70. Измайлов И. Битва на Ворскле. 1399. Звездный час эмира Идегея // Цейхгауз. 1994. № 3 (1).
71. Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008.
72. Илюков Л.С., Лабунько Л.А. Два шлема из Новочеркасского музея истории донского казачества // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. Вып. 1. – М.: Квадрига, 2008.
73. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5 т. Т. II. – Алматы: Атамұра, 1997.
74. Кадырбаев А.Ш. Тюрки в Монгольской империи Чингисхана и его преемников. XIII–XIV века. Научно-аналитический обзор. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989.
75. Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. – Алма-Ата: Ғылым, 1990.
76. Кадырбаев А.Ш. За пределами Великой Степи. – Алматы: Демей, 1997.
77. Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З. Погребение кыпчака первой половины XIV в. из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1970.
78. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. – М.: Высшая школа, 1967.
79. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. – Л.: Наука, 1976.
80. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992.
81. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. 3-е изд., исправ. и доп. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2009.
82. Кокебаева Г.К. Памятники поздних кочевников Западного Казахстана // История материальной культуры Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1980.
83. Костюков В.П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1.
84. Костюков В.П. «Железные псы» Батуидов (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 1.
85. Костюков В.П. Иранский поход Хулагу: предыстория // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2009. № 1 (23).
86. Костюков В.П. Несколько замечаний к походу Тимура 1391 г. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009 б. № 2.
87. Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). – М.: ТАУС, 2008.
88. Кошечев В.Б. Еще раз о численности монгольского войска в 1237 году // Вопросы истории. 1993. № 10.
89. Кравченко Э.Е. Погребение знатного воина XIII в. на реке Калка // Степи Европы в эпоху средневековья. Половецко-золотоордынское время: Сборник научных работ. Т. III. – Донецк: ДонНУ, 2003.
90. Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). – Владивосток, 1992.
91. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. – М.: Восточная литература, 2006.
92. Кулешов Ю.А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация: Сборник статей. Вып. 3. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010.
93. Кун В.Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии // Ученые записки Ташкентского пед. ин-та им. Низами. Сер. обществ. наук. 1947. Вып. 2.
94. Кычанов Е.И. Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников) // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». – М.: Наука; Издат. фирма «Восточная литература», 1993.
95. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1997.

96. *Кычанов Е.И.* Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниково-ведение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2001.
97. *Лиддел Г.Б.* Энциклопедия военного искусства. Стратегия непрямых действий. – М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 1999.
98. *Лэмб Г.* Чингисхан. Властелин мира / Пер. с англ. Л.А.Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005.
99. *Максимова А.Г.* Погребение воина XIV в. // Вестник Академии наук КазССР. 1965. № 6.
100. *Малиновская Н.В.* Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974.
101. *Маргулан А.Х.* Раскопки погребения воина XIV в. в долине реки Нура // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. VII. – Алма-Ата, 1959.
102. *Марков М.И.* История конницы. Тверь: Типо-Литография Ф.С.Муравьева. Ч. II. – СПб., 1886.
103. *Медведев А.Ф.* Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // Советская археология. 1966. № 2.
104. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1-36. – М.: Наука, 1966.
105. *Миргалеев И.М.* Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. – Казань: Институт истории АН РТ, 2003.
106. *Миргалеев И.М.* Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. – Казань: Институт истории АН РТ, 2007.
107. *Набиев Р.Ф., Габбасов Д.* Артиллерия империи Джучидов // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г.: Сборник статей. Вып. 1. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009.
108. *Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.* О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. – Армавир, 2003.
109. *Нарожный Е.И.* Средневековые кочевники Северного Кавказа (некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). – Армавир: АГПУ, 2005.
110. *Нарожный Е.И.* О некоторых средневековых шлемах с территории Северного Кавказа // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. – М.: Квадрига, 2008.
111. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
112. *Негин А.Е.* Об одном типе золотоордынских шлемов // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии / Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии» / Под ред. А.А.Бурханова. Вып. 4. – Казань: Изд-во «Фэн», 2004.
113. *Ожередов Ю.И., Худяков Ю.С.* Сузунский шлем // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29).
114. *Пищулина К.А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1977.
115. *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Евразия, 2007.
116. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. – СПб.: Евразия, 2010.
117. *Почекаев Р.Ю.* Русские войска в золотоордынских военных кампаниях (к вопросу о статусе вассальных правителей в государствах Чингизидов) // Золотоордынская цивилизация: Сборник статей. Вып. 3. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010.
118. *Потемкина Т.М., Кулешов Ю.А.* Погребения восточноевропейских средневековых кочевников с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья. Золотоордынское время. Сб. научн. работ. Т. 8. – Донецк: ДонНУ, 2010.
119. *Прокофьев Р.В., Трубников В.В.* Позднекочевническое погребение у Ростова-на-Дону // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. – М.: Квадрига, 2008.
120. *Рассамакин Ю.Я.* Погребение знатного кочевника на реке Молочной: опыт реконструкции вещевого комплекса // Степи Европы в эпоху средневековья. Половецко-золотоордынское время: Сборник научных работ. Т. III. – Донецк: ДонНУ, 2003.
121. *Робинсон Р.* Доспехи народов Востока. История оборонительного вооружения / Пер. с англ. С.Федорова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.
122. *Родная старина: Отечественная история в рассказах и картинах. (С IX по XVI ст.)* / Сост. В.Д.Сиповский. 2-е изд. – М.: Современник, 1992.

123. Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. – Казань: Изд-во «Закон», 2003.
124. Сабитов Ж.М. О численности монгольской армии в Западном походе (1235–1242 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2010. № 1.
125. Сальников А.В. Эволюция вооружения северокавказского воина XIII–XV веков под влиянием центрально-азиатского и европейского военного дела: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2008.
126. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // Ученые записки Мордовского гос. университета. – Саранск: Мордовское книж. изд-во, 1960. Вып. 9.
127. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. В 2-х т. 2-е изд. Т. I. – М.: Академический Проект; Жуковский: Кучково поле, 2002.
128. Селезнев Ю.В. Ногай – полководец и политик Золотой Орды (исторический портрет) // Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 3 / Науч. ред. А.И.Филошкин. – Воронеж: ВГУ, 2000.
129. Селезнев Ю.В. Политик и полководец Золотой Орды Идигу (Едигей) (исторический портрет) // Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 4 / Науч. ред. А.И.Филошкин. – Воронеж: ВГУ, 2001.
130. Селезнев Ю.В. Золотоордынские военачальники XIV – начала XV в. и их родственные связи // Золотоордынская цивилизация: Сборник статей. Вып. 2. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009.
131. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009.
132. Селезнев Ю.В. Русско-ордынские военные конфликты XIII–XV веков. Справочник. – М.: Квадрига, 2010.
133. Синицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1956. Т. 1.
134. Соловьев А.И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003.
135. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001.
136. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М.: АСТ, 2006.
137. Сусенков Е.И. Русско-монгольская война (1237–1241 гг.) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2004.
138. Татаро-монголы в Азии и Европе / Ответ. ред. член-корр. АН СССР С.Л.Тихвинский. – М.: ГРВЛ, Наука, 1977.
139. Тишкин А.А. Предметы вооружения монгольского времени из окрестностей Бийска // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий: Сборник научных трудов / Под ред. В.В.Горбунова, А.А.Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
140. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
141. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. – М.: Наука. Издат. фирма «Восточная литература», 1993.
142. Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. – М.: Квадрига, 2010.
143. Тынышпаев М. Газовая война у монголов в XIII веке // История казахского народа / Сост. и автор. предис. проф. А.С. Такенов и Б. Байгалиев. – Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993.
144. Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в составе Улуса Джучи в XIII – первой трети XV века. Аспекты политической истории Ак-Орды // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2003.
145. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транскрип., текстолог. примеч., исслед. В.П.Юдина. Подготов. к изд. Ю.Г. Барановой. Комментар. и указат. М.Х.Абусеитовой. – Алма-Ата: Гылым, 1992.
146. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.: Изд-во МГУ, 1966.
147. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во МГУ, 1973.
148. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. – М.: Изд-во МГУ, 2001.
149. Халлиулин И.Х. О монгольском походе 1232 года на Волжскую Булгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х.Халиков. – Казань, 1988.
150. Хамарханов А.З. О культуре и быте монгольских народов в труде Н.Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов (Сборник статей). – Улан-Удэ, 1988.
151. Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV веков. – Алма-Ата: КРАМДС-Ахмед Яссауи, 1992.
152. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005.
153. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991.
154. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997.

155. Худяков Ю.С. Защитное вооружение номадов Центральной Азии / Под ред. В.Е.Медведева. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003.
156. Худяков Ю.С. Вооружение кочевого населения северо-восточных районов Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация: Сборник статей. Вып. 2. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009.
157. Чернышевский Д.В. «Приидоша бесчисленны, яко призи...» // Вопросы истории. 1989. № 2.
158. Чернышевский Д.В. Русские союзники монголо-татар // Проблемы истории российской цивилизации. – Саратов: Научная книга, 2004.
159. Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Погребение кочевника XIII – 1-й пол. XIV в. у села Лосево в Степном Прикубанье // Степи Европы в эпоху средневековья. Золотоордынское время. Сб. научн. работ. Т. 8. – Донецк: ДонНУ, 2010.
160. Шамгунов Р.Ф. Об использовании ручного огнестрельного оружия в Улусе Джучи (последняя треть XIV – I половина XVI в.) // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии / Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии» / Под ред. А.А.Бурханова. Вып. 4. – Казань: Изд-во «Фэн», 2004.
161. Шлюшинский А.В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири XIII–XVI вв. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2007.
162. Юдин В.П. Неизвестная версия гибели Урус-хана (из политической истории Восточного Дашт-и-Кыпчака XIV в.) // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., перевод, транскрип., текстолог. примеч., исслед. В.П.Юдина. Подготов. к изд. Ю.Г.Барановой. Комментар. и указат. М.Х.Абусеитовой. – Алма-Ата: Гылым, 1992.
163. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. «Чингиз-наме». Факсим., пер., транскрип., текстолог. прим., исслед. В.П.Юдина. Подготов. к изд. Ю.Г.Барановой. Комментар. и указат. М.Х.Абусеитовой. – Алма-Ата: Гылым, 1992.
164. Allsen Th.T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237 // Archivum Eurasiae medii aevi. 1983. № 3.
165. Aubin H. Die Schlacht auf der Wahlstatt bei Liegnitz am 9. April 1241. – Breslau, 1942. – 28 s.
166. Benson D.S. Six emperors: Mongolian Aggression in the Thirteenth Century. – Chicago, 1995.
167. Chambers J. Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. – New-York: Atheneum, 1979.
168. Deguignes J. Histoire generale des Huns, des Mogols et des autres Tartares Occidentaux. – Paris, 1757. Т. III.
169. Grousset R. L'Empire des Steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan. – Paris: Editions Payot, 1965.
170. de Hartog L. The army of Genghis khan // Army Quarterly and Defence Journal. Vol. 109. 1979.
171. Hammer-Purgstall, J. von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth, 1840.
172. Howorth H.H. History of the Mongols from the 9th to the 19th Century: Part I. The Mongols proper and the Kalmuks. – London, 1876.
173. Howorth H.H. History of the Mongols from the 9th to the 19th Century: Part II. The So-called Tartars of Russia and Central Asia. Division I. – London, 1880.
174. Petry L. 1241: Schlesien und der Mongolensturm. – Breslau, 1938.
175. Pittard Dana J.M. 13th Century Mongol Warfare: Classical Military Strategy of Operational Art? / School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College Fort Leavenworth. – Kansas, 1994.
176. Prawdin M. Tschingis-Chan. Der Sturm aus Asien. – Stuttgart-B., 1934.
177. Prawdin M. Das Erbe Tschingis-Chans. – Stuttgart-B., 1935.
178. Taubiz F. Die Mongolenschlacht bei Wahlstatt am 9. April 1241 // Schlesische Geschichtsblätter. Mitteilungen des Vereins für Geschichte Schlesiens. № 3. – Breslau, 1931.
179. Thordeman B. Armour from the Battle of Wisby 1361. – Stockholm, 1939. Vol. 1.
180. Saunders J.J. The History of the Mongol Conquests. – New-York, 1971.
181. Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223–1502. 2. erweiterte Auflage. – Wiesbaden, 1965.
182. Wright D.C. The Mongol General Bayan and the Massacre of Changzhou, 1275 // Altaica VII. Institute of Oriental Studies. – Moscow: Akademiya Nauk, 2002.

Войско Улуса Джучи во второй половине XIII – XV вв.: структура командования, способ комплектования, численность и рода войск

Историографическая ситуация. Военное дело Улуса Джучи имеет длительную и весьма обширную историографическую традицию в мировой и отечественной науке. Особо следует выделить труды российских военных историков и в первую очередь М.И.Иванина [7]. Хотя собственно военному делу Золотой Орды он уделил не так много места, многие положения, которые он развивал в своей работе, относятся и к военному делу средневековых татар. В качестве слабого места его работы следует отметить представление о том, что основной контингент войск Чингиз-хана и Тимура составляла легковооруженная конница, что негативно повлияло на его выводы о тактике боя.

Отдельные замечания и важные наблюдения о военном деле средневековых тюркских народов Центральной Азии сделали отечественные востоковеды – И.Н.Березин, В.В.Бартольд, Б.Я.Владимирцов и др. Долгое время изучение данной темы протекало в пределах классического востоковедения и основывалось на анализе сообщений арабо-персидских сочинений. Однако, к сожалению, сами сюжеты, затрагиваемые в этих работах, не предполагали больших обобщений и касались конкретных эпизодов истории различных войн и походов.

Более развернутые характеристики военного дела Золотой Орды предпринимались историками (В.Т.Пашуто, А.Н.Насонов, Б.Д.Греков, В.В.Каргалов и др.) и археологами (А.В.Арциховский, Б.Н.Рыбаков, А.Ф.Медведев, А.Н.Кирпичников и др.) – специалистами по средневековой Руси. В них было немало точных наблюдений по поводу стратегии и тактики боя, построения войск и использования оружия. Разумеется, все они рассматривали военное дело Золотой Орды в качестве незначительного сюжета на фоне русской истории и как некоего негативного отражения русского вооружения и военной тактики.

По мере развертывания археологических исследований, в основном трудами Г.А.Федорова-Давыдова, В.П.Егорова, В.А.Иванова и др., в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе, в Нижнем Поволжье и Заволжье объем материалов по вооружению воинов Улуса Джучи резко возрос, что позволило в свете новых источников полнее и объемнее представить историю военной культуры этого средневекового государства. Важной вехой в изучении вооружения и военного дела Улуса Джучи стали труды В.М.Горелика, обобщившего значительный материал и сделавшего важные выводы об особенностях ведения боевых действий и использования оружия.

Значительный вклад в изучение вооружения кочевников Центральной Азии в целом, и татарских государств в частности, внес Ю.С.Худяков, который, основываясь на синтезе значительного количества археологического и нарративного материала, представил историю военного дела народов Центральной Азии как цельное явление со своими особенностями, подъемами и спадами.

В последнее время военная история державы Чингиз-хана стала объектом пристального внимания целого ряда историков, в числе которых следует отметить труды Р.П.Храпачевского, Н.Н.Крадина и Т.Д.Скрынниковой. Одновременно резко возросло количество предметов вооружения, открытых на археологических памятниках золотоордынского времени из Северного Причерноморья (А.В.Евглевский и Т.И.Потемкина), Прикубанья и Северного Кавказа (В.Г.Блохин, А.Н.Дьяченко, А.С.Скрипкин, И.В.Волков, Е.И.Нарожный, Д.Ю.Чахкиев), Алтая и Западной Сибири (В.В.Горбунов, А.А.Тишкин), Нижнего Поволжья (А.А.Галкин). Все это позволило перейти к обобщению всего историко-археологического материала и созданию обобщающих трудов по военному делу Улуса Джучи. Первой подобной попыткой стала комплексная историко-археологическая работа М.В.Горелика [3], представившая историю военного дела Золотой Орды в контексте развития средневекового военного искусства государств Чингиз-хана и его потомков. С привлечением новых материалов и развитием сюжетов, ранее остававшихся вне сферы интересов отечественных историков, построены и другие работы [2; 11].

Тем не менее многим вопросам истории военного искусства – стратегии и тактики, построению в бою и этапам использования комплекса вооружения, практике осады и обороны – уделено

недостаточно внимания в трудах предшественников, что заставляет обратиться к этим вопросам специально.

Структура военной организации: командование и войско. Военная организация войска Улуса Джучи остается все еще слабо изученной как по причине скудости источниковой базы, так и из-за невнимания историков к этой проблеме. Вместе с тем, исторические источники дают значительный материал для характеристики военной организации и войска Улуса Джучи.

Его анализ позволяет сделать вывод о том, что эта военная система была производной от сложившейся в империи Джучидов военно-административной системы. Основой ее служила иерархически организованная система владений татарских кланов. Характерной чертой ее являлось переплетение военной и административной системы. Подобная военно-административная система была традиционной для тюрко-монгольской государственности.

По данным арабских источников, «управление в этом государстве делами воинскими и гражданскими (в общем) такое же, как в государстве Ирака и Ирана. Оно основано на (определенном) числе эмиров, законов и служащих. Однако у эмира улуса и везира (Дашт-и-Кыпчака) нет (такого) права распоряжаться (по своему усмотрению), как у эмира улуса и везира в том государстве» [4, с. 299].

В определенном смысле это подтверждают слова арабских чиновников, которые, проанализировав дипломатическую переписку, пришли к выводу, что хан Узбек «обращал внимание на дела своего государства только в их совокупности, не вникая в детали всех обстоятельств. Он довольствовался тем, что ему доносили, и не рассматривал разные частности относительно взимания и расходования» [4, с. 299–300]. Иными словами, можно сказать, что хотя формально главнокомандующим являлся хан, как правило, он не принимал участия в военных действиях. Даже, когда сообщалось, что хан отправился в поход вместе с войском, это не всегда означало, что он непосредственно руководил войсками. При этом иногда, когда хан брал командование на себя, это приводило лишь к военной катастрофе, как было, когда в 1285 г. и 1286–87 гг. Тула-Буга фактически провалил военную кампанию против Венгрии и Польши.

Судя по имеющимся у нас сведениям, фактическим главнокомандующим являлся улуг карачи-бек (беклярибек). Именно к нему в официальной межгосударственной переписке обращались египетские султаны как «поборнику воителей и борцов за веру, вождю ратей, предводителю войск, пособнику царей и султанов, мечу повелителя правоверных» [18, с. 348], явно подчеркивая военную составляющую его функций и полномочий. Именно носителей этого титула и должности мы видим, как правило, во главе золотоордынских войск во время крупных военных кампаний. При Берке-хане и его потомках таким военачальником был Ногай, при Узбеке – Кутлуг-Тимур, в период «великой замятни» – Мамай, а в начале XIV в. – Идегей. Именно они проводили жизнь в походах и сражениях, осуществляя планирование и руководство войсками на поле боя, часто подвергая свою жизнь опасностям и получая ранения. Например, во время сражения с войсками Хулагуидов в 1256 г. Ногай был ранен в голову и потерял один глаз.

Сама военная организация Улуса Джучи носила феодальный характер. Характерной особенностью его являлось то, что все представители татарских кланов являлись социальной верхушкой золотоордынского общества. Они, как правило, вели полукочевой образ жизни, а быт их мало отличался от податных людей. Но при этом они имели одну важнейшую привилегию, отличающую их от остального населения – они имели право носить оружие и участвовать в военных походах. Именно отношение к службе делало того или иного человека татарин, т.е. представителем военной знати. Вне кланов и военной службы никакой другой этносоциальной структуры и самоидентификации не существовало. Разумеется, внутри кланов существовала значительная сословная дифференциация, определяющая место каждого в социальной иерархии и в военной организации. Однако объединяло их всех одно – они в силу происхождения, тех или иных заслуг и родственных связей были включены в клановую систему и могли стать военно-служилым сословием.

Структура татарского военно-служилого сословия прекрасно представлена в ярлыках XIV–XV вв. Верхушку общества и, соответственно, высшее военное командование составляли огланы правого и левого крыла – султаны из рода Джучи, следом шли улусбеки и даруга-беки, а вслед за ними беки (эмиры) тысяч, сотен и десятков [подробнее см.: 21, с. 89–93; 20, с. 206–210]. В целом анализ ярлыков дает возможность реконструировать военную систему Улуса Джучи как иерархически организованную структуру, строящуюся по десятичной системе – от десятков до тумена (т.е. десяти тысячного корпуса), под командованием беков, эмиров, улусбеков и огланов. Структура управления войсками описана Марко Поло, который сам был чиновником в Юаньской империи.

«Когда татарский царь идет на войну, берет он с собою сто тысяч верховых и устраивает такой порядок: ставит он старшину над десятью человеками, другого над сотнею, иного над тысячею, а иного над десятью тысячами; сносится он только с десятью человеками, а старшина над десятью тысячами сносится также с десятью человеками, кто над тысячею поставлен, также с десятью, кто над сотнею, также с десятью ... Когда государь ста тысяч пожелает послать куда-нибудь кого-либо, приказывает он старшине над десятью тысячами, чтобы тот дал ему тысячу, а тот наказывает тысячнику поставить свою часть, тысячник сотнику, сотник приказывает десятнику, чтобы всякий поставил свою часть тому, кто над десятью тысячами; всякий, сколько ему следует дать, столько и дает. Приказу повинуются лучше, нежели где-либо в свете. Сто тысяч, знайте, называются *тут* (у Потье, *туз* – знамя), десять тысяч *томан*, тысяча *мин*, сто *юз*, десяток *он*» [9, с. 8–82, 256].

В чистом виде, однако, подобная система вряд ли существовала даже при Бату-хане. Вполне очевидно, что это общая схема военно-административного деления, которая объединяла контингенты лишь приблизительно соответствующие десяткам, сотням и тысячам. На деле подобные подразделения могли быть больше или меньше заявленной численности. Данная система была традиционной для военно-административного деления тюрко-монгольских империй Центральной Азии, начиная, видимо, еще с гуннского времени. В основе ее лежали мобилизационный принцип, позволявший призывать ополчения кланов, которые распределялись по крыльям и нисходящей десятиричной системе. Так, очевидцы прямо писали, что когда послы египетского султана находились в Улусе Джучи, то «из Крыма они в один день доехали до степи, где застали начальника десяти тысяч всадников, управлявшего этим краем» [18, с. 63]. При этом совершенно необязательно, что все войска формировались пропорционально месту в административно-территориальной системе и ленам-икта в степной территории, которая была поделена на улусы между кланами. Определенная часть войск и, видимо, значительная, хотя территориально располагалась в степи, доходы получала от различных налогов и сборов с оседлых территорий – Крыма, Болгарского улуса, Хорезма и, возможно, также из Руси. Концентрируя доходы с этих территорий, кланы могли содержать значительные военные контингенты.

При всем этом нет детальной картины, как происходило формирование военных контингентов на практике, кто собирал войска и т.д. Можно только предполагать, что главы кланов, являясь еще и улусбеками, собирали смешанные контингенты, которые состояли из их личных вассалов и приданных его корпусу ополчения других беков. Не исключено, что на практике происходила определенная ротация кланов и их владений и, соответственно, менялся состав войск.

По мнению Г.А.Федорова-Давыдова, во второй половине XIV в. в Улусе Джучи стали происходить определенные социальные сдвиги, которые усложнили эту систему. К сожалению, сейчас трудно достоверно установить, стало ли это следствием развития феодальных правоотношений, или последствиями природных и социальных кризисов середины XIV в., определенной смены клановой структуры и перераспределения улусов. Как бы то ни было, но в это время явно возрастает роль кланов и местной аристократии, часто, видимо, превращавших владения улусами на правах условного пожалования в свои наследственные уделы. Яркую характеристику подобных явлений дают арабские источники: «Что касается размеров жалования их воинов, то рассказывают со слов Шуджа ад-Дина Абд ар-Рахмана, что если в руках кого-либо находился какой-нибудь (земельный надел) – икта, то он (остается) и в руках его сыновей. Потом он сказал: а у эмиров имеются населенные земли. Среди них есть такие, кому в год его земля приносит 200 тысяч динаров дохода или меньше – до 100 тысяч динаров дохода. А что касается простых воинов, то ни у кого из них нет ничего, кроме денег, которые они получают. Все они равны между собой, и каждый получает в год 200 динаров дохода» [4, с. 300]. Иными словами, клановая аристократия не только получала огромные доходы, но и узурпировала подчиненную ей по должности военную систему, превратив мелкую знать в своих вассалов, обязанных службой не хану и империи, а конкретному улусбеку и главе клана. Можно согласиться с мнением израильского историка А.Н.Поляка, что ленная система Золотой Орды была основана на желании обеспечить леннику ежегодный доход, соответствующий его чину: «В Орде мы находим более упрощенную форму этой системы: эмиры получают лены-икта, простые воины – только жалованье. Поскольку состав военно-феодального класса был там более постоянным, система наследования икта была более твердой» [12, с. 56–57].

Иерархия воинской службы и ее постепенная дифференциация по уровню доходов не могли не сказаться и сказались на эволюции комплекса вооружения. В ранний период завоевания он,

если судить по археологическим материалам, видимо, был довольно однородным, поскольку победоносные войны способствовали захвату и концентрации престижного вооружения у ветеранов походов Бату. Определенно выделялись знатные воины специфичным набором поясов, деталей костюма и чаш из драгоценных металлов [см.: 10, с. 10–108]. Однако уже в конце XIII – XIV вв. происходит постепенная дифференциация комплекса вооружения. Хотя определенные коррективы в подобные подсчеты вносит значительное количество мусульманских безынвентарных погребений, но и при этом можно выделить группы погребений по наличию престижных категорий вооружения. Социальные верхи войска, как в других странах средневековой Евразии, выделяются по использованию защитного вооружения (металлические панцири, шлемы, наручи, щит, а также иногда конский доспех) и престижных типов оружия (сабли, копья, саадачные наборы и т.д.). Характерно, что часто именно погребенные с таким комплексом вооружения покоились в мавзолеях или полуподземных гробницах типа сагана. Все это указывает, что постепенно войско дифференцируется и водораздел проходит по характеру использования дорогого и престижного вооружения и снаряжения. Остальная часть войска была вооружена оружием дистанционного боя и универсальными типами оружия ближнего боя (копья, топоры, ножи). В этой связи представляется, что социальное деление отражало в значительной степени градацию войск Улуса Джучи на конных латников – беков и эмиров и простых конных лучников – батыров и казаков.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что имела практика, когда во время боевых походов командующий за свой счет вооружал определенное количество своих воинов. Очевидно, что в Улусе Джучи, где существовало развитое ремесленное производство и в руках клановой аристократии были сосредоточены огромные средства, подобная практика была развита. Подобные военные слуги, скорее всего, получали плату за службу и, очевидно, происходившие из одного с беком клана составляли основу его воинского контингента, костяком территориального ополчения. Кроме самих воинов в составе войск обязательно были слуги. По некоторым сведениям, на одного воина-всадника приходилось, как минимум, двое слуг.

Воинская повинность носила всеобщий характер для всего военно-служилого сословия, что являлось традицией для тюрко-монгольских кочевых обществ. Обычной практикой являлась служба с оружием, конями и походной амуницией. Выдвижение в поход и сама организация выступления войск к театру военных действий были отработаны еще в войсках Чингиз-хана. В войсках Улуса Джучи этот элемент подготовки к войне был также отработан довольно хорошо. Особенно тогда, когда сохранялось единство империи и на решение этой задачи были направлены усилия целого штата чиновников и служащих различного ранга.

Немаловажной была и подготовка к походу самих войск. По данным арабских источников, для выступления в поход «каждый всадник из них обязательно имел при себе двух слуг, тридцать голов овец, пять голов коней, два медных котла и телегу» [4, с. 299]. Это необходимое снаряжение для регулярного войска включало, очевидно, передвижные мастерские оружейников, кузнецов, кожевников и других мастеров. Кроме того каждый знатный эмир и вельможа имел не только особый шатер, но и целый двор с обслугой, включая «жилища, семьи, челядинцев (хаваш), имущество и скот» [19, с. 75].

Сами татары, как и все степные скотоводы, были неприхотливы и могли обходиться в боевых условиях, когда им приходилось отделяться от своих обозов, еще меньшими удобствами. Как пишут очевидцы, татары были чрезвычайно неприхотливы и выносливы. По словам Марко Поло, «когда отправляются в долгий путь, на войну, сбруи с собой не берут, а возьмут два кожаных мешка с молоком для питья, да глиняный горшок варить мясо. Везут также маленькую палатку укрываться на случай дождя» [9, с. 82]. О том же писал и венецианец Иосафат Барбаро: «каждый из этих (т.е. татар. – *И.И.*), когда отделяется от своего народа, берет с собой небольшой мешок из шкуры козленка, наполненный мукой из проса, размятой в тесто с небольшим количеством меда. У них всегда есть с собой несколько деревянных мисок. Если у них не хватает дичины, – а ее много в этих степях, и они прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки, – то они пользуются этой мукой, приготовляя из нее, с небольшим количеством воды, род питья; этим они и обходятся» [1, с. 142]. Неприхотливость, способность стойко переносить лишения и дисциплинированность делали из татар воинов, способных безо всяких обозов совершать стремительные и длительные переходы, преодолевая значительные расстояния, неожиданно врываясь на территорию противника. По рассказу того же Марко Поло, «...татарин зачастую уйдет на целый месяц, без всякой еды; питается кобыльим молоком да той дичью, что сам наловит, а конь пасется на

траве, какая найдется, и не нужно ему брать с собою ни ячменя, ни соломы. Государю своему очень послушны, случится надобность, всю ночь простоит на коне вооруженным; а конь пасется всегда на траве. В труде и лишениях они выносливы более, нежели кто-либо, трат у них мало, покорять землю и царства самый способный народ» [9, с. 81]. В другом отрывке он, развивая эту мысль, приводит новые свидетельства, что татары, если «случится надобность, так скачут ... дней десять без пищи, не разводя огня, и питаются кровью своих коней; проткнет жилу коня, да и пьет кровь. Есть у них еще сухое молоко, густое, как тесто; его возят с собою; положат в воду и мешают до тех пор, пока не распустится, тогда и пьют» [9, с. 82].

В этой связи весьма сложным представляется вопрос об оплате воинской службы. Представляется, что оплата за участие в войнах и походах была дифференцирована по социальному статусу и роду войск. Не исключено, что часто военная служба была вообще не оплаченной государством или выплаты своим воинам осуществляли улусбеки из своих средств.

Скорее всего, воинская повинность состояла из нескольких различных служб. Походная включала не только участие в походе, но и обеспечение его, включая обслуживание проходивших мимо войск. Некоторые термины ханских ярлыков обороты типа «все уполномоченные» или «тем, кто следует по всякому делу» [20, с. 215, 221], могут относиться и к организации походной службы. Сторожевая служба, кроме обычной пограничной и военно-полицейской, являлась, очевидно, смотром ближайшего резерва, который находился в готовности выступить в поход. Пограничная или военно-полицейская служба специально оговорена в некоторых ярлыках различными терминами – «букаул-туткаул», «букаул-чири», «йасаул-букаул», «караул-чагдаул», которая в ярлыках русским митрополитам соответствует «буролажникам и заставщикам» [20, с. 214]. Войсковая служба являлась службой людьми, оружием, конями и снаряжением, т.е. полной готовности к длительному походу и боевым действиям. Характерно, что в ханских ярлыках, даже тарханных, воинская служба специально не оговаривается, что заставляет считать, что она регулировалась традицией, обычаем и законоустановлениями «Йасы» Чингиз-хана и являлась безусловной, не имеющей исключений, обязанностью каждого служилого татарина.

К сожалению, состояние источников не позволяет полностью восстановить продолжительность и связь службы с земельным держанием или обладанием частью доходов с определенной территории. Можно только предполагать, что, кроме неоплаченной службы, беки и их воины получали определенную компенсацию (*укулька*, *оглига*), часто, видимо, в виде повышенной доли военной добычи. Как отмечают военные историки, для периода средневековья, «деньги – почти обязательный посредник между властью и воинами» [8, с. 105]. Вряд ли что-то принципиально другое было и в Улусе Джучи. Это обстоятельство имело несколько важных следствий. Во-первых, это делало любую войну чрезвычайно дорогостоящим и затратным предприятием. Во-вторых, военная кампания должна была быть быстрой, стремительной и иметь конкретную цель, достижение которой сулило возмещение затрат на войну. В-третьих, война должна была быть победоносной и приносить доход. Очевидно, что когда поход проваливался или оканчивался неудачей, то любой полководец, включая хана, мог потерять контроль над своими подданными, как это случилось с ханом Тула-Бугой после провалов его военных походов.

Постоянной военной готовности ханы Улуса Джучи добивались с помощью регулярных сборов и смотров войск. Очевидно, что таковыми являлись сборы аристократии во время курултаев, когда происходила церемония вступления хана на престол, а затем клятвы верности с их стороны и переоформление ярлыков на земельные держания, различные другие ленные владения и должности. Например, во время приема посольства египетского султана в 1262 г. в ставке Берке был сделан смотр войска, «которое было в полном вооружении» [18, с. 64]. Этой же цели служили, очевидно, перемещения ханского двора по территории страны, когда сборы происходили на местах. Как правило, регулярно подобные местные сборы происходили и на местах во время важнейших календарных или мусульманских праздников. Подобные праздники сопровождалась воинскими играми, различными состязаниями и смотрами. Один такой сбор эмиров и их войск описывает очевидец – купец и путешественник Ибн Баттута. Он рассказывал, что видел в ставке хана Узбека прием, на котором присутствовало 17 эмиров туменов. Ибн Баттута разъясняет, что «начальником томана у них (называется) тот, у которого 10 000 всадников» [18, с. 299]. Во время этого сбора были устроены соревнования, каждый из этих 17 эмиров выразил преданность хану и получил от него богатые подарки.

Во время выступления в поход, очевидно, происходило постепенное пополнение сил. Первыми подходили войска нескольких надежных и ближайших улусбеков, которые являлись на смотр в ставку хана. Здесь происходило распределение войск по корпусам – кулам, которые затем пополнялись за счет подходивших сил. Основой этих кулов служили наиболее боеспособные и хорошо вооруженные ополчения, связанные клановой принадлежностью и землячеством. Другие отряды, прибывавшие мелкими группами, приписывались к одному из корпусов. Эти резервы, очевидно, собирались в нескольких пунктах и присоединялись к войску на марше. Иными словами, это был своего рода марш-мобилизация. Он позволял не скапливать все силы сразу в одном месте, что затруднило бы их снабжение, а рассредоточить их и вливать в состав корпусов постепенно, увеличивая их численный состав до необходимой пропорциональности подразделений. Скорее всего сбором и росписью отрядов по крыльям и корпусам ведали хан и его свита, а формированием более мелких подразделений по экипировке и пропорциональной численности – командующий кулом. Командующий кулом назначался, очевидно, улуг-карачибеком и утверждался ханом. Обычно это был один из огланов, но при нем всегда был один из знатных эмиров, который командовал значительным подразделением или имел боевые заслуги и славу.

В каждом боевом отряде – кул, кошун и т.д. – воины группировались вокруг знамен и штандартов своих командующих. В различных источниках постоянно указывается, что каждый командующий туменом имел свое знамя. Хан имел штандарт с девятью конскими хвостами, командующий войском – семь, командиры кулов – пять, а кошуны – три. Кроме того, каждое из подразделений имело знамя своего командира – еленге (хорунга). Знамена также различались размерами и цветом. Скорее всего знамя хана было голубым или зеленым и носило тамгу Джучидов и мусульманскую символику – надписи арабским шрифтом, содержащими коранические фразы.

Войска выступали в поход в строгом порядке и двигались, видимо, отдельными колоннами с боевым охранением, которое выдвигалось далеко вперед и в стороны от наступающего войска. Например, венецианец И.Барбаро писал, что передовые сторожа появились на несколько дней раньше того, как к Азаку выдвинулись основные силы во главе с ханом Кичи-Мухаммадом. Сторожевые отряды занимались тем, что выслеживали неприятеля и осуществляли контроль над прилегающей территорией. Это же фланговое охранение осуществляло набеги (*илгар*) с целью захвата продовольствия и добычи на вражеской территории, разорения округи.

Характерной чертой кочевого быта, а значительная часть татарской знати вела именно такой традиционный образ жизни хотя бы несколько месяцев в году, являлись военные упражнения. Важнейшую роль в этом играли ежегодные сборы во время загонной охоты, которая являлась одним из важнейших способов добиться четких и слаженных действий значительных конных подразделений, действующих на огромной территории. Индивидуальным способом подготовки являлись тренинг боевой лошади, джигитовка и упражнения с оружием. Среди них важнейшими являлось стрелометание и стрельба из лука на всем скаку. В частности, Ибн Баттута указывал, что во время сбора войск в ставку хана Узбека были «поставлены щиты для стрельбы, каждому начальнику томана» [18, с. 298]. Искусство стрельбы из лука у татар вызывало восхищение иноземцев, которые неизменно выделяли его среди других состязаний. Довольно подробное, развернутое и очень типичное описание подобных состязаний приводит Иосафат Барбаро, который видел их во время посещения Таны в 1436 г.: «В этих местах состязания происходят следующим образом. К деревянной балке, положенной горизонтально на два деревянных столба (это устройство похоже на виселицу), привешивают на тонкой бечевке серебряную чашу. Состязающиеся на приз стрелки имеют стрелы с железной частью в виде полумесяца с острыми краями. Всадники скачут с луками на своих конях под эту виселицу и, едва только минуют ее, – причем лошадь продолжает нестись в том же направлении, – оборачиваются назад и стреляют в бечевку; тот, кто, срезав ее, сбросит чашу, выигрывает приз» [1, с. 155–156]. Другим видом соревнований, которое практиковались аристократией Улуса Джучи, являлось конное поло – «игра в мяч» [см.: 18, с. 64]. Определенно, что и другие виды боевых искусств – борьба, упражнения с оружием и т.д. также использовались для воинской подготовки.

Татарские воины были не только прекрасно обучены, но и обладали храбростью и стойкостью. По словам Марко Поло, татары «бьются отлично и очень храбро» [9, с. 81]. Тот же Иосафат Барбаро писал, что «военные люди в высшей степени храбры и отважны, причем настолько, что некоторые из них, при особо выдающихся качествах, именуются «талубагатер», что значит безумный храбрец. Такое прозвище рождается в народе, подобно тому как у нас «мудрый» или же

«красивый» ... Эти богатыри имеют одно преимущество: все, что бы они ни совершали, даже если это в известной мере выходит за пределы здравого смысла, считается правильным, потому что раз это делается по причине отваги, то всем кажется, что богатыри просто занимаются своим ремеслом. Среди них есть много таких, которые в случаях военных схваток не ценят жизни, не страшатся опасности, но мчатся вперед и, не раздумывая, избивают врагов, так что даже робкие при этом воодушевляются и превращаются в храбрецов» [1, с. 146]. Далее этот венецианский путешественник описывает случай, иллюстрирующий его слова, когда пятеро татар напали на сотню черкесов, чей отряд собрался напасть на окрестности Таны. В результате стремительного налета татар черкесы бежали, оставив убитыми и пленными около 40 человек [1, с. 147].

Нельзя не затронуть также вопрос об обучении военному делу. Если для обучения владением оружия требовались регулярные упражнения и физическая закалка, то для овладения тактикой необходимо было целенаправленное обучение. Фактически до нас не дошли сведения в татарской литературе о военном искусстве, однако, поскольку подобная литература была широко известна всему мусульманскому Востоку, то можно предполагать, что различные трактаты о фаруси'ат, т.е. военном деле, использовались для знакомства с канонами военной науки. Эти науки, наряду с науками об управлении государством (типа «княжеских зеркал», таких как «Благодатное знание» Йусуфа Баласагуни и «Поучение владыкам» ал-Газали), входили в свод учебной литературы аристократии всего мусульманского мира.

Другой тип источников, которые, видимо, использовались в обучении военному делу, – это различные исторические хроники, сочинения и генеалогии. Они повествовали о событиях, описывая различные эпизоды военной истории, сохраняя опыт ошибок и успехов на поле боя. Формированию воина способствовали также различные эпические сказания (например, «Идегей»), дас-таны (например, «Кисекбаш китабы»). Все они устанавливали идеал рыцарственного поведения, повествовали о мужестве и воинской доблести.

Численность войск. Очевидно, что на протяжении своей истории численность войска Улуса Джучи не оставалась неизменной. Сложность решения этого вопроса не только в малочисленности источников, но и в приблизительности многих приведенных там данных. Ряд арабских источников XIV в. сообщает, что «их войска (настолько) многочисленны (что) не поддаются учету» [4, с. 299].

Вместе с тем, они же отмечали, что сохранилось только одно достаточно достоверное известие о численности золотоордынских войск, когда поднял мятеж и выступил против хана Токты и против великого хана султан Мавераннахра Эсенбуга: «Тогда (хан) отрядил против него от каждого десятка (воинов) одного. И число отряженных достигло 250 тысяч из тех, кто вошел в счет. И это кроме тех, кто присоединился к ним добровольно» [4, с. 299]. Эти сведения вошли в энциклопедический труд ал-Калкашанди из трудов ал-Бирзали, аз-Захаби, ал-Омари и ал-Асади [см.: 18, с. 174, 206, 240, 446]. Отличаются от этого только сведения историка середины XV в. ал-Айни, который указывает, что численность войск Токты доходила до 150 тыс. всадников [18, с. 514]. Иными словами, указание на огромную численность войск Улуса Джучи являлось традиционным для описаний этой страны в арабской историко-географической литературе.

По другим сведениям Ибн Василя, когда началась война с Хулагуидами, то Берке, узнав о вторжении врага, «сделал воззвание войску своему, чтобы садился на коня всякий, кому 10 лет (и более) от роду. Село народу столько, что не видно было ни начала, ни конца» [18, с. 74]. Вместе с тем известно, что войско Хулавуна достигало якобы численности 600 тысяч воинов, что заставляет думать, что войско татар также было близко к этому числу.

Очевидец сбора войск при дворе хана Узбека арабский купец Ибн Баттута специально указывает, что на сбор в 1333 г. явились 17 эмиров, командовавших 10 тыс. всадников: «присутствовало (таких) темников 17, предводительствовавших 170 тысячами; (впрочем) войско его (хана) больше этого» [18, с. 299]. Несмотря на такую значительную цифру, само войско ханов Улуса Джучи могло быть значительно больше, поскольку, видимо, число подобных улусбеков, командовавших туменами, могло достигать 50–60 человек. Например, посол хана Джанибека, прибывший в Каир в ша'абане 758 г.х. (20.07.–17.08. 1357 г.), сообщил о его победах в Хорасане и о том, «что войско этого султана простирается до 700 000» [18, с. 448]. Однако достоверных данных, подтверждающих эти сведения, в нашем распоряжении довольно мало. Можно только констатировать, что различные источники указывают на непостоянную общую численность войск Улуса Джучи.

Во время войны хана Токты с Ногаем их ополчения достигали 200 тысяч всадников, причем у Ногая основой его войска были тумены 17 знатных улусбеков и эмиров [18, с. 111]. Примерно в это же время Рашид ад-Дин указывал, что во время противоборства хана Токты и Ногая их войска насчитывали 30 туменов, т.е. их общая численность могла достигать 600 тысяч всадников [19, с. 71]. Примерно об этом писал Марко Поло, который отмечал, что войско Токты состояло из 20 туменов, а Ногая – из 15, насчитывая в общей сложности 350 тысяч всадников [9, с. 205–206]. Во время похода 1265 г. все войско Берке-хана состояло из 300000 всадников [19, с. 100]. Персидский источник «Тарих-и Шейх-Увейс» отмечает, что правитель Тебриза Мелик-Ашраф указывал на огромную численность войск Джанибека, говоря, что «этот сын Узбека, царь из урука Чингизханова, он имеет огромное войско в 300 000 человек» [19, с. 102, 530].

При этом отдельные отряды, которые действовали как передовые, сторожевые или наступательные части, для действия в определенной зоне могли быть также различной численности. Передовые отряды хана Токты насчитывали более 10 туменов (т.е. около 100 тысяч) войска [19, с. 83]. Во время похода хана Узбека на Азербайджан в 1318–1319 гг. полководец Иса Куркуз командовал восемью туменами [18, с. 521]. Значительное по численности войско в 9 туменов привели под стены Тебриза зимой 1384–1385 г. полководцы Токтамыш Иса-бек, Яглы-бий, Казанчи [19, с. 109, 151]. Передовой отряд Ногая в походе на Хулагу в августе 1262 г. насчитывал до 30 тысяч воинов [19, с. 74; 99], а в походе на Хулагуидов в 1264–1265 гг. корпус Ногая состоял из 50 тыс. всадников [18, с. 152].

Таким образом, хотя общая численность войск варьировала, проследить реальную его численность не представляется возможным. Во-первых, сами подразделения, такие как тумены, тысячи, сотни и десятки, обозначали не фактическое число воинов, а принципиальную мобилизационную возможность. И в разные годы могли быть или больше или меньше списочной численности. Во-вторых, есть сомнения в самих цифрах, которые используют восточные источники, поскольку не ясно, идет ли речь о численности всей армии или только воинов. Если только воинов, то общая численность всего войска могла доходить до 0,75–1 млн. человек, что маловероятно. Поэтому общее число военнообязанных, как и численность всего военно-служилого сословия в Улусе Джучи, может быть рассчитано лишь теоретически – от 0,6 млн. в середине XIII в. до 3 млн. в конце XIV в. Возможно, общее число воинов могло доходить до 300 тыс., но подобной численности войско Улуса Джучи достигало только в редкие годы, во время чрезвычайных обстоятельств войн с Хулагуидами и Аксак Тимуром. В других же военных действиях участвовали корпуса заметно меньшей численности.

Фактически самым крупным подразделением войск являлся тумен – 10 тыс. всадников. Очевидно, что именно подразделение такой численности в идеале должен был выставлять для ведения войны каждый улусбек. Но в боевых действиях на отдельных направлениях, решая собственные оперативно-тактические и даже стратегические задачи, могли действовать корпуса – кулы, состоявшие из 3–5 туменов. Как правило, именно такие подразделения проводили, судя по средневековым источникам, практически все военные походы, вели сражения и осады во второй половине XIII – начале XV в. Однако численность их сильно зависела от способа комплектования и мобилизационных возможностей улусов и поэтому сильно варьировала во времени и в пространстве.

Как правило, в боевых действиях против соседних стран, Византии, Польши и Литвы, а также мятежных русских княжеств участвовали войска нескольких улусбеков, чьи владения или граничили с театром военных действий, или их доходы зависели от денежных поступлений с этих территорий. Скорее всего, хан назначал командующим или своего эмиссара, обычно оглана с приданным ему корпусом, который становился костяком будущего войска (например, оглан Тудан и его «Дюденева рать») или назначал им одного из улусбеков (во второй половине XIII в. Курмышы, Бурундай, позже Ногай).

Говоря о комплектовании войск, нельзя обойти стороной вопрос о наличии в татарских войсках контингентов зависимых стран, в частности из Руси. Долгое время в отечественной историографии считалось, что русские войска не посылались на помощь Орде благодаря заступничеству Александра Ярославича, «отмолившего» эту милость у хана, но факт этот известен только по неким логическим допущениям и поздним житиям святого Александра Невского. Фактически единственное свидетельство реальности «налога кровью» служит участие нескольких русских князей в осаде и взятии аланского города Дедакова. Хотя в свите этих русских князей действительно было много слуг и даже дружинников, нет никаких известий, что они были призваны на войну и что

участвовали в боевых действиях. Вместе с тем в войсках татар служили русские люди. Один из них даже попал на страницы средневековых хроник, убив самого Ногая, который как чингизид имел право на почетную смерть [18, с. 114]. Однако ни статус, ни его место в военной иерархии не известны. Скорее всего, как в определенном смысле прав Л.Н.Гумилев, когда считал, что некоторая часть русских воинов могла служить татарским ханам, а кому-то из них даже могла открыться «дорога к богатству и чинам» [5, с. 398]. Однако это был путь в лучшем случае наемника. Для того, чтобы действительно получить доступ к чинам и богатству, этот русский человек должен был войти в тот или иной клан. Гораздо больше сведений о совместных военных действиях татарских и русских войск против Польши и Литвы. Но это совместные походы против внешнего врага, угрожавшего как интересам южнорусских княжеств, так и самой Орде.

Не исключено, судя по данным археологии, что какие-то представители мордовских князей действительно служили как воины в ордынских войсках и даже вступали в брачные отношения с татарской знатью [см.: 6].

Войско: рода войск и военная техника. *Конница*, состоявшая из тяжеловооруженных воинов, по единодушному признанию современников и военных историков, являлась символом средневековья. Именно отряды латной конницы, состоявшие из потомственных профессиональных воинов, не только главенствовали на полях сражений в это время, но и определяли стержень развития вооружения и военного дела. Одновременно всадники являлись самыми привилегированными воинами – слоем военно-служилой знати. В этих условиях становление и развитие средневековой кавалерии неотделимо от процессов возникновения и укрепления слоя рыцарства – аристократии и их военных слуг.

К войску Улуса Джучи все это относится в полной мере. Как правило, в источниках, в которых говорится о татарской армии, слова «воин» и «всадник» употребляются как синонимы. Например, Марко Поло прямо указывает, что в бою татары сражаются не спешиваясь [9, с. 256]. Уже на начальной стадии своей истории держава Чингизидов создавалась как империя, подчиненная военно-служилому сословию во главе с «алтын уругом». Иными словами, основой социально-политической и военно-административной системы этого государства являлись иерархически организованные конные отряды татарских кланов.

Важнейшим условием формирования огромных масс кавалерии являлось наличие обученных коней. Лошади, которых в Улусе Джучи было огромное множество, что единодушно отмечают все путешественники, позволяли производить набор в войско именно конных воинов и беспрепятственно и постоянно пополнять войска лошадьми. В смысле обеспечения лошадьми и их регулярной ремонтной работы Улус Джучи представлял собой уникальное явление в средневековой Европе, где эти проблемы стояли довольно остро. Определено, что знатные воины имели более сильных, высоких и породистых коней, а простые воины использовали обычных степных лошадей. Неказистые степные лошади были отлично подготовлены для боевых действий. По словам того же Марко Поло, татары «коней своих приучили, как собак, ворчать во все стороны» [9, с. 82].

Знатные воины являлись на службу окруженные слугами (их должно было быть не менее двух), с несколькими сменными лошадьми и полным вооружением. В XIII – первой половине XIV в. этот комплекс вооружения включал копье, саблю, саадачный набор из колчана и налущья, а также защитное снаряжение – панцирь, шлем, иногда наручи и поножи и щит. Видимо, часть воинов имела и конский доспех, особенно в середине XIII – первой половине XIV в. Для характеристики подобного комплекса вооружения особенно важно отметить, что он связан со специализированным оружием и высокотехнологическим снаряжением воина-всадника. Граненые пики, булавы-клевцы, шестоперы и топоры-клевцы являлись специфичным оружием, способным увеличить эффективность удара, проломить броню или «ошеломить» врага.

Еще более заметен прогресс в совершенствовании защитного вооружения. Кроме кольчуг, ламеллярных пластинчатых и кожаных доспехов, известных и в предмонгольское время, широко распространяются современные типы снаряжения: чешуйчатый панцирь, кольчуги с плоскими кольцами – байданы, куяки – бригадины и различные комбинированные виды панцирей. Отличительной особенностью этого времени стало широкое использование конских доспехов – кояров. Судя по данным анализа татарских погребений XIII–XIV вв., число захоронений с более-менее полным комплектом вооружения (сабля, топор, пика, стрелковый набор, а также защитное вооружение – шлем, доспех (или кольчуга) и щит) доходит до 10% всех изученных могил. Иными сло-

вами, как бы ни была случайной эта выборка, она показывает, хотя и довольно условно, численность латной кавалерии в войске Улуса Джучи.

Все это ясно показывает, что в Улусе Джучи сформировался принципиально комплекс боевых средств, характерный для латной кавалерии. Этот комплекс боевых средств был характерным сплавом монголо-татарских традиций и местных условий боевой практики, когда использовались многочисленные конные отряды, а исход боя решался в столкновении тяжеловооруженных всадников, применявших таранный удар копьем. Само сражение стало многоактным, а конные воины были способны вести стремительные и продолжительные схватки с противником.

Если набор оружия знатных воинов выделяется в целом довольно отчетливо, то наличие отрядов легковооруженной конницы выделить гораздо труднее. Нет сомнений, что основную часть войска составляли воины – мелкие владельцы икта, военные слуги и т.д., которые имели лишь некоторые виды оружия ближнего боя и защитного снаряжения. Очевидно, оно включало весь набор массового вооружения в различных сочетаниях, среди которого определяющим было металлическое оружие. Отличие набора оружия средних и низших слоев военно-служилого сословия от знати было в несистематическом употреблении клинкового оружия и нерегулярном использовании металлического защитного снаряжения. Другой особенностью, отличающей вооружение основной части войска от специализированного, была его большая универсальность.

В целом арсенал боевых средств легковооруженных всадников и пехотинцев включал лук и стрелы, боевой нож, боевой топор, возможно, копье, кистень, щит, а доспех состоял, скорее всего, из кожаного панциря и шлема. В пределах этого набора вооружения, видимо, могли быть некоторые различия, обусловленные сложным социальным составом (ополчение горожан и воины, снаряжаемые за счет феодала, и т.д.), которые пока трудно уловить.

Скорее всего, основная часть этих воинов являлась легковооруженными отрядами конных лучников. Значение их на поле боя было довольно важным, поскольку они завязывали бой, осыпая стрелами противника, нанося ему значительный урон. Они же действовали, видимо, на флангах, прикрывая конных латников во время удара, а также преследовали противника. Весьма значительной была роль этих воинов во время походов – в боевом охранении, охвате вражеской территории и сковывании резервов противника, окружении и блокаде его укрепленных пунктов. В целом можно сказать, что от действий этой части золотоордынского войска во многом зависел успех сражения и всей кампании. Следует также отметить, что в силу целого ряда обстоятельств именно эта средне- и легковооруженная конница стала определяющей для военного дела целого ряда постордынских государств.

Не следует думать, что все специализированное вооружение принадлежало конкретным воинам. Как и в других средневековых обществах Европы и Азии, снаряжение военных слуг было обязанностью суверена. В этой связи погребальные памятники не совсем адекватно отражают общую картину вооружения татарского войска, поскольку их личным оружием действительно могли быть только луки и стрелы, тогда как на время боевых действий они снаряжались полным комплектом оружия и доспехов за счет своего бека. Иными словами, снаряженность татарского войска полным комплектом вооружения была, как правило, более значительной, чем можно себе представить, если основываться только на данных погребальных памятников. Представляется, что более адекватную картину дают данные изобразительных источников XIV в., где практически все воины имеют комплект защитного вооружения.

Пехота в силу своей специфики не являлась сколько-нибудь важной или значимой частью войск Улуса Джучи. В условиях, когда «царицей полей» была латная конница, пехоте отводилась весьма скромная, вспомогательная роль. В истории войн Улуса Джучи практически нет сведений о сколько-нибудь регулярном использовании пехоты. Даже для осады городских укреплений обычно использовались спешенные всадники. В силу этого набор вооружения пехоты фактически не фиксируется. Некоторые не очень ясные сведения о возможном присутствии пехоты на поле боя дают описания сражений при Кондурче (1391 г.) и Тереке (1395 г.), где упоминаются татарские полевые укрепления в виде рвов и фашинов и, видимо, их охрана. Возможно, в этом случае охрана лагеря и подобных укреплений доверялась боевым слугам и частично спешенной коннице. Есть также позднее и весьма смутное упоминание отрядов мусульман, ясов и генуэзцев на стороне Мамаю в Куликовской битве. Если даже признать эти сведения за факт, то он является единичным и нехарактерным. Пехота ни в том, ни в другом случае не играла решающей роли и выполняла вспомогательные и охранительные функции.

Возможно, некоторым исключением является территория Болгарского улуса, где со второй половины XIV в. заметны некоторые изменения в наборе пехотного снаряжения. Он включал широкие удлиненно-треугольные, удлиненно-листовидные и лавролистные копья, топоры с клиновидным лезвием, а также универсальные походно-боевые секиры.

Возрастание значения пехоты связано с целым рядом факторов, среди которых, несомненно, усиление внутренней напряженности, а также укрепление экономической и политической самостоятельности городов, испытывавших потребность в эффективной обороне. Именно крупные города формировали, видимо, ополчения пехоты. Поскольку пехота не могла еще противостоять тяжеловооруженной коннице в открытом бою, то она успешно действовала при защите укреплений, в речных сражениях и при использовании огнестрельного оружия. Несомненно ее определяющее значение при проведении инженерных работ. В этих условиях заметна тенденция к повышению ее роли в военном деле.

Флот, как вид военных сил Улуса Джучи, фактически отсутствовал. Сохранилось немало свидетельств, когда в ответ на пиратские действия итальянских пиратов и военно-морских сил торговых республик Венеции и Генуи, ханы и правители улусов совершали сухопутные походы против их портов и колоний, заставляя их самих обеспечивать охрану побережья. Практически только во второй половине XIV в. в городах Булгарского улуса начинает формироваться речной флот, который был способен противоборствовать с набегами пиратов-ушкуйников и русских князей. Эти тенденции к увеличению значения в обеспечении военных действий речного флота проявились уже позднее в XV в. в период Казанского ханства.

Артиллерия являлась важнейшей военно-технической новинкой XIV в., которая, развиваясь, стала определять характер дальнейшего развития военного дела в мире. Огнестрельная артиллерия возникла из сочетания двух открытий предшествующего времени – изобретения пороха и крупномасштабного литья бронзы, а позднее и чугуна. Первые достоверные сведения о составе пороха известны еще с середины XI в. из китайского трактата «У цзин цзунъяо» («Важнейшее из основ военного дела»), где описывалось изготовление зажигательных и разрывных снарядов [22, с. 159–203]. Знакомые с достижениями китайского военного дела монголы активно использовали подобные пороховые снаряды для взятия вражеских крепостей. Прорыв к изобретению собственно огнестрельных орудий был совершен, очевидно, в Средиземноморье, где трубки, использовавшие пороховые заряды, сначала применялись для метания стрел и небольших ядер в конце XIII в. А с 30-х гг. XIV в. модифицированные пушки стали метать довольно крупные ядра и спустя десять-двадцать лет широко распространились по Европе. На территорию Улуса Джучи подобная военно-техническая новинка попала, скорее всего, с Ближнего Востока.

Уже в 70-е гг. XIV в. легкие пушки появились на вооружении у татар и использовались при обороне городов. Яркое описание использования огнестрельной артиллерии оставила русская летопись, сообщившая, что когда зимой 1377 г. по приказу великого князя Московского нижегородские войска пошли походом на Болгар, то осажденные встретили их выстрелами из пушек: «... з града гром пушаху, страшашее нашу рать» [13, с. 401]. Фактически это было первое знакомство русских войск с огнестрельным оружием. Но уже в 1382 г. при обороне Москвы от войск Токтамыша горожане вели обстрел их из легких пушек – тюфяков: «друзии же тюфяки пушаху на ня...» [17, с. 26]. Таким образом, не подлежит сомнению факт знакомства татар с огнестрельным оружием практически в то же время, когда оно широко распространилось по Старому Свету.

Сам термин, которым русские называли тип ранних пушек – «тюфяк», есть искаженное заимствование из тюркского «тюфенк», т.е. «небольшая пушка». Этот термин и ряд находок с территории Улуса Джучи дают ключ к рассмотрению конструкции ранних пушек. Они имели широкий, но недлинный канал ствола и заметно более узкую и длинную зарядную камору. Как правило, калибр подобных орудий был небольшим, а вес легких тюфяков достигал 12 кг. Стреляли подобные орудия каменными, а с середины XV в. – литыми бронзовыми и чугунными ядрами. Судя по находкам, подобные стволы были довольно широко известны в XIV в. от Юаньского Китая до Западной Европы. Обычно тюфяки, судя по сообщениям русских летописей, использовались при обороне и осаде крепостей. Легкие тюфяки могли использоваться также и в полевых условиях, поскольку их небольшой вес позволял перевозить их на обычной повозке, о чем свидетельствуют обстоятельства битвы на Ворскле в 1399 г., когда войско Витовта применило легкие пушки против татарских полков Идегея. Однако у нас нет фактов, что татары также использовали пушки в полевых сражениях.

Постепенно конструкция подобных орудий стала меняться. В начале XV в. ствол у них вытягивается, а зарядная камера, в свою очередь, сокращается. Подобные пушки-бомбарды стали уже грозным оружием, особенно при осаде и обороне крепостей. Выбрасывая огромные каменные ядра (одна подобная бомбарда имела вес 5,5 тонны и выстреливала ядра весом 120 кг), эти орудия разбивали каменные стены и наносили урон наступающим в полевом бою. В этот период заметно увеличивается разнообразие огнестрельных орудий – от тяжелых бомбард – мортир, куртод и серпентин, стреляющих тяжелыми ядрами (от 20 кг и выше), до ручных бомбард – аркебуз, пицалей и ручниц, стреляющих свинцовыми шариками. Изменилась и конструкция пушек. Вместо бомбард, склепанных из полос кованого железа, появились литые железные (чугунные) орудия. Это сразу же увеличило надежность и огневую мощь пушек, сделав их еще более грозным оружием. В целом же расцвет огнестрельной артиллерии приходится на XV в.

Развитие огнестрельной артиллерии возвестило закат эры *метательной артиллерии*. Между тем еще в начале – середине XIII в. различные типы метательных орудий переживали период расцвета. Камнеметы и аркбаллисты (самострелы) играли важную роль в успехах монгольских ханов в их завоевательных походах. Восточные, русские и западноевропейские источники постоянно указывают на орудия, которые разбивали городские стены, ломали ворота и забрасывали город огненными снарядами. Например: «Татарове начаша пороки рядити, и к граду приступиша, и выбивше стену градную» [16, с. 369], или «и меташа на нь камением полтора перестрела, а камень же яко можаху 4 мужи силнии подъяти его» [15, с. 144], «постави же Батый пороки к городу подле врат Лядских, ту бо бяху пришли дебри, пороком же бес престани биющим день и ночь, выбиша стены» [14, с. 785]. Но уже позднее, в конце XIII в., татары применяли военные машины не часто. Очевидно, это объяснялось тем, что войска эти были не столь многочисленны и не имели возможности вести длительную планомерную подготовку к штурму, предпочитая быстрый яростный натиск длительной подготовке.

Вместе с тем в ряде случаев и позднее татары использовали различные типы доогнестрельной артиллерии при обороне своих городов. Наиболее выразительный пример этого – та же осада Болгара московскими войсками в 1377 г., когда горожане в наступающих «самострельных стрелах пушаху» [13, с. 401]. Поскольку в этом сообщении речь идет также об использовании тюфяков, то можно предположить, что во второй половине XIV в. новая артиллерия не вытесняла старую, а сосуществовала с ней. Метательные машины типа аркбаллист дополняли огнестрельные пушки потому, что их результативность считалась различной.

Иными словами, хотя огнестрельная артиллерия в этот период делала все новые успехи, применение ее часто было комбинированным с метательными орудиями. При этом все эти военно-технические новинки использовались в большинстве случаев при обороне укрепленных городов, т.е. в основном крепостей Болгарского улуса.

Вооружение и военное дело Улуса Джучи прошли значительный путь развития. Начальный этап его становления был связан с грандиозными завоевательными походами Чингиз-хана и его потомков. В период до конца XIII в. вооружение и тактика военных действий войск империи Джучидов были сходны со снаряжением и способами ведения войны в других государствах Чингизидов. Однако постепенно стали увеличиваться различия, которые определялись в первую очередь быстрым социальным развитием Улуса Джучи. Это постепенно привело к дифференциации войска по набору вооружения и способу его применения. На одном полюсе сосредоточивались знатные воины и их слуги – латная кавалерия, вооруженная копьями, саблями и булавами, а на другом – конные лучники, имевшие в большинстве случаев только луки и стрелы, а также универсальные типы оружия – топоры, копья и ножи. Особенно заметны эти перемены стали к началу XV в., когда изменились структура военной организации и сама тактика боя. Практически весь период истории Улуса Джучи происходит деградация искусства осады городов. Если во второй половине XIII в. татары часто осаждали и брали штурмом города в Польше и на Руси, то в начале XV в. практически применялась только блокада. В значительной мере это было связано с недооценкой использования огнестрельной артиллерии, которая в Улусе Джучи использовалась в большинстве случаев для обороны городов Болгарского улуса.

1. Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч.Скряжинской. – Л.: Наука, 1971.

2. Воронцов И.А. Организация военного дела Золотой Орды (по материалам Нижнего Поволжья) // Автореф. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 2006.

3. *Горелик М.В.* Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, оружие, снаряжение. – М., 2002.
4. *Григорьев А.П., Фролова О.Б.* Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. – М., 2002.
5. *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства. – М.: Наука, 1970.
6. Золотая Орда. История и культура. – СПб., 2005.
7. *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. – СПб., 1875.
8. *Контамин Ф.* Война в средние века. – СПб., 2001.
9. Книга Марко Поло. 2-е изд. – Алма-Ата, 1990.
10. *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб., 2001.
11. *Кушкумбаев А.К.* Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование. – Кокшетау: Келешек, 2009.
12. *Поляк А.Н.* Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А.С.Тверитиновой. – М., 1964.
13. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. – М.; Л., 1950.
14. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. – М., 1962 (М., 1998).
15. ПСРЛ. Т. VII-VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – М., 2001.
16. ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. – М., 1965 (М., 2000).
17. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. – М.; Л., 1949.
18. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, В.Г.Тизенгаузена. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884.
19. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузенем и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. – М.; Л., 1941.
20. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань, 1979.
21. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973.
22. *Школяр С.А.* Китайская доогнестрельная артиллерия. (Материалы и исследования). – М., 1980.

К вопросу о появлении огнестрельного оружия в Золотой Орде

Проблематика, связанная с историей появления огнестрельного оружия на территориях Восточной Европы, находящихся во второй половине XIV в. (то есть в эпоху широкого распространения этого изобретения) под властью ханов Золотой Орды, не является ни хорошо изученной, ни популяризированной. Интерес, проявляемый к средневековому, восточноевропейскому огнестрельному оружию, до сих пор был обращен главным образом к Руси, где, согласно самому раннему сохранившемуся упоминанию на эту тему, оно использовалось по крайней мере с 1382 г. Тогда против захватчиков из Золотой Орды, осаждавших Москву, защитники города применяли пушки [12, с. 66; 8, с. 62; 7, с. 77; 3, с. 243]. Однако вопрос возможного использования огнестрельного оружия в XIV в. неславянскими жителями Восточной Европы является важным не только с точки зрения военной истории народов, населяющих эту часть нашего континента, но также и для изучения направлений распространения известности пороха и огнестрельного оружия в Старом Свете. Эти проблемы еще далеки от полного выяснения и являются более сложными, чем принято считать. Роль жителей «Востока» (в широком понимании этого термина) кажется все более важной не только в изобретении черного пороха и его использовании для метания снарядов, но и в ознакомлении европейцев с огнестрельным оружием.

Самые ранние сведения о применении огнестрельного оружия на территориях, находящихся во второй половине XIV в. под властью ханов Золотой Орды, встречаются в двух летописях: Никоновской и Воскресенской.

В Никоновском своде в описании событий 1376 года читаем: «Этой же зимой великий князь Дмитрий Константинович Суздальский послал детей своих, князя Василия и князя Ивана на Булгар, то есть на Казань, а великий князь Дмитрий Иванович Московский послал воеводу своего, князя волынского Дмитрия Михайловича; и подошли к Казани 16 числа марта месяца. Казанцы же вышли из города против им, стреляя из луков и самострелов, а иные **гром пушщали** из города, устрашая Русское воинство; а иные выехали на верблюдах, коней русских воинов всполошивши» [16, с. 25].

Запись в Воскресенской летописи звучит очень похоже: «Этой же зимой послал великий князь Дмитрий Иванович князя Дмитрия Михайловича волынского на безбожных Булгар, а князь суздальский Дмитрий Константинович послал сынов своих, князя Василия и князя Ивана, с ними бояр и многочисленных воинов; и дошли до Булгар 16 марта в понедельник. Язычники вышли напротив им и приступили к бою и начали стрелять, а иные из города **гром пушщали**, устрашая русские полки, а иные из самострелов стреляли, а другие на верблюдах выезжали, пугая русских коней» [15, с. 24].

Никоновская летопись, обширная сводка, скомпилированная в первых десятилетиях XVI в., является общепризнанным достоверным источником, в котором скрупулезно повторяются сведения, содержащиеся в более ранних, часто утраченных документах, и считается одним из самых важных памятников русской литературы XVI века, являясь «официальной хроникой тогдашней Руси» [9; 25, с. 62]. В научных изысканиях, посвященных позднесредневековой истории русских земель, летопись является чаще всего используемым (в буквальном смысле слова) источником.

Воскресенская летопись «с точки зрения богатства использованных сведений ... занимающая первое место после Никоновской», окончательно была отредактирована в сороковых годах XVI в. [11, с. 375].

Не оспаривая в целом достоверности сведений, содержащихся в обеих летописях, следует, тем не менее, задуматься над вероятностью признания цитируемых выше фрагментов действительным доказательством применения огнестрельного оружия.

Использованные слова – «гром пушщали», несомненно, описывают одно из самых сильно воспринимаемых человеком следствий выстрела из пушки – сильный грохот, который расценивается как угроза не только людьми, незнакомыми с эффектами артиллерийских действий. Поэтому этот грохот мог, как предполагает автор донесения, «пугать русских воинов». Сомнительно, чтобы громким грохотом был назван звук, возникающий при метании из метательных механизмов.

Также маловероятно, чтобы страх закаленных в боях русских воинов был вызван применением противником метательных механизмов. Следовательно, целью именно такой формулировки приведенных выше фрагментов могло быть действительно описание применения огнестрельного оружия. Мы не знаем, появились ли интересующие нас записи еще в средние века, или в момент компилирования окончательных версий обоих сводов, т.е. в XVI в., когда огнестрельное оружие было уже широко распространено. Однако следует считать, что летописец XVI века написал бы о нем прямо. Использованные же в обеих летописях термины указывают скорее на автора (авторов), для которых огнестрельное оружие и эффекты его применения являлись чем-то необычным, к тому же вызывающим страх.

В интересующих нас фрагментах упоминается еще один метод «пугания» Русинов: использование верблюдов во время сражения на подступах к городу. В данном случае не возникает сомнений, что эти животные могли быть действительно использованы. Юго-восточным соседям Русинов верблюды были известны, они их разводили и иногда использовали в бою. На Ближнем Востоке уже в древние времена было известно, что кони, не привыкшие к верблюдам, боятся их. Античные авторы упоминают о приведении в бегство нескольких десятков конных всадников всего лишь несколькими верблюдами. Таким образом, использование верблюдов воинами Золотой Орды является весьма вероятным.

Создается впечатление, что «пущание грома» и «выезжание на верблюдах» являлись странными и непривычными для русского летописца ситуациями, что в значительной степени подтверждает достоверность этих сведений.

Не сомневаясь в достоверности сведений автора (авторов?) Никоновской летописи, нельзя не затронуть проблемы, вызывающей определенные сомнения. Противники Русинов названы здесь «Казанцами», их город «Казанью», а ранее сообщалось, что поход был направлен против «Булгар». Ученые уже давно обратили внимание на то, что речь здесь идет не о сегодняшней Казани. Вслед за С.М.Шпилевским и А.Смирновым большинство современных ученых считает, что «летописец ошибся». Казань в XIV веке была слишком маленьким и незначительным городом, который вряд ли мог являться целью столь крупного похода нескольких князей [20, с. 178–179; 18, с.62; 26, с. 243; 6, с. 103–104]¹. В Воскресенской же летописи в описании похода на Булгар название «Казань» вообще отсутствует. Целью военных действий мог быть центральный поволжский город тех времен – Булгар. Однако упоминания о «Казани» и «Казанцах» не следует считать ошибкой в Никоновском своде. Дело в том, что для автора, пишущего в первых десятилетиях XVI в., эти названия являлись самыми понятными терминами для описания территорий Средней Волги. Начиная с сороковых годов XV в., после распада Золотой Орды, они были частью Казанского ханства, центром которого стала Казань. Таким образом, для компилятора XVI века название «Казань» являлось синонимом «центрального города», которым в средние века был именно Булгар.

Булгар был в XIV в. одним из основных городских и торговых центров Золотой Орды, в который съезжались купцы из Руси, Средней Азии, с Кавказа, из Крыма, Персии. Бывал он и резиденцией ханов. О его значении также свидетельствует факт чеканки в 1240–1428 годах монет Золотой Орды. Город славился развитым сельским хозяйством и ремеслом. В нем работали не только местные ремесленники, но также хорезмийцы, армяне, русины. Булгар считается одним из старейших металлургических центров Европы, где уже в XIV в. умели отливать железо [13, с. 425–426]. Столь исключительное для эпохи средневековья умение подтверждают археологические находки [18, с. 112]. Не вдаваясь в дискуссию с учеными, считающими, что именно волжские булгары первыми в Европе освоили умение получения и использования чугуна [17, с. 211], следует отметить, что в свете археологических исследований, в эпоху позднего средневековья они владели техникой, позволяющей использовать и, возможно, производить новаторское по тем временам оружие. Здесь нельзя не напомнить, что во время археологических исследований реликтов Булгара была найдена глиняная посуда, интерпретируемая как остатки от снарядов с зажигательной смесью [14, с. 45].

Возможно, приобретение и использование современных видов оружия на территории Волжской Булгарии было связано с укреплением ее обороноспособности. Начиная с шестидесятых годов XIV в., когда «Булат-Темир, князь ордынский занял Булгар, покорил все города и улусы на Волге» [4, с. 277], эти территории, оставаясь в руках золотоордынской аристократии, воспользо-

¹ Некоторые историки считают, что в 1376 г. Русины осаждали Казань, например [1, с. 8].

вавшейся состоянием длительной политической нестабильности в Золотой Орде, имели некоторую, хотя и весьма ограниченную независимость.

Однако, если жители Волжской Булгарии действительно были знакомы с огнестрельным оружием, оно, несомненно, должно было проникнуть извне. По нашему мнению, следует искать истоки его появления на этих территориях на Востоке. Об этом свидетельствуют не только имеющиеся у нас данные об исключительно развитых и далеко распространявшихся торговых связях Золотой Орды в XIII и XIV веках (в том числе и Волжской Булгарии) со многими регионами Азии [18, с. 59–60; 19, с. 70; 10, с. 28–32], но также и факт более раннего начала производства черного пороха и оружия, использующего его именно в Азии, а не в Европе.

Несмотря на прогресс в исследованиях, ранние этапы азиатской истории этого вида оружия все еще хуже изучены, чем начальный период его истории в Европе. В результате на сегодняшний день в литературе преобладают сведения о достижениях в этой области на европейском континенте. Даже В.В.Мавродин, горячий сторонник гипотезы о проникновении огнестрельного оружия на Русь первоначально с Востока, а не с Запада, предполагал, что местом, с которого оно начало свое распространение в Восточной Европе, был татарский Крым, где оно стало известно благодаря генуэзцам. Таким образом, говоря о Востоке, В.В.Мавродин, придерживаясь в сущности скептической точки зрения относительно возможности широкого применения огнестрельного оружия в эпоху позднего средневековья на Востоке. Одной из причин такого скептицизма был (и остается до сих пор) общий низкий уровень изучения источников, касающихся истории появления огнестрельного оружия в Азии. Еще одной причиной было убеждение В.В.Мавродина в том, что «на Востоке порох служил зажигательным составом, употреблялся для фейерверков и только в известной степени использовался как метательное вещество, тогда как на Западе он выступил, прежде всего, в этом качестве и именно в нем вернулся на свою родину – Восток – не для того, чтобы осветить богдыханские дворцы и резиденции раджей ярким светом разноцветных ракет, а для того, чтобы разрушить их и распространить на Восток власть и влияние Запада» [12, с. 72]. Такое суждение является ошибочным. В.В.Мавродин переносит на эпоху средневековья свое видение колониальной экспансии европейцев, характерное для эпохи новой истории. Не вдаваясь в дискуссию по столь обширной проблеме, следует напомнить о двух памятниках тех лет, связанных с началом истории европейской и азиатской артиллерии. Самым ранним европейским иконографическим изображением оружия, метящего снаряды при помощи пороховой смеси, является известное, публикуемое практически в каждой книге, посвященной истории огнестрельного оружия, изображение грушевидной пушки из рукописи Вальтера де Милемета 1326 г. [31, фот. 1]. «Форма удлиненной вазы» [31, с. 31] является несомненным примером ошибочного пути в поисках функциональных конструкторских решений. Появившиеся позднее европейские пушки имели уже цилиндрическую форму, сохранившуюся до наших времен. Между тем самой ранней, сохранившейся до наших дней азиатской пушкой является памятник с надписью и датой – 1332 год, приписываемый Тогон-Тэмуру, последнему монгольскому императору Китая из династии Юань. Эта пушка имеет уже функциональную, то есть цилиндрическую, форму [22, фот. 22; 33, с. 50; 32: с. 233, фот. 5]. Предполагается, что пушки появились в государстве Сунг по крайней мере в начале XII в. [28, с. 131; 29, с. 79–80; 21, с. 43].

К западу от Китая оружие, в котором используется черный порох, стало известно, вероятно всего, благодаря кочевникам Великой степи – киданам и монголам. Некоторые ученые убеждены в том, что во время боевых действий на территории Центральной Азии они использовали как различные зажигательные смеси, так и, очевидно, огнестрельное оружие [23, с. 114; 22, с. 92–93; 33, с. 48–50; 32, с. 221–236]. Несмотря на то, что нам не известен масштаб действий этих народов в аспекте использования огнестрельного оружия, вероятной кажется гипотеза, что именно благодаря монголоязычным кочевникам (такowymi были и кидани) взрывные свойства черного пороха стали известны среднеазиатским туркам и арабам. Завоевывающие Центральную Азию арабские захватчики называли оружие, в котором используется черный порох, «китаньским оружием» [22, с. 93]. Мусульманские воины могли столкнуться с ним на территориях, расположенных к западу от Сырдарьи, во второй половине XII в. После разгрома чжурчженями киданской империи Ляо часть кидан ушла на запад в Центральную Азию и создала там государство Каракитай. Кара-кидани завладели частью территории Хорезма и поначалу успешно соперничали там с арабами. Обширные территории Центральной Азии могли стать центром, из которого известность черного пороха и

результатов его применения распространялась далее – в Индию, Иран, Западную Азию и, как можно догадаться, также в Европу².

В ранней литературе преобладало убеждение, что в Иране и Центральной Азии огнестрельное оружие получило распространение поздно, лишь в XVI в., а самые ранние о нем сведения относятся к 1473 году, когда венециане, формируя антиосманскую коалицию (в которую входила также Речь Посполитая), отправили Узун-Хасану, султану Ак-Коюнлу, шесть пушек и сто пушкарей [27, с. 13]. А.М.Беленицкий, однако, установил, что огнестрельное оружие было здесь известно и раньше, по крайней мере со времен принятия власти Тамерланом над Мавераннахром (то есть с 1370 г.) [2, с. 23–24]. Уже после появления статьи А.М.Беленицкого был опубликован ряд лексических источников, содержащих тексты на восточноиранских (в первую очередь таджикском) языках, которыми для интересующих нас вопросов воспользовался А.С.Давыдов и после их анализа сформулировал утверждение, что самый ранний восточноиранский термин, который можно не боясь интерпретировать как «огнестрельное оружие», документируется 1313 годом, а в течение XIV века появились очередные определения, связанные с быстрым появлением новых видов этого оружия [5, с. 22].

Среди терминов, обнаруженных А.С.Давыдовым и описывающих на средневековых иранских языках огнестрельное оружие, есть слово «*tufak*» [5, с. 22]³. Из иранских языков оно попало в тюркские и сохранилось до наших дней⁴. В виде «*tufenk*», обозначающий огнестрельное оружие, термин подтвержден у анатолийских (османских) турков уже с середины XIV в. [30, с. 93].

К вопросу об истории появления огнестрельного оружия в Восточной Европе следует добавить, что в самом первом упоминании об использовании этого оружия на русских землях в вышеупомянутом донесении об обороне Москвы от Токтамыша в 1382 г. можно прочесть о стрельбе осажденных в осаждающих из «тюфяков» [16, с. 74]. Это слово, без сомнения, является славянской трансформацией турецкого «*tüfek*». То есть очевидным является то, что этот не славянский и не западноевропейский, а восточный термин был прекрасно известен летописцу и читателям того времени. Этот факт, несомненно, указывает на то, что прежде чем на Руси появилось огнестрельное оружие с Запада, известность о нем пришла с Востока. Безусловно, не случайным является то, что использование «тюфяков» москвичами упоминается в описании событий, имеющих место всего лишь через шесть лет после их похода на Булгар. Возможно, тогда, вторгаясь на территории Золотой Орды, русины познакомились с огнестрельным оружием? Пушки с Запада под латинским названием «*armata*» впервые, согласно записи в Голицынской летописи, появились на Руси лишь спустя несколько лет: «В 6897 (1389) году привезли арматы из Германии на Русь и огневое оружие и из него стреляние с той поры стало понятным» [12, с. 66]. В обоих упоминаниях происхождение использованных терминов однозначно связано с происхождением этого оружия: «тюфяки» попали с Востока, а «*armata*» с Запада.

Приведенные выше предпосылки позволяют предположить, что на территориях, находящихся под властью золотоордынских ханов, уже во второй половине XIV в. было известно огнестрельное оружие. Скорее всего, оно появилось там из Центральной Азии.

Масштаб применения огнестрельного оружия в Золотой Орде еще предстоит тщательно изучить. Однако уже сейчас можно отметить, что его широкому применению определенно помешал упадок государственности Золотой Орды в последних десятилетиях XIV в., вызванный как внутренними факторами, так и явившийся результатом трех разрушительных походов Аксак Тимура на Золотую Орду в 1389–1396 годах [4, с. 336–373]. Упадок привел в начале XV в. к ее распаду на многочисленные ханства, ведущие между собой ожесточенную вражду. Сохраняющийся в последующих веках политико-экономический кризис тюркоязычных народов Восточной Европы привел к стереотипным, не всегда правильным суждениям, касающимся большого количества вопросов, в том числе и проблемы оценки вооружения этих народов в эпоху позднего средневековья. Состояние исследований военного дела Золотой Орды на сегодняшний день является еще далеким от удовлетворительного.

² Согласно арабским источникам, пушки использовал уже Исмаил I, эмир эмирата Гренады во время битвы за арагонскую Хуэску в 1324 г. [24, с. 120].

³ «*Tufak*» является уменьшительной формой от «*tup*» – орудие.

⁴ В современных тюркских языках слово «*tüfek*» значит «ружье».

1. Алишев С.Х. Источники и историография города Казани. – Казань, 2001.
2. Беленицкий А.М. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране // Известия Таджикского филиала Академии наук СССР. № 15. 1949.
3. Вилинбахов В.Б., Кирпичников А.Н. К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Т. 3. 1958.
4. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М., 1950.
5. Давыдов А.С. К истории огнестрельного оружия в Средней Азии // История этнографии народов Средней Азии / Под ред. А.К. Писарчик. – Душанбе, 1981.
6. Егоров Б.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 2008.
7. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. – Ленинград, 1976.
8. Кирпичников А.Н. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия // СА. № 3. 1957.
9. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. – М., 1980.
10. Кульпин Э.С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. – М., 2006.
11. Левина С.А. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т. XI. 1955.
12. Мавродин В.В. О появлении огнестрельного оружия на Руси // Вестник Ленинградского университета. № 3. 1946.
13. Очерки истории СССР. Т. II. Период феодализма IX–XV вв. – М., 1953.
14. По следам древних культур от Волги до Тихого океана. – М., 1954.
15. ПСРЛ. Т. VIII. Летопись по воскресенскому списку. – СПб., 1859.
16. ПСРЛ. Т. XI–XII. Патриаршая или Никоновская летопись. – М., 1965.
17. Смирнов А.П. Волжская Болгария // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / Под ред. С.А.Плетнева. – М., 1981.
18. Смирнов А.П. Волжские булгары. – М., 1951.
19. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Нижнего Поволжья в системе «Шелкового пути» // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье. – Донецк, 1992.
20. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877.
21. Charney M.W. Southeast Asian Warfare, 1300–1900. – Leiden-Boston, 2004.
22. Damdinsuren A. Mongolyn zevsgijn товч тууч. – Ulaanbaatar, 1990.
23. Gongoržab U. Mongolčuudyn galt eebseg cheregledeg bajsan туучийн асуудал, “Archeologijn судлал. Studia Archaeologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Reipublicae Populi Mongolici”. Т. VII, fasc. 10–18. – Ulaanbaatar, 1979.
24. Irwin R. The Mamluks in Egyptian and Syrian. Politics and Society. – Leiden-Boston, 2004.
25. Literatura rosyjska w zarysie / Под ред. Z. Barański, A. Semczuk. – Warszawa, 1975.
26. Łuszczyc J. Dymitr Doński. – Warszawa, 1987.
27. Minorsky V. La Perse au XV-e siecle entre Turquie et Venis. – Paris, 1933.
28. Needham J., H. Ping-Yü, G. Lu, L. Wang, D. Kuhn. Science and Civilisation in China, vol. V: 7. – Cambridge, 1987.
29. Needham J. Wielkie miareczkowanie. Nauka i społeczeństwo w Chinach i na Zachodzie. – Warszawa, 1984.
30. Nicolle D. Arms and Armor [в:] The Crusades / Под ред. A.V.Murray. – Oxford, 2006.
31. Szymczak J. Początki broni palnej w Polsce (1383–1553). – Łódź, 2004.
32. Świętosławski W. Artyleria przedogniowa, broń prochowa i gazy bojowe u późnośredniowiecznych Mongołów, „Rocznik Łódzki”. Т. 43. 1996.
33. Świętosławski W. Uzbrojenie koczowników Wielkiego Stepu w czasach ekspansji Mongołów. XII–XIV w. – Łódź, 1996.

Комплекс вооружения восточных кыпчаков в эпоху развитого Средневековья*

В период развитого средневековья заметную роль в этнокультурной истории кочевых народов Степного пояса Евразии играли тюркоязычные племена кыпчаков. В это время именно кыпчаки являлись одним из наиболее многочисленных тюркоязычных кочевых этносов, расселившихся по обширной территории степного пояса Евразии от Алтая до Дуная и включивших в орбиту своего влияния многие другие кочевые племена. Особенно выдающуюся роль они исполнили на арене военно-политической истории западного ареала Центрально-азиатского региона в предмонгольское время, когда создали несколько кыпчакских государственных образований. Позднее в периоды позднего Средневековья и Нового времени кыпчаки приняли участие в этногенезе и вошли в состав многих современных тюркских народов Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии, Алтая и Западной Сибири.

Анализ военного дела кыпчаков в полном объеме, с учетом материалов со всей территории их расселения в различные исторические периоды, представляет немалый научный интерес. По мере накопления археологических источников он должен стать предметом специального исследования. Привлечение материалов по истории оружия из западных кыпчакских, половецких комплексов в настоящей работе потребовало бы существенно расширить территориальные рамки исследования за пределы Центрально-Азиатского историко-культурного региона. Поэтому в настоящей работе необходимо ограничиться материалами по военному делу кыпчаков восточных районов их расселения. В отечественной исторической науке значительное внимание уделялось этнокультурной и военной истории кыпчаков западных районов их расселения в степях Восточной Европы, особенно в аспекте их взаимоотношений с Древней Русью и участия половцев в этногенезе современных тюркоязычных народов этого региона [9, с. 47–67, 122–123].

К памятникам восточного ареала кыпчакской культуры периода развитого Средневековья в Казахстане и Средней Азии относятся погребения по обряду ингумации без коня и поминальные сооружения с каменными изваяниями. Памятники восточных кыпчаков расположены в центральных и восточных районах Казахстана [1, с. 99–102]. К кыпчакской культурной общности исследователями были отнесены археологические комплексы предмонгольского и монгольского времени с территории предгорных районов Алтая и лесостепной зоны Западной Сибири, в составе которых представлены погребения по обряду одиночной ингумации и захоронения в сопровождении чучела или шкуры коня, но отсутствуют поминальные сооружения [10, с. 69–72]. По мнению ряда исследователей, кыпчакский компонент принял участие в формировании басандайской культуры эпохи развитого Средневековья в Верхнем и Среднем Приобье [11, с. 36, 158, 338].

Первый опыт обобщения материалов по военному делу восточных кыпчаков из памятников кочевников эпохи развитого Средневековья из этих районов был ранее предложен автором настоящей статьи [15, с. 106–120].

Судя по сведениям письменных источников и этнографическим данным, кыпчаки были расселены на обширных степных и лесостепных территориях Западной Сибири и западных районов Центральной Азии в течение всей эпохи развитого Средневековья [2, с. 198–202, 230–232]. В последующую эпоху монгольских завоеваний восточные кыпчаки оказались первым объектом завоевательной политики Чингиз-хана и его преемников. Они играли важную роль в военно-политической истории Монголии и народов Саяно-Алтая в монгольскую эпоху [7, с. 136–137]. В дальнейшем восточные кыпчаки составили основное кочевое население восточного крыла Улуса Джучи, или Золотой Орды, крупнейшего государственного образования в составе Монгольской империи.

Комплекс вооружения восточных кыпчаков в предмонгольское и монгольское время включал различные средства ведения дистанционного, ближнего боя и защиты.

Вооружение дистанционного боя в кыпчакских памятниках представлено деталями луков и стрел, а снаряжения – принадлежностями колчанов. Кыпчакские воины имели на вооружении два

* Работа выполнена по проекту РНП.2.2.1.1/13613.

типа луков: со срединными боковыми, и с одной срединной фронтальной накладкой [15, с. 107]. Срединные боковые накладки лука были обнаружены в процессе раскопок ритуальной ограды с каменными изваяниями на памятнике Мыржик в Центральном Казахстане [3, с. 144]. Для эпохи развитого Средневековья луки со срединными боковыми накладками были мало характерны. Они были широко распространены в древнетюркское время [13, с. 139, 181]. Вероятно, такие луки сохранились у восточных кыпчаков на отдаленных территориях их расселения.

В погребении кыпчакского воина XIII–XIV вв. в Дальверзине был обнаружен лук со срединной фронтальной «веслообразной» накладкой [4, с. 277].

Подобные луки получили широкое распространение в первой половине II тыс. н.э. В специальной литературе они именуются «монгольскими» или «луками монгольского типа» [14, с. 99, 103]. Это было скорострельное оружие, с помощью которого велся скорострельный массированный обстрел противника. Хотя в памятниках восточных кыпчаков они представлены достаточно редко, вполне вероятно, все кыпчакские всадники были вооружены подобными луками. Нельзя исключить и употребление восточными кыпчаками цельнодеревянных луков.

Кыпчакские наконечники стрел делятся на два класса – железные и костяные. По сечению пера они подразделяются на несколько групп. Наиболее распространенными среди кыпчакских воинов были железные стрелы с плоскими наконечниками асимметрично-ромбической, удлинненно-ромбической, секторной, полулунной, вильчатой формы и наконечники с затупленным острием – томары [15, с. 108–109]. По дальности и точности полета они несколько уступали трехлопастным стрелам, но превосходили их в скорости, что соответствовало тактике массированного обстрела противника. Для пробивания панцирных и кольчатых доспехов кыпчакские стрелки применяли линзовидные в сечении наконечники с удлинненно-ромбическим и удлинненно-треугольным пером, четырехгранные в сечении стрелы вытянуто-пятиугольной формы, прямоугольные наконечники с затупленным острием [15, с. 109–110]. С их помощью можно было эффективно пробивать металлические панцирные пластины, рассекать, или раздвигать кольца кольчуги. Железных стрел не всегда хватало, поскольку для массированной стрельбы их требовалось очень много, поэтому в случае их нехватки восточные кыпчаки пользовались стрелами с костяными наконечниками. Подобными костяными стрелами восточные кыпчаки пользовались не только на охоте, но и для боевых целей. Костяные наконечники стрел с ромбическим в сечении пером удлинненно-ромбической и удлинненно-треугольной формы были обнаружены в археологических памятниках восточных кыпчаков в степях Казахстана [15, с. 111].

Среди наконечников, находившихся в арсенале средств ведения дистанционного боя восточных кыпчакских воинов и ориентированных на поражение незащищенного панцирем противника, преобладают плоские, наиболее распространенных форм в монгольскую эпоху: асимметрично-ромбические, томары, удлинненно-треугольные. Реже встречаются секторные и вильчатые наконечники. На северной периферии расселения племен, находившихся в сфере влияния восточных кыпчаков, в лесостепных и степных районах Алтая и Западной Сибири в предмонгольское время достаточно широко употреблялись и костяные наконечники. Стрелы универсального и бронебойного назначения в памятниках восточных кыпчаков довольно немногочисленны. Среди них представлены стрелы различного сечения пера, но с вытянутым острым или тупым острием. Сравнительно небольшое количество форм бронебойных наконечников и находок подобных стрел в составе колчаных наборов восточных кыпчакских воинов может объясняться тем, что в боевой практике им приходилось противостоять, преимущественно, легковооруженным противникам. Среди вражеских воинов, противостоящих восточным кыпчакам в предмонгольскую эпоху на поле боя, защищенных металлическими доспехами, преобладали среднеазиатские всадники и пехотинцы, располагавшие для своей защиты ламеллярными панцирями и кольчугами.

В целом комплекс наконечников стрел восточных кыпчаков в наибольшей степени сопоставим с монгольским набором средств ведения дистанционного боя [14, с. 105–114]. Это соответствует общей тенденции развития средств дистанционного боя в кочевом мире в эпоху развитого Средневековья. В монгольское время восточные кыпчаки служили в войсках государств чингизидов, что способствовало дальнейшей унификации вооружения.

Кыпчакские воины хранили и носили стрелы в берестяных колчанах. Они относятся к одной группе – колчаны с цилиндрическим приемником. По форме делятся на два типа: с горизонтально срезанным верхом и открытые колчаны с карманом.

Стрелы в колчанах первого типа помещались наконечниками вверх. Внешняя поверхность приемника украшалась костяными накладками с геометрическим или зооморфным орнаментом. На тасмолинском колчане сохранились обломки трех горизонтальных поясков, состоявших из костяных пластин, прикреплявшихся к приемнику под горловиной, в средней и нижней части колчана. Орнаментация пластин состоит из четырехлепестковых розеток, треугольников, прямых и ломаных линий. На пластине колчана из Вишневки, наряду с горизонтальными линиями, полосами треугольников, циркульным узором, присутствуют стилизованные изображения птиц и оленей с ветвистыми рогами [6, с. 132–134]. По мнению исследователей, такие пластины либо полностью покрывали верхнюю часть колчана, либо нижнюю часть, оставляя небольшие участки бересты. По находкам из Вишневки трудно судить, применима ли подобная реконструкция к колчанам восточных кыпчаков.

Колчан второго типа был обнаружен в памятнике Жартас в Казахстане [8, рис. 72, 90]. Он имел продолговатый, расширяющийся к днищу приемник и карман, возвышающийся над горловиной. Стрелы в нем помещались наконечниками вверх.

Колчаны подвешивались к поясу с помощью пластинчатых петель, железного крюка и ремешков. Пластинчатые петли с отверстиями для крепления к приемнику и продевания ремня обнаружены на памятнике Мыржик в Казахстане. Одна из петель орнаментирована по внешнему краю. Авторы находки усматривают в форме петель контуры водоплавающей птицы [3, с. 148]. В колчанах обоих типов встречаются по нескольку стрел с разнотипными наконечниками. Сложно сказать, какова была реальная вместимость приемников обоих типов колчанов, и насколько она могла различаться. Судя по всему, оба типа колчанов применялись восточными кыпчаками на всем протяжении периода развитого Средневековья.

Предметы вооружения ближнего боя встречаются в памятниках восточных кыпчаков очень редко. Вероятно, они очень высоко ценились, поэтому их клали в качестве сопроводительного инвентаря умершим воинам в исключительных случаях. Один из таких клинков был обнаружен в памятнике Королевка в Казахстане [8, рис. 72, 53]. Судя по этой редкой находке, на вооружении у восточных кыпчакских воинов были слабоизогнутые сабли с ладьевидным перекрестьем. У таких сабель был однолезвийный, слабоизогнутый клинок, со скошенным к спинке острием. Перекрестье было напускное, прямое, ладьевидное, с расширением в центре в сторону рукояти. Черен рукояти также прямой, с двумя отверстиями и заклепками для крепления обкладки.

Несмотря на большую редкость находок в памятниках, сабли необходимо считать наиболее распространенным видом клинкового оружия у кыпчаков, о чем свидетельствуют такие находки, обнаруженные в кыпчакских погребениях Восточной Европы, Приуралья и Западного Казахстана [15, с. 114].

В условиях рукопашного боя восточными кыпчакскими воинами применялись кинжалы. Находки кинжалов в памятниках восточных кыпчаков в Казахстане также не многочисленны. Они были обнаружены в нескольких памятниках Жартас, Тасмола и Королевка в Центральном и Восточном Казахстане [8, рис. 72, 66, 67, 69]. Они имели однолезвийный, трехгранный в сечении, прямой клинок без перекрестья.

Предметы защитного вооружения в памятниках восточных кыпчаков встречаются очень редко.

В памятниках восточных кыпчаков детали защитного пластинчатого доспеха не обнаружены. Однако панцири должны были использоваться в качестве средств защиты кыпчакскими воинами. Об этом свидетельствуют случайные находки панцирных пластин из Северного Казахстана [15, с. 115–116]. В пользу этого предположения свидетельствует распространение панцирного доспеха у кыпчаков, обитавших в западных районах степей Казахстана. По форме пластин и способу их соединения панцири могут быть отнесены к типу ламеллярных панцирей. Пластины имели прямоугольную форму с округлым краем и отверстия, через которые крепились ремешками в составе панцирного набора. Найденные в Северном Казахстане пластины различаются по форме. Одна пластина прямоугольной формы с округлыми концами. Она имеет три пары отверстий на одном конце, три пары отверстий в средней части пластины и одно отверстие на противоположном конце. Другая пластина также прямоугольная, но с одним округлым концом. Она имеет 5 отверстий на округлом конце, три отверстия в средней части и два отверстия на противоположном прямом конце. Очевидно, что обе пластины не могли входить в состав одной полосы ламеллярного панциря, а скорее всего принадлежали разным доспехам. Подобные панцири были широко распространены в кочевом мире в период раннего Средневековья. Близкие по форме пластины известны

у древних тюрков, кыргызов, кимаков [12, с. 119–123; 13, с. 158–159, 196–197]. Однако они продолжали бытовать и в период развитого Средневековья. Североказахстанские пластины имеют отличия от кимакских, но сопоставимы с кыргызскими и киданьскими, относящимися к периоду развитого Средневековья. Ламеллярные панцири известны в кыпчакских памятниках Западного Казахстана. Судя по этим находкам, кыпчакские панцири представляли собой куяки с коротким подолом и рукавами. По-видимому, у кыпчаков были и пластинчатые панцири. Деталь такого панциря, с пластинами ламинарной системы крепления и заклепками для прикрепления к основе с внутренней стороны, была обнаружена во время раскопок городища Бузук-Тобе [5, с. 205–210]. Хотя атрибуция находки не дает оснований относить ее непосредственно к кыпчакам, вполне вероятно, что они могли быть знакомы с подобной формой доспеха. Была известна кыпчакам и кольчуга. Фрагмент кольчуги был обнаружен в одном из разрушенных курганов у с. Вишневка в Северном Казахстане [6, с. 131]. Вполне вероятно, что восточные кыпчаки использовали для защиты головы железные сфероконические шлемы, подобные тем, что известны у кочевников Западного Казахстана и Приуралья.

Собранные к настоящему времени находки оружия из памятников на территории Казахстана и Западной Сибири позволяют реконструировать комплекс вооружения восточных кыпчаков. Кыпчакские воины обладали известным набором средств ведения дистанционного боя. У них на вооружении имелись разные типы сложносоставных луков, набор железных стрел для поражения незащищенного панцирем противника и для пробивания брони. Среди них имеются массивные наконечники наиболее распространенных в предмонгольское и монгольское время форм. Судя по всему, спектр железных стрел, применявшихся кыпчаками, далеко не полон. Не северной периферии расселения кыпчакских племен всадники иногда, пользовались и костяными наконечниками. Стрелы хранились в колчанах разных форм, украшенных костяными, орнаментированными накладками. В ближнем бою кыпчакские воины пользовались саблями со слабоизогнутым клинком. Вероятно, у них имелись и другие виды колющего и рубящего оружия, хотя данных на этот счет пока не имеется. В рукопашном бою они могли пользоваться кинжалами. Из защитных средств у кыпчаков были ламеллярные и, возможно, панцирные доспехи, кольчуги и шлемы.

Судя по составу находок в погребениях, восточные кыпчаки были не настолько хорошо вооружены средствами ведения ближнего боя и защищены доспехами в сравнении с половецкими воинами из западных районов Казахстана, Приуралья и Восточной Европы [15, с. 117]. При проведении сравнительного анализа необходимо учитывать разную степень изученности восточных кыпчакских и половецких памятников. Однако не исключено, что такое различие отражает реальное положение вещей, поскольку со времени образования улуса Джучи в XIII в. центральные и восточные районы Казахстана становятся далекой восточной периферией этого государства. По сравнению с восточноевропейскими и прикаспийскими районами Золотой Орды, соседствующими со Средней Азией и государствами Восточной Европы, земли восточных кыпчаков уступали им в своем развитии.

Судя по находкам оружия ближнего боя и средств индивидуальной металлической защиты в кыпчакских памятниках на территории Казахстана и соседних районов Западной Сибири, в составе войск восточных кыпчаков имелись тяжеловооруженные всадники. Трудно сказать, формировались ли из них отряды панцирной кавалерии, поскольку данных на этот счет к настоящему времени недостаточно. Вероятнее всего, преобладали в войске легковооруженные кавалеристы, основным оружием которых были лук и стрелы. С включением кыпчаков в состав войск монгольских государств характер их вооружения нивелируется и становится мало в чем отличным от монгольского.

Сведения о структуре военной организации кыпчаков в первых веках II тыс. н.э. очень фрагментарны. После распада Кимакского каганата в конце I – начале II тыс. н.э. кыпчаки выделились в самостоятельное этнополитическое объединение с центром в Северном Казахстане. Согласно представлениям современных исследователей, это был союз племен или военно-политическое объединение во главе с ханами [2, с. 198–199, 230–232].

В XI в. значительная часть западных кыпчакских, или половецких племен продвинулась далеко на запад в степи Восточной Европы. Поскольку это продвижение было связано с вооруженной борьбой против кочевых племен печенегов и гузов, надо полагать, кыпчакская конфедерация племен должна была обладать значительным военным потенциалом и боеспособной военной организацией. Поскольку в состав кыпчакского союза племен входили йемеки и другие кочевые

племена, находившиеся ранее в составе Кимакского каганата, можно думать, что крушение этого государственного образования произошло не только вследствие центробежных тенденций в этом государстве, но и в результате заметного усиления кыпчаков, ставших военно-политическим гегемоном в степях Казахстана. По мере продвижения на запад, кыпчаки включили в состав своей конфедерации многие кочевые тюркоязычные племена, а этноним «кыпчак» стал политонимом для всего союза и дал название всему западному ареалу евразийских степей – Дашт-и-Кыпчак. Вероятно, в этот период в состав кыпчакского объединения вошли и некоторые племена, монгольские по происхождению. В составе кыпчакской конфедерации имелись и родовые объединения: йети-оба, торт-оба [2, с. 189, 200, 263]. Вероятно, формирование войск происходило по родоплеменному принципу, когда каждое племя или род формировали определенную воинскую единицу. По мнению исследователей, кыпчакская конфедерация в XI – начале XII вв. приобрела характерные черты кочевого государства. Кыпчакская конфедерация распалась в 1133 г. под ударами войск Хорезм-шаха, Атсыза на два объединения [2, с. 204]. Одно из них включало западных кыпчаков во главе с племенем Ильбари, и восточных кыпчаков, среди которых доминирующее положение заняло в XII в. монгольское племя байаутов, откуда происходил известный полководец Юаньской империи кыпчак Тутуха [2, с. 200]. После монгольского завоевания и включения восточных кыпчаков в состав Улуса Джучи формирование военных отрядов должно было происходить в соответствии с десятичной системой деления войска и народа. Судить о численности войск восточных кыпчаков по имеющимся данным довольно трудно.

Имеющиеся данные по вооружению и структуре восточных кыпчаков позволяют реконструировать особенности их военного искусства. Для легковооруженной кыпчакской конницы была характерна тактика рассыпного строя в конном бою, основанная на интенсивном обстреле построения противника с дистанции полета стрелы. Кыпчакские отряды могли охватывать войска неприятеля с флангов и провоцировать их наступление притворным бегством. В то же время наличие у них оружия ближнего боя и защиты свидетельствует об их возможности предпринимать атаку – лавой, о попытках решать исход сражения в рукопашной стадии конного боя [15, с. 120].

Сравнительная непрочность кыпчакской конфедерации в военно-организационном отношении не помешала кыпчакам вести активную наступательную военную политику в отношении степных кочевых племен Приуралья, Восточной Европы и оседло-земледельческих государств. В то же время кыпчаки не смогли выдержать военного давления со стороны хорезмийских войск, неоднократно совершавших военные походы в кыпчакскую степь в XII–XIII вв., что привело к распаду кыпчакской конфедерации и зависимости приуральских кыпчаков от Хорезмшахов. В XIII в. хорезмийское войско во главе с Хорезмшахом Мухаммедом совершило далекий поход через степи до р. Кумак в Северном Казахстане, где произошло первое сражение хорезмийцев с монголами. Кыпчаки не могли препятствовать походам хорезмийской армии, состоявшей из конных воинов, в значительной части из самих же кыпчаков [2, с. 205, 218].

Поэтому важную роль в их военном искусстве играла тактика отступления, использования хорошего знания местности, внезапных нападений. Таким образом кыпчаки пытались бороться с монгольскими армиями в XIII в. Часть кыпчаков под давлением монголов стремилась уйти с ранее населенных мест в западном или северном направлении. Эти миграции ускорили процессы тюркизации угорского и самодийского населения, заселявшего лесостепные и южные таежные районы Западной Сибири.

Однако большая часть восточных кыпчаков подчинилась правителям государств Чингизидов. С этого времени они уже не вели самостоятельных войн, участвуя в военных действиях в составе монгольских войск. Восточные кыпчаки участвовали в междоусобных войнах Чингизидов в Центральной Азии. Кыпчакский полководец Тутуха достиг высокого положения в военной иерархии империи Юань. Возглавляемое им войско покорило племена Саяно-Алтая, сокрушило войска противников императора Хубилая [7, с. 136–137].

Восточные кыпчаки Казахстана входили в состав Улуса Джучи, а в дальнейшем – Золотой Орды. Многие традиции военного искусства кыпчакских кочевников были использованы в дальнейшем кочевым населением Золотой Орды, принявшим в период позднего Средневековья обобщенное наименование татар. Комплекс вооружения восточных кыпчаков эпохи развитого Средневековья стал основой для развития военного дела у населения восточных районов Золотой Орды и Сибирского татарского ханства в течение последующей исторической эпохи позднего Средневековья [16, с. 310–316; 17, с. 240–247].

В составе комплекса вооружения тюркоязычных кочевников степной части Алтая и прилегающих районов Западной Сибири сохранили свое значение в качестве основных видов оружия дистанционного боя сложносоставные луки и стрелы с плоскими железными наконечниками с асимметрично-ромбической, удлинненно-ромбической, секторной и вильчатой формой пера. В памятниках эпохи позднего Средневековья на этих территориях не выявлено бронебойных стрел. Продолжали использоваться для поражения цели и костяные наконечники разных форм. В составе оружия ближнего боя эпохи позднего Средневековья выделяются сабли, среди которых имеются клинки китайского производства и копья с завитками или отрожками и секиры, которые были заимствованы у русских воинов. В качестве основного вида индивидуальной металлической защиты воины, как и в эпоху развитого Средневековья, продолжали применять кольчуги среднеазиатского производства. Однако наиболее значимым изменением в составе комплекса вооружения тюркоязычного кочевого населения этих районов на рубеже эпох позднего Средневековья и начала Нового времени стало освоение огнестрельного оружия [16, с. 310–316]. Несмотря на заимствование некоторых видов оружия ближнего боя у русских, джунгар и маньчжур, потомки восточных кыпчаков сохранили основу оружейного кыпчакского комплекса вплоть до Нового времени.

1. Акишев К.А., Байпаков К.М. Вопросы археологии Казахстана. – Алма-Ата: Мектеп, 1979. – 159 с.
2. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 293 с.
3. Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1985. – С. 137–161.
4. Заднепровский Ю.А. Кочевническое погребение XIII–XIV вв. в Фергане // Советская археология. 1975. № 4. – С. 276–280.
5. Исмаилов Р.Б., Худяков Ю.С. Панцирь из городища Бузук-Тобе // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 204–211.
6. Кадырбаев М.К. Зооморфные костяные пластины из Северного Казахстана // Древности Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1975. – С. 130–140.
7. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1969. – 211 с.
8. Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – С. 194–200.
9. Плетнева С.А. Половцы. – М.: Наука, 1990. – 208 с.
10. Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 53–72.
11. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.
12. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
13. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.
14. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.
15. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 160 с.
16. Худяков Ю.С. Комплекс боевых средств Алтая и юга Западной Сибири в эпоху позднего средневековья // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Серия: Восток-Запад: Диалог культур Евразии. Вып. 4. – Казань: Фэн, 2004. – С. 308–318.
17. Худяков Ю.С. Военное дело Сибирского ханства в позднем средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3. Археология и этнография. – С. 238–254.

Монгольская латная конница и ее судьбы в исторической перспективе

Миф о несметных диких ордах монгольских завоевателей, вооруженных только луками и защищенных только шкурами и кожами, господствовал в умах европейских (в т.ч. российских-советских-российских) ученых и литераторов столь долго и укоренился столь крепко, что его пережитки можно встретить до сих пор, правда, в основном у неспециалистов и совсем уж невежественных любителей – основных обитателей Интернета. Большинству же специалистов, однако, приходится учитывать тот объективный факт, что в феноменальных победах монголов высокий уровень вооруженности, в том числе защитным доспехом, сыграл роль никак не менее важную, чем, скажем, всеми отмечаемые дисциплинированность, разведка и полководческое мастерство в монгольских вооруженных силах XIII в. И уж, конечно, более важную, нежели численное превосходство, которое в большинстве случаев было относительным и достигалось стратегико-оперативным мастерством полководцев, а на Востоке – в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, в странах мусульманского Востока оно было, как правило, на стороне противников монголов. Хотелось бы коснуться истории той ситуации в изучении монгольской латной конницы, которая сложилась на сегодняшний день.

Еще в середине 60-х гг. прошлого века, когда вся отечественная наука пребывала в уверенности о тотальном преобладании в монгольском войске XIII–XIV вв. легкой конницы, автор, зная ситуацию с военным делом у средневековых народов Евразии (т.е. Европы, Азии и Северной Африки), поставил перед собой вопрос: почему у большинства народов на полях сражений господствовала – решала исход боя – конница тяжеловооруженных воинов, а монголы были ею обделены? Тем более, что у *всех* их соседей и предшественников в течение тысячи лет, предшествовавших Чингиз-хановым подвигам, ядром войска были не просто панцирники на конях, как в Европе, но полноценная латная конница, где броней были покрыты не только люди, но зачастую и лошади. Кстати, то же место имело в Византии и на мусульманском Востоке. Хозяйственно-культурный тип монголов ничего не объяснял – в латной коннице, скажем, авар или древних тюрок никто не сомневался – она была описана византийскими и китайскими авторами, встречались изображения и находки остатков доспехов. С монголами же получалась какая-то мистика: только они (видимо, в силу своей, как полагали многие авторы, сугубой отсталости) не имели доспехов и сколько-нибудь серьезного – и массового – оружия ближнего боя (в связи с чем военные историки приписывали монголам нестойкость в бою и отмеченное письменными источниками уклонение от тесной схватки), и они же – при часто меньшем числе воинов, нежели у прекрасно вооруженного и опытного противника, – одерживали постоянные победы.

Но два источника перечеркивали безрадостную картину монгольского безоружья, и особенно бездоспешья. Первый источник был письменный: в отчете монаха-минорита, посланника священного престола к монголам Иоанна дель Пиано (Плано) Карпини оружие и доспехи были подробно описаны, а уж панцири так подробно, что указывалось даже число отверстий в пластинках. Трудность была только в том, что переводчик не представлял себе описываемого автором предмета. Но эта трудность была преодолена, когда, занимаясь иранской миниатюрой, я обнаружил, что именно то, что описывал Карпини, во множестве изображено на обильных миниатюрах в рукописях «Джами ат-таварих» великого историка Ильханов Рашид ад-Дина, созданных в Тебризе в нач. XIV в., и на миниатюрах рукописи «Шах-намэ» Фирдавси из бывшего Собрания Демотта, которые я датировал – по аналогиям предметов вооружения в армянских миниатюрах, точно датированных – 30-ми гг. XIV в. [9, с. 76–77]. Мало того, что на них было полно и точно отражено разнообразие и развитие монгольского оружия в 1-й трети XIV в., художники *всех* воинов нарядили в доспехи. Тогда же я познакомился с шедевром оружейведения – бессмертным трудом Б.Тордемана «Доспех битвы при Висбю 1361 г.» 1939 г., где впервые и в максимальной полноте была показана предыстория всех типов панцирей из твердых материалов (кроме заимствованной кольчуги), использовавшихся монголами, и их поздние этнографические аналогии, особенно тибетские и из С.-В. Сибири. Он первый сопоставил текст Плано Карпини и миниатюры «Джами ат-таварих» [29, с. 253], и то, и другое – с панцирями Тибета, народа наси, чукчей, коряков и эскимосов. Также он ввел и терминологию брони: ламеллярная (из мелких пластинок, связанных между собой),

ламинарная (из полос, связанных между собой) и *coat of plates* (из пластин, закрепленных на мягкой основе, обычно изнутри ее) (я предложил термин «пластинчато-нашивной» как русский эквивалент последнего термина). После получения столь мощной поддержки из 30-летнего прошлого работать стало гораздо легче. Как А.Ф.Медведев, открывший древнерусский пластинчатый доспех, проанализировав изобразительный материал, сопоставил его с археологическими находками, быстро стал пополнять репертуар многочисленными и до того не интересными археологам железными «пластинками неизвестного назначения» [22], так и идея монгольского доспеха после сопоставления изобразительных и вещественных памятников стала наполняться обильным содержанием, т.к. в источниках самого разного характера стало возможным опознать монгольские доспехи и их детали [15; 8; 14; 4; 6; 7; 10]. Именно изобразительные источники позволили мне на раннем этапе работы над историей монгольского доспеха типологизировать панцири по их материалу, структуре бронирования и покрою. Что полностью подтвердилось археологическими находками, пусть и редкими, целых монгольских панцирей. Кстати, абсолютно аналогичная история получилась у меня при изучении раннего монгольского костюма в 70 – нач. 80 гг. прошлого века [10]. Тогда, сопоставив иранские миниатюры с китайской живописью и графикой и монгольской каменной скульптурой, и все вместе – с текстом Плано Карпини, я сделал – впервые – подробное описание и анализ монгольского костюма XIII–XIV вв. И все находки археологических костюмов от Монголии и Китая до Поволжья полностью подтвердили протокольную точность столь разнотипных памятников искусства. Отобранные (ввиду ограниченности места) из множества письменные источники эпохи Чингизидов и более поздние материалы по монголо-ойратам позволили увидеть широкую и разнообразную материальную базу массового производства монгольского оружия [14]: это и собственное производство его (особенно стрелкового оружия, древкового оружия и доспехов) самими монголами в кочевьях и при ставках знати обычными кочевниками и профессиональными мастерами; это и эксплуатация огромных масс пленных и подневольных мастеров, собранных в фабрики-*корханэ* и производивших под присмотром монгольских мастеров оружие монгольского образца; это, наконец, продукция вольных мастеров разных подвластных народов, работающих на рынок и платящих подать продукцией своего ремесла, при условии, что все оружие и снаряжение должно быть монгольского образца. Последнее требование, вероятнее всего (судя по изобразительным источникам), предъявлялось и к одежде, которую мастера-швейники должны были сдавать в ханские хранилища для последующей выдачи потребителям. Очень важным фактом, позволившим судить о «эксплуатационных возможностях» ламеллярного панциря, явилось личное ознакомление и экспериментирование с подлинным тибетским доспехом XVII–XIX вв., хранящемся в МАЭ и подробно опубликованным (после публикаций его фото Г.Ц.Цибиковым и Б.Тордеманом) А.М.Решетовым [24, с. 130–131, рис. 16]. В моей статье, анализирующей доспех Ближнего и Среднего Востока VIII–XV вв. по данным изобразительных источников, был предложен следующий вывод: развитие доспеха Ближнего, Среднего Востока и севера Индостана в XV–XVII вв. проходило зачастую в русле традиций монгольского доспеха, конкретно – его кроя (вывод этот был утерян в сокращенном, по сравнению с русским оригиналом, английском ее тексте, вышедшем в Англии в 1979 г. [25]; позже эта тенденция была отмечена в моей статье о монгольском оружии и костюме как явлении монгольской имперской культуры [10]¹. Зато в значительно более позднем исследовании о монгольских щитах и их дериватах идея монгольского наследия получила максимально яркое отражение [17].

В отечественной науке всегда утверждалось, что ни Монгольская империя в целом, ни такая, близкая нам, ее часть, как Золотая Орда, не создали сколько-нибудь единой культуры – опять-таки в силу особой культурной ущербности монголов, а тот культурный комплекс, что имел место, был «лоскутным», «мозаичным», «конгломератом слабо соединенных осколков различных, чуждых монголам и друг другу культур». Я предложил отказаться от подобных взглядов, предложив идею Монгольской имперской культуры, выраженной, прежде всего, в комплексе «репрезентативной культуры» – комплексе предметов, определяющих внешний облик человека (костюм, прическа, украшения, аксессуары, оружие), его коня (поскольку верхушкой империи были кочевники) (седло, узда, сбруя, «прическа»), издали позволявших определить принадлежность человека – вне зависимости от его этнического происхождения – к империи, к точно зафиксированному месту, положе-

¹ К сожалению, при публикации в 2009 году не была указана дата ее написания – 1989 г. и не были даны подписи к иллюстрациям. Учítывая все это, было решено данную статью с незначительными правками опубликовать в этом сборнике.

нию в ней. Впервые это было сделано в докладе в ЛО ИВ АН СССР в 1986 г. (там же я предложил отказаться от термина «кочевая империя», заменив его термином «империя, созданная кочевниками»). Доклад был сделан совместно с нашими выдающимися тюркологами С.Г.Кляшторным и Д.Д.Васильевым (они написали древнетюркский раздел, мой же был посвящен скифам, хазарам и монголам). Общий текст доклада был опубликован только в 1993 г. в Казани [2, с. 17–32], моя часть доклада – также в Казани, но уже в 2007 г. [7, с. 195–201]. К той же идее Монгольской имперской культуры пришел крупнейший специалист по искусству Евразии эпохи Чингизидов М.Г.Крамаровский из ГЭ. В 1988 г. я предложил В.Н.Басилову, куратору выставки «Кочевники Евразии», готовившейся к проведению в США, впервые включить в состав экспозиции предметы 4 (монгольского) периода – по археологической периодизации, за которыми обратиться именно к М.Г.Крамаровскому. С тех пор красота и роскошь монгольской имперской культуры покорили мир, и мировые выставки – «Чингизиады» проходят практически каждые 2–3 года, не надоедая публике. А в каталоге этой американской выставки мы с М.Г.Крамаровским впервые опубликовали наши взгляды на монгольскую имперскую культуру и ее основные характеристики [26, р.76, 86].

Таким образом, к началу нынешнего столетия можно утверждать, что в XIII – 1-й пол. XIV в. монголы, как и *все народы* Центральной и Восточной Азии и мусульманского Востока, обладали необходимыми по количеству контингентами латной конницы. И вооружение ее было прямым продолжением вооружения латной конницы Центральной и Восточной Азии – с некоторой, не принципиальной, собственной спецификой (рис. 1, 2, 3). Этот комплекс монголы принесли в ходе своих завоеваний на Запад. Народы, вошедшие напрямую под власть монгольской администрации, в военную систему империи Чингизидов, вынуждены были вооружаться «по-уставному», то есть по-монгольски. Единство имперской монгольской культуры в XIII–XIV вв. обеспечило не только аналогичность форм и близость отделки наградных поясов и чаш, одежд и украшений от Даду (Пекина) до Сараев: находки специфической разновидности пластинчато-нашивного панциря с коваными оплечьями из Тувы, Тибета, Осетии и изображение его на табризских миниатюрах 70-х гг. XIV в. [8, с. 256, табл. IV. V; 5, с. 136–140] (рис. 4) говорят о том же самом и в отношении доспеха еще в середине XIV в. Народы, сохранившие свою администрацию и культурную автономию, перенимали оружие победителей в меру высоты его оценки. В Европе, кроме панциря пластинчато-нашивного типа (coat of plates), от монголов был воспринят сам принцип тяжелого бронирования бойца и его коня: с середины XIII в. мы наблюдаем смену сплошь кольчужного доспеха (с редкими пластинчатыми элементами на руках и ногах) и матерчатой конской попоны на многослойную всадническую броню и бронирование боевого коня. На Руси получили признание роскошные шлемы чингизидской знати – с золоченым яйцеобразным, с острым навершием, куполом и скульптурной полумаской «брови-нос» [4]. Но забрала-личины в виде маски с обликом алтайского героя остались в степи, так как на Руси изготавливали забрала-личины по византийской иконографии ангельских ликов. Но и монголы, освоившись в Европе и в исламском мире, быстро и широко освоили применение популярной в этих регионах кольчуги, которая, значительно уступая по надежности всем типам традиционной монгольской брони из твердых материалов, превосходит любую броню по удобству. К сожалению, археологические памятники вооружения, в частности чингизидского, в абсолютном большинстве происходят из степного пояса от Подунавья до Средней Азии. Монголия же – как Республика Монголия, так и провинция Внутренняя Монголия в КНР практически не раскопана, Ближний и Средний Восток подарили лишь единицы предметов, хотя туда входят случайно найденный в Израиле роскошный комплекс кожаных ламинарно-ламеллярных лакированных панцирей мусульманской работы середины XIII в. [27, р. 204–206, ill. 20], и прекрасная, также случайно найденная сабля из Ирана, совершенно аналогичная раскопанной в южнорусских степях [28, Fig.7, cat no.136]. Мы уже можем выделить круг предметов защитного вооружения, в основном богато оформленных и принадлежавших чингизидской военной элите, где монгольская форма несет чисто мусульманские, или более или менее органично соединенные элементы ближне-средневосточного (мусульманского) и восточноазиатского декора. К первым относятся упомянутые панцири из Израиля, расписанные цветными лаками и несущие арабские надписи, ко вторым – два роскошных шлема. Первый – из Венгерского Национального музея, был найден на Дунае. По форме это – классический монгольский шлем с невысоким сфероконическим куполом и объемным козырьком, выкованным из одного куска с тульей. Его гравированный узор несет сельджукидский растительный узор, вписанный в форму монгольских трехлопастных пальметт, уже сильно «исламизированных», эпиграфический сельджукидский узор на

макушке и совершенно китайских фениксов на тулье [19, с. 218, рис. 4]; по декору шлем можно датировать 2 пол. XIII в. Второй шлем, неизвестного происхождения, ныне хранится в музее Royal Armouries (Королевский Арсенал) в Лидсе, Англия (цветная публикация – [23, с. 163]), который был исследован мной в Лондонском Тауэре в 1993 г. Его анализу был посвящен наш доклад 2006 г. [7]. Этот шлем имеет низкую полушаровидную тулью, прямо восходящую к чжурчжэньским прототипам, типично монгольские объемное граненое навершие и объемный козырек, выкованный из одного с тульей кучка металла. Поверхность его сплошь покрыта насеченным серебряным декором, сочетающим ляско-цзиньские растительные мотивы, окружающие четыре человеческие фигуры, фланкированные драконами. Эти фигуры имеют точную аналогию в гравированном декоре серебряной оковки передней луки седла XIII в. из Афганистана, хранящейся в собр. Давид в Копенгагене ([30, илл. 563]; в тексте моего доклада неверно названо собрание – Фурусийа). Сама форма луки имеет аналогии в археологических памятниках чингизидской эпохи от Южно-русских степей до Тянь Шаня, но стилистика изображения ведет нас в круг Газнийской торевтики XII–XIII вв., а иконография персонажа говорит, что перед нами Зоххак, царь-змей, герой иранского эпоса «Шах-намэ», восходящий к мифическому царю-дракону страны Забулистан в нынешнем Афганистане. Так что роскошный гвардейский или командирский шлем мог быть изготовлен в столице империи Юань – Даду – чжурчжэньским и иранским мастерами в середине – 2 пол. XIII в. Такую же сложную картину мы наблюдаем и на редких находках орнаментированных шлемов, раскопанных на европейских территориях Золотой Орды. Все три имеют монгольскую форму, шлемы из Таганчи в Поросье и из Гороховца на Волге украшены гравированным орнаментом в мусульманском стиле, включающим эпиграфические мотивы, а шлем из кургана Хургища в нынешней восточной Румынии – таушировкой золотом в византийском стиле, с изображениями святых: он мог быть сделан и в мастерских Даниила Галицкого, перевооружившего свою дружину к 1250 г. в «оружье татарское» [4, с. 25–26, 77, рис. 1, 6, 10], или позднее, в мастерских Ногай, владевшего и этими местами, и имевшего в распоряжении византийских мастеров, полученных вместе с византийской принцессой, и при иных контактах с Ромейской империей. Находки богатых престижных предметов вооружения империи Чингизидов крайне ярки и информативны, но столь же крайне редки. А ведь их было великое множество. Это ясно следует из следующего пассажа «Сокровенного сказания» (параграф 279), когда каган Угэдэй, воссев на трон, отдавал приказания по устройству империи, и среди прочего указал: «Далее, при каждом созыве сейма князей (курултае, проводившемся не менее 4-х раз в году. – М.Г.) надлежит раздавать подарки. Для этой цели мы учредим охраняемые городища с магазинами, наполненными тканями, серебряными слитками, сайдаками, луками, латами и прочим оружием. Для несения охраны выделим городничих-балагачинов и интендантских смотрителей-амучинов». Ситуация с парадным оружием совершенно аналогична положению с парадными чингизидскими тканями (упомянутыми в указе Угэдэя), которых дошло намного больше, несмотря на их меньшую, по сравнению с оружием, прочность. В их декоре то же, что и в рассмотренных шлемах, соединение китайских и мусульманских мотивов, включая арабографические. А сами «имперские» халаты, предназначавшиеся для монгольской знати и одарения знатных подданных – с полосами арабской графики и сельджукидского звериного года вдоль плеч и рукавов в виде целых эксклюзивных купонов, ткались в Восточном Туркестане, скорее всего, как это было принято в чингизидских государствах, на казенных мануфактурах. Симбиоз монгольских и сельджукских элементов в доспехе отражен в миниатюрах рукописи поэмы Аййуки «Варка и Гульшах» [25, ill.38, Fig. 58, 62, 63]. А контраст между комплексами полного – включая конский – доспеха сельджукского и монгольского конного латников ярко показан на гравировке серебряного блюда из Орхей. Как мы видим, имперская культура империи Чингизидов, частью которой являлось вооружение, действительно была соединением элементов разных культур, но не эклектичным простым сложением, но почти всегда органичным, не раслаиваемым сплавом всех своих составляющих. А поскольку и отбор этих составляющих, и результат их соединения контролировались, да во многом и выполнялись монголами, мы можем уверенно называть имперский чингизидский «большой стиль» – монгольским. И поэтому не случайно круг престижных объектов, составляющих чингизидскую имперскую культуру, охватывал такие сферы, как война=охота, и пир=курултай (сравни высокопрестижные формы жизни свободного воина – азата, дихгана – иранского мира: *разм о базм* – битва и пиршество.

Рис. 1. Конный латник правого крыла
Улуса Джучи (Кок Орда)
кон. XIII – нач. XIV вв. в ламелляр-
ной железной броне, клепаном шлеме
с пластинчатым околышем, с клепан-
ным железным щитом, и его конь в
ламинарной кожаной броне.

Реконструкция М.В.Горелика
по материалам раскопок Одиночного
кург. мог. Лебедевка II (шлем,
панцирь, боевой нож, бляхи узды),
Бештам-калы (щит), кург. 15, мог.
Уркач 1 (пояс), мог. Лебедевка (стре-
мя) и Новый Кумак (наконечник ко-
пья), Царевского городища (булава),
хулагуидской миниатюры 10–30-х гг.
XIV в. (конский доспех).

Рисунок М.В.Горелика, 2006 г.

Рис. 2. Монгольский конный
латник XIII – нач. XIV вв. в стальном
клепанном шлеме с глухой
ламеллярной бармицей, в ламелляр-
но-ламинарном панцире, с прутяным
щитом-калканом с железными оков-
ками, и его конь в железном наголо-
вье и в ламеллярно-
ламинарной броне.

Реконструкция М.В.Горелика
по археологическим находкам и
изобразительным источникам.
Рисунок М.В.Горелика, 2003 г.

Рис. 3. Монгольский латник 1-ой трети XIV в. в пластинчато-нашивном (coat of plates) панцире и железном клепанном шлеме с пластинчатым околышем.

Реконструкция М.В.Горелика по изображениям на хулагуидских миниатюрах 10–30-х гг. XIV в. и археологическим материалам.

Рисунок М.В.Горелика, 2005 г.

Рис. 4. Главнокомандующий Улуса Джучи последней трети XIV в. в пластинчато-нашивном панцире с коваными наплечниками, створчатыми наручами, кольчато-пластинчатыми створчатыми наголенниками, с яйцевидным шлемом с подвижным наносником, «бровями» и глухой кольчужной бармицей, и его конь в стальном наголовье и парадном панцире из кожи и ткани, обшитом золотыми пластинами.

Реконструкция М.В.Горелика по материалам музейных собраний, археологическим и изобразительным (иранская миниатюра 2-ой пол. XIV в.) источникам.

Рисунок М.В.Горелика, 2003 г.

Рис. 5. Конный латник западных регионов Золотой Орды 1-ой пол. XIV в. в шлеме с забралом-личиной, кольчато-пластинчатой броне (панцирь и поножи) и створчатых наручах, с щитом-калканом с железными оковками, и его конь в кольчужной броне и железном наголовье. Реконструкция М.В.Горелика по археологическим материалам. Рисунок М.В.Горелика, 2003 г.

Рис. 6. Главнокомандующий Узбекского и Казахского ханств 2-ой пол. XV – нач. XV вв. в кольчато-пластинчатой броне, с восточно-анатолийским или западно-иранским шлемом с забралом-личиной, и его конь в стальном наголовье и кольчужном или стеганом панцире, крытом тигриной шкурой. Реконструкция М.В.Горелика по материалам музейных собраний и иранских миниатюр. Рисунок М.В.Горелика, 2005 г.

Рис. 7. Ойратско-калмыцкий главнокомандующий XVII – нач. XVIII вв. в тибетско-монгольском шлеме, кольчуге, тибетско-монгольском железном ламеллярном панцире и стальных наручах.

Реконструкция М.В.Горелика по материалам музейных собраний и китайской живописи.

Рисунок М.В.Горелика, 2006 г.

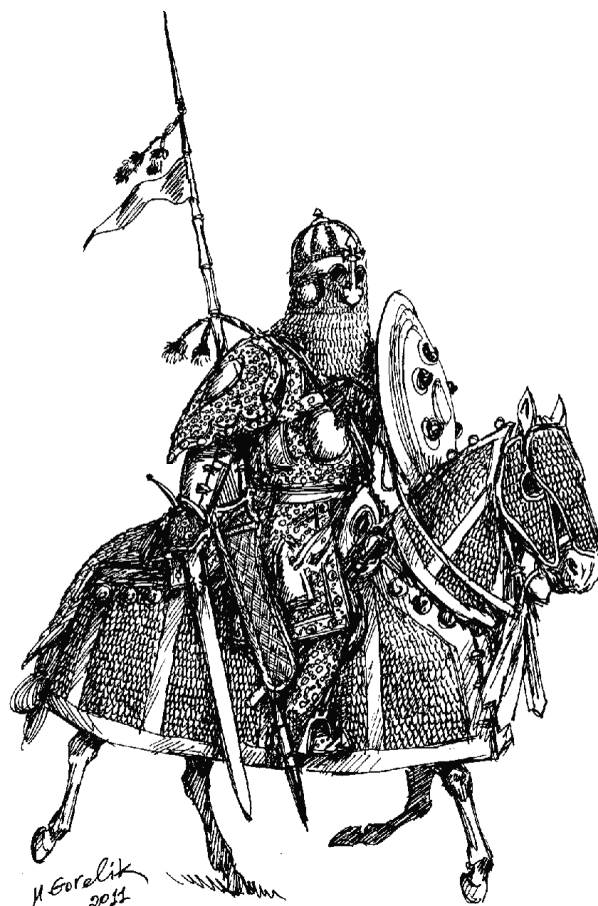

Рис. 8. Маньчжурский «знаменный» конный латник кон. XVII – XIX вв. в клепанном шлеме и пластинчато-нашивной броне – «татарском доспехе».

Реконструкция М.В.Горелика по материалам музейных собраний и китайской живописи.

Рисунок М.В.Горелика, 2005 г.

Рис. 9. Индийский «могольский» конный латник XVII–XVIII вв. в стальном шлеме, кожаном, крытом бархатом и снабженных мелкими бляшками и крупными стальными пластинами панцире «чихилта хазар маша» и таких же поножах, стальных створчатых наручах и со стальным щитом, и его конь в кожаном доспехе. Реконструкция М.В.Горелика по материалам музейных собраний. Рисунок М.В.Горелика, 2011 г.

Рис. 10. Казахский батыр XVIII в. в цельнокованом шлеме с приклепанным козырьком (иранско-калмыцкого типа) и в кольчуге.

Реконструкция М.В.Горелика по материалам музейных собраний и рисункам европейских художников-путешественников.

Рисунок М.В.Горелика.

На основе принесенных центральноазиатских форм доспеха, выразившихся ярче всего шлемах и конструкции и декоре прутьяно-нитяных щитов «халха–калкан» с европейским по происхождению бронированием, и традиционной для Европы и Средней Азии кольчуги на территории степей и гор правого крыла Улуса Джучи складывался в течение XIV в. доспешный комплекс, который, по старинной русской традиции, можно бы назвать «татарским». В нем кольчуга дополнялась и замещалась пластинчато-нашивным панцирем, принесенными монголами из Средней и Центральной Азии наручами типа «базубанд» (рис. 4). Важнейшим изобретением золотоордынских оружейников 1-й трети XIV в. следует признать пластинчато-кольчужную броню (Дмитриевский 2 мог., Праздничное в Прикубанье, Ново-Кумак в Башкирии) (рис. 4). Похоже, это изобретение могло принадлежать черкесским мастерам, опиравшимся на очень мощную и широкую базу оружейного производства, судя по беспрецедентному числу находок самого дорогого оружия – сабель и доспехов, причем выработанных на базе монгольских перспективных местных вариантов [18, с. 160–189]. Несомненно, благодаря наличию блестящей латной конницы черкесов почти всегда первыми называли мусульманские авторы, перечисляя этнический состав Джучидского воинства. Кстати, за черкесами в перечислениях идут русские. Что касается половцев (упоминаемых под наименованием кыпчаков, что неверно), то после трагедий 1-й пол. XIII в. мы наблюдаем подлинный расцвет их воинской культуры и самосознания во 2-й пол. XIII – 1-й трети XIV вв., выразившийся в наличии тяжеловооруженной знати, погребенной в европейских кольчугах, монгольских шлемах, с монгольскими саблями и саадаками, но в половецких костюмах и половецких отличиях знатного воина – «боевых бюстгальтерах» и гривнах [20; 11]. Судя по всему, именно половцы внесли существенный вклад в формирование кроя самого торжественного «имперского» наряда монголов [10, с. 167]. Правда, именно половцы после середины XIV в. полностью утратили свою этноидентичность, восприняв, вместе с имперской культурой, и названия монгольских племен. В то же время ясы, игравшие, судя по текстам, весьма значительную роль в джучидском и юаньском войсках, археологически и изобразительно почти никак не представлены в воинской ипостаси. Отдельным регионом оружейного производства можно считать Волжскую Булгарию, с ее мощной, еще домонгольской производственной базой сходного с русским оружейного комплекса, особенно защитного вооружения [21]. Вероятно, именно оседлых городских жителей Булгарии, как и других городов Улуса Джучи, мы можем полагать теми, кто в русских текстах назван бесерменами, есть мусульманами. Они не входят в военную систему государства, но, обладая воинской подготовкой и вооружением, выставляют, в случае нужды, ополчение. Наконец, монголы – и те десятки тысяч, пришедших из Центральной Азии, те сотни тысяч разноплеменных тюрок, принявших названия монгольских племен [10], должны были более других придерживаться монгольской традиции в вооружении. Воинство Центрального Улуса, ставшего империей Юань, сохранило все монгольские традиции изготовления оружия, хотя монгольские генералы не отказывали себе в роскошных китайских командирских доспехах.

В XV в. изобретенный в Золотой Орде кольчато-пластинчатый доспех получил бурное развитие в странах мусульманского Востока от Магриба до Средней Азии: кочевая элита Средней Азии и Казахстана (рис. 6) пользовалась изделиями мавераннахрских и хорасанских мастеров, крымской знати были доступны османские доспехи, а ногайская знать получала доспехи и из Ирана, и из Бухарии, и от Османов, и из Руси, причем составляющие кольчужно-пластинчатого защитного комплекса в XV–XVI вв. во всех перечисленных регионах отличались лишь малозаметными деталями декора.

Еще в 1986 г. я предложил периодизацию развития военного дела кочевников Евразии [13, с. 22–23]. В ней V период назван «монгольским» и характеризуется преобладанием и консолидацией на огромных пространствах единой военной системы с оружием центрально-восточноазиатских форм. Добавим, что система эта была открытой и развивалась, изменяясь. Следующий – и последний – VI период характеризуется распадом единства, которое попытались – ненадолго и неудачно – восстановить ойраты-калмыки в XVII–XVIII вв. Сейчас я назвал бы эти два противоположных оружейных комплекса кочевников, сложившихся к XVII–XVIII вв., условно, западным, «татарским», и восточным, «монгольским». «Татарский» характеризуется абсолютным преобладанием легкой конницы, то есть практически отсутствием доспехов из твердых материалов у основных масс воинов (при изобилии импортных доспехов у военной элиты). «Монгольский» же комплекс полностью, если не еще более увеличив, сохранил контингенты латной конницы. Этот контраст связан, как мне думается, с разницей в исторической ситуации на западе и востоке степной зоны. Дело в том, что в

Улусе Джучи, возродившем старые и создавшем многочисленные новые городские центры, производство доспехов было перенесено из степи в эти городские центры. Но с захватом (Казань, Астрахань) и разорением (Сарайчик) их в XVI в. Московским государством рядовые кочевники, сконцентрированные в основном в Ногайской Орде, разом лишились собственной производственной базы (татарская военная элита на московской службе, разумеется, получала московские, турецкие, персидские, черкесские брони). Только оседлые народы Кавказа – черкесы и дагестанцы снабжали ногайцев и крымцев кольчугами и шлемами (кроме дорогих импортных доспехов), но они нужны были самим черкесам и дагестанцам, при всем множестве северокавказских оружейников, и было мало для кочевого мира южнорусских степей. Зато монголы и ойраты полностью сохранили степное производство доспехов, которыми были полностью обеспечены воинские контингенты [15, с. 96–99] (мои наметки 1978 г. получили широчайшее и подробное развитие в монументальном труде Л.А.Боброва и Ю.С.Худякова 2008 г. [1]. Тем более, что к XVI в. в степи стал самым популярным пластинчато-нашивной доспех, несравненно более простой в изготовлении, нежели ламеллярный, а тем более кольчуга. Кроме того, власть над оседлыми мусульманскими центрами Восточного Туркестана и Средней Азии добавила в ойратскую паноплию большую толику мусульманского доспеха, основанного на кольчужном и кольчато-пластинчатом бронировании. Контраст ярко проявился во время джунгарского нашествия, докатившегося до Прикубанья-Подонья к началу XVII в. Тогда латная конница джунгар-калмыков (рис. 8) с легкостью громила бездоспешные массы ногайцев. Зато латная конница черкесов смогла успешно отстоять свои земли, обеспечив равное положение черкесских и калмыцких владетелей. Характерно, что строевой панцирный – «куячный» – доспех маньчжурских и монгольских «знаменных» соединений латной конницы XVII–XIX вв. (рис. 8) назывался в Китае «татарским». Монгольская традиция полностью сохранилась в таком колоритном доспехе монгольской Индии XVI–XIX вв., как «чихилта хазар маша» – «40 тысяч бляшек». Его покрой – «халат» с листовидными вырезными оплечьями, и материал – средней толщины плотная кожа, оклеенная слоями ткани, верхняя из которых – очень нарядная – принесены практически без изменений джагатайско-джучидскими монголами – Тимуридами из Средней Азии в Индию. Индийским добавлением был бархан в качестве верхней ткани, да те самые «40 тысяч» латунных или золоченых крошечных бляшек, узорно закрепленных на органической основе и являвшиеся роскошной декорацией доспеха (рис. 9). И только тибетцы до начала XX в. сохранили в боевом употреблении ламеллярные панцири, шлемы, плетеные щиты и конский доспех, прямо восходящие к монгольской паноплии. Так что на востоке монгольская традиция латной конницы благополучно дожила чуть ли не до начала XX в. В западных же степях немногие тюркские батыры (рис. 10) «воссоздали» половецко-кыпчакский защитный комплекс – кольчугу, шлем, кожаный или импортный железный щит.

1. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб., 2008.

2. Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993.

3. Горелик М.В. Аланский воинский комплекс золотоордынского времени // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (юбилейные XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). – Владикавказ, 2008.

4. Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. – М., 2002.

5. Горелик М.В. Золотоордынские латники Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа (МИАСК). Вып. 9. – Армавир, 2008.

6. Горелик М.В. Искусство ислама и оружие империи Чингизидов // Международная юбилейная научная конференция, посвященная 200-летию музеев Московского Кремля. Тезисы докладов. – М., 2005.

7. Горелик М.В. Культура империй, созданных кочевниками (скифы, хазары, монголы) // История и культура Улуса Джучи 2006. – Казань, 2007.

8. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М., 1983.

9. Горелик М.В. Монгольский доспех по материалам иранских миниатюр XIV в. // Третья Всесоюзная конференция историков оружия. Тезисы докладов и сообщений. – Ленинград, 1971.

10. Горелик М.В. Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV вв. Традиции имперской культуры // Золотоордынское наследие. Вып. 1. – Казань, 2009.

11. Горелик М.В. Монголо-татарские шлемы с маскаронами // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX в. Вып. 1. – Владивосток, 2010.

12. Горелик М.В. О средневековых восточных шлемах с масками и одной центральноазиатской изобразительной традиции // Международная ассоциация по изучению Центральной Азии ЮНЕСКО. Информационный бюллетень. Вып. 7. – М., 1984.
13. Горелик М.В. Основные этапы развития военного дела кочевников Евразии в древности и средневековье // Тезисы и доклады XXIX сессии постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). – М., 1986.
14. Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987.
15. Горелик М.В. Средневековый монгольский доспех // Третий международный конгресс монголоведов. Т. 1. – Улан-Батор, 1978.
16. Горелик М.В. Степной бой // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990.
17. Горелик М.В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты) // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Вып. 4. – Казань, 2004.
18. Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. – Нальчик, 2008.
19. Горелик М.В. Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. – Донецк, 2003.
20. Горелик М.В. Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время. – Донецк, 2010.
21. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. – Казань; Магадан, 1997.
22. Медведев А.Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. 1959. № 2.
23. Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 год до н.э. – 1840 г. до н.э. – М., 2008.
24. Решетов А.Р. Тибетская коллекция МАЭ (материальная культура) // Культура народов Зарубежной Азии и Океании. Сборник МАЭ. Вып. 25. – Л., 1969.
25. Gorelik M.V. Oriental armour of the Near and Middle East from the eight to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour. – London, 1979.
26. Gorelik M.V., Kramarovskii M.G. The Mongol-Tatar States of the Thirteenth and Fourteenth Centuries // Nomads of Eurasia. Catalogue of the Exhibition. – Los Angeles, 1979.
27. Nicolle L. Jawshan, Cuirie and Coat-of-Plates: the Alternative Line of Development for Hardened Leather Armour // A companion to medieval Arms and Armour. – Woolbridge, 2002.
28. The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353. – New York, 2003.
29. Thordemann B. Armour from the Battle of Visby 1361. – Stockholm, 1939.
30. Von Volsach K. Art from the World of Islam in the David Collection. – Copenhagen, 2002.

Предметы ударного вооружения золотоордынского времени с территории Нижнего Поволжья

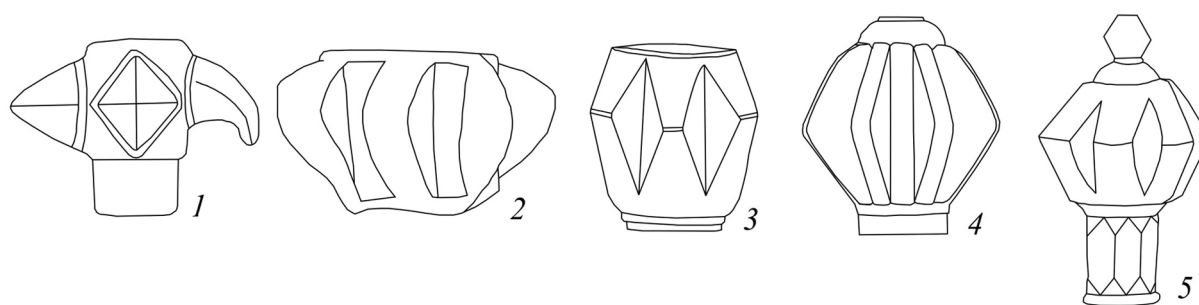
Категория ударного вооружения (булавы), помимо своего непосредственно боевого назначения, достаточно часто в различных этнокультурных объединениях выступает в качестве одного из символов и атрибутов власти. В частности, в Улусе Хулагу ярлыки, регулирующие военные отношения, имели золотую пайцзу с изображением лука, булавы и сабли, как наиболее традиционных видов вооружения для кочевников [6, с. 137].

В предложенной статье рассмотрены находки ударного вооружения с территории Нижнего Поволжья (Астраханская и Волгоградская области). С указанного региона известно несколько экземпляров этого вида оружия. Примечательно то, что все существующие находки наверший булав происходят с территорий золотоордынских памятников поселенческого типа. Все известные находки наверший изготовлялись из бронзы. Золотоордынские булавы имели по четыре, шесть или восемь боевых выступов [4, с. 12–22].

Необходимо отметить, что на сегодняшний момент не существует единой типологической схемы для классификации золотоордынских боевых наверший. К примеру, А.Н.Кирпичниковым была разработана типология древнерусского ударного оружия (булава-шестопер), где в основу классификации были положены форма навершия и количество боевых ударных выступов [10, с. 27–29; 11, таб. 129]. Е.И.Нарожным и Д.Ю.Чакхкиевым в 2003 г. были опубликованы находки наверший булав с территории Северного Кавказа золотоордынского времени. Авторами сгруппированы все предметы в условные группы по материалу, из которого они изготовлены, без внутреннего типологического деления, так как, по мнению Е.И.Нарожного и Д.Ю.Чакхкиева, это: «требует отдельного и специального рассмотрения» [12, с. 126].

Немногочисленная серия находок наверший булав с территории Нижнего Поволжья, также не дает исследователю возможности для разработки общей типологической схемы для золотоордынского ударного оружия. Для разработки классификационной схемы боевых наверший необходимо привлечение максимального количества находок со всей территории Золотой Орды.

Тем не менее все дошедшие экземпляры данного вида оружия, с территории Нижнего Поволжья, можно разделить на группы – по количеству ударных выступов и на типы – по форме боевого навершия.

Рис. 1. Навершия булав (масштаб условный).

1 – Царевское городище, случайная находка;

2 – Селитренное городище, Сг-69, р.IV, материк, уч. 9, № 294;

3 – Селитренное городище; 4 – Царевское городище, случайная находка;

5 – Царевское городище, раскопки А.В.Терещенко.

Группа 1. 8-гранные булавы. По форме боевого навершия можно выделить два типа.

Тип 1. Удлиненное цилиндрическое навершие с восемью боевыми ударными выступами. Насчитывается один экземпляр этого типа.

1. Находка булавы с Царевского городища (рис. 1, 4), на территории ремесленного района (случайная находка), имеет полую цилиндрическую форму, нижняя часть ее открыта для насадки на рукоять, а верхняя закрывается двумя полусферическими выступами разных диаметров. Верхняя

полусфера меньшего диаметра, нижняя – большего диаметра. В нижней части шестопера имеется округлое отверстие для фиксации навершия на рукояти при помощи штифта. Основное крепление навершия булавы, осуществлялось железным штырем, приваренным с внутренней стороны верхней части навершия. Наибольшая высота навершия 64 мм, наибольший диаметр 35 мм, диаметр отверстия для рукояти 22 мм, толщина стенок навершия булавы 3–4 мм [5, с. 239, рис. 1].

Тип 2. Подквадратное навершие с треугольными ударными выступами. Насчитывается один экземпляр этого типа. Булава с территории Царевского городища, найденная А.В. Терещенко (рис. 1, 5). Навершие литое, имеет восемь боевых подтреугольных выступов. Верхняя его часть закрывается двумя полусферическими выступами различного диаметра [5, с. 239; 6, рис. 21; 15, с. 189].

Группа 2. 6-гранные булавы. По форме боевого навершия можно выделить два типа.

Тип 1. Подквадратное навершие с округлыми ударными выступами. Насчитывается 1 экземпляр этого типа.

1. Булава с территории Селитренного городища (Сг-69, р.VI, материк, уч.9, № 294), имела подквадратную форму с шестью боевыми выступами, частично стертыми (рис. 1, 2). Наибольшая высота навершия 30 мм, наибольший диаметр 35 мм, диаметр отверстия для рукояти 20 мм [3, с. 148, рис. 96, 2].

Тип 2. Цилиндрическое навершие с угловыми ударными выступами. Насчитывается 1 экземпляр этого типа.

2. Булава с территории Селитренного городища имела максимальную длину навершия 50 мм, ширину 50 мм (рис. 1, 3). Диаметр отверстия для насада на рукоять 25 мм. Булава имеет шесть ударных выступов, достаточно четко сохранившихся [15, рис. 45, 5]. Способ насада булавы схож с предыдущим экземпляром.

Группа 3. 4-гранные булавы.

1. Булава с территории Царевского городища имела подквадратную форму с четырьмя боевыми выступами, длина навершия 40 мм, ширина 55 мм. Три ударных выступа в сечении в виде пирамиды с ромбовидным основанием идентичны по форме и размерам (длина ударного выступа 15 мм, ширина ударного выступа у основания 15 мм). Концы ударных выступов несколько округлой и уплощенной формы. Четвертый ударный выступ в сечении в виде пирамиды с ромбовидным основанием изготовлен в виде с-образного «клюва» длиной 20 мм (от основания) и шириной у основания 15 мм. Для насада на деревянную рукоять имеется сквозное отверстие с диаметром в верхней части 17 мм и диаметром в нижней части 20 мм (рис. 1, 1). Каких-либо дополнительных элементов для более надежного крепления к рукояти на данном образце не зафиксировано [4].

Наиболее интересной и показательной конструктивной деталью рассматриваемой булавы является боевой ударный выступ в виде с-образного «клюва». В XIII–XIV вв. для категории ударного вооружения характерна общая тенденция – выделение одной-двух ударных лопастей или выступов для максимальной пробивной и эффективной силы удара, для более надежного поражения защитного комплекса вооружения. Дальнейшее эволюционное развитие привело к появлению таких образцов оружия, как клевцы, чеканы и т.д.

Появление и дальнейшее развитие указанного типа боевых наверший в комплексе вооружения золотоордынского государства следует связывать с древнерусской и болгарской военнотехнической традицией, где схожие образцы известны с XI в. [1; 8; 9; 11].

Прямые аналогии данной находки известны. Идентичное бронзовое боевое навершие происходит из позднекочевнического погребения с территории Ленинского района г. Саратова [7, с. 243]. На данной находке был прослежен способ насада: в деревянную рукоять с торцевой части был вбит небольшой металлический клин, для наиболее надежного и плотного закрепления булавы. Также аналогичный образец хранится в фондах Национального музея Республики Татарстан в г. Казани (Инв. № 5654), найденный на территории Болгарского городища¹. Интересно, что все вышеперечисленные находки фактически полностью совпадают между собой как по размерам, габаритам и внешнему виду, так и по технике и стилю изготовления.

К сожалению, статус публикуемой находки (случайная) не предоставляет полной возможности датировать указанный образец, за исключением относительной даты – золотоордынское время. Находка с территории Болгарского городища также датирована достаточно условно – XII–

¹ См.: История татар. Т. II. – Казань, 2006. Фото 101.

XIV вв. Однако «саратовская» булава, по сопровождающему нумизматическому материалу (в погребении также были зафиксированы 11 дирхемов золотоордынских ханов Бердибека, Хызра и Абдаллаха, чеканенных в Азаке), датирована более узко – середина – конец 60-х гг. XIV в. Исходя из этого, случайную находку с территории Царевского городища можно датировать по аналогии с саратовским памятником.

Из позднекочевнического погребения у села Каирки Каланчакского района Херсонской области бронзовая булава имела деревянную рукоять длиной 83 см [14, с. 188, рис. 45, 5]. Исходя из изображений воинов на персидских миниатюрах, длина рукояти булав достигала в среднем до пояса и составляет порядка 80 см.

Наиболее спорным моментом в категории ударного вооружения являются вопросы происхождения и дальнейшего развития боевых золотоордынских наверший. Традиционно, в отечественной исторической литературе сложилось две противоположные точки зрения по данной проблеме. Первая версия, высказанная А.Н.Кирпичниковым, убеждает исследователей в исключительно древнерусском происхождении и влиянии древнерусской оружейной традиции на производство золотоордынских наверший булав. Г.Н.Белорыбкин также определяет древнерусский или болгарский элементы в находках двух наверший булав с территории Золотаревского поселения [2, с. 145]. В свою очередь, М.В.Горелик указывает в основном на центральноазиатское происхождение большинства экземпляров ударного вооружения [12, с. 135]. Ю.С.Худяковым отмечалось, что монголами в период завоевания Центральной Азии и создания империи использовались цилиндрические навершия булав, а более сложные образцы появляются позднее, после завоевания Передней Азии [16, с. 139]. Е.И.Нарожный и Е.Ю.Чахкиев не исключали иную возможность распространения ударного оружия на территорию Золотой Орды, в частности из Египта, судя по сохранившимся средневековым летописным свидетельствам [12, с. 136].

Безусловно, нельзя с уверенностью говорить о каком-то одном традиционном оружейном центре, оказавшем определенное влияние на производство и дальнейшее развитие золотоордынских боевых наверший. Исходя из значительной территории государства Золотой Орды и близкого соседства с крупнейшими производственно-оружейными центрами эпохи средневековья, а также учитывая традиционную преемственность в системе вооружения кочевников XIII–XV вв., вероятно, не следует выделять лишь «древнерусский-болгарский» или «центральноазиатский» элемент, повлиявший на производство данного вида оружия. Оружейные традиции ближневосточного и среднеазиатского регионов также могли оказать определенное влияние на развитие ударного вооружения Золотой Орды, а также не исключена возможность собственных разработок золотоордынских оружейников. Небольшая серия находок наверший с территорий Центральной Азии, Ближнего Востока, Передней Азии, датируемых XIII–XV вв., отсутствие их типологических и хронологических схем сильно затрудняют работу исследователя на современном этапе.

Как одна из характерных черт золотоордынских булав, Л.Л.Галкиным отмечалась такая характерная деталь, как наличие двух полусферических выступов разного диаметра, закрывавших верхнюю часть навершия. Данную конструктивную особенность (так же как навершия с территории Царевского городища) имела находка булав с территории Болгарского улуса Золотой Орды, найденная А.П.Смирновым [4, с. 239]. Относительно предположения об именно золотоордынском происхождении полусферических выступов, как характерном местном конструктивном элементе, то с этим согласиться достаточно трудно. На иранской миниатюре начала XIV в. из «Джаме аттаварих» Рашид ад-Дина имеется изображение всадника, вооруженного булавой, где верхняя часть боевого навершия прикрыта двумя полусферическими выступами. Очевидно, что нельзя исключать вероятность и более раннего происхождения данных выступов. Вряд ли золотоордынская оружейная культура могла оказать серьезное и существенное влияние на ближневосточную паноплию в начале XIV в. Поэтому, вероятнее всего, находки наверший с территории Царевского городища ближневосточного происхождения. В пользу этого также говорит и идентичность форм булав с иранскими миниатюр начала – середины XIV в. и «царевских» булав, а также сообщения Мухьизддина Ибнабдесзахыра, Рукнеддина Бейбарса Эльмысри, Шихабеддина Абуллабаса Эннувейри (сохранена авторская транскрипция имен), где упоминается в перечне подарков султана Бейбарса хану Берке: «... булав с железным основанием» [13, с. 60, 100, 152].

Находки наверший булав с территории Селитренного городища подобной детали, а именно наличие двух полусферических выступов, не имеют. Вероятно, булав с территории Селитренного городища более ранние образцы вооружения относительно «царевских» находок, хотя и зафик-

сированы в культурных слоях памятника XIV в. В пользу более раннего происхождения говорят достаточно упрощенная форма боевого наворачия и отсутствие полусферических выступов различного диаметра, закрывавших верхнюю часть наворачия.

Наличие булав-шестоперов в комплексе вооружения, как справедливо отмечалось А.Н.Кирпичниковым, это показатель растущего усиления защитного комплекса вооружения (доспех), что и распространения нового оружия ближнего боя, ударная сила которого при действии в бою концентрировалась на одной или двух выступающих гранях-лопастях [9, с. 232]. Достаточно неоднозначной остается проблема атрибуции данной категории оружия, а именно: принадлежность к кавалерийским или пехотным образцам вооружения. Средневековые нарративные источники не дают четкой картины по подобной дифференциации. На различных средневековых миниатюрных циклах, образцами ударного вооружения вооружены как всадники, так и пехотинцы. Тем не менее категорию ударного оружия, вероятно, следует соотносить, именно с вооружением всадника, как оптимально адаптированное к условиям конного боя. Хотя, конечно же, нельзя исключать и применение образцов ударного вооружения и в пехотных формированиях Золотой Орды.

1. *Артемов А.Р.* Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого // Материалы по археологии Новгорода. – М., 1990.
2. *Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. – СПб., 2001.
3. *Булатов Н.М.* Отчет о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1970 г. Архив Института археологии РАН, фонд № 4165.
4. *Воронцов И.А.* Золотоордынское ударное вооружение // Историко-этнографический вестник. Вып. 2. – Волгоград, 2006. – С. 12–22.
5. *Галкин Л.Л.* Булава из Нового Сарая // Советская археология. №4. 1963.
6. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. – М.; Л., 1950.
7. *Дремов И.И.* Погребение воина с джучидскими монетами // Советская археология. №4. 1985.
8. *Измайлов И.Л.* Волжская Булгария: военное дело, внешняя политика // История татар. Т. II. – Казань, 2006.
9. *Кирпичников А.Н.* Булавы и кистени из коллекции И. Хойновского в собрании музея Войска Польского // Археологические вести. Вып. №7. – СПб., 2000. – С. 229–235.
10. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // Свод археологических источников, вып. Е1. – М.; Л., 1966. – С. 27–29.
11. *Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф.* Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР. – М., 1985.
12. *Нарожный Е.И., Чахиев Д.Ю.* О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе XIII–XIV вв. // Материалы по истории и археологии северного Кавказа. – Армавир, 2003.
13. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884.
14. *Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. – Киев, 1999.
15. *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994.
16. *Худяков Ю.С.* Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск, 1991.

Военное дело населения Лесостепного Алтая в золотоордынское время*

В начале XIII в. лесостепные районы Западной Сибири были завоеваны Монгольской империей, что привело к усложнению этнического состава населения, определенным изменениям в мировоззрении и практически к полному восприятию материальной культуры, основанной на монгольских традициях. Когда в середине XIII в. началось размежевание крупных монгольских улусов земли Западной Сибири отошли к Золотой Орде, преемнице Улуса Джучи. Они стали восточной частью этого государства, находясь под его эгидой до конца XIV в. На сегодняшний день наиболее компактная группа археологических памятников XIII–XIV вв. изучена в южной части западносибирской равнины, на территории Лесостепного Алтая. Она включает 16 курганных и грунтовых могильников: АБ-Бийск, Барчиха, Ближние Елбаны-II, Ближние Елбаны-VI, Ближние Елбаны-XIV, Ильинка, Кармацкий, Крестьянское-3, Осинки, Островное-3, Раздумье-I, Рубцовский, Сухие Гривы, Телеутский Взвоз-I, Усть-Алейка-Клуб, Усть-Алейка-5. Имеющиеся материалы из перечисленных археологических памятников позволили выделить кармацкую культуру и обозначить в ее развитии три этапа: джучидский (первая половина XIII в.), раннезолотоордынский (вторая половина XIII – начало XIV вв.), позднезолотоордынский (XIV в.) [16, с. 84–85; 18, с. 141–143].

Важной сферой жизнедеятельности золотоордынской державы оставалось военное дело. Судить об уровне его развития на удаленных от центра окраинных землях можно на примере зафиксированных предметов вооружения кармацкой культуры. Информация об этом комплексе кратко уже публиковалась авторами [7, с. 71–73]. Цель настоящей статьи охарактеризовать вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая золотоордынского времени более подробно, снабдив текст необходимым иллюстративным материалом.

Паноплия кармацкой культуры представлена средствами защиты и нападения из 34 погребений (13 могильников) и 19 местонахождений [2, 4, 5, 15, 18]. Наиболее разнообразны предметы наступательного вооружения, включающие оружие дальнего боя (луки и стрелы), таранного удара (копья) и ближнего боя (сабли, боевые ножи и боевые топоры).

Луки кармацкой культуры насчитывают девять экземпляров. От них сохранилось 11 роговых накладок – концевые фронтальные трапециевидной формы с вырезом или желобом под тетиву (рис. 1.–1) и срединные тыльные весловидной формы (рис. 1.–2–7). Последние изделия являются своеобразными маркерами для луков монгольской традиции. По комплектам реконструируются два типа сложносоставных луков: 1 – с двумя концевыми фронтальными и одной срединной тыльной накладками (рис. 2.–1); 2 – с одной срединной тыльной накладкой (рис. 2.–2–3). Первый тип имел три зоны жесткости (рога и рукоять) и предназначался для ведения прицельной стрельбы на значительную дистанцию. Второй тип, с зоной жесткости только на рукояти, менее дальнобоен и служил для скоротечной настильной стрельбы. Его вариант с короткой рукоятью (рис. 2.–3) был известен местному населению с X в. Вариант со средней рукоятью (рис. 2.–2) получил распространение на Алтае с XIII в. [5, с. 26].

От стрел в кармацких памятниках сохранились в основном железные черешковые наконечники (161 экз.). Среди них абсолютно преобладают изделия с однолопастным пером. Его формы – ромбические (рис. 3.–1–3, 6, 7, 10–14, 21, 22, 28, 29; 4.–1, 3, 4, 13, 14, 19, 23, 26, 29), срезневые (рис. 3.–4, 5, 15–17, 23–25; 4.–5, 6, 10, 11, 15, 16, 18, 20, 21, 25, 27), ярусные (рис. 3.–18–20; 4.–2, 22) и вильчатые (рис. 3.–11, 26; 4.–7, 28), были рассчитаны в основном на поражение бездоспешного или слабо защищенного противника. Незначительна доля бронебойных наконечников. Они имеют перо четырех-, шести- и восьмигранного сечения, с ромбическим или килевидным абрисом (рис. 3.–8, 9, 27; 4.–9, 12, 24). Всего один раз встречен экземпляр с трехлопастным пером (рис. 4.–17). Воины Лесостепного Алтая хранили и носили стрелы в берестяных цилиндрических

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья» (шифр 2010-1.2.1-300-028-022).

колчанах (рис. 5.–1–2). Стрелы лежали в них наконечниками вниз или вверх. В последнем случае колчаны снабжались карманами из органических материалов, иногда обрамлявшихся деревянной рамкой (рис. 5.–1).

В целом стрелковые наборы кармацкой культуры по оформлению накладок луков и наконечников стрел демонстрируют полное господство монгольской военной традиции в изготовлении данного оружия [5, с. 45].

Копья представлены шестью железными наконечниками с втульчатым насадом [5, р. 45.–2–5; 6, рис. 1, 2]. Они имеют перо четырехгранного сечения в виде уплощенного ромба (рис. 6.–1) и прямоугольника (рис. 6.–2–6). Абрис пера треугольный (рис. 6.–1), вытянуто-ромбический (рис. 6.–2), ромбический (рис. 6.–5, 6) и килевидный (рис. 6.–3, 4). Один наконечник снабжен шайбовым утолщением при переходе пера во втулку (рис. 6.–4). Аналогичные детали оформления появляются у наконечников копий с рубежа XII–XIII вв. [5, с. 52]. По функциональной специализации кармацкие образцы можно разделить на рогатины – копия с широким наконечником, способным наносить значительные по площади повреждения, и на пики – копия с узким наконечником, рассчитанным на глубокое проникновение. Последние, учитывая небольшую толщину пера, вряд ли являлись броневой оружием и, скорее всего, использовались в борьбе с «мягкодоспешным» противником. Их происхождение следует связывать с киданьской и монгольской традициями [5, с. 54].

Сабли являются редкой находкой в кармацких комплексах. Об одном экземпляре есть только упоминание в публикации Д.Г.Савинова [14, с. 70]. Второй является погребальной имитацией сабли, у которой имеется железный черен с началом клинка, а остальная часть клинка заменена деревянной моделью, обернутой берестяными ножнами (рис. 7.–2). Данное изделие, обнаруженное на памятнике Кармацкий [17, с. 457; 5, рис. 59.–6], можно отнести к образцам с сильноизогнутым однолезвийным клинком, без перекрестия. Такие сабли обладали наиболее оптимальными рубяще-режущими свойствами. Аналогичные вещи есть среди оружия Волжской Булгарии XII–XIII вв. [11, рис. 4.–2]. Третий экземпляр является случайной находкой и представляет собой целое железное изделие хорошей сохранности [19; 5, рис. 59.–1]. У него полторалезвийный слабоизогнутый клинок с елманью. На основании клинка имеется обойма с длинным фигурным язычком со стороны лезвия, а обе плоскости полотна снабжены четырьмя узкими долами неравной длины. Сабля имеет овальную гарду. В черене пробиты два сквозных отверстия под крепежные штифты. Помимо этого, на него надета обойма для дополнительной фиксации обкладки рукояти, а сверху на выступающем стержне закреплено навершие в виде колпачка. Гарда, обойма и навершие украшены изображениями драконов (рис. 7.–1). Оформление окончания сабли елманью делало клинок обоюдоострым и более массивным, придавая оружию колющую и увеличивая его рубящую функции. Детали оформления позволяют датировать данную саблю концом XIII – 1-й половиной XIV вв. и отнести к произведениям юаньских оружейников [5, с. 72].

Среди кармацких ножей к боевым пока можно отнести лишь один образец с длиной клинка более 13 см и достаточно толстым (4 мм) обухом [1, рис. 1.–12]. Он изготовлен из железа, имеет однолезвийный клинок с острым окончанием. Черен ножа наклонен в сторону лезвия, спинка клинка слегка выпукла, а лезвие вогнуто. Переход клинка в черен оформлен коротким прямым плечиком со стороны спинки и наклонным плечиком со стороны лезвия (рис. 7.–3). Боевые ножи являлись у населения Лесостепного Алтая вспомогательным оружием рукопашного боя, назначение которых состояло в нанесении режуще-колющего удара по свободным или защищенным «мягким» доспехом участкам.

В материалах, относимых к кармацкой культуре, есть один боевой топор [2, с. 264; 5, рис. 70.–4]. Он железный, имеет проух овального очертания и выступающий низкий гладкий обух. Клинок топора в профиль напоминает «глаголевидную» фигуру, за счет сильной вытяжки пятки. У него длинное выпуклое лезвие, предназначенное для поражения большой площади (рис. 7.–4). Очень близкие аналогии этому изделию есть среди оружия Волжской Булгарии XI–XIII вв. [11, рис. 52, 54] и среди поволжских материалов золотоордынского времени [12, рис. 13.–3].

Защитное вооружение кармацкой культуры включало воинский доспех, представленный тремя панцирями и шлемом. От панцирей сохранились отдельные железные пластины [4, рис. 20.–6–7; 8, рис. 13.–1–2] (4 экз.) ламеллярной структуры набора, вертикального направления. По системе расположения крепежных отверстий они делятся на такие экземпляры: с боковыми и средними (верхними и нижними) отверстиями (рис. 8.–2); с боковыми, средними (верхними и центральными) и окантовочными (нижними) отверстиями (рис. 8.–3–5). Первые крепились в соста-

ве панциря жестким способом, вторые – подвижным, позволявшим складывать панцирь в «гармошку» [4, с. 43, 46]. Все пластины имеют овально-прямоугольную форму укороченных (рис. 8.–2, 3) и средних (рис. 8.–4, 5) пропорций. Более короткие образцы копируют элементы бронепокрывтия, применявшиеся населением Лесостепного Алтая еще в IX–X вв. [4, рис. 33]. Точные аналогии более длинным пластинам по числу и взаиморасположению отверстий наблюдаются среди доспехов чжурчжэней и монголов XII–XIII вв. [20, рис. 44.–2; 13, рис. 1.–2].

Железный шлем из Шадрино [3] относится к клепанной каркасно-секторной конструкции. Его купол состоит из двух крупных пластин-секторов, крепящихся более узкими накладными полосами, образующими соединительный каркас между навершием и обручем. Все части шлема соединены заклепками жестким неподвижным способом. Шлем имеет сфероконическую форму. Его обруч также двухсоставной из лобной и затылочной полос, по нижнему краю которых пробиты отверстия для крепления бармицы. Лобная полоса обруча снабжена надбровными вырезами с переносом и накладной пластиной на них. Верхний край этой полосы имеет по центру плавный выступ и две острые выемки, образующие «облачный» узор в лицевой части шлема. Затылочная полоса обруча по верхнему краю снабжена двумя острыми выемками, а по нижнему – нервюрой. С левого бока к ней крепится кольцо для подвешивания шлема. Полосы каркаса имеют волнисто-вырезные края с расширением под навершие. Последнее представляет втулку для плюмажа с фигурно вырезным раструбом в виде сердцевидных выемок, разделяющих лопасти «облачной» формы (рис. 8.–1). Детали декора данного шлема позволяют определить его хронологию XIII – 1-й половиной XIV вв., а совокупность типологических признаков отнести его к изделиям монгольских оружейников [4, с. 73].

Состав войска у населения кармацкой культуры может быть определен исходя из наличия видов вооружения в погребальных памятниках, среди которых выделяются две группы. Одна (26 могил) содержит луки и стрелы, а в другой (пять могил), кроме стрелкового оружия, присутствуют панцири, сабли, копьё. Остальное оружие представлено сборами и случайными находками. Первую группу погребенных воинов, вероятнее всего, можно отнести к легкой коннице. Не исключено, что к ней принадлежала и часть захороненных мужчин с саблями и копьём из второй группы. Только воины, погребенные с панцирями, уверенно могут сопоставляться со средней конницей. Имеющиеся материалы помогают воссоздать наборы вооружений этих родов войск.

Паноплия легкой конницы могла включать «мягкий» доспех, луки со стрелами, копьё, сабли и боевые ножи. Набор средней конницы, помимо указанного оружия, дополнялся железными панцирями и шлемами, а также боевыми топорами.

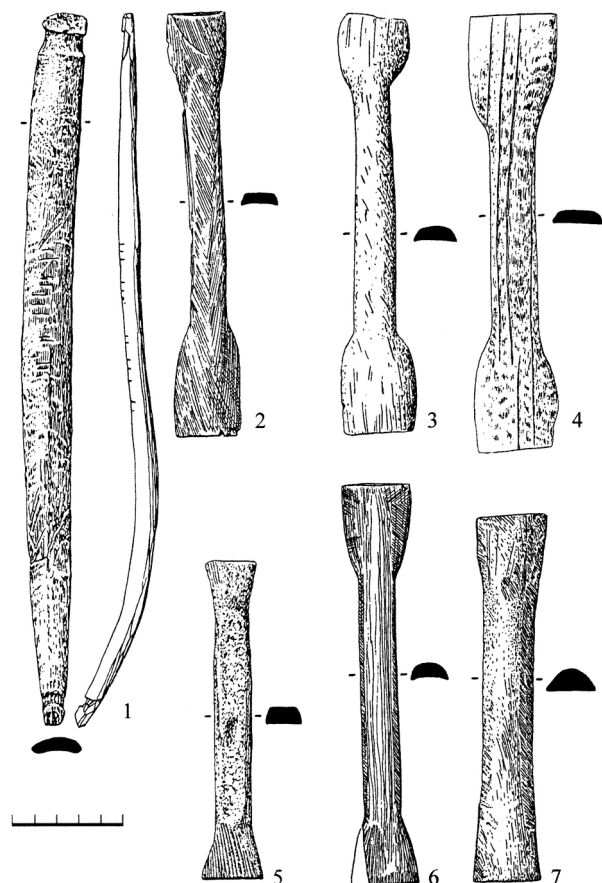
Формирование комплекса вооружения кармацкой культуры связано с присоединением Лесостепного Алтая к Монгольской империи в 1207 г. и закреплением этих земель за Улусом Джучи в 1229 г. В XIII–XIV вв., судя по оформлению большинства предметов вооружения [2, с. 266; 4, с. 94; 5, с. 98], кармацкая паноплия развивалась в русле монгольской традиции. Лишь отдельные ее типы восходят к предыдущему времени. Очевидно, что в Алтайскую лесостепь часть доспехов и оружия поставлялась из развитых ремесленных центров монгольских государств, о чем говорят находки сабель, топоров и шлема. Здесь пока не найдены новинки защитного вооружения того времени, такие, как, например, пластинчато-кольчатый доспех, распространившийся у восточно-европейских и западноазиатских кочевников [9, с. 247].

Военная организация населения кармацкой культуры может быть реконструирована исходя из имеющихся археологических материалов погребальных памятников. Среди них выделяется три группы воинских захоронений, отличающихся по количеству и взаимовстречаемости видов вооружения в могилах, а также по соотношению их с общим набором инвентаря. К первой группе относится 26 могил, содержащих один, два вида стрелкового оружия. Среди них известны следующие сочетания боевых средств:

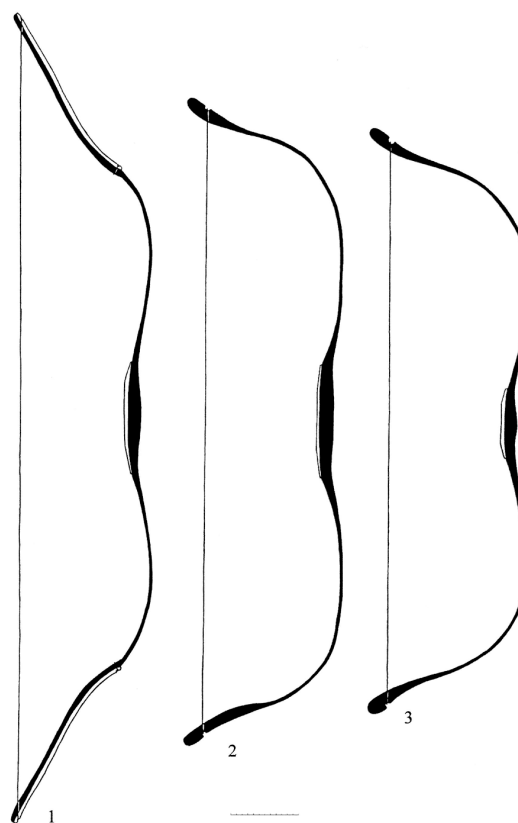
Лук – одна могила (Рубцовский, могила).

Стрелы – 18 могил (БЕ-VI, могила №7; Ильинка, могила №4; Кармацкий, курган №1, курган №9, могила №1; Раздумье-I, могила №8; Сухие Гривы, могилы №2, №3; Телеутский Взвоз-I, курганы №6, №10, №11, №12; Осинки, могилы №18, №68, ;Усть-Алейка Клуб, могилы №2, №3, №4, №6, №7).

Лук и стрелы – семь могил (БЕ-VI, могила №8; БЕ-XIV, могила №6; Телеутский Взвоз-I, курган №14; Осинки, могилы №9, №15, №64; Усть-Алейка Клуб, могила №10).

Рис. 1. Накладки на луки кармацкой культуры:
1, 2, 5 – Осинки; 3 – Ближние Елбаны-XIV;
4 – Рубцовский; 6 – Усть-Алейка Клуб;
7 – Телеутский Взвоз-I.

Рис. 2. Реконструкция сложносоставных луков кармацкой культуры.

Все погребения отличает небогатый общий состав инвентаря. Данная группа соотносится со слоем свободных общинников, формировавших родоплеменное ополчение. В боевом отношении из них комплектовались отряды легкой конницы.

Ко второй группе относится четыре могилы, также содержащие один, два вида вооружения, но в его составе присутствуют, помимо стрелкового оружия, панцири, копье, сабля. Встречаются следующие сочетания боевых средств:

Панцирь и стрелы – две могилы (АБ, могилы №1, №2).

Стрелы и копье – одна могила (Большая Речка, могила).

Стрелы и сабля – одна могила (Сухие Гривы, могила №1).

Эта группа тоже имеет небогатый общий состав инвентаря, но наличие воинского доспеха, таранного и длинно-клинкового оружия явно указывает на ее профессиональную обособленность и маркирует слой воинов-дружинников, которые могли входить в отряды легкой и составлять отряды средней конницы.

Третья группа представлена одной могилой, содержащей три вида вооружения из лука, стрел и сабли (Кармацкий, курган №9, могила №2) и весьма богатый общий состав инвентаря. Ее можно отнести к слою военной аристократии, предводителей дружины и ополчения. В боевом отношении они, скорее всего, являлись средневооруженными всадниками.

Таким образом, военно-иерархическая структура общества кармацкой культуры, вероятно, включала три основных уровня: ополчение, дружину и командный состав. Ее основу составляло ополчение, которым командовали вожди из местной знати, имевшие небольшие дружины из своего ближайшего окружения. Такая организация являлась вполне приемлемой для покоренных народов как Монгольской империи, так и Золотой Орды.

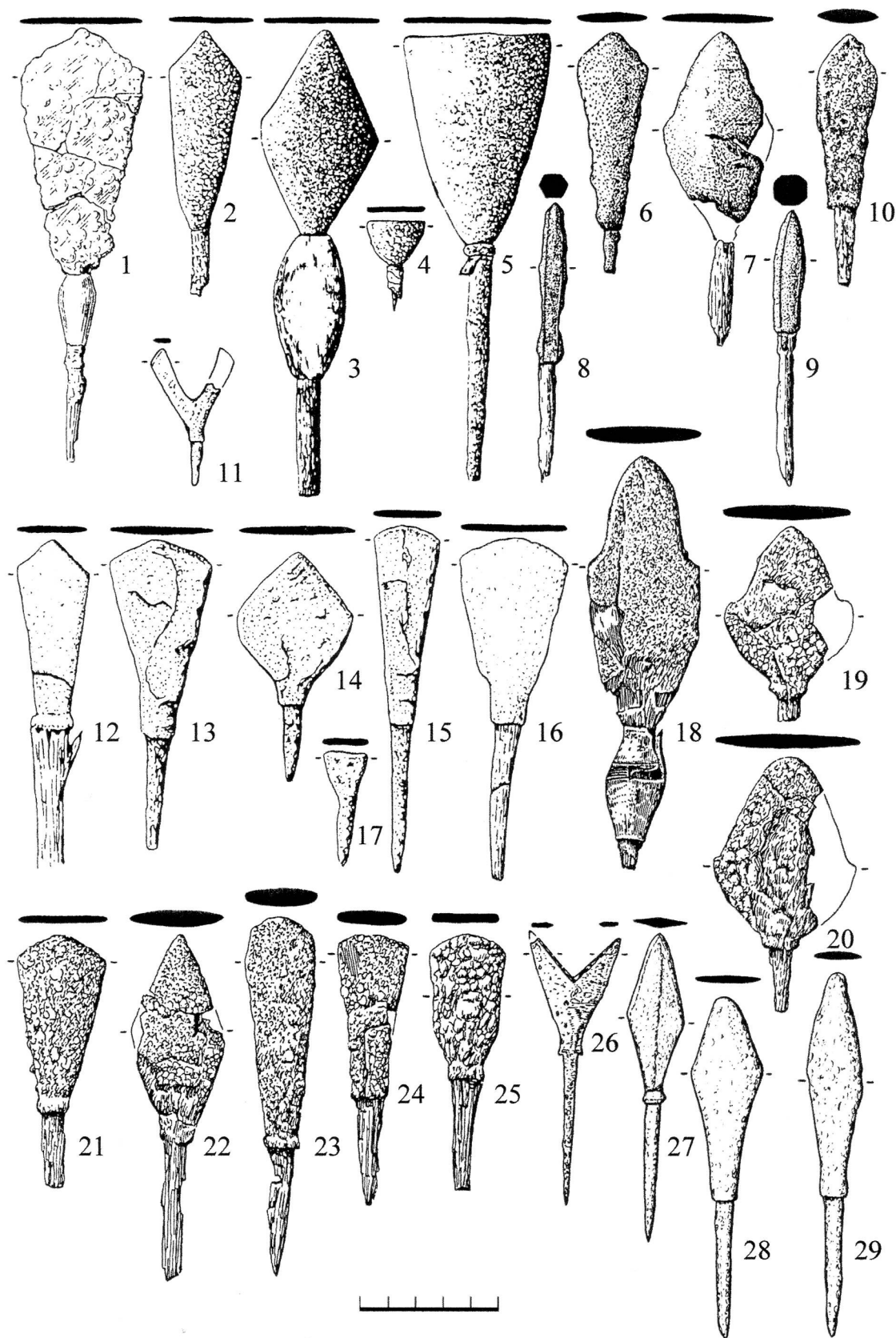
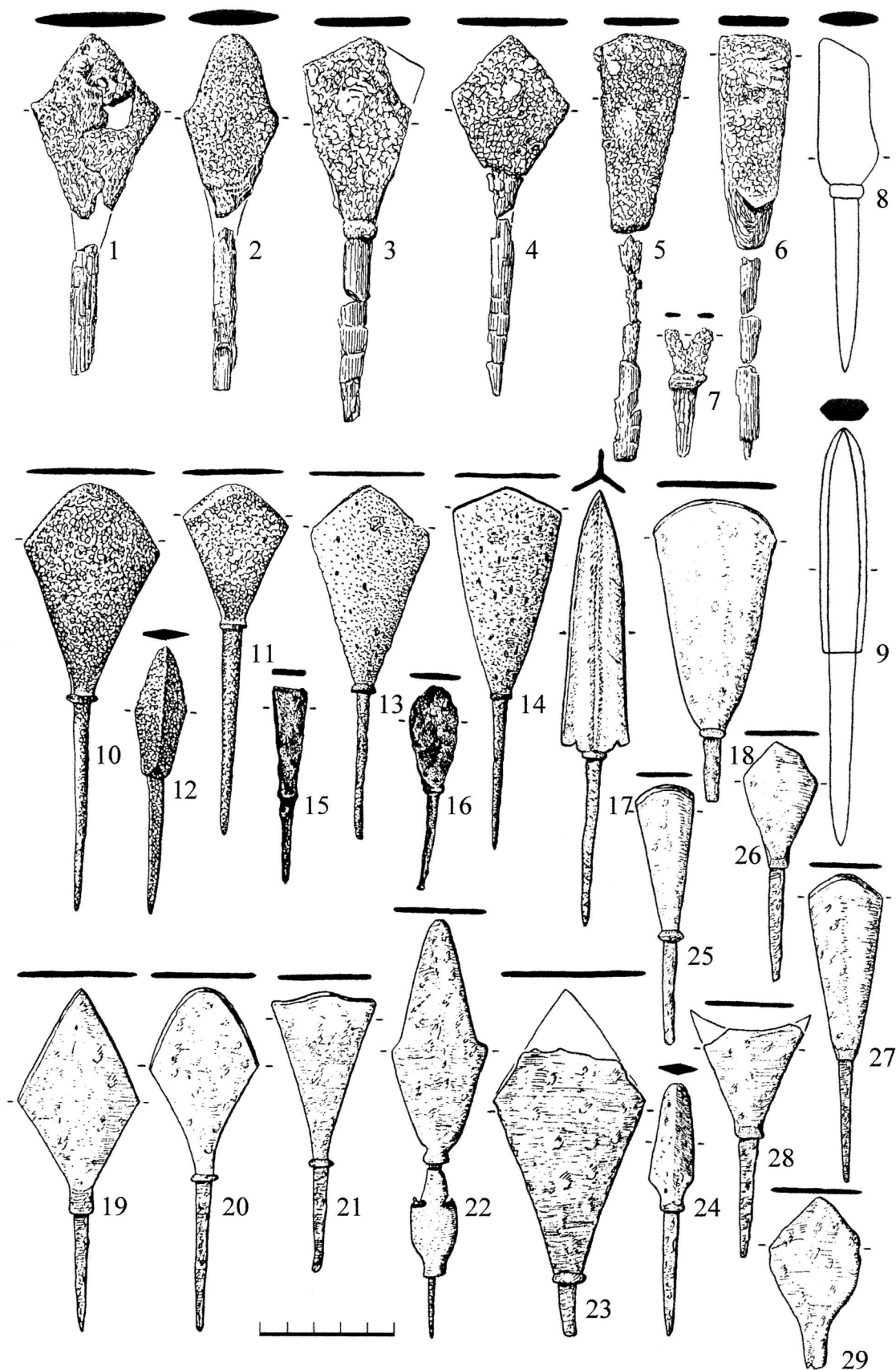

Рис. 3. Наконечники стрел кармацкой культуры:

1 – Ближние Елбаны-XIV; 2–9 – Ближние Елбаны-VI; 10 – Сухие Гривы; 11 – АБ (Бийск);
12–25 – Усть-Алейка Клуб; 26 – Боровое-3; 27–29 – Старый Монастырь.

Рис. 4. Наконечники стрел кармацкой культуры:

1–7 – Кармацкий; 8–9 – Телеутский Взвоз-I; 10–12 – Страшный Яр; 13–14 – Победа; 15 – Первые Коростели; 16 – Калантырь; 17–22 – Песчаное; 23–24 – Усть-Ануй «Пески»; 25–29 – Фоминское.

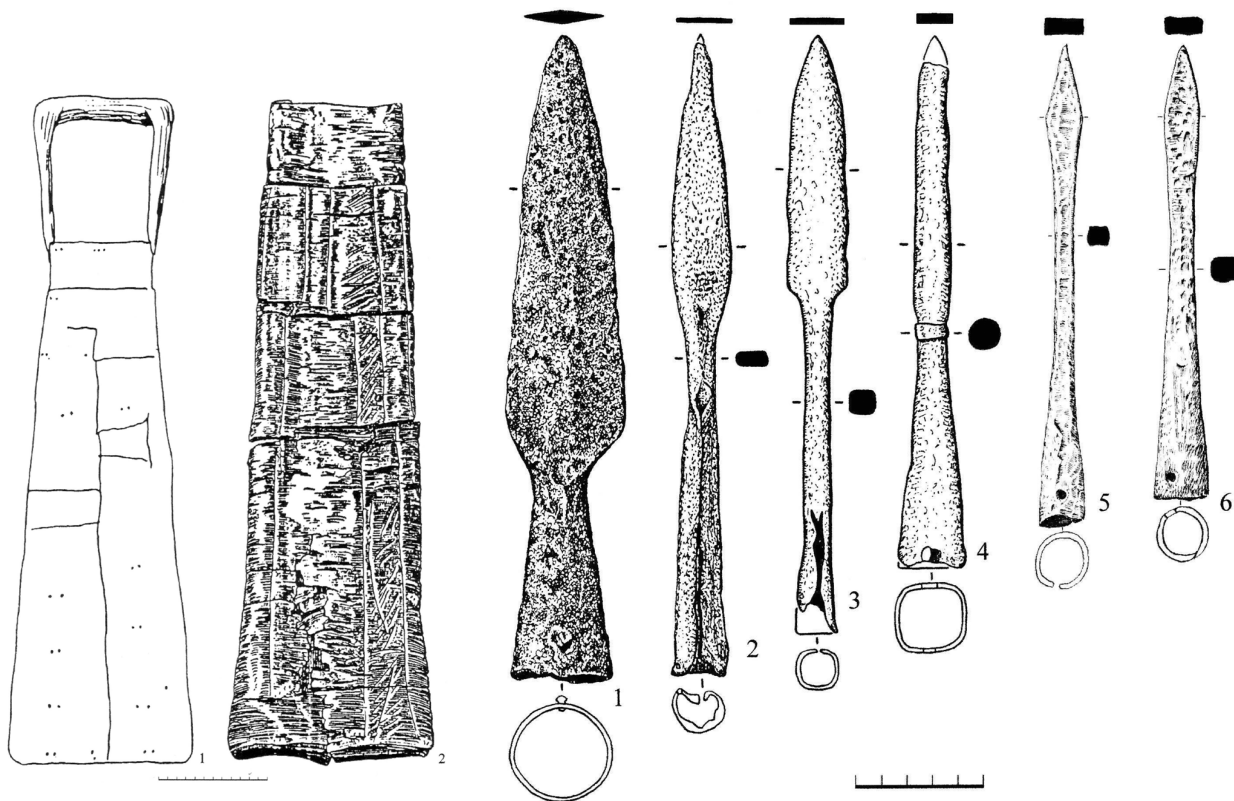

Рис. 5. Колчаны кармацкой культуры:
1 – Усть-Алейка Клуб; 2 – Кармацкий.

Рис. 6. Наконечники копий кармацкой культуры:
1 – Павловск; 2 – Степь Чумыш; 3 – Лесостепной Алтай;
4 – Большая Речка; 5–6 – Володарка.

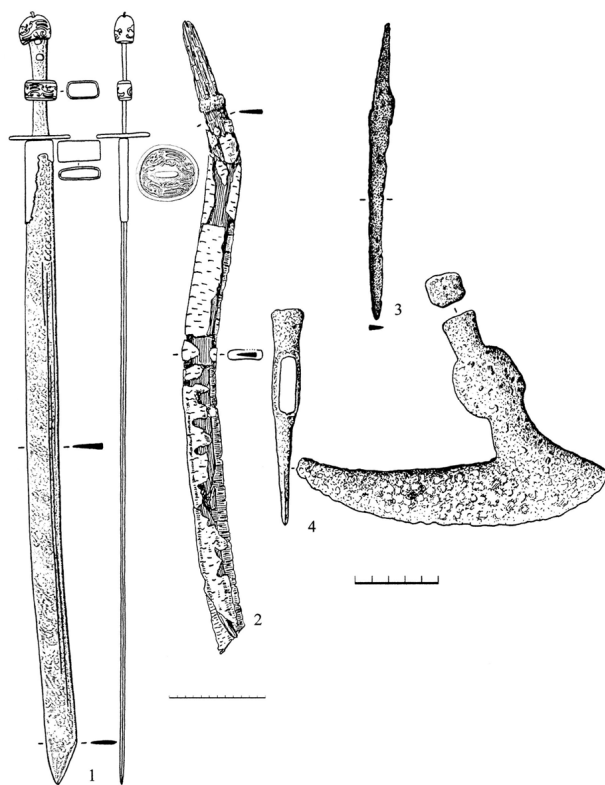

Рис. 7. Оружие ближнего боя кармацкой культуры.
Сабли: 1 – Кабаково; 2 – Кармацкий.
Боевой нож: 3 – Калантырь.
Боевой топор: 4 – Акимовка.

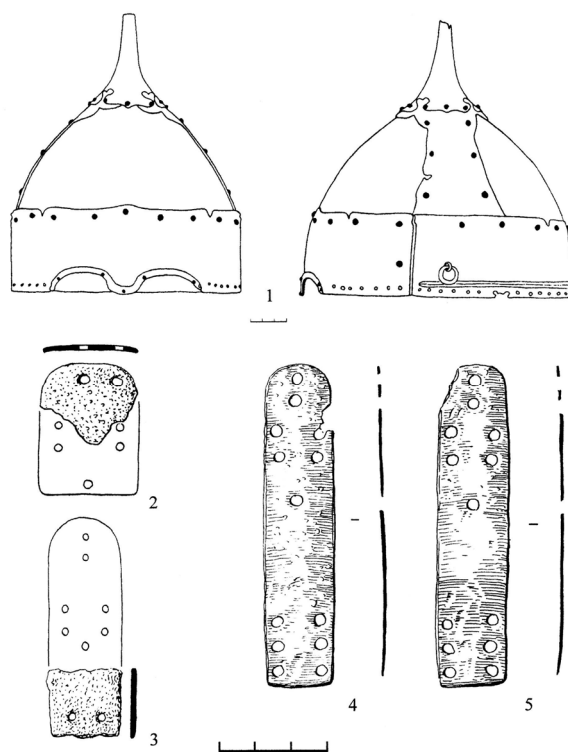

Рис. 8. Доспех кармацкой культуры.
Шлем: 1 – Шадрино. Панцирные пластины:
2–3 – АБ (Бийск); 4–5 – Барнаульский округ.

Тактика кармацкого войска определялась господством легкой конницы. Командиры и отдельные дружинники, являвшиеся средневооруженными всадниками, либо не формировали самостоятельных подразделений, либо их небольшие отряды усиливали массу легковооруженных всадников-ополченцев, являясь ее костяком. Основным приемом ведения боя у местных кочевников должен был являться дистанционный обстрел в рассыпном строю. Монголы использовали такие отряды в качестве «передовых застрельщиков», которые кружили так называемый «хоровод» перед строем противника и, не позволяя ему сблизиться с собой, уничтожали его живую силу [10, с. 157]. Длительность этой фазы сражения в монгольское время значительно возросла и зачастую приводила к победе до вступления в дело латной конницы. Однако легкая конница помимо стрелкового оружия могла применять также копья и сабли, что позволяло ей наносить таранный удар и вести ближний бой. Очевидно, это вооружение обычно применялось в ходе скоротечных схваток: во время разведки, набегов, рейдов по вражеским тылам, в которых от войск требовалась большая мобильность. В правильном сражении легкая конница могла действовать копьями и саблями, когда боевые порядки противника нарушались в результате больших потерь, от атаки тяжелой кавалерии, после преследования ложного бегства, при ударах во фланги и тыл. Анализ средневековых комплексов вооружения Алтая позволил установить, что длинно-клинковое и таранное оружие стало использоваться отдельными легкими всадниками уже в позднетюркское время, но только в монгольскую эпоху эта экипировка приобрела постоянный характер [5, с. 89–98]. Эффективность, а с ней и значение легкой конницы существенно возросли, что, впрочем, не отменило необходимости в латной кавалерии.

Стратегия военных действий определялась для кочевников Лесостепного Алтая политическими интересами монгольских государств, в которые они входили. С 1207 по 1243 г. они в составе монгольских армий могли участвовать в завоевательных походах по всей Евразии, но чаще всего такие силы использовались в локальных войнах местного региона. С созданием Джучидами своего государства – Золотой Орды (1243–1396 гг.) – Алтайская лесостепь становится его отдаленной окраиной, пограничной с Империей Юань. Военные отряды, сформированные из местного населения, могли привлекаться золотоордынскими ханами к ведению военных действий в Средней Азии и Восточной Европе, но, вероятнее всего, их основной стратегической задачей являлась охрана восточных рубежей державы.

1. Горбунов В.В., Клюкин Г.А. Коллекция железных предметов эпохи средневековья с юго-западных районов Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII. – Барнаул, 1997. – С. 184–188.

2. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Вооружение населения Лесостепного Алтая в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб., 1998. – С. 262–266.

3. Горбунов В.В., Исупов С.Ю. Монгольские шлемы с территории Алтая // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002. – С. 135–143.

4. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул, 2003. – 174 с.

5. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул, 2006. – 232 с.

6. Горбунов В.В., Кирюшин К.Ю. Средневековые наконечники копий из Володарки // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XVI. – Барнаул, 2007. – С. 148–152.

7. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения восточной окраины Золотой Орды (по материалам кармацкой культуры) // Форум «Идель–Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель–Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. – Казань, 2009. – С. 71–73.

8. Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Археологическая коллекция Л.Н. Некрасова из фондов МАЭС ТГУ // Материалы и исследования древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии: Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). Т. III. Вып. 1. – Томск, 2010. – С. 65–89.

9. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М., 1983. – С. 230–258.

10. Горелик М.В. Степной бой (Из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990. – С. 155–160.

11. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Магадан, 1997. – 212 с.

12. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. – М., 2000. – 224 с.
13. *Овсянников В.В.* К вопросу о защитном вооружении поздних кочевников Южного Урала // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990. – С. 141–149.
14. *Савинов Д.Г.* Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. – Томск, 1979. – С. 53–72.
15. *Тишкин А.А.* Предметы вооружения монгольского времени из окрестностей Бийска // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002. – С. 143–149.
16. *Тишкин А.А., Горбунов В.В.* Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. №9. – Горно-Алтайск, 2002. – С. 82–91.
17. *Тишкин А.А., Горбунов В.В.* Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. – Новосибирск, 2002. – С. 456–461.
18. *Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А.* Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул, 2002. – 276 с.
19. *Уманский А.П.* Еще раз о кабаковской сабле-палаше // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 85–89.
20. *Шавкунов В.Э.* Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. – Владивосток, 1993. – 185 с.

Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологическом контекстах: где истина?

Все, что написано сейчас по истории и культуре Золотой Орды, едва ли поддается исчислению и осмыслению одним исследователем, будь он даже не семи, а «двенадцати пядей во лбу». Поэтому не случайно в золотоордынской тематике выделение самостоятельных исследовательских направлений, типа «города Золотой Орды», «золотоордынское село», «ислам в Золотой Орде», «денежное обращение и финансовая система Золотой Орды» и многое другое¹. Среди этих направлений, естественно, особо выделяется «военное дело Золотой Орды». Что не случайно, поскольку вся история этого государства, оставившего глубокий след в истории Восточной Европы и сопредельных с ней территорий Евразии, зиждется на войне и военном могуществе, что было бы невозможно без существования мощной военной машины.

История военного дела Золотой Орды неоднократно выступала и выступает в качестве объекта собственно исторических и археологических исследований – яркий пример тесного переплетения исторического и археологического источниковедения в рамках одной исследовательской проблемы. Это – на первый взгляд. При ближайшем рассмотрении, однако, обнаруживаются явные расхождения в картинах, рисуемых историками, опирающимися в основном на сведения нарративных источников, и археологами, оперирующими археологическими артефактами. Начнем с первых.

В.Г.Вернадский, Р.П.Храпачевский, М.В.Горелик, И.Л.Измайлов, А.К.Кушкумбаев в своих исследованиях перечисляют одни и те же компоненты золотоордынской «паноплии»: лук-нумун, стрелы (сумун) с железными коваными наконечниками с ровным или округлым лезвием трапецевидной, ромбической и особенно «кунжутolistной» формы, двурогие. Были кованые трехлопастные наконечники с отверстиями для облегчения и свиста. Были узкие граненые – «бронестрельные» (хоорцах). Стрелы хранились в кожаных или берестяных колчанах (хот-сумун). Последние зачастую украшались костяными накладками с гравированным орнаментом. Воины тяжелой кавалерии были вооружены копьем-чжида (по М.В.Горелику – оружие второго удара – атаки тяжеловооруженных всадников) с широким плоским или узким граненым наконечником и даже в виде длинного ножа на втулке. Основным оружием ближнего боя – рукопашной схватки – были мечи, палаши и сабли, а также боевой топор и нож-хутуг. «После клинкового оружия огромной популярностью у монголо-татар пользовалась булава гулда. Она была не только боевым, но и почетным оружием, знаком власти. Ею были вооружены и личные телохранители монгольских владык». Защитное вооружение состояло из панцирей, шлемов, ожерелий, щитов и наручей [3, с. 118; 10, с. 185–192; 5, с. 18–23; 6, с. 396–405; 9, с. 27–32.].

Как считает М.В. Горелик, «по степени распространенности описанные виды наступательного оружия, в зависимости от достатка воинов, распределялись так: лук со стрелами и боевые ножи – у всех, копье – у значительной части, боевые гири также, мечи и сабли – у состоятельных и достаточно высокопоставленных (видимо, у всех, начиная с чина десятника)» [5, с. 21].

Собирательный образ золотоордынских конных воинов в реконструкции М.В.Горелика и О.Данилова представлен на рис. 1. В основе данных реконструкций и вообще – описания золотоордынской «паноплии» лежат сведения средневековых авторов (главным образом – Марко Поло и Плано Карпини) и арабские и персидские миниатюры. Достоинством этих источников является то, что они усиливают целостное визуальное восприятие комплекса вооружения золотоордынских воинов. Но не позволяют представить и оценить масштабы распространения того или иного вида вооружения и степени его популярности и использования в войске Золотой Орды.

Вместе с тем результаты источниковедческого анализа сведений средневековых авторов о военном деле Золотой Орды (и вообще Монгольской империи в целом) показывают, что в этих сведениях содержится информация, идущая вразрез с традиционными классическими представлениями о структуре и составляющих компонентах золотоордынской «паноплии». Эти представления базируются на упоминаемых сведениях и подкрепляются данными археологов, занимаю-

¹ Чтобы представить себе все многообразие и неисчерпаемость золотоордынской тематики, достаточно ознакомиться с содержанием третьего тома «Истории татар с древнейших времен» [7].

щихся изучением городского ремесла в Золотой Орде. Эти же данные, как правило, представлены исследователями в обобщенном виде: «Ассортимент изделий кузнецов был чрезвычайно широким – чересла, лемехи, сошники, полицы, мотыги, кетмени, оковки лопат, кайла, серпы, косы, **топоры** (здесь и далее выделено мной. – В.И.), тесла, долота, **ножи**, ножницы, сверла, резцы, пробойники....кресала, **кольчуги**, **пластинчатые доспехи**, **шлемы**, **наконечники стрел**, **копий и дротиков**, **втоки**, **сабли**, **булавы**, **кистени**, **кинжалы**, **крючки от колчанов**, пряжки, сьюльгамы...» [2, с. 273; 1, с. 187]. То есть для исследователей вооружения и военного дела Золотой Орды их информационный потенциал оказывается крайне ограниченным.

Рис. 1. Реконструкция М.В.Горелика внешнего облика и снаряжения золотоордынских конных воинов (История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 412, 420).

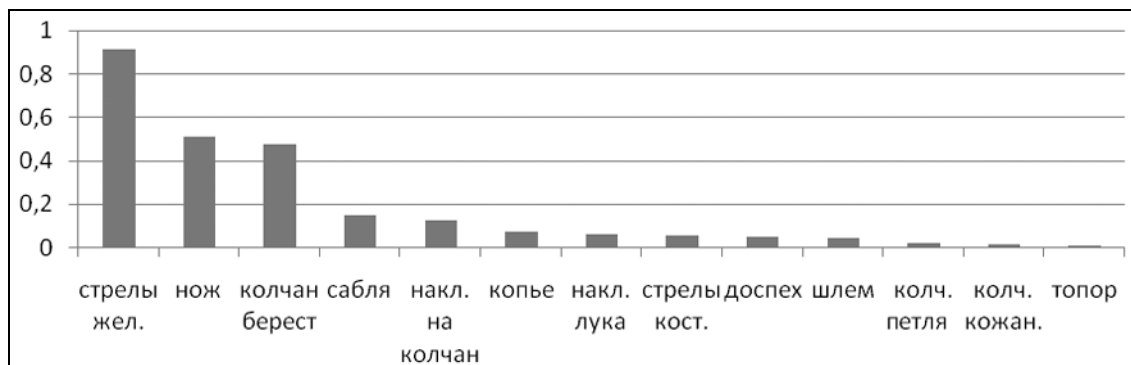
На этом фоне статья Ю.А.Кулешова, подвергающая сомнению высокий оружейно-производственный потенциал Золотой Орды и, объективно, ставящая под сомнение широкое распространение различных видов вооружения в золотоордынском войске, с одной стороны, диссонирует с традиционными и ставшими почти классическими представлениями «золотоордынских оружейников», с другой – ставит нас именно перед той картиной, которая возникает при обращении к археологическим источникам по данной проблеме [8].

Автор этих строк располагает банком данных по 1022 кочевническим погребениям XIII–XIV вв., совершенным по языческому обряду², расположенным в степях Восточной Европы от Мугоджар на востоке до устья Дуная на западе. Из них 32,6% (333 погребения) содержат предметы вооружения. Данная выборка при степени вероятности = 0,9 допускает нижний порог значимости 0,8% [4, с. 64]. По степени убывания частоты встречаемости в погребениях предметы вооружения распространены следующим образом: чаще всего – 90% рассматриваемых погребений – встречаются железные наконечники стрел; затем – нож (50,75)³; затем – берестяной колчан (47,4%) и т.д. (рис. 2). Реже всего – 0,6%, что не является представительным для рассматриваемой выборки погребений – встречаются топоры. Характерно, что найдены они в двух могильниках –

² То есть содержащим сопроводительный инвентарь и конские захоронения.

³ Сколько среди них боевых ножей, а сколько просто хозяйственных – неперенный атрибут кочевника, сказать трудно, добывать противника можно было и тем, и другим.

Аткарском грунтовым (погр. 22) и Ровное (к.11) – расположенных на северной периферии Волго-Уральских степей, близ границы с лесостепной ландшафтной зоной.

Рис. 2. Диаграмма частоты встречаемости отдельных видов вооружения в кочевнических погребениях Золотой Орды.

Не менее выразительную картину дает нам парная статистическая корреляция взаимовстречаемости предметов вооружения в кочевнических погребениях Золотой Орды. Ее значения представлены в диапазоне от 0,001 до 0,37 (положительная корреляция) и от –0,001 до –0,40 (отрицательная корреляция). Вторую, показывающую, что данный предмет вообще не встречается с другими предметами из рассматриваемой категории, представленной в анализируемой выборке погребений, обнаруживает опять же топор (полностью отрицательные значения корреляции со всеми другими предметами) (рис. 3). Напротив, показатели наиболее тесной корреляции между собой обнаруживают шлем и кольчуга/доспех (0,37), сабля со шлемом или кольчугой/доспехом (соответственно 0,29 и 0,22) и берестяной колчан – с костяными колчанными накладками (0,24) (рис. 3).

Данные показатели вполне реалистичны, а следовательно, и аутентичны: шлем и кольчуга/доспех – комплекс защитного вооружения – вещи очень дорогие, могущие принадлежать только не ординарному по своему социальному статусу и воинской иерархии человеку. «Раздирать» его на части при погребении знатного воина-баатура было бы просто не логично, поскольку это нарушает статусность владельца. Хотя в рассматриваемой выборке полный комплект защитного доспеха (шлем+кольчуга/доспех) встречен только в шести погребениях (1,8% всех воинских погребений): Вербовый Лог VIII, к.5; Балабинский, к.12; Лебедевка II; Прикалаусские высоты, к.10; Высокая гора, к.2; Озерновский III, к.3.

Естественно, что воины-баатуры сражались саблями, которые, вероятнее всего, являлись обязательной принадлежностью их вооружения. Но сабля – оружие также достаточно дорогое и престижное – встречена только в двух из перечисленных погребений с доспехами: Балабинском и Лебедевка II. Здесь же найдены и железные наконечники стрел.

Сабля и шлем найдены в пяти золотоордынских погребениях с оружием (Ахтырский лиман I; Раевская (у городища), к.3; Пролетарский I, к.8*; Ладожская, к.22* и Праздничный*), а сабля и кольчуга/доспех – в шести погребениях (Юрьев-Польской*; Урочище Лучки, к.3*; Черемшино, к.3*; Плоское, к.1; Новокорсунская, к.3*; Авиловский, к.4*).

Равным образом костяные резные накладки если применялись, то для украшения берестяного колчана, что и выражается в наличии между ними достаточно тесной корреляционной связи. И действительно, из 158 найденных в рассматриваемых погребениях берестяных колчанов 20,2% были украшены костяными пластинами с резным орнаментом.

В войске золотоордынских кочевников трудно представить присутствие пешего контингента, поэтому вполне естественно, что 70,8% рассматриваемых погребений с оружием сопровождаются захоронениями конской шкуры (череп и кости ног) – 15%, целого остова коня – 14,1% или принадлежностями конской сбруи без коня – 41,7%.

Погребения «конников без защитного вооружения или с неметаллическими доспехами и полным набором рубящего оружия и оружия дальнего боя» [11] составляют 9% от рассматриваемых

* Здесь и далее отмечены погребения, где, кроме указанных предметов вооружения, найдены еще и железные наконечники стрел.

мых кочевнических погребений. В нашей выборке – это погребения с саблями и наконечниками стрел. Из них 11 погребений сопровождались захоронениями коня (Ивановский IV, к.1; Новониколаевская I, к.1; Покровский IX, к.1; Даниловка, к.1; Элистинский, к.19; Урочище Лучки, к.19; Траповка, к.10) или принадлежностями конской сбруи (Ново-Подкряж, к.6; Каменка, к.5; Черемшино, к.3; Праздничный).

Группа погребений, которые могут быть отнесены к воинам «легкой конницы, вооруженной только луками и стрелами, редко саблями» (по В.Н.Чхаидзе и И.А.Дружининой), составляет 77,7% от воинских погребений кочевников Золотой Орды. Из них 10,4% сопровождаются конскими захоронениями, а 45,9% – принадлежностями конской сбруи.

Погребения «легких конников, вооруженных только саблями» – 3,6% воинских погребений. Из них шесть погребений сопровождаются остовом коня (Красная могила, к.1; Станция Битумная, к.2; Мордово) или принадлежностями конской сбруи (Курнаевка, к.1; Сухие Гривы, к.1; Яким-Янтестау).

Наконец, погребения, содержащие только наконечник копья, – 2,4%: Суслы, к.40; Татарбранка, к.4; Тифлисская, к.38; Марок; Афанасьевский, к.2; Черемшино, к.2; Терновка, к.1; Бережновский, к.5.

Итак, если подходить к археологическому материалу как к аутентичному источнику по истории вооружения Золотой Орды, то мы можем выделить следующие воинские контингенты:

- тяжелая конница, одетая в доспехи и вооруженная саблями (были ли у них копья – по археологическому материалу это не прослеживается) – 1,8% всех воинских погребений;
- конные лучники, вооруженные и саблями (возможно, защищенные легкими доспехами из органических материалов) – 9%;
- конные лучники – 77,7%;
- конники, вооруженные только саблями, – 3,6%;
- конные копейщики – 2,4%.

Естественно, реконструировать структуру золотоордынского войска и характер его вооруженности только по находкам из погребений было бы наивно, а методически некорректно. Ибо в противном случае мы получили бы достаточно парадоксальную картину: воины в металлических доспехах с саблями и луками (как на приведенной выше графической реконструкции М.В.Горелика) в каждой тысяче золотоордынских воинов (минган, кул) составляли бы всего лишь шесть человек, а конные лучники с саблями и в неметаллических доспехах – 90 человек и т.д. То есть при подобном допуске золотоордынское войско должно было бы выглядеть, как вооруженная луками и стрелами конная орда.

Но с другой стороны – а почему бы и нет? Дело в том, что во всех описаниях тактики монгольского боя, даваемых историками военного дела монголов и Золотой Орды, на первом месте стоят дистанционный бой, охват и заманивание противника [10, с. 197–200; 5, с. 30; 6, с. 425]. А Карпини еще пишет и о том, что татары вообще неохотно вступают в контактный бой [10, с. 200]. Более того, как считает Р.П.Храпачевский, «существование у монголов Чингисхана приемов таранной, ударной тактики является дискуссионным вопросом. Дело в том, что само существование тяжеловооруженных ударных частей в армии Чингисхана является проблематичным. И хотя есть ряд туманных свидетельств о наличии у монголов конных воинов в тяжелом вооружении (выделено мной. – В.И.), но при этом нет оснований считать их оснащенными вооружением и доспехами, приспособленными именно для таранных ударов – нет археологических находок монгольских ударных копий, шпор, специальных седел с упором и так далее, то есть специальных приспособлений для таранных ударов (выделено мной. – В.И.), нет и письменных свидетельств наличия у них собственно таранной тактики, подобной европейскому рыцарству, которое и принято называть тяжелой конницей... Скорее всего, только у части монголов, самых богатых и знатных, имелись тяжелые доспехи. Видимо, они и составляли отборные части последнего удара – их задача была добивать противника, уже расстроенного тактикой сменяющихся волн атак конных стрелков (выделено мной. – В.И.), доспех для этого был нужен только для лучшей защиты в свалке подобного боя. Для этого уже не нужны были таранные копья, а только сабли/мечи, шестоперы/булавы, пальмы и копья с крюками [10, с. 202].

Приведенная интерпретация, как мы можем убедиться, как нельзя более соответствует археологическим данным по набору вооружения в кочевнических погребениях Золотой Орды.

	Стрелы жел.	Стрелы кост.	Кост. накл. лука	Колчан берест.	Колчан кож.	Колч. накл.	Колч. петля	Сабля	Копье	Топор	Шлем	Кольчуга /доспех	Н о ж
Стрелы жел.	1												
Стрелы кост.	0,0729	1											
Кост. накл. лука	0,0353	-0,0012	1										
Колчан берест.	0,1519	0,0801	0,0129	1									
Колчан кож.	0,0346	-0,0255	-0,0278	-0,1047	1								
Колч. накл.	0,0517	-0,0437	0,0232	0,2408	-0,0407	1							
Колч. петля	0,0426	-0,0314	-0,0342	-0,0382	-0,0149	0,0888	1						
Сабля	-0,4083	-0,0563	0,1841	-0,2187	0,0332	-0,0464	-0,0555	1					
Копье	-0,3279	-0,0093	-0,0688	-0,0453	0,0786	-0,0642	-0,0368	-0,0106	1				
Топор	-0,2470	-0,0180	-0,0196	-0,0738	-0,0085	-0,0287	-0,0105	-0,0319	-0,0211	1			
Шлем	-0,2476	0,0193	0,1359	0,0107	-0,0230	-0,0313	-0,0283	0,2974	0,0019	-0,0162	1		
Кольчуга/доспех	-0,0273	0,0754	0,1795	-0,0166	0,1041	-0,0398	-0,0304	0,2276	0,0495	-0,0174	0,3727	1	
Нож	0,1306	0,0920	-0,0543	0,1541	-0,0567	0,0683	-0,0020	-0,1429	0,0551	-0,0011	-0,1228	-0,1157	1

Рис. 3. Таблица значений коэффициента взаимовстречаемости отдельных видов вооружения в кочевнических погребениях Золотой Орды.

И здесь мы вновь возвращаемся к выводам Ю.А. Кулешова, суть которых состоит в том, что формирование золотоордынской «паноплии» осуществлялось в основном за счет закупок комплектов вооружения в других государствах, в частности – в мамлюкском Египте [8, с. 80–84]. Ясно, что эти комплекты состояли не из луков и стрел. Если исходить из реальности этого обстоятельства, то становится вполне понятной причина бросающейся в глаза редкости находок доспехов и сабель в кочевнических погребениях XIII–XIV вв.: ценная вещь, за которую уплачена немалая сумма. В отличие от стрел и луков, которые изготавливались где-то поблизости и стоили гораздо дешевле, так что их было не жалко положить в могилу. То есть доспех или сабля (или доспех и сабля) вместе с покойным владельцем «на тот свет» отправлялись в исключительных случаях. Как, по-видимому, исключением было и само появление подобного комплекса вооружения в кочевнической среде Золотой Орды.

Резюме: исторические описания вооружения золотоордынского войска дают только общее представление об ассортименте наступательного и защитного вооружения, употреблявшегося в Золотой Орде в XIII–XIV вв. Структура войска и удельный вес его контингентов вытекают из общеоисторической эрудиции авторов, а потому – гипотетичны.

Археологический материал также не является аутентичным источником для реконструкций подобного рода. В лучшем случае он дает нам представление о том, как выглядел тот или иной компонент золотоордынской «паноплии», и насколько он был доступен, а потому – наиболее распространен прежде всего в кочевнической, среде Золотой Орды.

Где истина? На данный момент она состоит в необходимости более критического подхода к источникам. Для историков – в отказе от гиперболизации отрывочных и подчас невнятных сведений средневековых авторов, для археологов – в разработке проблемы того, насколько адекватно погребальный инвентарь (в данном случае – предметы вооружения) мог отражать реалии прошедшей жизни.

1. Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. – Волгоград, 2006.
2. Валиулина С.И., Недашковский Л.Ф. Городские ремесла // История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009.
3. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. – Тверь; М., 2001.
4. Генинг В.Ф., Буятия Е.П., Пустовалов В.Ф., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). – Киев, 1990.
5. Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, оружие, снаряжение. – М., 2002.
6. Горелик М.В., Измайлов И.Л. Военное дело Улуса Джучи // История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009.
7. История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009.
8. Кулешов Ю.А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. – Казань, 2010.
9. Кушкумбаев А.К. История военного дела кочевников Золотой Орды XIII–XV вв. // Автореф. дисс. ... д.и.н. – Алматы, 2010.
10. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. – М., 2004.
11. Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Военная организация кочевников Степного Предкавказья в XII–XIV вв. – Доклад, прочитанный на IV Международном конгрессе по средневековой истории степей Евразии в Каире 27 января 2011 г.

О типах средневековых воротных проездов на территории Среднего Поволжья

У остатков средневековых дерево-земляных укреплений в валах часто наблюдаются разрывы, которые иногда связывают с проездом на площадку городища, используя чисто визуальные методы. Это далеко не всегда подтверждается во время археологических исследований. В данном случае требуется отдельный подход к каждому типу городищ. Особенно это касается различного расположения памятников на местности, их отношения к окружающему ландшафту.

Ввиду того, что равнинные городища находятся на ровной местности и не имеют каких-либо естественных преград для штурма, кроме искусственных, проездные ворота у них должны были находиться в системе крепостных стен. Современные разрывы в валах, в связи с этим, иногда можно отождествить с древними проездами, но для этого, несомненно, требуется также и археологическое подтверждение, т.к. некоторые из «ворот» могут иметь гораздо более позднее происхождение.

Экспедицией под руководством Н.Ф.Калинина в 1949 г. был исследован проезд Янтиковского городища, расположенный в его северной части. Исследователем обнаружены следы семи столбов, стоявших по прямой линии поперек вала: «Промежутки между столбами 30–40 см. Толщина столбов 20–25 см. Они были стесаны на конце и вбиты в темно-серый гумированный суглинок первоначальной почвы. Столбы служили, видимо, для связи горизонтальных бревен или плах, образовавших стенку проезда, предохранявшую проезд от осыпания вала. Длина проезда определяется в 5,5–6 м, что соответствует ширине вала в этом месте» [3, с. 26–27] (рис. 1). На территории Волжской Булгарии известны и другие укрепленные поселения, которые не имеют проездов в системе обороны, составляющей одну сплошную линию валов и рвов, например, «Девичий городок» и Горкинское городище. Возможно, в этом случае применялась аппарель или подъемный мост, которые во время опасности можно было быстро уничтожить (рис. 2–1).

Следующим типом ворот, имеющим ранние аналогии в памятниках Средней Азии и позднеантичных крепостях, является прием, получивший в военно-инженерной науке римлян название *clavicula* [2, с. 97]. Он представляет собой принцип, при котором концы вала заходят друг за друга, образуя своеобразный коридор.

Этот проезд зафиксирован в южной части укреплений Чуру-Барышевского городища, с южной стороны. Он связывал площадку памятника с неукрепленным селищем-посадом. Здесь один конец укреплений направлен на юго-восток, а другой – на северо-запад. Таким образом, они проходят параллельно друг другу, образуя небольшой коридор шириной не более 7–8 м (рис. 2–2).

Данный прием имел, в свою очередь, две разновидности, одна из которых зафиксирована на Болгарском городище. Это так называемый *internal clavicular*, когда концы вала с одной стороны заходят внутрь укрепления. Он расположен у истока Старо-Иерусалимского оврага. Здесь южный конец вала прямой, а северный повернут внутрь городища под углом 130–135°.

В свое время О.С.Хованской отмечался и дополнительный «небольшой отрезок другого вала», расположенный перпендикулярно загнутой части, где, по ее мнению, «несомненно, были ворота, поставленные так, что наступающий должен был подставлять правую ... часть тела под выстрелы защитников города» [4, с. 326]. Возможно, что этот «отрезок» являлся остатками укреплений, которые подходят с юга и некогда поворачивали под углом внутрь площадки памятника (рис. 3).

Иной тип проезда прослеживается на Екатеринино-Слободском II городище. В северо-западной части его укреплений, в створе ворот имеется дополнительное защитное сооружение в виде короткого отрезка рва и вала. Согласно с римской военно-инженерной практикой, этот прием имеет название *titulus* (более позднее название – траверс) (рис. 4). По-видимому, он препятствовал непосредственному нападению на ворота, заставляя противника маневрировать, а также не позволял осадной технике бить прямо по въезду. Думается, что это предвратное укрепление несло функции барбакана, только как более упрощенная его модель. Оно стоит в целом ряду оборонительных устройств такого рода, различных по типу, но объединенных общей задачей – защитой проездных ворот от прямого штурма. В будущем с введением огнестрельной артиллерии их начинают заменять туры и срубы, заполненные землей, тарасы [1, с. 8].

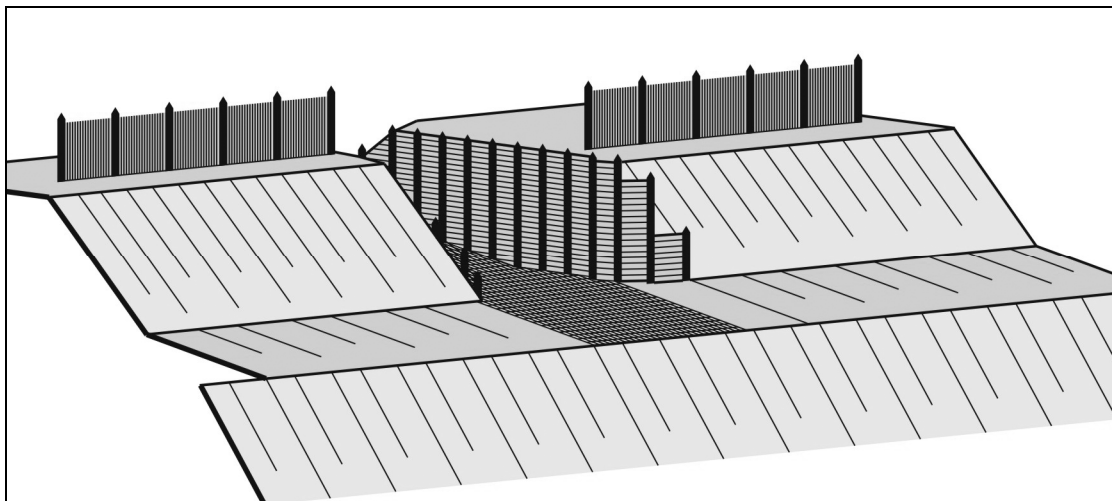

Рис. 1. Реконструкция проезда на Янтиковском городище.

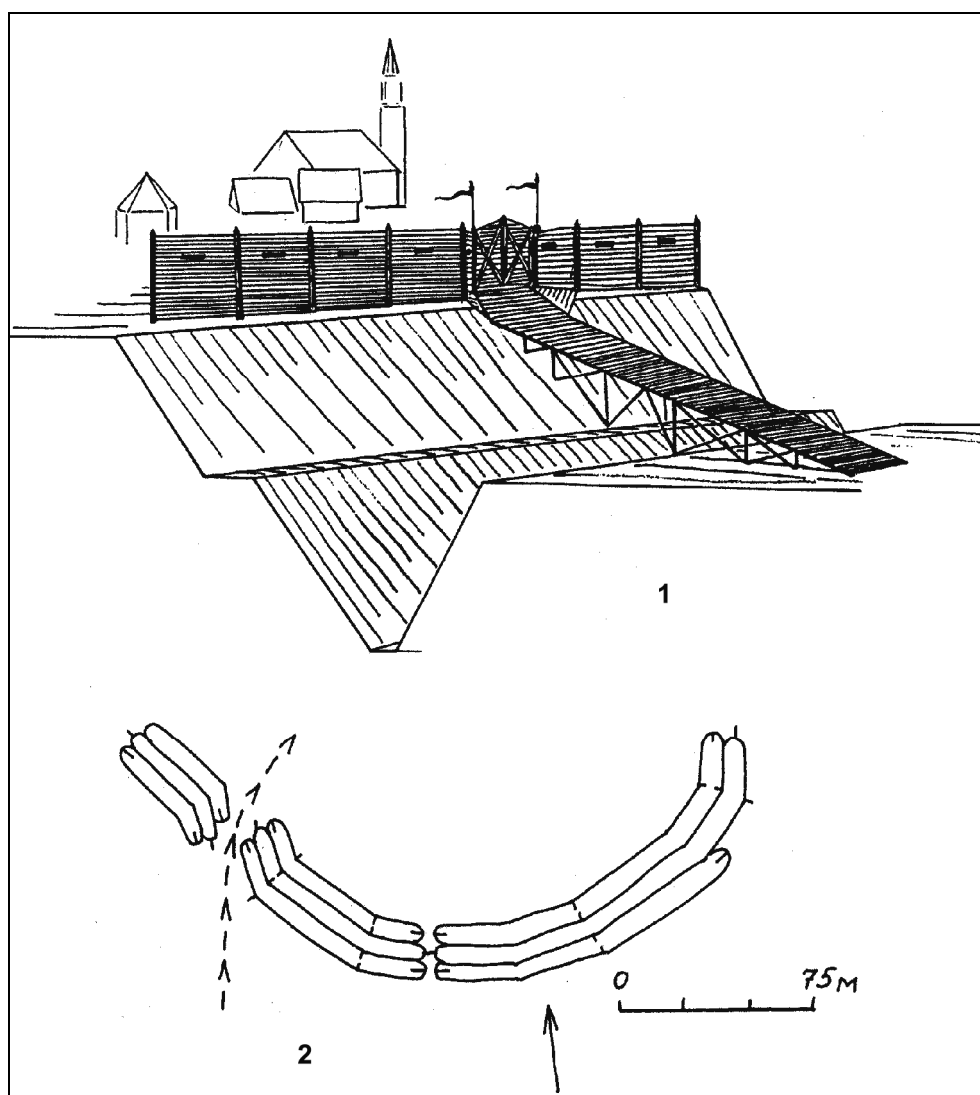
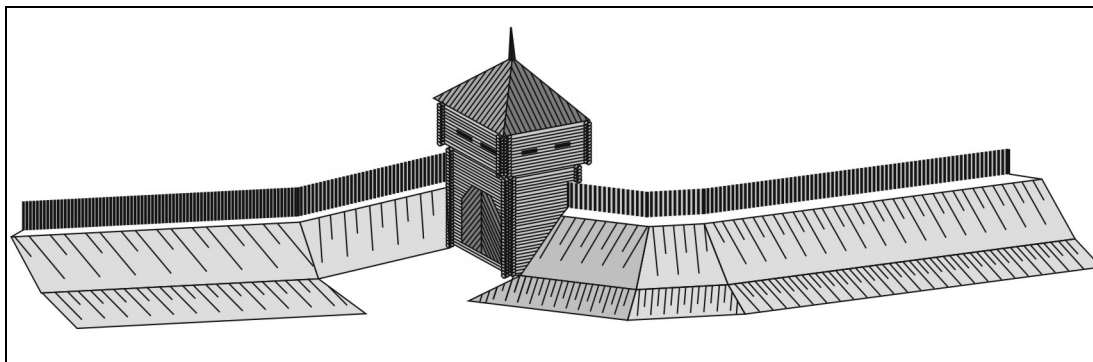
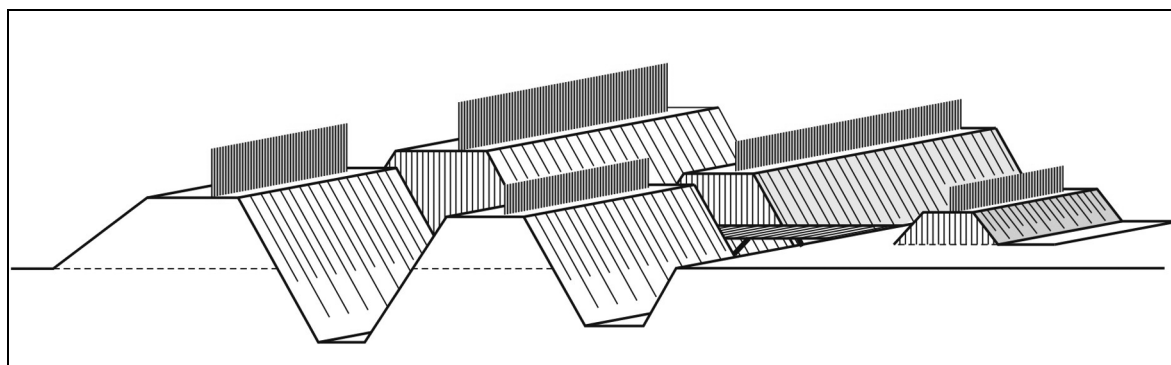

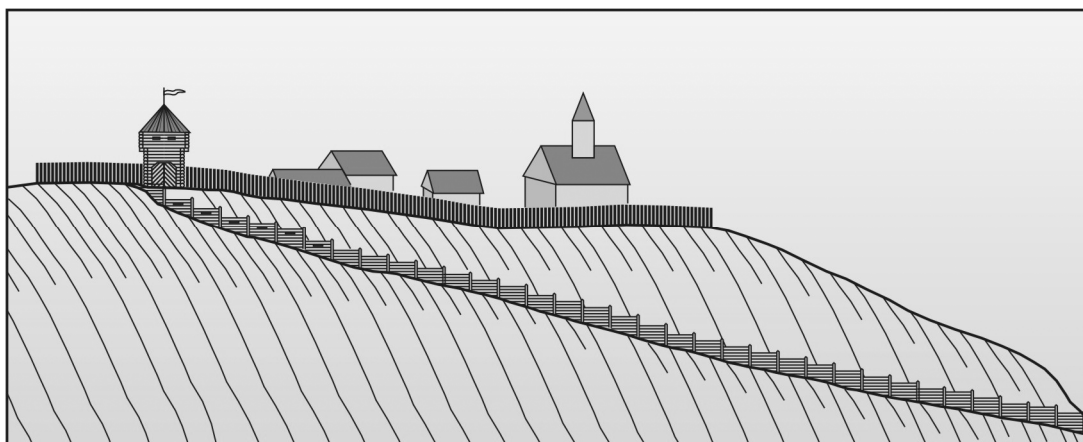
Рис. 2. 1 – Аппарель (реконструкция); 2 – Проезд типа clavicula.

Рис. 3. Реконструкция «Восточного проезда» на Болгарском городище.

Рис. 4. Реконструкция воротного проезда (titulus, траверс).

Рис. 5. Реконструкция въезда на Камаевское городище.

Укрепленные поселения, расположенные на мысах, обычно имеют небольшую площадь и, соответственно, такую же по протяженности линию крепостных стен с напольной стороны. Для того чтобы не ослабить оборону в системе валов и рвов устройством ворот, применялся еще и другой тип проезда.

Он представляет собой использование края террасы или оврага, по которым осуществлялся въезд на площадку памятника. Мы имеем четыре таких примера. Это Камаевское, Тавлинское, Бураковское и Щербеньское II городища. На первом по обеим сторонам мыса имеются дороги, вырубленные уступом в известняке, из которого сложен мыс. Первая из них представляет собой лишь неширокую тропу, а вторая – пологий пандус в среднем 4–8 м шириной. Последняя проложена вдоль западного склона и начинается у подножия оконечности стрелки, постепенно поднимаясь к площадке памятника (рис. 5).

Нашими исследованиями определено, что поверхность этого въезда состояла из плотно утрамбованного мергеля, что, возможно, являлось наилучшим предохранением от скольжения во

время движения вверх или вниз по дороге. Кроме того, каждый поднимающийся на площадку городища у самого верха попадал в узкий, до 3 м, коридор, состоявший из столбовых конструкций. По-видимому, он представлял собой предворотный въезд, устроенный в виде периболы и, судя по зафиксированным следам неоднократных ремонтных работ, функционировал довольно длительное время.

Данные городища расположены во всех трех регионах Среднего Поволжья, которые некогда занимали Волжская Булгария и Казанское ханство – Предволжье, Предкамье и Закамье. В связи с этим проследить какую-либо специфику применительно к отдельно взятой территории на сегодняшний день не представляется возможным. Возможно, что таковой и не существовало, безотнositельно времени функционирования городищ. Здесь налицо сложный комплекс фортификационных сооружений, вобравший в себя многие достижения военной науки.

1. *Богдановский М.* Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060–7061 гг. (1552). – СПб., 1898. – 64 с.
2. *Буйских С.Б.* Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). – Киев: Наукова думка, 1991. – 160 с.
3. *Калинин Н.Ф.* История Казани с древнейших времен до XVII века. Дисс. на соискание ученой степени док. ист. наук. Машинопись // Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. I. Ед.хр. 202. – Казань, 1957. – 433 л.
4. *Хованская О.С.* Оборонительная система города Болгара // МИА. 1958. №61. – С. 316–329.

Пластины доспеха из полуподземного склепа № 10 Келийского могильника (горная Ингушетия)

В ходе охранно-спасательных археологических исследований (1987–1988 гг.) Келийского могильника (высокогорная Ингушетия), частично затронутого грунтовой дорогой, проложенной в качестве подъездного пути к планировавшемуся строительству сквозного тоннеля под Главным Кавказским хребтом («Кавказская перевальная железная дорога» – КПЖД), был получен выразительный археологический материал.

Келийский могильник, представлявший собою каменные ящики и грунтовые захоронения, располагавшиеся поверх ящиков, соседствовал с группой полуподземных склепов и т.н. «пещерным» («скальниками») некрополем и древней, относительно благоустроенной дорогой, проходившей вдоль нижней части каменнаящичного и склепового могильников [14, с. 65]. На вскрытой площади было выявлено более 400 индивидуальных захоронений, из которых в научный оборот пока введена лишь небольшая толика – несколько каменных ящиков и грунтовых ям [13, с. 50–54; 3, с. 68–91; 19, с. 291–304], полуподземных склепов [17, с. 39–79] и «пещер» [12, с. 32–35]. Вместе с другими археологическими памятниками высокогорья Ингушетии [9, с. 15–71; 27, с. 23–25; 20, с. 5–20; 28, с. 129–140 и др.], исследованные погребальные комплексы содержали немало выразительных артефактов, свидетельствовавших об их евразийском происхождении [2, с. 8–10, 59–60]. Особое место среди них занимают предметы защитного и наступательного вооружения, наряду со снаряжением, использовавшимся во время охоты, представляющих заметный научный интерес. Отдельные и выразительные предметы из комплекса вооружения, явно демонстрирующие географию и характер их заимствования горцами, частично, опубликован [3, с. 68–91; 19, с. 291–304; 9, с. 15–71; 27, с. 23–25; 20, с. 5–20; 28, с. 129–140; 23, с. 4–9; 1, с. 105–111; 22, с. 126–153; 21, с. 42; 11, с. 305–307; 15, с. 182–192; 18, с. 353–367 и др.]. Между тем среди еще неопубликованных материалов остаются остатки пластинчатого доспеха, остатки которого были прослежены в полуподземном склепе № 10 Келийского могильника.

Остатки доспеха были представлены пятном из ржавой окалины, повторяющим контуры доспеха, а также в виде груды сильно спекшихся пластин (вес около 6 кг), находивших в одном из углов ограбленного склепа.

Пятно располагалось на каменной «лежанке», сложенной из камней вдоль трех стен склепа (ширина до 1 м, высота от пола в пределах 1 м), справа от подквадратного входа (0,56х0,6 м), ведущего внутрь погребального сооружения. Пятно плотной и спекшейся железной окалины, мощностью 1–3 см. Пятно подпрямоугольных очертаний, длина около 80 см, ширина в верхней части – 70 см, в средней – 69, в нижней – 92 см. Отпечатки «плеч» доспеха – заметно покатые. В центральной части пятна (район «шеи»), слабозаметное, плавное «углубление» в сторону центральной оси отпечатка панциря.

При снятии остатков пятна с предварительным его закреплением более или менее четко проявились отпечатки отдельных пластин внешней стороны «спины» доспеха. Панцирь – безрукавный, хотя с его правой стороны, в районе «плеча» сохранились отпечатки и фрагменты грубой кожи черного цвета, явно связанных с доспехом. Следы кожи явно связаны с панцирем и выступали наружу до 15 см, при ширине до 26 см.

Остатки самого доспеха, вероятно, преднамеренно перемещенного с места его первоначального положения, по неясным причинам, в угол склепа, представляли собою хаотичную груды из сильно спекшихся и проржавевших кусков панциря. Эти куски были не уложены, а наброшены друг на друга, после чего сюда же были перемещены и остатки культурного слоя склепа.

При расчистке остатков доспеха удалось собрать около 50 наиболее хорошо сохранившихся его фрагментов, которые позволяют считать, что выше отмечавшееся пятно именно от этого панциря.

Сохранившиеся пластины (рис. 1, 1–23) фрагментированы; часть из них (рис. 1, 1–5, 12–19, 23) – подпрямоугольных очертаний. Другие (рис. 1, 6–8) пластины округло-подтреугольной формы; третьи (рис. 1, 10) – округлой формы. На некоторых пластинах (рис. 1, 1, 3–5, 9–10, 12–19), вдоль верхней и нижней закраин, на равном удалении друг от друга размещены мелкие сквозные

отверстия, при помощи которых, вероятно, посредством тонких кожаных ремешков (?) пластины скреплялись друг с другом. Сохранились и фрагменты пластин, демонстрирующие характер такого крепления двух и четырех пластин между собою (рис. 1, 1–3, 17–18).

Некоторые из сохранившихся фрагментов (рис. 1, 6–8, 21–23) по внешней поверхности были декорированы мелкими округлыми выпуклостями, «выдавленными» с внутренней стороны пластин.

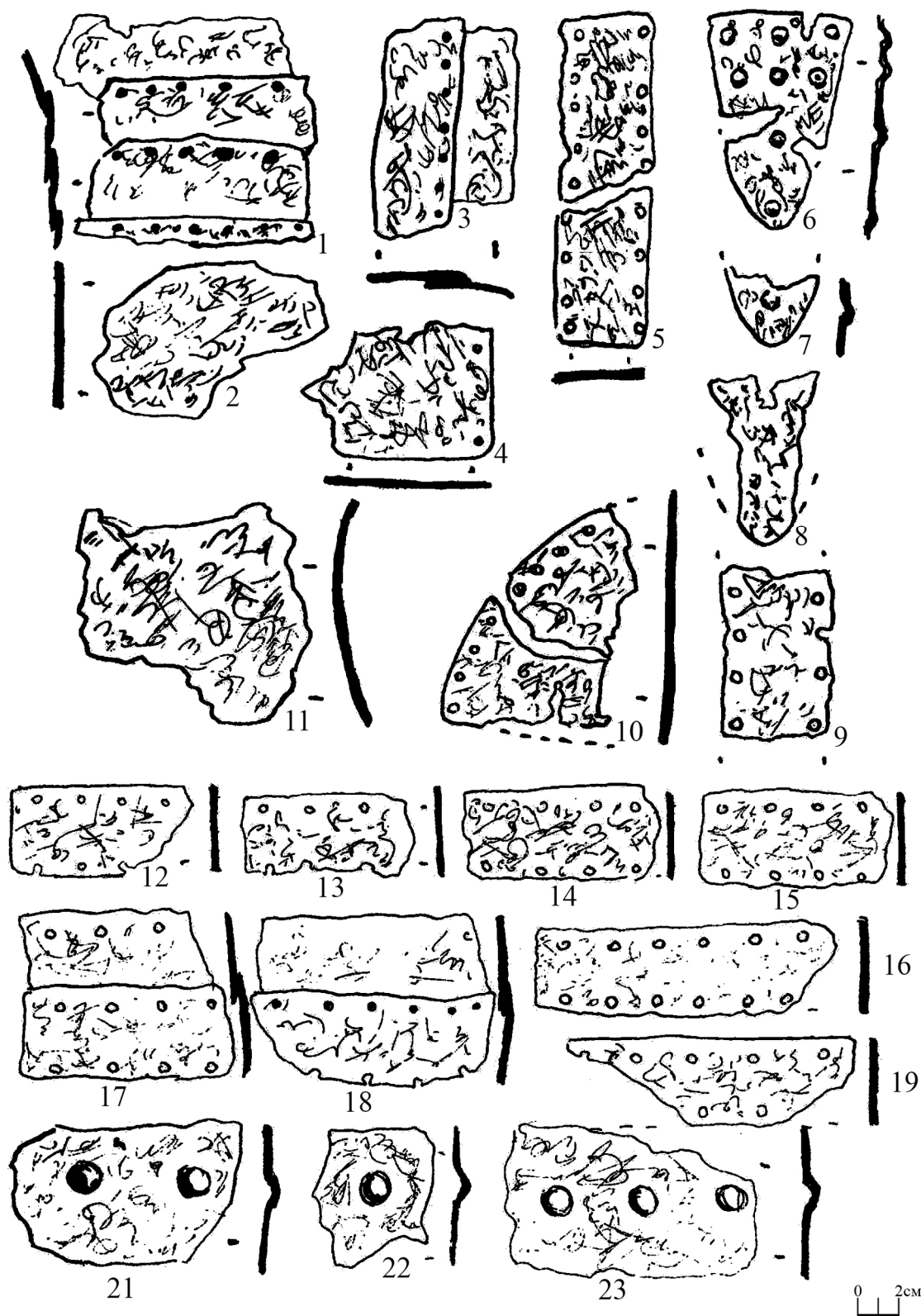

Рис. 1. Пластины доспеха из полуподземного склепа № 10 Келийского могильника.

Судя по сохранившимся остаткам пластинчатого панциря из склепа № 10, можно указать, что некоторые их детали – наличие отверстий для крепления, система крепления, выпуклости на внешней поверхности отдаленно напоминают таковые же детали, к примеру, с пластинчатого доспеха из воинского погребения кочевника золотоордынского времени из сел. Новотерское в Чечне [29, рис. 3, 4, 5], которое Д.Ю. Чахкиев предварительно атрибутировал как «половецкое» [29], а его доспех воспринял как комбинированный, кольчужно-пластинчатый панцирь. М.В. Горелик вполне справедливо рассматривает предметы вооружения из этого же комплекса, как «центральноазиатско-монгольские» [5, с. 152–196], чему не противоречат и другие наблюдения на этот счет [16, с. 42–54]. К тому же этот доспех не может рассматриваться как комбинированный, кольчужно-пластинчатый, поскольку кольчужное плетение из этого захоронения – это бармица от шлема [16, с. 42–54].

Сравнивая пластины от доспеха из склепа № 10 с пластинами из погребения у сел. Новотерское, следует признать, что при наличии схожих черт, пластины из склепа № 10 отличаются, прежде всего, тем что они значительно уже и длиннее; в новотерском комплексе отсутствуют округло-подтреугольные пластины, впрочем, как и другие, наличествующие в склепе № 10.

Не обнаружено нами схожих пластин и в других кочевнических комплексах, например, Приамурья [10], Западной Сибири [24], Алтая [4, с. 151–172], Южной Сибири и Центральной Азии [25, с. 124, рис. 56, с. 131, рис. 59, с. 133, рис. 61, с. 158, рис. 69, с. 197, рис. 89, с. 198, рис. 90; 26, с. 66, рис. 32, с. 80, рис. 40, 2–18, с. 82, рис. 41, с. 83, рис. 42; 5, рис. 1, 3 и сл.; 8, с. 52, 68, 73, 74]. Наибольшую близость публикуемым пластинам демонстрируют пластины от доспеха XIV века из золотоордынского Азака-Таны. Детали доспеха и его реконструкция были опубликованы М.В. Гореликом [6, с. 40–42; 7, с. 73–78], отнесшим доспех к числу европейских (венецианских или генуэзских) XIV века. Если предлагаемые сопоставления не претерпят существенных изменений, по-прежнему открытым останется вопрос о путях и причинах появления такого доспеха в высокогорье Ингушетии, как считается, так и не вошедшей в пределы прямого политико-экономического контроля Золотой Орды.

1. Басов В.И., Нарожный Е.И., Тихонов М.И. О двух типах наконечников копий с территории Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2 / Под ред. Е.И. Нарожного. – Армавир: РИЦ АГПИ, 2003. – С. 105–111.

2. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Материальные свидетельства евразийских контактов XIII–XV веков в Восточном Приднестровье // Международное сотрудничество археологов на трассах и культурных путях древности и средневековья / Под ред. С.Н. Савенко. – Кисловодск: ККМ, 1994. – С. 8–10. Резюме на англ. яз. – С. 59–60.

3. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Погребения Келийского могильника // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа / Под ред. Н.И. Кирея. – Краснодар: КубГУ, 1994. – С. 68–91.

4. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. 1: оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул: АГУ, 2003. – С. 151–172.

5. Горелик М.В. Ранний монгольский доспех // Археология. Этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987. – С. 152–196.

6. Горелик М.В., Фомичев Н.М. Доспех XIV века из Азова // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году. Тезисы докладов. – Азов: АКМ, 1987. – С. 40–42.

7. Горелик М.В., Фомичев Н.М. Рыцарские доспехи из Азова // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1989. – С. 73–78.

8. Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков: воинское искусство, оружие, снаряжение – М., 2002. – 84 с.

9. Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (По раскопкам Шуанского могильника) // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии / Под ред. Х.М. Мамаева. – Грозный: ЧИНИИИСФ, 1989. – С. 15–71.

10. Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. – Новосибирск, 1987. – 223 с.

11. Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Колчаные накладки XIV века из горной Ингушетии (Полуподземный склеп № 12) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5 / Под ред. Е.И. Нарожного. – Армавир, 2005. – С. 305–307.

12. Нарожный Е.И. «Пещеры» Бамутского и Келийского могильников. Чечня и Ингушетия // Из практики кавказоведческих изысканий. Опыт вузовской лаборатории / Под ред. В.Б. Виноградова. – Армавир: АГПИ, 1996. – С. 32–35.

13. *Нарожный Е.И.* Два погребения с древнерусскими предметами мелкой христианской пластики с территории Келийского могильника // Археология на новостройках Северного Кавказа. / Под ред. В.Б. Виноградова. – Грозный: ЧИГУ, 1991. – С. 50–54.
14. *Нарожный Е.И.* Келийский могильник XIII–XIV в. – выдающийся памятник вайнахской средневековой культуры // Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством КПЖД и организацией комплексного заповедника: Тезисы докладов – Грозный: ЧИГУ, 1989. – С. 65.
15. *Нарожный Е.И.* Новые находки предметов средневекового вооружения с территории Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 6 / Под ред. Е.И.Нарожного. – Армавир: АГПУ, 2006. – С. 182–192.
16. *Нарожный Е.И.* О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа // Военная археология. Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. – М.: ГИМ, 2008. – С. 42–54.
17. *Нарожный Е.И., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А.* Полуподземные склепы Келийского могильника (По материалам охранных раскопок 1987 г.) // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии / Под ред. Х.М. Мамаева. – Грозный: ЧИННИИСФ, 1990. – С. 39–79.
18. *Нарожный Е.И., Нарожный В.Е.* Горы Восточного Придариья и золотоордынские владения // Донские древности. Вып. 10: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А.Федорова-Давыдова (30 сентября – 3 октября 2008 г.). – Азов, 2009. – С. 353–367.
19. *Нарожный Е.И., Нарожный В.Е., Чахкиев Д.Ю.* Погребение № 15 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5 / Под ред. Е.И.Нарожного – Армавир, 2005. – С. 291–304.
20. *Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.* Некоторые данные о погребальных комплексах XIV в. высокогорной Ингушетии // Археология и традиционная этнография народов Чечено-Ингушетии / Под ред. Х.М.Мамаева. – Грозный: ЧИННИИСФ, 1992. – С. 5–20.
21. *Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.* О воинских щитах из горной Ингушетии // Десятые чтения по археологии Средней Кубани. (Краткое содержание докладов). – Армавир, 2003. – С. 42.
22. *Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.* О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. – Армавир: РИЦ АГПИ, 2003. – С. 126–153.
23. *Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.* Образцы ударного оружия золотоордынского времени на Северном Кавказе // Научный вестник Ингушского государственного университета. № 1. – Магас, 2002. – С. 4–9.
24. *Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск, 1987. – 192 с.
25. *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – 230 с.
26. *Худяков Ю.С.* Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск, 1991. – 190 с.
27. *Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И.* Новые археологические материалы золотоордынского времени из горной Ингушетии // Актуальные проблемы археологии и этнографии дореволюционной Чечено-Ингушетии / Под ред. М.Б.Мужухоева. – Грозный: ЧИННИИСФ, 1990. – С. 23–25.
28. *Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И.* Погребение знатного горского воина нач. XV в. из с. Верхний Алкун (Горная Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Под ред. Ю.С.Худякова и Ю.А.Плотникова. – Новосибирск, 1990. – С. 129–140.
29. *Чахкиев Д.Ю.* Богатое погребение воина-кочевника у сел. Новотерское (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. – Грозный: ЧИГУ, 1984. – С. 95–103.

О вспомогательном снаряжении у монголов Предкавказья (по данным средневековых европейских письменных источников)

В настоящее время существует целый ряд научных работ, посвященных военному делу и вооружению воинов Золотой Орды. Между тем потенциал в изучении этой темы еще далеко не исчерпан.

Существует ряд источников, в которых встречаются упоминания о существовании неких, дополнительных и вспомогательных средств, вероятно, входивших в систему снаряжения как золотоордынских войск, так и в подразделениях иных, например, хулагуидских войск, им противостоявших. Описывая, к примеру, приготовления подразделений к дальнему военному походу, Марко Поло писал: «Когда отправляются в долгий путь, на войну (монголы), сбруи с собой не берут... Везут также маленькую *палатку*, укрываться на случай дождя» [5, с. 226].

Подтверждением свидетельству Марко Поло можно считать и запись, встреченную у Плано Карпини: «Когда они желают пойти на войну, – писал средневековый автор, – они отправляют вперед застрельщиков, у которых нет ничего кроме войлоков, лошадей и оружия» [7, с. 61].

Таким образом, оба европейских автора в один голос утверждают о том, что при быстрых, но, вероятно, непродолжительных по времени военных акциях, их участники, помимо лошадей и оружия, в своем распоряжении имели и какие-то легкие и временные приспособления, позволявшие им в походных условиях укрываться от непогоды. Только Марко Поло называет такие приспособления «палаткой», в то время как П.Карпини обозначает их «войлоком».

В другом случае, описывая вторжение отрядов Хулагу-хана к северу от Дербента, тот же Марко Поло так описывает приготовления Хулагуидов: приехали они «в большую равнину между Дербентскими вратами и Сарайским (Каспийским) морем. И расставили в порядок свой стан на этой равнине, скажу вам по истинной правде, много тут было богатых *ставок* и много богатых *палаток*, видно было, что стан богатых людей» [5, с. 226].

Относительно противостоящей, т.е. золотоордынской стороны, находившейся здесь же, к северу от Дербента, «стан» хана Берке, со своими отрядами вышедшего навстречу Хулагу, Марко Поло описывает так: «Стан его (Берке. – А.С.) был так же хорош, как и у Алау (Хулагу) и так же богат, были тут *шатры* из золотых тканей, богатые *палатки*, по правде сказать, красивее и богаче стана не видно было прежде» [5, с. 228–229].

В этих описаниях упоминаются уже не только «палатки», но и «стан» с многочисленными «шатрами».

Все эти свидетельства имеют определенный и, к тому же, конкретно-информационный смысл. Марко Поло описывает временный лагерь двух, противостоящих военных сторон. Да и упоминая о «приведении в порядок *ставки*» Хулагуидов со множеством «*ставок*», скорее всего, подразумевает вполне конкретные мероприятия.

В специальной литературе известно, что под «ставкой» в лексиконе средневековых европейских авторов обычно подразумевается то, что восточные источники называют «ордой», лишь иногда вкладывая в этот термин информацию о способе кочевания [11, с. 63–64].

Для уточнения следует обратиться к описаниям такой «орды», оставленным Ибн Баттутой при его посещении Пятигорья («области Бишдаг»). Именно там Ибн Баттута встретил «орду» (ставку) Узбек-хана. «Подошла ставка, – писал он, – которую они называют урду (орда. – А.С.), и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями, в нем мечети и базары, да дым от кухонь взвивается по воздуху, они варят (пищу) во время самой езды своей, и лошади везут арбы с ними. Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на землю, так как они легко переносятся..., подъехал султан и расположился в своей ставке отдельно» [9, с. 289].

Несмотря на то, что свидетельство Ибн Баттуты составлено через 70 лет после описаний, принадлежащих Марко Поло, аналогии здесь очевидны. Следовательно, под «ставками» в стане Хулагу-хана, вероятно, следует подразумевать своего рода отдельные «станы», принадлежавшие представителям кочевой аристократии, согласно существовавшей у монголов иерархии, на основе которой была устроена и организация войска.

Другими словами, построение боевого лагеря в точности копировало «десятикратный принцип», когда «несколько семей кочевников должны были выставить десять воинов» [10, с. 3]. А сам десяток являлся составной частью сотни, сотни составляли «тысячу» и т.д. [4, с. 11–12]. Вероятно, соблюдался и такой принцип структуры войска, как его деление на «центр», «правое и левое крыло». Возможно, что с соблюдением именно этих особенностей формировался и лагерь из военных «станов» как Джучидов, так и Хулагуидов.

Подобная система хотя и не прямо, но все же улавливается и в контексте свидетельств письменных источников. Как сообщал Марко Поло, отправляясь в дальний поход, монголы высылают вперед, т.е. «на все четыре стороны немногочисленные отряды и делается это с тем, чтобы невзначай кто не напал» [2, с. 16].

Видимо, аналогичным образом строился и боевой лагерь накануне сражения, в том числе и в ситуации, описанной Марко Поло. Можно предполагать: как в описании ставки Узбек-хана, так и в описании Марко Поло войска Хулагу и Берке двигались к Дербенту, совсем не обязательно только верхом на лошадях, а использовали такие же «арбы», которые упоминает Ибн Баттута.

В.Л.Егоров и Н.Л.Жуковская, описывая существование подобных «транспортных средств» у средневековых монголов, ссылаясь на свидетельства «Тайной истории монголов», сведения китайских источников, а также сообщения П.Карпини и Г.Рубрука, пишут, что речь идет о так называемых «кибитках». Их разновидность по рисунку Г.Юла (рис. 1) приводится в «Книге Марко Поло» [5, с. 91].

Рис. 1. «Монгольская» кибитка (по Г.Юлу).

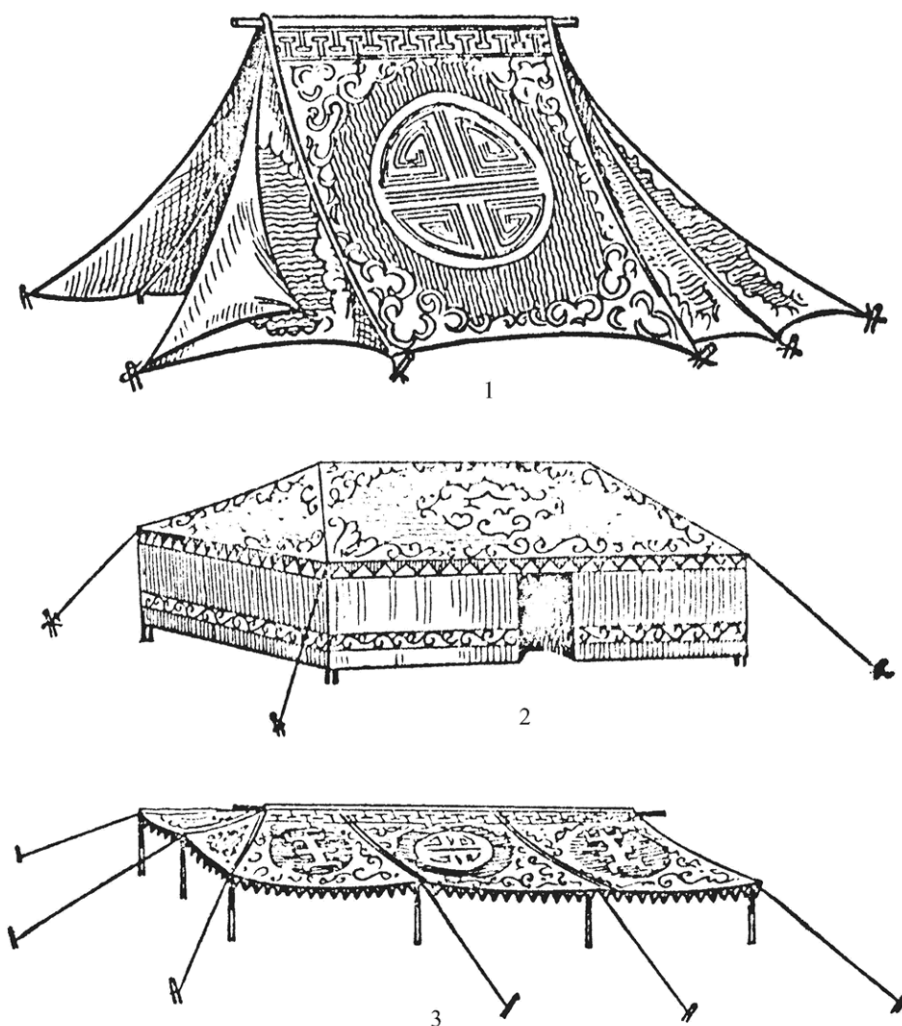
Остов таких кибиток обычно изготавливался из прутьев, сходящихсяверху в виде маленького колеса, из которого вертикально вверх поднималась шейка, подобной печной трубе, покрывавшаяся белым или черным войлоком, красиво орнаментированным. Размеры кибиток в основном были небольшими, хотя иногда достигали 10,5 м в диаметре.

Такие «кибитки» были неразборными и перевозились на повозках, запряженных волами и верблюдами, на длительных стоянках снимались целиком и ставились на землю, а на кратковременных стоянках оставались на повозках. В походно-военных условиях жизни монголов XIII века такой вид жилья, очевидно, представлялся наиболее целесообразным [3, с. 206].

Ныне по находкам в монгольской столице – г. Каракоруме, а также и в золотоордынских городах Поволжья известны чугунные колесные втулки от колес таких повозок, реально подтверждающих описания источников. Любопытно, что сзади к таким повозкам прицеплялись и другие повозки

с ящиками для перевозки имущества и утвари [8, с. 19]. Последнее уточнение делает понятным и упоминание Марко Поло о наличии других типов нестационарного жилья – палаток и шатров.

Шатры, как полагают исследователи, были нескольких типов (рис. 2, 1–3). По их характеристике, шатер – это прочное, легкое, простое по конструкции жилище. Представляло собой «две стойки высотой 2–2,5 м, скрепленных перекладиной, имевшей длину от 2 до 3,5 м». На остов натягивалось матерчатое покрытие, сшитое из двух прямоугольных и других (от четырех до шести) треугольных полотнищ. Прямоугольные полотнища покрывали левую и правую стороны шатра, треугольные – переднюю и заднюю стороны. Нижняя часть при помощи колышков закреплялась на земле. Судя по этнографическим материалам, верхнее покрытие шатров было двойным: верхний слой обычно синего цвета с орнаментом. Нижний – белого цвета [3, с. 208].

Рис. 2. Монгольские шатры по (В.Л.Егорову и Н.Л.Жуковской).
1 – жилой шатер; 2–3 – шатры для общественных мероприятий.

Как свидетельствуют этнографы, в Монголии были известны и некоторые разновидности шатров, предназначавшиеся только для нойнов, либо же для проведения в них культово-обрядовых церемоний. Аналогичная ситуация, видимо, сохранялась и среди монголов интересующего нас времени. Средневековые авторы, хотя и с некоторым преувеличением, писали о существовании шатров, в которых одновременно могло поместиться до нескольких сот всадников.

Таким образом, есть все основания полагать: широкое распространение такого вида временного жилья, как шатер, предполагало необходимость заранее заготавливать и в случае передвижений перевозить столбы и перекладины для таких шатров и их покрытие. М.В.Горелик приводит данные, на основе которых речь ведет даже о существовании у монголов своеобразной «интен-

дантской службы», «командиры которой назывались черби. Они занимались снабжением армии пищей, одеждой, оружием, жилищем, снаряжением» [2, с. 16].

Следовательно, ведя речь о перемещениях крупных войсковых подразделений в их походах, необходимо учитывать и возможность сопровождения этих подразделений специально оснащенным обозом, в состав имущества которого входили и детали специального оснащения, включая шатры и их комплектующие. То же самое, наверное, присутствовало и в «станах» как Хулагуидов, так и Джучидов под Дербентом, описанных Марко Поло.

Интерес вызывает и упоминание источниками «палаток». Согласно наблюдениям В.Л.Егорова и Н.Л.Жуковской, «палатки» XIII–XIV вв., называвшиеся «жодгор», и у монголов были достаточно распространенным временным жилищем».

По конструкции они были четырех – или восьмиугольными в плане, в зависимости от того, сколько стоек использовалось в конструкции. Сшитые из нескольких полотнищ ткани, закреплялись при помощи ремней или веревок-оттяжек, имели земляной пол и были без всяких отверстий, кроме специально оформленного входа. Высота внутреннего пространства – в человеческий рост.

Если шатры предназначались как для представителей кочевой аристократии, так и для культово-церемониальных действий, то палатки, как представляется, предназначались как для отдельных воинов, так и для десятка таковых, что, наверняка, определяло и специфику организации воинского «стана».

Таким образом, свидетельства Марко Поло о ставке войск Хулагу-хана и стане Берке имеют вполне конкретный и, вероятно, достаточно понятный его современникам смысл.

В контексте вышесказанного напрашивается вывод о том, что на фоне широко бытующих представлений о подразделениях монголо-татар как о сугубо конных и, только по этой причине, исключительно мобильных отрядах, может быть скорректировано.

Приводимые выше данные заставляют считать, что в некоторых случаях отряды Чингизидов: будь то военные подразделения Хулагуидов Ирана или Джучидов Золотой Орды, имели и обоз, массу кибиток, сопровождавшихся конными отрядами. Во всяком случае становится гораздо понятнее и то, как еще в ходе завоевательной кампании первой трети XIII века этим выходцам из Центральной Азии по несколько месяцев, невзирая на времена года, удавалось осаждать неприступные крепости и города.

Некоторый интерес вызывает и сообщение Марко Поло о походном быте воинов Золотой Орды. Ибн Баттута, напомним, описывая ставку Узбек-хана, писал о поднимающихся над арбами дымах от кухонь, находившихся в движущихся кибитках (где, вероятно, шел процесс приготовления пищи). Но при быстрых передвижениях, в условиях, когда приходилось отрываться от обоза, монголы, пишет Марко Поло, вынуждены были поступать иначе. «Когда отправляются в долгий путь, на войну..., возьмут с собой два кожаных меха с молоком для питья, да глиняный горшок, варить мясо... Есть у них еще сухое молоко, густое как тесто, возят его с собой, положат в воду и мешают до тех пор, пока не распустится, тогда и пьют» [5, с. 91].

Вполне вероятно, что среди бравшейся с собой посуды были и изделия из чугуна в виде горшков и котлов. Среди таких особенно выделяется находка фрагмента чугунного котла с внутренними ручками, обнаруженного на территории Большеголубицкого городища №1 на Тамани [8, с. 19], не без оснований отождествляемого с генуэзской Копой [1, с. 14]. Как известно, подобные, но глиняные, котлы обычно считают своего рода этномаркирующим признаком для раннесредневековых болгар. Хотя в последние десятилетия, как справедливо это отметила В.Е.Флерова, все больше исследователей такое отождествление ставят под сомнение [12, с. 212–213].

Такая постановка вопроса актуальна не только с точки зрения, учитывающей широту географии распространения котлов, но и с учетом временного диапазона их использования [6, с. 55].

Ныне, помимо указанного фрагмента котла из чугуна, Н.М.Булатов и Г.А.Федоров-Давыдов отмечали и находки фрагментов глиняного котла с внутренними ручками и с территории Селитренного городища [13, с. 298].

Подобные признаки реминисценции кочевого быта вполне могли использоваться и в походных условиях. Хотя, как это свидетельствовал тот же Марко Поло, монголы, нередко, в походных условиях достаточно легко довольствовались малым. «Случается наблюдать, – писал Марко Поло, – так скажут, скажу вам, дней десять, без пищи, не разводя огня и питаются кровью своих коней, проткнет жилу коня, да и пьет кровь» [5, с. 91].

Ведя речь о дополнительном снаряжении, нельзя не остановиться и на специальных средствах, которые использовались монголами при организации и ведении боевых операций.

Как свидетельствует тот же Марко Поло, перед боем Хулагуиды и Джучиды управляли организацией боевых построений, атакой, отходом и прочими видами передвижений при помощи специальных барабанов и музыкальных инструментов.

М.В.Горелик пишет, что до начала боя монголы, к тому же, «еще и укрепляли свой боевой дух пением, сопровождаемым музыкальными инструментами» [2, с. 30].

Использование таких инструментов Марко Поло описывает в нескольких случаях. В главе LXXIX, где, правда, события не связаны с Северным Кавказом, Марко Поло пишет: «Увидел Наин со своими воинами, что вокруг стана рати великого хана и перепугались все, бегут к оружию, – скоро наскоро и толком по порядку расставляют отряды. Снарядились обе стороны и оставалось только схватиться, слышались тут многие инструменты, многие трубы и громкое пение. *У татар такой обычай, когда их приведут, и расставят биться, пока не прозвучит накар начальника*, они не начинают брани» [5, с. 101].

Аналогично обстоит дело и в рассказе о сражении Хулагу с Берке. После описания установки обоих станов и ставок, Марко Поло отмечает: «Стояли оба царя невдалеке друг от друга, поджидая начала битвы и с нетерпением прислушиваясь к накар. Через немного времени с двух сторон забил накар и как только услышали его бой немедля бросились одна сторона на другую...» [5, с. 220–221].

Таким образом, из документа можно сделать вывод не только о существовании специальных музыкальных инструментов (барабаны-накары и трубы), но и специальных групп людей (подразделений), занимавшихся специально звуковым оформлением подготовки, проведения и управления боем. Судя по средневековым рисункам таких накаров – крупных барабанов (рис. 3, 1–2), они, скорее всего, также следовали на повозках, сопровождая воинские подразделения.

Рис. 3. Средневековые барабаны – накары (по «Книге Марко Поло»).

Письменные источники не всегда исчерпывающе информативны и не так уж часто и детально описывают специфику структуры воинских подразделений монголов, в том числе и в период их пребывания на Северном Кавказе.

Но иногда, даже по лаконичным данным, появляются некоторые основания для предположений. К примеру, описывая все то же сражение Хулагу с Берке близ Дербента и повествуя о финальном этапе боя, Марко Поло заключает: завершив кровавое боестолкновение, обе сражавшиеся стороны «повернули к своим станам. Снимают вооружение, раненых омывают и перевязывают» [5, с. 222].

К этому сообщению можно относиться по-разному: просто как к финалу повествования, или свидетельству масштабности свершившейся трагедии сражения. Но в нем можно усмотреть и другое – намек на существование внутри воинских подразделений и каких-то «специализированных» групп людей, занимавшихся не только сбором (включая и трофеи) оружия на поле брани, но и омытием ран и перевязкой раненых. Нам видится вполне вероятным и то, что у монголов могли существовать и отдельные подразделения, специально занимавшиеся и транспортировкой пострадавших подальше от места сражения, уходом и посильным врачеванием.

Приведенные выше наблюдения вряд ли исчерпывающе отражают затронутую проблему. Но и они наглядно демонстрируют те привнесения, которые вместе с выходцами из Центральной Азии оказались на Северном Кавказе.

1. Волков И.В. О возможностях локализации Копы (Ло-Копы, Копарио) // Древности Кубани. Вып. 3. – Краснодар, 1997.
2. Горелик М.В. Армии монголо-татар. IX–XIV вв. – М., 2002. – С. 16.
3. Егоров В.Л., Жуковская Н.Л. Жилище населения Монгольской Народной Республики // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной и Центральной Азии. – М., 1979. – С. 206.
4. История МНР. Т. 2. – М., 1967. – С. 11–12.
5. Книга Марко Поло. – М., 1950. – С. 91.
6. Нарожный Е.И., Лихошерстова Н.А. О времени и географии распространения котлов с внутренними ручками // Из практики кавказоведческих исследований. – Армавир; Грозный, 1996.
7. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. – М., 1957. – С. 61.
8. Рязанов С.В. Чугунолитейное ремесло в городах Золотой Орды (Итоги предварительного исследования). – Уфа, 1997. – С. 19.
9. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящийся к истории Золотой Орды. Т. 1. – СПб., 1888. – С. 289.
10. Тихвинский С.Л. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1970. – С. 3.
11. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973. – С. 63–64.
12. Флерова В.Е. Болгары и археологическое районирование донских степей // Сучасні проблеми археології. – Київ, 2002. – С. 212–213.
13. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. – М., 1989. – С. 298.

Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения

У арабских авторов мамлюкского Египта, описывавших дипломатические отношения с Золотой Ордой, наивысшая активность которых пришлась на период с начала правления хана Берке до первых лет правления хана Узбека [1, с. 90], периодически упоминаются поставки оружия золотоордынским ханам. Один из авторов настоящей статьи в своей недавно вышедшей работе приводит прямые сведения о трех таких крупных поставках и, как минимум, косвенные свидетельства еще о двух [2, с. 81–83].

Очень большой редкостью являются случаи, когда археологические находки становятся непосредственной иллюстрацией источников, оставленных современниками. На данный момент в нашем распоряжении имеются два предмета вооружения, происходящих с территории современной Молдовы, которые служат хорошим иллюстративным материалом к свидетельствам письменных источников, приведенным в статье Ю.А.Кулешова.

В 1984 году Буджакской новостроечной археологической экспедицией под руководством Е.Н.Сава, С.М.Агульникова, И.В.Манзуры в 3 км к северу от с.Балабаны Тараклийского района Молдавской ССР в составе курганной группы Балабаны II был исследован курган 1, содержащий два ограбленных позднекочевнических погребения золотоордынского периода. Во втором погребении этого кургана среди разнообразного инвентаря была найдена булава-шестопер¹. Само погребение не раз уже становилось предметом публикации [3, р.191–220; 4, р.63–90], поэтому мы не будем останавливаться на нем подробно, а сразу перейдем к интересующей нас находке.

Булава сейчас хранится в Национальном музее археологии и истории Молдовы, ее инвентарный номер FB-26254. Она имеет следующий вид. На металлический цилиндр высотой 6,5 см и диаметром 2,5х2,6 см симметрично напаяны 6 перьев, близких по форме к пятиугольнику. Длина каждого пера – 3,3 см, ширина колеблется в районе 1,2–1,5 см. Снизу на три четверти цилиндр полый, толщина стенок – 2–3 мм, глубина втулки – 5,6 см, в 0,7 см от нижнего края она пробита металлическим штырем, концы которого расклепаны. Нет никаких сомнений, что этим штырем фиксировалась рукоять. Общий вес шестопера – 321,48 г. Рассматриваемый образец очень богато декорирован. Основание до перьев, торцы перьев и верх шестопера полностью позолочены, позолота нанесена на плакировочную сетку. На основании втулки, среди позолоты, по всей окружности также плакирован серебром эпиграфический орнамент, выполненный почерком «куфи». Наверху шестопера, по центру, позолотой изображен мамлюкский герб – «ранк». Он традиционно разделен на три горизонтальные части, верхнее поле золотого цвета, в среднем изображена чаша, нижнее поле повреждено коррозией (рис. 1–2)*.

Несомненно, это очень интересная находка, потому как любой подобный экземпляр пополняет информацию о тех видах оружия, которые находят не так часто [5, с. 288]. Если мы обратимся к вещественному материалу, то увидим, что данная группа оружия периодически встречается на памятниках, относящихся к золотоордынскому периоду, от Молдовы до Казахстана [5, с. 288, рис. 1–2; 6, с. 7; 7, с. 48, рис. 1; 8, с. 21, рис. 3, 19; 9, с. 243, рис. 2. 1; 10, с. 117, рис. 32, 12; 11, с. 77; 12, с. 144, рис. 260–261; 13, с. 247–248, рис. 31; 14, с. 351, рис. 6.1; 15, с. 126–137, рис. 1–4; 16, с. 69–71, рис. 12, 4; 17, с. 83, рис. 33.3; 18, с. 151, рис. 2]. Более того, в письменных источниках булавы упоминаются как постоянно используемое оружие у воинов Золотой Орды. Так, венецианский купец и путешественник Марко Поло, описывая одну из битв, произошедших между ханом Берке и ханом Хулагу, пишет следующее: «А когда израсходовали все стрелы, схватились за мечи и палицы, бегут друг на друга и раздают удары сильные» [19, с. 375]. А в недавно опублико-

¹ В оружейоведении под «шестопером» понимается ударное оружие, где боевая часть выполнена в виде вертикально расположенных ребер – перьев, отсюда и название. Также данный вид нередко называют **пернач** или **пернат**.

* Рис. 1, 4, 10 к статье см. на цветной вклейке.

ванном И.М.Миргалеевым повествовании «Последний из Сартаева рода» о булавах говорится как об одном из главных предметов золотоордынской панοπлии: «Мы кликнули всех мужчин, которые могли владеть буздыканом и клычем (здесь булавой и саблей. – Ю.К., Е.А.) [20, с. 104]. Таким образом, мы видим, что золотоордынцы данный вид оружия знали и постоянно использовали в военных столкновениях. Однако большой интерес к балабановской находке заключается в другом, а именно в ее оформлении, которое позволяет несколько в ином ключе подойти к факту поступления предметов вооружения в Золотую Орду.

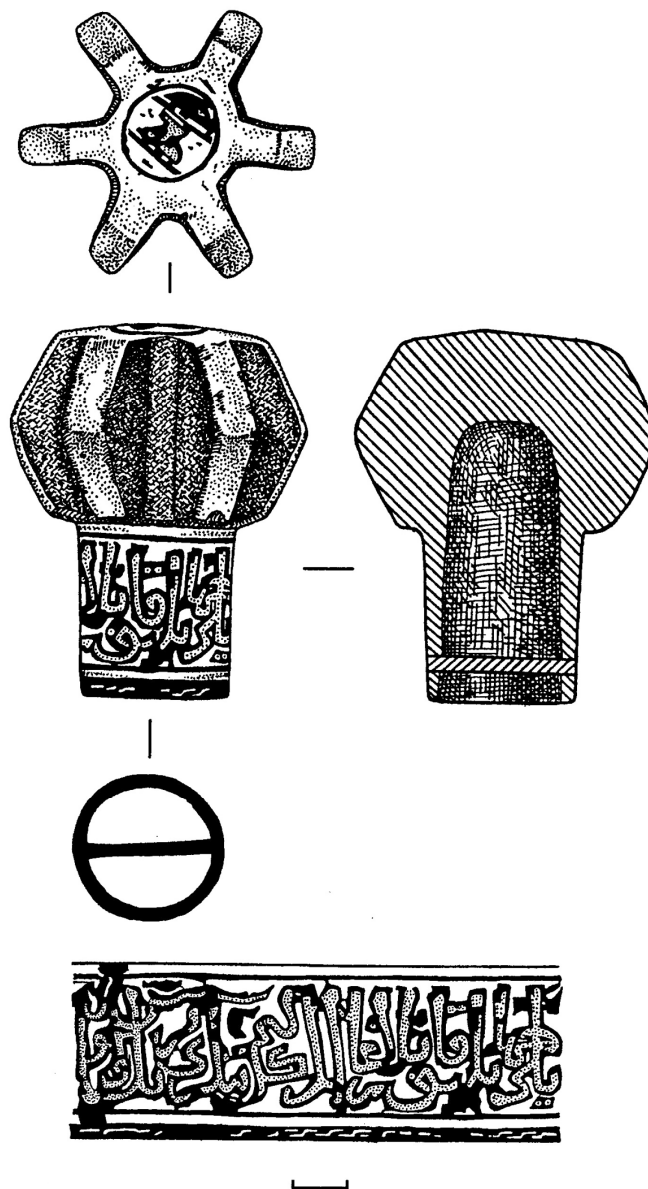

Рис. 2. Шестопер из золотоордынского погребения у с.Балабаны. Прорисовка.

Первое, что обращает на себя внимание, это позолота на торцах перьев, непосредственно ударной части шестопера, что ставит под сомнение ее боевое применение, то есть перед нами статусное, а не боевое оружие. Как известно, в более позднее время в Восточной Европе, на Ближнем Востоке и в Средней Азии шестопер являлся символом власти, но это – первая находка оружия такого рода, относящегося к золотоордынской эпохе. Можно предположить, что традиция использования перначей в качестве статусного оружия уходит своими корнями именно к традициям Золотой Орды и мамлюкского Египта. Об этом косвенно может свидетельствовать ряд миниатюр из Сарайских альбомов, иллюстрирующих церемонии великих ханов, где придворная аристократия изображена практически поголовно с шестоперами [21, р. 45–50, tab.1–2]. А в вышеупомяну-

том повествовании «Последний из Сартаева рода» о перначе говорится прямо как о символе власти: «Когда Тура-Мянгу послал мне свою басму (здесь печать. – Ю.К., Е.А.), я отослал ее обратно. И еще прибавил к этому надломленную стрелу и мертвую мышь. Я смеялся над ним. **Я сам имел свой пернач и тамгу.** Я сам ими распоряжался, как мне было угодно. **Я был и аксакалом, и бием**» (курсив наш. – Ю.К., Е.А.) [20, с. 102].

Второе, что обращает на себя внимание, это личный мамлюкский герб «ранк» (рис. 3). Это вторая находка такого рода на территории Золотой Орды. В 2002 году Л.Э.Голубевым были опубликованы два изображения мамлюкского личного герба на медальонах плаща из погребения XIV в. в Прикубанье [22, с. 142–146].

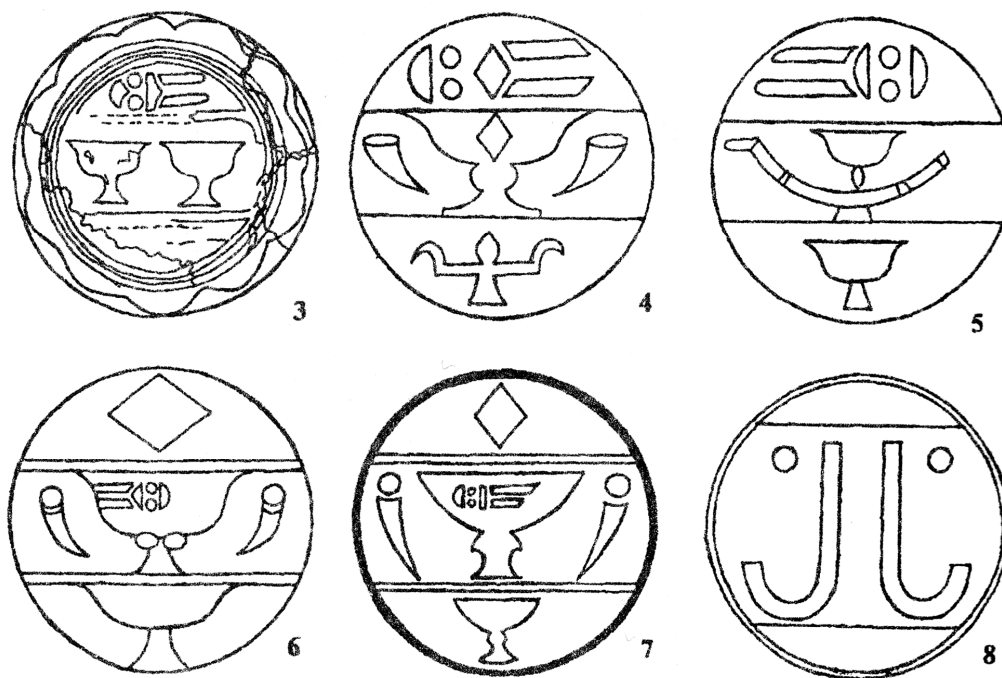

Рис. 3. Образцы личных мамлюкских гербов «ранк» (по [22]).

И третьей интересной деталью является надпись на втулке шестопера. К сожалению, ее пока не удалось прочесть. При поиске аналогий шестоперу мы обратили внимание на пернач, происходящий с Ближнего Востока (с территории современных Палестины или Ливана) и относящийся к концу XII – XIII веков (рис. 4, 1–4) [23, tab.XII–63]. Автор статьи Шихаб аль-Шарраф отметил, что данный экземпляр был изготовлен из бронзы. Судя по внешнему виду, он представлял собой боевое оружие. И здесь обращает на себя внимание оформление шестопера. Так, на втулке под перьями, по всей окружности сделана надпись, плакированная серебром, буквальный перевод которой следующий: «Постоянное величие и всеобъемлющая цивилизация...». Последнее слово разобрать не удалось². По оформлению и стилистике эта надпись близка той, что нанесена на образец из с. Балабаны (рис. 4, 5). На данный момент это единственная известная нам аналогия.

Исходя из всего изложенного, можно с большой долей уверенности отметить, что находка пернача из Балабан II представляет собой импорт, изготовленный на Ближнем Востоке в период господства мамлюков в этом регионе (2 половина XIII – по XV вв.). А так как наиболее тесные контакты между Золотой Ордой и Египтом осуществлялись в период с 60-х гг. XIII в. по 1310-е годы, то, скорее всего, рассмотренный шестопер относится к указанным временным рамкам.

Второй находкой, которой посвящена настоящая статья, является шлем, хранящийся в фондах того же музея. Он не так давно был передан из расформированного Музея археологии, поэтому на данный момент предмет не имеет инвентарного номера. Предположительно шлем был найден на городище Старый Орхей, более точной информации нам найти не удалось.

² Пользуясь случаем, авторы хотели бы выразить свою признательность старшему преподавателю Российского исламского университета (г.Казань) Д.Р.Зайнуддинову за оказанную помощь в прочтении надписи.

Рис. 5. Шлем, найденный предположительно на городище Старый Орхей. Вид сбоку и спереди.

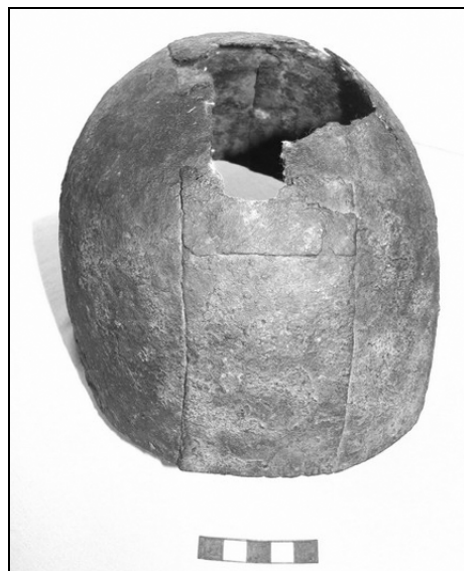

Рис. 6. Шлем, найденный предположительно на городище Старый Орхей. Вид изнутри и сзади.

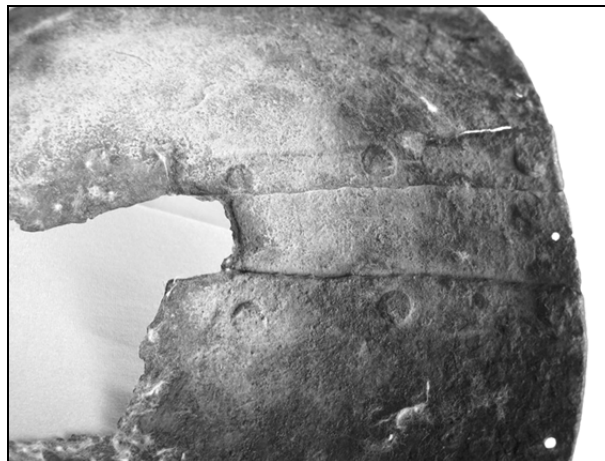
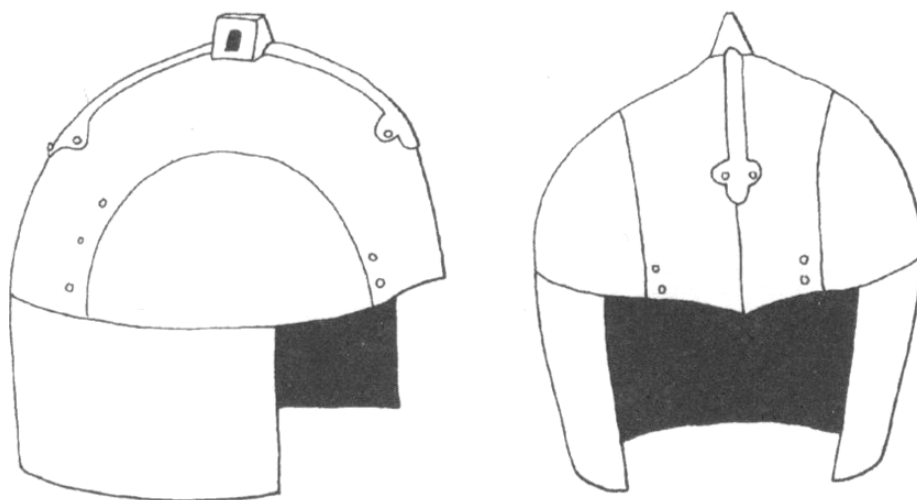

Рис. 7. Соединительная полоса шлема. Вид снаружи и изнутри.

Высота шлема – 15,5 см, диаметр – 16,5х21 см, шлем глубокий, имеет плавный арочный лицевой вырез с максимальной высотой 6,6 см. Купол наголовья изготовлен из двух половин, соединенных широкой, 6 см, полосой (рис. 5–6). Соединительная полоса посажена на заклепки «в потай». Сверху, на макушке, поверх соединительной полосы, наложена дополнительная накладка. Установить ее размеры нет возможности, так как сама макушка разрушена коррозией, можно лишь говорить о том, что она по ширине равнялась самой соединительной полосе (рис. 7). По нижнему краю расположено 14 отверстий. Общий вес шлема составляет 0,768 кг.

Здесь стоит заметить, что это вторая известная на сегодняшний день находка шлема на золотоордынском городище. Первая находка – бронзовое навершие шлема из Нового Сарая, опубликованное в 1972 году М.Д.Полубояриновой [24, с. 169–170, рис. 2]. Кроме того, в отношении одной металлической накладки, найденной на Увекском городище, Л.Ф.Недашковский высказал предположение, что она может являться навершием шлема [16, с. 74–76, рис. 2]. Но, на наш взгляд, это предположение сомнительно.

В целом же на сегодняшний день нам известно около 90 шлемов с золотоордынских памятников [25, с. 273], но среди них нет ни одного похожего по форме и конструкции на шлем, найденный в Старом Орхее. Наиболее близким, в плане конструкции и внешнего вида, который мы смогли найти, является шлем, происходящий из Северной Африки и хранящийся в Тунисе, в Музее-дворце Раккада (Musee Nationale des Arts Islamiques Raqqada), близ г.Кайруан (рис. 8)³.

Рис. 8. Шлем происходящий из Северной Африки. Хранится в Музее-дворце Раккада (Musee Nationale des Arts Islamiques Raqqada), близ г.Кайруан, Тунис.

Шлем представляет собой две боковые половины, соединенные широкой полосой. Снизу он дополнен достаточно широким ободом, который идет от виска к виску, при этом образуя **П**-образный лицевой вырез, что делает шлем глубоким. Сверху на обод приклепана узкая полоса, концы которой оформлены в виде трилистника. Посередине накладки сделано пирамидальное утолщение с отверстием [26, р. 152–153, 411, fig. 369]. Можно предположить, что отверстие служило для фиксации подвижного колечка, которыми увенчивался ряд восточноевропейских и ближневосточных шлемов и которые служили для подвешивания матерчатых лопастей, украшавших шлемы.

Кроме шлема из Кайруана, еще один экземпляр боевого оголовья близок по форме предыдущему. Но он изготовлен по другой технологической схеме. Он обнаружен британскими учеными в местечке Пэвенси, графство Суссекс, Англия (рис. 9) [27, р. 26].

Очень похожи на вышеуказанные шлемы из Кайруана и Пэвенси три изображения боевых оголовий на миниатюрах в западной хронике эпохи Крестовых походов – «Истории Святой Земли» Гильома Тирского (Histoire d'Outremer, William of Tyre). Это произведение было написано во

³ Пользуясь случаем, авторы хотели бы выразить свою признательность английскому исследователю Дэвиду Николлю (David Nicolle) за оказанную консультацию в отношении данного шлема.

Франции, и его оформление закончено к 1261 г. На всех миниатюрах, нарисованных к «Истории» четко и детально, с характерной для западной изобразительной традиции того времени, показано вооружение воинов как Запада, так и Востока. Из чего следует, что создатели манускрипта были очень хорошо знакомы с реалиями противоборствующих сторон середины XIII столетия. Так, на одной из миниатюр подобный шлем можно видеть на султана Дамаска – Нурредине, бегущем от воинов-крестоносцев (рис. 10,1). А еще два подобных шлема изображены в сюжете осады города Тира (рис. 10,2). Причем один из них надет на голову мусульманского воина, другой – на голову «франка». Следовательно, можно предположить, что некоторые формы восточных боевых оголовий могли носить воины Запада. Данный тезис подтверждает и археологическая находка из Англии, так как для Западной Европы XIII – начала XIV века подобная форма шлемов не характерна. Исходя из вышесказанного констатируем, что находка из Старых Орхей формой и технологией аналогична экземпляру из Кайруана, а следовательно, имеет ближневосточное происхождение и относится ко 2-й половине XIII века. В Восточную Европу шлем, скорее всего, попал в ходе одной из поставок предметов вооружения из Египта в Золотую Орду.

Рис. 9. Шлем найденный в Пэвенси, графство Суссекс, Англия.

Таким образом, обе вышеописанные находки, шестопер из погребения у с.Балабаны и шлем из Национального музея археологии и истории Молдовы, с большой долей вероятности можно отнести к мамлюкскому импорту, о котором говорят письменные источники. Так, среди партии оружия, которую султан Бейбарс отправил хану Берке, Ибн абд-аз Захыр упоминает «...булавы с железным основанием, позолоченные...» [28, с. 60]. Данное описание полностью совпадает с рассмотренным шестопером из с. Балабаны: во-первых, он декорирован, а во-вторых, перначи в то время были единственным типом булавы, имевших втулку.

Среди перечня экспортируемого мамлюкского оружия упоминаются и шлемы. О них говорит упомянутый выше Ибн абд-аз Захыр [28, с. 60–61], а также Рукн-ад-Дин Бейбарс [28, с. 100, 104–105], ан-Нувеири [28, с. 152, 155], Ибн-Дукмак [28, с. 325] и анонимный биограф султана аль-Мелик-аль-Мансура Калавуна [28, с. 67–68]. К сожалению, в источниках нет описания о конструкции отправленных шлемов, но то, что в данном случае мы имеем дело с таким же мамлюкским импортом, как и балабановской шестопер, не вызывает сомнения.

Конечно, на основании выявленных всего только двух находок не стоит судить об общем объеме экспортированного мамлюкского оружия. Дело в том, что на данный момент оружие мамлюкского Египта XIII–XIV вв. практически не изучено, это не позволяет судить о его внешнем виде и технологических схемах изготовления. В этой связи приведем один пассаж из энциклопедии ал-Калкашанди. В конце раздела, посвященного золотоордынским воинам, он пишет: «А что касается [формы] их одежды (понашему мнению, здесь имеется в виду внешний вид воинов, т.к. военной формы в Золотой Орде никогда не было. – Ю.К., Е.А.), то об этом рассказывают со слов Шуджа ал-Дина, переводчика. [Прежде форма] их одежды была такая же, как у воинов Египта и Сирии в ис-

ламском государстве, или подобная ей. Потом в их одежде возобладал татарский стиль...» [29, с. 300]. Здесь стоит пояснить, что этот пассаж был заимствован ал-Калкашанди из сочинения Ибн ал-Омари, которое для него явилось основным источником при написании своей энциклопедии [29, с. 262–263]. Мы специально привели цитату в варианте ал-Калкашанди, так как, по нашему мнению, в его работе она более полная, чем, к примеру, в экземпляре сочинения Ибн ал-Омари из Национальной библиотеки Франции [28, с. 244]. В пользу этого свидетельствует то, что у ал-Калкашанди назван даже источник данной информации, некий переводчик Шудж ал-Дин, который, видимо, сам посещал Золотую Орду или по долгу службы имел дела с приезжавшими золотоордынцами.

Хорошо известно, что над своим сочинением Ибн ал-Омари работал в период правления в Золотой Орде хана Джанибека. В годы его правления мамлюкский Египет уже длительное время оружие не поставлял в Золотую Орду и, ко всему прочему, персидские писатели свидетельствуют, что у золотоордынцев при правлении этого хана возникли проблемы с обеспечением своих воинских формирований оружием из других источников [2, с. 93]. Собственно об этом говорит и сам Ибн ал-Омари в начале описания Золотоордынского государства: «Народа в нем беспредельное множество, но нет от него большого проку по недостатку у него оружия и дурному качеству коней» [28, с. 229].

Таким образом, по нашему мнению, когда Ибн ал-Омари говорит о том, что в предыдущие годы золотоордынские воины выглядели как мамлюкские, он имеет в виду времена тесных контактов двух государств, то есть когда мамлюки поставляли оружие Золотой Орде. И, возможно, мамлюкские поставки были действительно настолько существенны, что смогли изменить изначальный внешний вид большей части вторгшихся в Восточную Европу татаро-монгольских воинов. К примеру, из сведений все тех же мамлюкских авторов известно, что золотоордынцы очень ценили мамлюкское оружие. Так, шейх Ибн ал-Форат (1334–1405 гг.), который, как известно, в своем сочинении пользовался данными своих предшественников, описывая парад мамлюкских войск, устроенный султаном Бейбарсом в начале осени 1264 г. по случаю прибытия послов хана Берке, приводит слова главы золотоордынской дипломатической миссии: «Ни в войсках султана [Харезмского] Джелаледдина, ни в другом, *я не видел* таких коней и *такого оружия* (курсив наш. – Ю.К., Е.А.), как в этом отряде» [28, с. 358]. В частных беседах восхищались вооружением мамлюкской армии и правящие круги Хулагидского Ирана. Суть одного такого любопытного разговора приводит Рашид ад-Дин в своем «Сборнике летописей»: «Случайно однажды Маджд-ад-дин [сын] Асира, который был наибом счастливого сахиба Ала-ад-дина (управляющий г.Багдадом и западными областями Хулагидского государства в период правления ильхана Абага. – Ю.К., Е.А.), 'да смилуется над ним бог', оказался ему попутчиком. В беседе *он рассказал о* могуществе и *величии* мисрского (египетского. – Ю.К., Е.А.) войска *и о множестве его вооружения и снаряжения* (курсив наш – Ю.К., Е.А.)» [30, с. 94–95]. Высоко оценивали свое вооружение и сами мамлюки. Так, Рашид ад-Дин, описывая начало битвы, которая состоялась 22 декабря 1299 г. вблизи г. Хомс, между ильханом Газаном и мамлюками, сообщает: «*Сирийцы* (здесь мамлюки. – Ю.К., Е.А.) *весьма уповали на* свою численность и *снаряжение*...» [30, с. 183].

Исходя из вышеприведенных свидетельств, можно сделать вывод, что отечественная, в частности, и мировая, в целом, наука пока затрудняется в атрибуции мамлюкского импортного оружия. Вполне возможно, что со временем еще будут выявлены и атрибутированы предметы вооружения, которые входили в упомянутые мамлюкские поставки. Так, на сегодняшний день, по нашему мнению, предположительно к ним можно отнести как минимум еще три предмета, происходящих с золотоордынских памятников. Первый – меч с Райгородского городища, надпись на котором указывает, что он принадлежал эмиру Гийас ад-Дину [31, с. 84–87; 32, с. 173–175, рис. 1]. Второй – конская маска из позднекочевнического погребения близ с.Ромашки в Поросье [33, с. 62–65, рис. 1], в отношении которой М.В.Горелик указывал, что она имеет прямые параллели среди мамлюкских конских боевых масок 1-й пол. XV в. [34, с. 268; 35, с. 268]. Третий – клинок из золотоордынского погребения близ с.Каирка на Херсонщине. М.В.Горелик атрибутировал его как некий гибрид сабли и западноевропейского фальшьона [36, с. 240–242]. При этом клинок у данного оружия отличается от клинков западноевропейских фальшьонов. Клинок «значительно изящнее, тоньше и длиннее, т.е. гораздо более вытянутых пропорций» [36, с. 42]. На наш взгляд, данный клинок более всего походит на североафриканские флисссы, более известные как «сабли кабилов». Это специфическое клинковое оружие, которое было распространено у некоторых мусульманских племен Алжира и Марокко вплоть до начала XX в. [37, р. 111–191]. Французский

исследователь Камиль Лакост (Camille Lacoste), посвятивший специальное исследование флисам, хотя и не смог определить, когда этот вид клинкового оружия появляется, но пришел к выводу, что его происхождение нужно искать среди традиций Средиземноморского региона [37, р. 123–124]. При этом в отношении перекрестья кайрского клинка М.В.Горелик указал, что оно имеет все характерные признаки, которые в XV–XVI вв. станут отличительными для целых серий клинков Мамлюкского государства [36, с. 242].

Таким образом, мы видим, что археологический материал служит надежным подтверждением письменных источников. В дальнейшем мы продолжим изыскания в этом направлении и надеемся, что комплексное исследование всех имеющихся в нашем распоряжении источников позволит расширить наши знания как о путях формирования золотоордынского комплекса вооружения, так и наши представления о внешнем виде золотоордынских воинов.

1. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. – М., 1966.
2. Кулешов Ю.А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. – Казань, 2010.
3. Sava E. Necropola tumulara Balabani – II // Moldovei № XIX. – Bucuresti, 1996.
4. Postica G., Sava E. Complexe funerare nomazilor medievali de langa satul Balabani, raionul Taraclia, Republica Moldova // Studii si cercetari de Istorie Veche si Arheologie. Tom. 47, nr. 1. – Bucuresti, 1996.
5. Галкин Л.Л. Две булавы из городов Улуса Джучи (XIV век) // История и культура Улуса Джучи 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. – Казань, 2007.
6. Анохин В.В. Позднекочевнический некрополь у Евпатории // Проблемы истории Крыма. Вып. 1. – Симферополь, 1991.
7. Воронцов И.А. Золотоордынская булава с территории Царевского городища // Астраханские краеведческие чтения. Вып. 1. – Астрахань, 2009.
8. Шалобудов В.Н., Андросов В.А., Мухомад С.Е. Раскопки курганов у с.Дмухайловка // Древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. – Днепропетровск, 1983.
9. Дремов И.И. Погребение с Джучидскими монетами // Советская археология. № 4. – М., 1985.
10. Гармашов А.И. Позднекочевническое погребение с шестопером в междуречье Дона и Салы // Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Вып. 10. – Азов, 1991.
11. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1898 год. – СПб., 1901.
12. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1902 год. – СПб., 1904.
13. Записки отдела русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического Общества. Т. VII. Вып. 2. – СПб., 1907.
14. Волков И.В. Золотоордынское поселение Ангелинский Ерик в Краснодарском крае (предварительное сообщение) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. – Краснодар, 2005.
15. Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. – Армавир, 2003.
16. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М., 2000.
17. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV в.). – Киев, 1986.
18. Бекназаров Р.А. Посохи, как предмет историко-этнографического исследования (на примере навершия из мавзолея Абат-Байтак XIV–XV вв.) // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. – Актобе, 2005.
19. Джованни дель Плано Карпини. История монголов; Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны; Книга Марко Поло. – М., 1997.
20. Миргалеев И.М. Рассказ о Чермасане и Кармасане: легенда «Последний из Сартаева рода» // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. – Казань, 2010.
21. Martyniuk A. Die Mongolien im Bild. Orientalische, westeuropäische und russische Bildquellen zur Geschichte des Mongolischen Weltreiches und seiner Nachfolgestaaten im 13.–16. Jahrhundert. – Hamburg, 2002.
22. Голубев Л.Э. Мамлюкские гербы из Прикубанья // Историко-археологический альманах. Вып. 8. – Армавир; Москва, 2002.
23. Shihab al-Sarraf. Close Combat Weapons in the Early ‘Abbasid Period: Maces, Axes and Sword // A Companion to Medieval Arms and Armour. – Suffolk, 2002.
24. Полубояринова М.Д. Русские вещи на территории Золотой Орды // Советская археология. № 3. – М., 1972.
25. Потемкина Т.М., Кулешов Ю.А. Погребения восточноевропейских средневековых кочевников с защитным вооружением: этнокультурный и социальные аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время. – Донецк, 2010.
26. Nicolle D. Arms and Armour of the Crusading Era, 1050–1350. Т. II. Islam, Eastern Europe and Asia. – London, 1999.

27. Gravett C. English Medieval Knight 1300–1400. – London, 2002.
28. Тузенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечение из сочинений арабских. – СПб., 1884.
29. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник 2001 г. Золотая Орда и ее наследие. – М., 2002.
30. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. – М.; Л., 1946.
31. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1898 год. – СПб., 1901.
32. Кравченко Э. Городища среднего течения Северского Донца // Проблеми на прабългарската история и култура. Вып. 4–1. – София, 2007.
33. Киртичников А.Н., Черненко Е.В. Конское боевое наголовье первой половины XIII в. из Южной Киевщины // Славяне и Русь. – М., 1963.
34. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М., 1983.
35. Горелик М.В. Спорные вопросы истории средневекового оружия Евразии // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции 2–5 сентября 1998 г. – СПб., 1998.
36. Горелик М.В. Шлемы и фальшоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. – Донецк, 2003.
37. Lacoste C. Sabres kabyles // Journal de la Société des africanistes. Т. XXVIII, fasc. I et II. – Paris, 1958.

Что обозначает фортификационный термин *тарасы*?

Средневековая фортификация, имея многовековой опыт, сформировала богатую терминологию. Исследователи военной инженерии используют термины, характерные для передовых приемов различных периодов. Т.е. передовые инженерные новшества вводились в оборот вместе с «приклеившимися» к ним первоначальными названиями. Сегодня русскую фортификационную терминологию дополняет огромное количество терминов, в том числе и с этимологическим происхождением от татарского, арабского, персидского, китайского, французского, немецкого, английского и других языков. Например, можно назвать такие названия фортификационных сооружений, которые закрепились в русском языке: *амбар, арабат, арк, баре, башня (башта), бурун, зиндан, каланча, караван-сарай, караул, курень, мушараби, орда, рабат, стан, тараса, тура, ясак* и др. Все они были, возможно, были заимствованы из других языков через татарскую фортификацию¹.

Интересным для анализа является закрепившийся в русском фортификационном искусстве термин *тараса* или *тарасы*. Это наименование участка рубленой деревянной стены трактуется как «участок венчатой двухсрубной стены между двумя поперечными стенами, заполненный землей (хрящом)» [2, с. 113].

Однако как появился этот термин в общепринятой терминологии? И какая конструкция подразумевается под названием *тарасы*?

По мнению К.С.Носова, впервые наименование *тарасов* появляется при описании осады Казани 1552 года [8, с. 66] в Казанском летописце [4, с. 426], а также в Никоновской летописи [3, с. 42]. Причем возможно стены кремля или их часть были выстроены из *тарасов*, а стены посада из *городней* [8, с. 66]. В дальнейшем термин в XVII веке распространился в русских крепостях, монастырях, засеках и сегодня считается как «исконно русским». Первое применение этой конструкции в русских крепостях П.А.Раппопорт датировал XV веком [9, с. 138]. Этому же мнения был В.В.Косточкин, считавший, что из *тарасов* были сложены стены Коломны XV в. [5, с. 192]. Этих исследователей поддерживает также и Н.П.Крадин, который считает, что *тарасы* становятся в XV веке основным типом крепостной стены в русских крепостях [6, с. 10]. А.М.Губайдуллин считает, что эта конструкция появилась у болгар уже в XIV веке [2, с. 113]. В виде *тарасов* были срублены куртины Болгара золотоордынского времени [1, с. 140]. Т.е. фактически болгаро-татары на 100 лет раньше русских применили эти конструкции деревянной стены. Этот факт говорит о том, что «законодателями мод» на конструкции стен из *тарасов* явились для русских болгаро-татары.

Кроме обозначения бревенчатых крепостных стен, термин *тараса* или *тарасы* обозначал следующие фортификационные элементы или гражданские сооружения.

Во-первых, это «плетеные корзины; насыпанные землей *тарасы* на колесах продвигались к крепостной стене, прикрывая движение штурмовых групп» [11, с. 686]. Здесь мы видим аналогии с возможно татарскими терминами *тура, башта* или *башня* [13, с. 105]. Плетеные *туры* применялись также при защите артиллерии от боковых выстрелов противника.

Во-вторых, *тарасы* – это свайная конструкция укрепленного берега от осыпания грунта, наподобие современной шпунтовой конструкции.

В-третьих, *тарасы* – это рубленые опоры деревянных мостов или так называемые *быки*.

В-четвертых, *тарасы* – это даже ледяные горки и кочки на реке [10, с. 500].

Ну и наконец в-пятых. Вот как описывает *тарасы* Никоновская летопись: «Погании (казанцы. – А.Х.) крыющиеся в ямы и рвы копающе под врата градские и под стену и рыюще норы под тарасы, бе бо у них у всяких ворот за рвом тарасы великие, землею насыпаны, – из-за тарасов биющиеся по вся дни и из нор, якоже змеи, вылазя и биющиеся безпрестани день и нош» [3, с. 42]. Судя по этому описанию, видно четкое разделение стен и *тарасов*, которые устанавливались напротив всех городских ворот. Возможно, что термин *тараса* относился у татар в XVI веке к отдельно стоящим башням, которые устанавливались перед воротами за рвом. Т.е. *тарасы* могли

¹ Термин «*татарская фортификация*» не имеет пока широкого применения. Однако при наличии у болгаро-татар большого количества крепостных сооружений это обобщающее название вполне может быть введено в научный оборот.

являться *барбаканами*², предохранявшими ворота от прямого штурма и артиллерийского удара³. Этому же мнению и О.Хованская. Она считала, что особенностью татарских крепостей было то, что перед каждым воротами устанавливались срубы, которые препятствовали прямому артиллерийскому обстрелу [14, с. 100]. Характерной особенностью этих срубов было также наличие под ними диверсионных нор. Возможно также, что срубы перед воротами устанавливались глухими и образовывали коленчатый проезд. Известный фортификационный прием: атакующие были вынуждены подходить к воротам с правой незащищенной щитом стороны.

Известно, что существовали в фортификации две основные пространственные деревянные конструкции стены: стены из *городней* и *тарасов*. До первой половины XIX века эти термины объединялись в одно значение – срубную деревянную стену. Первым четкое разделение этих конструкций провел Ф.Ласковский [7, с. 83]. Подробнее проанализировал их отличие М.А.Фриде [12, с. 64–65]. И в дальнейшем почти все историки⁴ фортификации следовали этим определениям интересующих нас терминов.

Деревянная стена из *городней* состояла из отдельных срубов, приставленных друг к другу. Такая конструкция крепостной стены имела огромный недостаток в том, что срубы в процессе эксплуатации имели различную усадку. Вследствие этого коридор боевого хода поверх *городней* приобретал различные вертикальные отметки, что затрудняло воинам быстрое движение по ним.

В противоположность *городням* конструкция стен из *тарасов* подразумевала две параллельные деревянные стены, соединенные поперечными стенами. Пустые пространства *тарасов* стали засыпать землею и камнями. Собственно участок между двумя поперечными стенами и начали называть *тарасами*, а половина этого расстояния носила название – *полутарасов* [7, с. 83]. Первоначальная длина *тарасов* равнялась примерно 3–4 саженьям (6,48–8,64 м). В дальнейшем типология стен из *тарасов* расширилась. Поперечные стены стали рубить не только под прямым углом, но и в виде треугольников. Такая конструкция встречается в крепости Каратояка 1648 года. Ранее в царствование Ивана IV в крепости Полоцка были применены три продольные стены с поперечными стенами под прямым углом [7, с. 84].

Теперь рассмотрим этимологию термина *тараса*. По В.И.Далю, он применялся новгородцами и обозначал *бык* моста. Передвижное осадное приспособление *тараса* упомянуто им же опять-таки при осаде Казани в 1552 году. Далее В.И.Даль проводит параллели с немецким словом *terrasse*, французским словом *terrasse*, которые обозначают терраса. Здесь логичны попытки П.А.Раппопорта охарактеризовать это обозначение. Он считал возможным применение термина *тараса* к верхней площадке (боевому ходу) крепостной стены [9, с. 192; 8, с. 65]. М.Фасмер считал, что термин *тараса* мог возникнуть от польского *taras* ‘*teppasa*’, *tarasować* ‘*нагромождать*’. Есть версия, что, возможно, термин *тараса* произошел от татарского *тярзя* – что значит окно⁵. Данные А.М.Губайдуллина подтверждают применение *тарасов* татарами уже в XIV веке. Золотая Орда, являясь центром культуры в XIII–XV вв., возможно, распространила с прогрессивными техническими новшествами и свои фортификационные термины, которых немало и в русской терминологии [13, с. 102]. В конструкциях *тарас* иногда устраивались бойницы для нижнего боя. Т.е своего рода оконце для ведения огня. Эти бойницы (окна) также могли именовываться как *тярзя*. А от них и сама конструкция могла получить это название и со временем распространиться в фортификационной терминологии.

Из всего сказанного можно заключить, что термин *тараса*, или *тарасы*, появился в XIV веке в болгарских крепостях. В дальнейшем в XV в. он перекочевал в русскую терминологию. Есть много значений *тарасам*, однако возможно, что у татар он обозначал: защитные срубы (башни) перед воротами. Имея различные версии этимологического происхождения этого слова, в том числе возможно, что слово произошло от татарского *тярзя*, что первоначально обозначало окно или амбразуру.

² *Барбакан* – отдельно стоящая башня или укрепление, оборонявшее подходы к мостам или входам в крепостные ворота. Аналог *тет-де-пон*.

³ Здесь необходимо упомянуть о Кутафьей башне, которая является барбаканом Троицких ворот Московского кремля. Эта башня сооружена в 1516 г. итальянскими мастерами. Однако самоназвание *Катафья* может иметь тюркские корни, что может говорить о татарском влиянии на появление барбаканов в русских крепостях.

⁴ Раппопорт П.А. считал, что для этих терминов применимо также обозначение заборала (см. об этом [8, с.65]).

⁵ Версия была высказана Н.Х.Халитовым при консультации.

1. Губайдуллин А.М. Укрепления городищ Волжской Булгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. – Казань: Мастер Лайн, 1999. – С. 139–143.
2. Губайдуллин А.М. Фортификационный словарь. 2-е издание, дополненное и переработанное. – Казань: Институт истории АН РТ, 2006. – 144 с.
3. История Казани в Никоновской летописи // Древняя Казань. Глазами современников и историков. Составители и авторы комментариев Ф.Ш.Хузин, А.Г.Ситдилов. – Казань: Изд-во «Фест», 1996. – С. 18–50.
4. Казанский летописец (История о Казанском царстве) // Полное собрание русских летописей. Т. 19. – СПб., 1903. – 531 с.
5. Косточкин В.В. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI веков. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 286 с.
6. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М.: Искусство, 1988. – 142 с.
7. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. I–IV. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия О. Ласковского, военного инженер-генерал-майора. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1858. – 315 с.
8. Носов К.С. Терминология оборонительного зодчества на Руси в XI–XVII веках. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 90 с.
9. Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. №105. – М.; Л., 1961. – С. 242.
10. Самойлов К. И. Морской словарь. В 2-х томах. – М.; Л.: Государственное Военно-морское Издательство НКВМФ СССР, 1941. – 652 с.+ 645 с.
11. Торонцев А.П. Мировая история крепостей и замков. – М.: Эксмо, 2008. – 704 с.
12. Фриде М.А. Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам // Известия РАИМК. Т. 3. – Л., 1924. – С. 113–143.
13. Хабибуллин А.Н. Средневековая тюрко-татарская фортификационная терминология // Вопросы истории фортификации. №2, 2011. – С. 102–107.
14. Хованская О.С. К истории города Казани // Казань. №1. 2001. – С. 95–102.

Сырье и материалы для производства оружия в Золотой Орде

Для изготовления оружия в средневековье применялись в основном железо и его сплав на основе углерода – сталь. Есть сообщение Рубрука, что монголы в середине XIII в. брали железо как дань с покоренных народов «...сверх установленной дани они брали... со всякого дома по одному топору и все железо, которое находили в слитке» [1, с. 89]. Такая практика применима в период завоеваний. Становление государственности Золотой Орды было невозможно без восстановления экономики и одной из ее основ – металлургии. В целом тема рудных источников железа в европейской части Золотой Орды почти не разработана, хотя она важна в решении не только технологических вопросов, но и торговли внутри Золотой Орды, экспорта и импорта металла и изделий.

Железо в Поволжье и Нижнем Прикамье получали как из болотно-луговых руд, так и из месторождений бурого железняка осадочного происхождения, как считает Ю.А.Семыкин, опираясь на исследования А.М.Ефимовой и Т.А.Хлебниковой [9, с. 101–102; 2, с. 43]. В древности металлургии использовали мелкие месторождения, не интересующие современную геологию, поэтому сведения о небольших залежах руд, их качестве и условиях разработки можно почерпнуть лишь из старых изданий. Например, в низовьях рек Хопер и Медведица еще в XIX – нач. XX вв. горизонтальными штольнями разрабатывали залежи бурого железняка, пласты которых имели выходы в склонах оврагов (балок) [3, с. 18–30, рис. 1–13]. Ю.А.Семыкин рассказывал о своих наблюдениях подобных обнажений рудных пластов в обрывах Куйбышевского водохранилища – вполне возможно, такие месторождения разрабатывали в древности.

Часть металла в Поволжье поступала, видимо, из Южного Приуралья, но уже в виде кричного железа [7, с. 483]. Металлургические комплексы Южного Приуралья, те из них, которые позволяют датировать XIV в., расположены на значительном удалении от горных месторождений. Остается предполагать, что металлургии здесь разрабатывали мелкие буро-железняковые месторождения, подобные поволжским. В Азаке могли пользоваться рудами Керченского месторождения, в Нижнем Поволжье также наверняка имеется немало мелких залежей, сведения о которых сейчас просто трудно раздобыть.

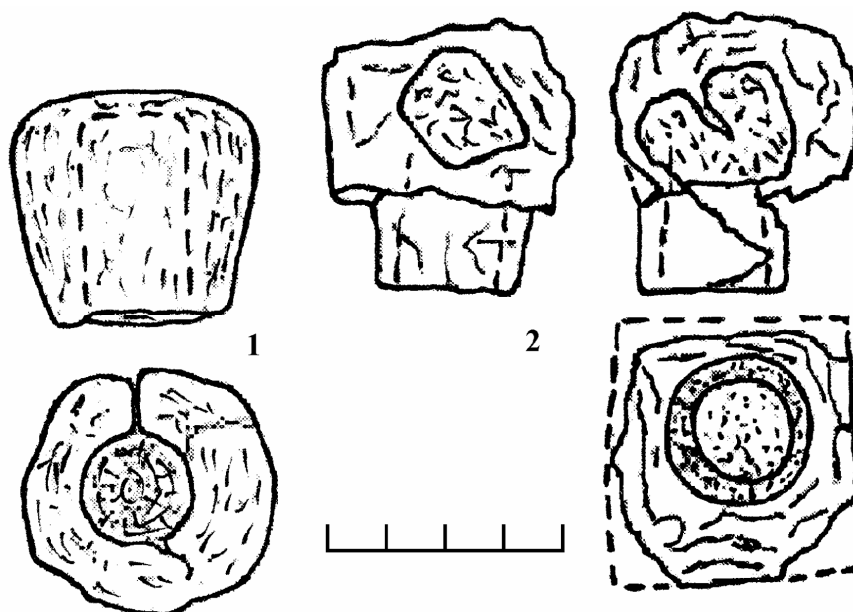
Руду перерабатывали в железо в сыродутных горнах. Полученное железо можно рассматривать, в свою очередь, как сырье (или полуфабрикат) для изготовления оружия. На изготовление оружия, конечно, должен идти металл наилучшего качества. Но для проведения такой характеристики пригоден только металлографический анализ с получением срезов изделий, т.е. разрушающий метод исследования. Отчасти по этой причине в исследованиях с использованием металлографии чаще представлены серии бытовых предметов или, предпочтительнее – их обломков. Оружие, особенно клинковое, редко исследуется целенаправленно, обычно – от случая к случаю. Для Золотой Орды специального изучения оружия с помощью металлографии не проведено. Судя по многочисленным анализам клинковых орудий труда (ножи, серпы, косы), в изготовлении клинкового оружия должны были применяться традиционные технологии кузнечной наварки стали на железную основу, сварки стали в железный клинок,ковка цельностальных клинков и т.п. Сложные технологии дамаска и, тем более, литого булата вообще уникальны среди материалов Восточной Европы и могут быть выявлены непосредственным анализом, скорее среди материалов погребальных памятников.

В основном металлографическому изучению подвергались наконечники стрел. Большую часть наконечников в Золотой Орде (как, впрочем, и в Восточной Европе в целом) изготавливали из железа и т.н. «мягкой», неравномерно науглероженной в объеме изделия стали, получавшейся в сыродутном горне. Наконечники, быстро расходующиеся в боевых действиях, естественно, шел материал наиболее дешевый – сыродутное железо, или т.н. сырцовая сталь, получавшаяся в горне, без дополнительной обработки. Некоторое количество наконечников ковали из пакетов железных и стальных полосок, редко используя высокоуглеродистую сталь. Пакет для наконечников стрел применялся, скорее всего, с целью утилизации металла, обломков других изделий. Иногда наконечники стрел откованы целиком из железа, содержащего большую примесь фосфора и, как правило, имеющего повышенную твердость. Соответственно, прочность таких наконечников была выше по сравнению с простыми железными. Некоторая часть наконечников подвергнута цементации – наиболее дли-

тельной и дорогостоящей операции в средневековом кузнечном ремесле. И, наконец, для наконечников стрел чрезвычайно редко применялась закалка [9, с. 115–117; 6, с. 69–80].

Панцирная пластина из Азака откована из среднеуглеродистой стали, охлаждена на воздухе и отожжена для снижения хрупкости. Материал и обработка вполне соответствуют назначению предмета – сталь достаточной твердости и, в то же время, пониженной хрупкости [5, с. 138].

Можно рассматривать как материал для изготовления оружия и чугуны. Булавы, кистени, шестоперы обычно ковали из железа, изредка отливали из бронзы (парадные символы власти?). Но вот в Азаке найдены две булавы, отлитые из чугуна по выплавляемой модели (рис. 1). В сыродутных горнах, при получении железа, почти всегда получалось некоторое количество жидкого металла, стекавшего из горна вместе со шлаком. Получались бесформенные слитки из чугуна или, чаще, высокоуглеродистой стали. Чугун получали путем переплавки, с одновременным науглероживанием таких слитков и чугунного лома в специальных наземных печах [8, с. 18–19]. Булавы из чугуна, видимо, свидетельство попыток золотоордынских ремесленников расширить ассортимент чугунных предметов и удешевить их [4, с. 19; рис. 1–7, 8].

Рис. 1. Булавы из чугуна, Азак. 1 – со скрытой втулкой с остатками деревянной рукояти; 2 – с выступающей втулкой (сильно коррозирована, была, возможно, многогранной).

Другие сырьевые ресурсы для производства оружия (медь, дерево, кость, кожа) здесь не рассмотрены как ввиду большей очевидности способов их применения (вспомогательное и декоративное значение), так и моей некомпетентности по этим материалам.

1. История Золотой Орды. Сборник материалов. – СПб.: Европейский дом, 2003.
2. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань, 1991.
3. Платонов Н.Х. Железные руды и другие ископаемые Хоперского округа. – Саратов, 1930.
4. Рязанов С.В. Чугунолитейное ремесло в городах Золотой Орды (итоги предварительного исследования). – Уфа, 1997.
5. Рязанов С.В. Продукция кузнецов золотоордынского Азака // Проблемы археологии Восточной Европы (тезисы докладов VII Донской археологической конференции). – Ростов-на-Дону, 1998.
6. Рязанов С.В. Металлографическое исследование находок на местонахождении Брик-Алга // Глава колл. монографии: Гарустович Г.Н., Рязанов С.В., Яминов А.Ф. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в Башкортостане. – Уфа, 2005.
7. Рязанов С.В. Производство железа и чугуна на Южном Урале в XIV–XVI вв. // Золотоордынское наследие. Материалы международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». – Казань, 2009.
8. Рязанов С.В. Чугунолитейное производство в европейской части Золотой Орды // Автореф. дисс. ... к.и.н. – Ижевск, 2010.
9. Семькин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996.

К вопросу о защитном вооружении татар Западной Сибири последней четверти XVI – XVII вв.

В военно-политической истории Золотой Орды Сибирь и населяющие ее народы занимают особое место. Начало формирования Улуса Джучи было положено именно в Сибири. Толчком для этого послужили успешные военные походы старшего сына «Потрясателя Вселенной» 1207–1208 гг., в ходе которых Джучи покорил енисейских кыргызов и другие «лесные народы» [23, с. 198]. Несколько позднее в состав Монгольского государства вошла территория Западной Сибири. На протяжении XIII–XIV вв. сибирские отряды принимали активное участие в военных предпринятиях Чингизидов. Они входили в состав монгольских туменов, действовавших на территории Китая, Центральной, Средней и Западной Азии, а также Восточной Европы. Значительную роль дружины и ополчения сибирских кочевников играли в армии хана Токтамыша, разгромившего в 1380 г. беклярибека Мамаю и воевавшего с непобедимым владыкой Самарканда – Тимуром.

После 30-х гг. XV в. происходит распад Золотоордынского государства с политическим центром на Нижней Волге. На его обломках возникло несколько самостоятельных государств: Крымское, Астраханское, Казахское, Сибирское ханства, Большая и Ногайская орды [23, с. 233]. Одним из крупнейших наследников Золотой Орды было Сибирское ханство («Туран вилайети», «Тура вилайети», «Тура», «Тюменское ханство», «Сибирский юрт»). Ядром новой державы стали земли по среднему течению Иртыша, рекам Тара, Тобол, Ишим и Тура. Образование Сибирского ханства в 70-х гг. XV в. было связано с именем Шибанида Ибрахима (Ибака). Последний являлся последовательным противником могущественного правителя Дашт-и-Кыпчак Абулхайра и после его смерти (1468 г.) укрепился на территории Западной Сибири [23, с. 285, 286]. В 70-х гг. XV в. сюзеренитет сибирских Шибанидов признали не только местные таежные племена, но и многочисленные роды ногайцев. На протяжении последней четверти столетия сибирско-ногайские войска совершали стремительные набеги на владения своих западных соседей. Основными объектами военной экспансии войск Сибирского юрта стали кочевья Большой Орды (1481), Астрахань (1493) и Казань (1496, 1497, 1499). Первой столицей Сибирского ханства был провозглашен город Тура (Чимги-Тура), который еще в 1429 г. был выбран Абулхайром в качестве «местопребывания трона государства» [23, с. 287]. Позднее ханская ставка была перенесена в город Искер (Сибир, Кашлык).

По иронии судьбы, войскам сибирских татар, которые в эпоху правления Токтамыша сыграли важную роль в консолидации земель Улуса Джучи, выпала миссия нанести решающий удар по главному политическому наследнику Золотой Орды – Большой Орде. В 1480 г. армиям правителя Большой Орды хана Ахмата не удалось сломить сопротивление русских войск в ходе знаменитого «Стояния на Угре». А уже в начале 1481 г. сибирский Ибрагим-хан (Ибак) в союзе с ногайцами разгромил кочевья Большой Орды и убил самого Ахмата, открыв тем самым новый период в истории Джучидских государств Восточной Европы [18]. Таким образом, несмотря на то, что Сибирский юрт по своим военным и экономическим возможностям значительно уступал западным районам бывшей Золотой Орды, он, тем не менее, являлся важной составляющей Улуса Джучи и играл значительную роль в его истории.

Сложными по содержанию были отношения Сибирского юрта с Российским государством. В ходе боевых действий против Ахмата в 1480–1481 гг. Москва и Чимги-Тура выступали в роли союзников. Однако борьба за политическое влияние в Казани в конце 90-х гг. XV в. поставила два государства на грань полномасштабной войны [19]. Сменившие Шибанидов на престоле Сибирского юрта представители клана Тайбугидов пытались наладить мирные отношения с могущественным западным соседом и даже признали себя вассалами Ивана Грозного, обязавшись платить дань (1557 г.). Однако возвращение к власти в Кашлыке Шибанида Кучума положило начало новой полосе конфронтации (с 1573 г.). В основе конфликта лежала борьба за право эксплуатации финно-угорских народов, а также политический и экономический контроль над Уралом и Зауральем. В этих условиях поступательная экспансия Московского государства и российских торговых кругов в восточном направлении должна была неизбежно привести к конфликту с ханством. Его катализатором стали набеги войск Кучума и его вассалов на владения влиятельных куп-

цов Строгановых в 1573, 1582 гг. и ответное вторжение нанятого Строгановыми отряда Ермака в Сибирь. После первых поражений татарских армий в боевые действия, на стороне противников Кучума, вмешались царские войска и отряды Табугида Саййид-Ахмата. «Сибирского царя» покинули его крупнейшие вассалы, а само ханство начало рассыпаться на отдельные владения, часть из которых практически сразу признала сюзеренитет Москвы.

Если Казань на протяжении многих десятилетий была геополитическим «замком», запиравшим Великим князьям Московским путь на Восток, то Сибирский юрт являлся настоящими «воротами» во внутреннюю Азию. Сбив «казанский замок» и широко распахнув в конце XVI в. «сибирские ворота», русские устремились в глубь континента «встреч солнцу», чтобы уже в 1639 г. выйти на берега Великого океана. Борьба с «Туран вилайети» не была самым сложным военно-политическим эпизодом «Сибирского взятия». Почти столетняя война с енисейскими кыргызами в Хонгорае и ожесточенное противоборство с Цинской империей в Приамурье отняли у Российского государства значительно больше сил, времени и средств. Однако именно дуалистическое противостояние казачьего атамана Ермака и хана Кучума сохранилось в народной памяти как наиболее яркий эпизод «Сибирской эпопеи».

В исторической перспективе поход отряда Ермака выглядит исключительно важным, но далеко не единственным событием, позволившим включить Западную Сибирь в состав Российского государства. В конце XVI – начале XVII вв. в регионе был завязан сложный геополитический узел, в котором сходились интересы Российского государства, Шибанидской аристократии, представиелей свергнутой Кучумом Тайбугидской династии, Бухарского ханства, местной татарской и остяцкой элиты, ногайских мурз, казахских султанов и ойратских тайшей. Нанятые Строгановыми казаки Ермака и дружина хана Кучума не были единственными субъектами военного противоборства в Сибири в последней трети XVI в. Значительную роль играли также русские правительственные войска, ополчения таяжных «князцов», татарско-казахский отряд «царевича» Тайбугида Саййид-Ахмата и др. Особый драматизм ситуации придавал тот факт, что борьба за Западную Сибирь проходила в канун двух важных исторических событий – Русской «Смуты» и «Малого Монгольского нашествия» в рамках которого десятки тысяч ойратов, пройдя степями Северного Казахстана и Южной Сибири, вторглись на территорию Восточной Европы. Сохранение российской власти в Западной Сибири в этих условиях было обеспечено двумя основными факторами: активностью сибирских воевод, опиравшихся на отряды казаков и стрельцов сибирских острогов, и позицией местной татарской аристократии, значительная часть которой предпочла власть «Белого царя» возвращению на сибирский престол потомков Кучума, опиравшихся на копыта ойратской конницы. Важную роль сыграли сибирские татары и в ходе дальнейшего завоевания Сибири. Они составляли значительную часть русских отрядов, сражавшихся на протяжении XVII в. с отрядами таяжных князцов, ногайцами, енисейскими кыргызами, телеутами, ойратами и казахами. Некоторые из вассалов Кучума впоследствии выступали вместе с русскими против своего бывшего сюзерена и его наследников [2, с. 165]. Таким образом, завоевание и удержание Западной Сибири в составе Российского государства было, в значительной степени, достигнуто руками самих сибиряков.

Военное искусство и военная история сибирских татар изучены крайне неравномерно. Наибольшее внимание историков традиционно привлекали боевые действия татар с отрядом Ермака в 1582–1586 гг. Оружейный комплекс, тактика и военная история сибирских татар в XVII в. изучены значительно хуже. Отдельные аспекты военного искусства воинов Западной Сибири последней трети XVI – XVII вв. были рассмотрены в работах Р.Карутца, В.С.Синяева, С.В.Бахрушина, Р.Г.Скрынникова, В.И.Молодина, Т.Н.Троицкой, В.И.Соболева, Б.А.Коникова, Н.И.Никитина, Е.В.Вершинина и др. [2; 8; 12; 15; 16; 21; 22; 24; 27]. Наиболее крупными работами по вооружению и военному искусству сибирских татар можно считать исследования выдающегося сибирского археолога и оружейведа Ю.С.Худякова [5; 25; 26].

Войска Сибирского ханства последней трети XVI в. состояли из трех основных компонентов: ногайских, узбекских, татарских и, возможно, казахских дружинников Кучума и его сыновей, конницы сибирских татар и ополчений местных таяжных племен. Система комплектования, организации и вооружения дружины Кучума, местной татарской знати и таяжников имела свои характерные особенности. Войска Сибирского ханства в период правления Кучума насчитывали нескольких тысяч (по некоторым данным, более десяти тысяч) человек [5, с. 45, 46]. После завоевания Сибири часть воинов была включена в состав русских отрядов в регионе. При этом царские воеводы отдавали предпочтение элите вооруженных сил бывшего Сибирского ханства – коннице

сибирских татар и дружинам кодских хантов. Представители тюркской знати («мурзы и мурзичи») были включены в специальный разряд «юртовских служилых татар». Из числа таежников привилегированное положение заняли кодские князья и их подданные, составившие ядро «служилых хантов». Главной задачей «юртовских татар» и «служилых хантов» было несение воинской службы в интересах Российского государства. За это они освобождались от выплаты ясака. В случае необходимости служилые татары и ханты выставляли «в поле» хорошо вооруженные и оснащенные отряды, насчитывавшие от нескольких десятков до нескольких сотен воинов [2, с. 124, 130, 163–165]. В реалиях Западной Сибири XVII в. это была внушительная военная сила. Существенно проигрывая армиям эпохи Кучума в численности, сибирские отряды конца XVI – первой половины XVII вв. выигрывали в качественном отношении – вооружении и уровне боевой подготовки, так как целиком состояли из профессиональных воинов. Татарская конница могла действовать самостоятельно, но гораздо чаще включалась в состав сводных отрядов, в которых кроме татар несли службу русские конные и пешие казаки, стрельцы, новокрестьяне, «литва» и др. Иногда число татар в таких сводных корпусах превышало число русских служилых людей. Так, например, в отряде, направленном в 1598 г. воеводой А.Воейковым против Кучума, было 40 казаков и 60 татар [8, с. 61]. «Служилые татары» были прикреплены к различным сибирским городам. Наиболее крупные отряды юртовских служилых татар были приписаны к Тобольску (около 250 человек), Тюмени (76–108 чел.) и Таре (50–66 чел.) [16, с. 32, 33]. Во главе каждого отряда стоял «татарский голова», назначенный из числа русских служилых людей или представителей местной знати [2, с. 172]. По расчетам Е.Вершинина, общая численность служилых татар в 1630 г. в Тобольске, Тюмени и Таре составляла 378 человек, а в конце XVII в. – 429 человек [8, с. 61].

Наиболее распространенным видом вооружения сибирских татар на протяжении всего рассматриваемого периода были саадаки. Всадники применяли длинные ударные копья, палаши, сабли, кинжалы и ножи. Отдельные воины сражались топорами. В войсках Кучума огнестрельное оружие не имело сколько-нибудь широкого распространения. Согласно данным некоторых письменных источников, в бою на Чувашском мысу в армии сибирского хана находились 2 пушки казанского или среднеазиатского производства, имевшие в длину около 1,4 м. Однако использовать эти орудия татары не смогли ввиду их неисправности или отсутствия подготовленных канониров [6, с. 175, 176]. В XVII в. на вооружении служилых татар появились фитильные и кремневые ружья российского и среднеазиатского производства.

Одним из интереснейших элементов оружейного комплекса сибирских татар является защитное вооружение. Отечественные исследователи достаточно редко акцентируют на нем свое внимание, хотя современники «Сибирского взятия» неоднократно отмечали факты широкого использования панцирей, щитов и шлемов воинами хана Кучума. Сложность в изучении защитного вооружения сибирских татар заключается в том, что археологические находки элементов панцирей немногочисленны¹. Специальные работы, посвященные доспеху сибирских татар эпохи позднего средневековья и раннего Нового времени, в отечественной и зарубежной историографии в настоящее время отсутствуют. Всестороннее исследование доспеха сибирских татар возможно путем комплексного анализа предметов защитного вооружения из числа старых оружейных коллекций, археологических памятников, изобразительных и письменных источников.

В данной статье мы рассмотрим отдельные вопросы, касающиеся источников поступления защитного вооружения в войска сибирских татар последней четверти XVI – XVII вв., особенностей эволюции доспеха региона, а также проанализируем шлемы и панцири из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ), которые могут быть отнесены к комплексу защитного вооружения сибирских татар рассматриваемого периода.

Собранные материалы свидетельствуют о том, что в последней четверти XVI – XVII вв. существовало два основных источника поступления защитного вооружения в войска сибирских татар – импорт и собственное производство.

Импортное наступательное и защитное вооружение поступало в Западную Сибирь с территории Средней и Центральной Азии, Поволжья, Южной Сибири и Российского государства. Вплоть до российского «взятия» Сибири основным импортером панцирей, шлемов и щитов в регион были народы Средней Азии. На протяжении всего периода позднего средневековья среднеазиатские города являлись крупнейшими производителями различных видов защитного и наступательного

¹ Предметы защитного вооружения сибирских татар из археологических памятников, а также оружие дистанционного и ближнего боя проанализированы Ю.С.Худяковым [26, с. 245; 5, с. 44].

вооружения. Благодаря налаженному производственному циклу, а также достаточно эффективной системе частно-государственного партнерства мастера Самарканда, Бухары, Ташкента и других городов региона не только наполняли арсеналы местных правителей, но и экспортировали свою продукцию далеко за пределы Мавераннахра. Основными потребителями среднеазиатского защитного вооружения, за границами узбекских государств, были кочевые народы Средней и, в меньшей степени, Центральной Азии: казахи, киргизы, каракалпаки, туркмены, а также ойраты [7, с. 328–331; 5, с. 132–137, 167–171; 4, с. 21]. Некоторое количество вооружения поступало и в Западную Сибирь. Этому весьма способствовали тесные политические и экономические отношения среднеазиатской и сибирской элиты. По некоторым сведениям, в военной экспедиции по отвоеванию Сибири у Тайбугидов хан Кучум опирался на войска узбеков и ногайцев, а сам Сибирский юрт после успешного завершения кампании стал вассалом Бухарского ханства. Причем среднеазиатские Шибаниды даже обладали правом смещать и возводить на престол Шибанидов Искера [11, с. 377, 378]. Связующим звеном в системе торговых отношений Сибирского юрта и Бухарского ханства выступали знаменитые «бухарские купцы», которые достаточно часто посещали сибирские «городки» и кочевья местных феодальных владельцев. Длительное время торговым сношениям Западной Сибири и Мавераннахра препятствовали воинственные казахские кочевники хана Хаккназара (1548/49–1580). Однако после прихода к власти в орде вассала Бухары хана Шигая (1580–1582) ситуация должна была существенно улучшиться [11, с. 378]. Одним из объектов «сибирско-бухарской» торговли было вооружение. Именно со среднеазиатским влиянием мы связываем наличие в комплексе защитного вооружения сибирских татар кольчато-пластинчатых бехтерцов, металлических щитов, наручей и некоторых типов шлемов (см. ниже). Практику торговли оружием (в том числе и огнестрельным) с жителями Сибири «бухарские торговые люди» сохранили, несмотря на противодействие царской администрации, и после завоевания Западной Сибири русскими [7, с. 165]. Основными потребителями среднеазиатского защитного вооружения в Сибири были представители военной элиты сибирских татар. Носителями среднеазиатского комплекса вооружения в «Туран вилайети» были также дружинники Кучума и Саййид-Ахмата, набранные в «Великой Бухарии» и «Казачьей (Казахской. – Л.Б.) орде».

После включения Сибири в состав Российского государства и начала массовой миграции ойратов (калмыков) на запад в паноплии сибирских татар возросла доля российского и центральноазиатского вооружения. Российское правительство официально запрещало продажу вооружения, которое было объявлено «заповедным товаром». Однако в реальности контрабандная торговля продолжалась на протяжении практически всего XVII в. Первые экземпляры панцирного вооружения русского производства попали в руки татар как боевые трофеи, захваченные в ходе боевых столкновений с отрядами Строгановых и корпусом Ермака. Один из ярких эпизодов применения татарами русских трофейных доспехов связан со знаменитыми панцирями Ермака. Один из них достался татарскому мурзе Кайдаулу, который носил его, уже находясь на службе Российского государства. Позднее он завещал доспех своему старшему сыну: «заповедал старшему своему сыну под клятвою, чтобы ему тем панцирем служить службу ... великим государям, а никому его продавать не велел» [2, с. 164]. Сохранились два различных описания этого легендарного доспеха. Согласно первому панцирь был «длинен и около груди напереди кольца часты, напереди же ниже пояса просрелено, испорчено одно кольцо». Согласно второму описанию, панцирь «бит в 5 колец мудрастно, длиною в 2 аршина, в плечах с четью аршин, на грудех и меж крылец печати царские златые орлы, по подолу и рукавам опушка медная на 3 верышка». Таким образом, в первом случае кольчуга имела удлиненный подол, двойное (?) плетение колец на нагрудной части и разрыв на подоле. Во втором случае панцирь имел поистине «царское» оформление: более частое двойное плетение (в каждое кольцо вставлялось не 4, а 5 соседних), длину – 142,24 см, ширину – 88,9 см, на нагрудной части и меж лопаток размещались золотые (по другой версии медные) «мишени», украшенные изображениями царских двуглавых орлов. Крайние ряды на подоле и рукавах были сплетены из медных колец. Ширина такой медной «опушки» составляла 13,3 см. При описании вооружения «юртовских служилых татар» в русских письменных источниках XVII в. упоминаются «пансыри государевой казны», то есть кольчатые панцири российского производства. В настоящее время нам известно о 17 кольчатых панцирях, которые принадлежали представителям сибирской татарской знати. Некоторые из них, возможно, изготовлены российскими мастерами. Интересно, что контрабандная торговля панцирями российского производства велась не только самими служилыми людьми, но и упоминавшимися выше бухарскими купцами, высту-

павшими посредниками в «оружейных» сделках между русскими и сибирскими татарами. Однако кроме традиционных кольчуг, в руки татар попадали и совсем экзотические предметы вооружения. Так, согласно преданию, тюменский татарин Илигей передал в дар Далматовскому Успенскому монастырю в 1644 г. кольчугу и железный «шишак», который в настоящее время атрибутирован как «рейтарский шлем» XVII в. [10].

Определенное место в комплексе защитного вооружения знати сибирских татар занимали панцири и шлемы ойратского или южносибирского производства. В ходе переговоров ойратских тайшей с представителями татарской аристократии последним, в качестве дипломатических подарков, преподносились предметы вооружения. Так, например, князю Кульмаметьеву в XVII в. были подарены два классических сфероцилиндрических ойратских шлема, один из которых украшен серебряной насечкой в виде растительного орнамента, а другой – буддийской симвоикой. В настоящее время оба шлема хранятся в фондах ТГИАМЗ [7, с. 441–442, с. 460, рис. 190, 3]. В письменных источниках на вооружении сибирских татар также упоминаются «калмыцкие кюяки добрые». Последние могли быть захвачены сибирскими татарами как военные трофеи, или получены в ходе торгового обмена.

Несмотря на значительную роль импорта в оснащении защитным вооружением сибирских татар привозных панцирей и шлемов было явно недостаточно, чтобы покрыть существующий на них спрос. В то же время упоминания в письменных источниках многочисленных панцирников сибирских татар позволяет предположить наличие в Туран вилайети собственного производства защитного вооружения. И, действительно, нам удалось обнаружить сведения об одном из таких оружейных центров, который был расположен в улусе ближайшего советника хана Кучума, известного в материалах русских сибирских летописей под именем Карача². В частности, автор «Есиповской летописи» сообщает: «Сей же Карача думной бе царя Кучума и любим ему был, *делал пансыри и кольчюги и всякую ратную сбрую* (курсив наш. – Л.Б.)» [11, с. 192]. Возможно, знаменитое нападение казаков Ермака на улус Карачи, расположенный по р. Тобол, в 1582 г. (то есть в самый разгар боевых действий), было связано, в том числе и с попыткой уничтожить функционировавший там центр оружейного производства. Ставка Карачи была разгромлена, а обнаруженные в ней «богатства» Кучума были вывезены русскими воинами: «Придоша казаки под Карачин улус и ту второе брань сотвориша с Карачею, думчим царевым; та же взяша улус его, в нем же царев медь и богатство царева взяша в струги своя» [20, с. 20]. Возможно, небольшие оружейные производства могли располагаться в крупнейших «городках» Сибирского ханства.

Важным вопросом является широта распространения панцирного вооружения среди сибирских татар XVI–XVII вв. В отечественной историографии бытует мнение, что воины Западной Сибири практически не использовали металлических доспехов. Однако письменные источники свидетельствуют об обратном.

Практика широкого применения защитного вооружения воинами «Туран вилайети» фиксируется источниками задолго до похода Ермака. Уже Абулхайр-хан, разгромив на берегах Тобола сибирские войска Махмуд-Ходжа-хана, захватил большое количество защитного вооружения. Этот факт удостоился особого упоминания в перечне трофеев, добытых армией Абулхайр-хана. Интересно, что захваченные доспехи были распределены как между рядовыми участниками похода, так и представителями командного состава армии «кочевых узбеков»: «Богатство и военная добыча, которые достались воинам от войск противника, (начиная) от ... кольчуг, оружия разного рода, панцирей – все собрали к порогу, убежища властителей. Все это он (Абулхайр-хан. – Л.Б.) соизволил пожаловать эмирам и воинам» [14, с. 148]. Русские письменные источники, повествующие о завоевании Сибири Ермаком, живописуют сибирских татар как воинов, которые «одеяны железом» или облачены в «железное одеяние» [11, с. 167, 193]. Автор Есиповской летописи особо фиксирует внимание читателя на защитном вооружении («ратной збруе») татарских копейщиков и лучников, которые использовали железные панцири и медные щиты: ««Они же зело ратни убиевние и дерзость свиреподушную показоваху, яко копие имеющие во устах своих, ибо вооружившась собою крепче и вси дышающие гневом своим и яростию; *одеяние у них железное и меднощитницы и копейщики и железнострельцы...*» (курсив наш. – Л.Б.) [20, с. 246]. В тексте летописи русское огнестрельное оружие противопоставляется разнообразному защитному вооружению татар. Слова об исключительных боевых характеристиках русских пищалей, которые пробивали любой татарский

² По мнению некоторых исследователей, Карача это не личное имя, а титул советника-вельможи («карачи») при дворе хана [11, с. 279, 380].

доспех, летописец вложил в уста татарина «царева двора» Таузака, который сообщал Кучуму: «Таков ибо суть рустии воины сильнии: егда стреляют из луков своих, тогда огонь пашет, и дым велик исходить и громко голкнет, аки гром на небеси, а стрел исходящих от них не видати; уязвляют ранами и смертно побивают, а ущетица от нея *никакими ратными збруями не возможно; куяки и бехтерцы и пансыри и кольчюги наши не держат, все пробивают на вылет*» (курсив наш. – Л.Б.) [20, с. 17]. Значительным разнообразием отличается защитное вооружение сибирских татар, упомянутое в русских письменных источниках XVII в. В частности, зафиксированы факты использования сибирскими воинами «шишаков», «шеломов», «пансырей» (разновидность кольчатого доспеха), «кольчюг», «куяков» (пластинчато-нашивных доспехов), «бехтерцов», «наручей», щитов и др.

Косвенным подтверждением в пользу достаточно широкого распространения доспехов среди воинов ударных подразделений сибирских татар служат археологические материалы. В частности, все три копейных наконечника, обнаруженных на территории Искера, по форме пера и характерному ромбовидному (почти квадратному) сечению относятся к категории бронебойных, предназначенных для борьбы с противником, облаченным в панцирь. Присутствуют разнообразные бронебойные наконечники и среди найденных на территории Искера стрел [5, с. 37–39, 41, с. 42, рис. 3, 3–6]. Фрагменты кольчатых панцирей были обнаружены в Барабинской степи и в гордиче Искер (см. на цв. вклейке рис. 8) в Прииртышье [26, с. 245].

Тактика ведения боя, применявшаяся воинами Кучума, свидетельствует о наличии в их отрядах конных и, возможно, пеших панцирников. После традиционного обстрела из луков всадники наносили удар по отрядам Ермака «копейным поражением», стремясь «смешать» ряды казаков: «...погани же противу нашедших крепце и немилостиво наступаху на конех, копейным поражением и острыми стрелами казаков уязвляют велми» [20, с. 20]. Большим ожесточением отличался и встречный рукопашный бой [11, с. 167, 243]. Учитывая тот факт, что воины отряда Ермака широко использовали защитное вооружение, противостоять им в рукопашной схватке сколько-нибудь длительное время могли только такие же воины-панцирники.

Комплексный анализ источников позволяет утверждать, что защитное вооружение (в том числе и металлическое) играло значительную роль в оружейном комплексе ударных подразделений сибирских татар эпохи хана Кучума. Основными потребителями панцирей и шлемов были дружинники-нукеры самого «сибирского царя», а также его сыновей, представителей местной татарской и таяжской знати. Панцири и шлемы использовали также состоятельные воины из числа ополченцев, набранных среди сибирских татар и остяков.

В конце XVI – первой половине XVII вв. общая численность татарских войск в Сибири резко сократилась, однако пропорциональная численность панцирников в действующих отрядах возросла в связи с тем, что царская администрация стала привлекать к военным предприятиям преимущественно тюркскую элиту, записанную в разряд «служилых юртовских татар», то есть профессиональных воинов. Проживавший в Тобольске до 1676 г. хорватский священник Ю.Крижанич характеризовал сибирских татар как «латников и копейщиков» и рекомендовал в случае военного конфликта не вступать с ними в рукопашный бой, а использовать против татар-панцирников драгун и пищальников [13, с. 429]. На руках у местного населения Сибири XVII в. хранились сотни единиц панцирного вооружения. Причем, судя по тому, что западносибирские доспехи в источниках именуются «пансырями», речь идет о корпусном защитном вооружении с кольчатой структурой бронирования³. Кольчатые доспехи и их элементы абсолютно преобладают и среди вещественных источников. Из 17 панцирей, которые могут быть соотнесены с комплексом вооружения сибирских татар, все имеют кольчатую структуру бронирования. Из трех находок защитного вооружения с территории Сибирского юрта – две представлены кольчужными сегментами⁴. Схожая ситуация наблюдалась и у остяков, что подтверждается как изобразительными [7, с. 409, рис. 142, 1], так и письменными материалами [2, с. 119, 130].

Во второй половине XVII в. официальная Москва обязала сибирскую администрацию Тобольска, Томска и Верхотурья и других городов выкупать защитное вооружение у местного населения и отправлять его в Москву. Тобольские и томские власти должны были одновременно купить 100 «самых добрых пансырей», а в дальнейшем приобретать их по мере возможности. В царской грамо-

³ Характерно, что доспехи народов Южной Сибири и Центральной Азии в письменных источниках того же времени обычно именуют «куяками», то есть пластинчато-нашивными панцирями.

⁴ Третья находка представлена ламеллярной пластиной [26, с. 245], однако она может относиться к более раннему историческому периоду.

те Верхотурскому воеводе Ф.Г.Хрущеву от 14 июля 1675 г. ставилась задача закупки панцирей за счет местного бюджета: «В прошлом в 177 году посланы наши Великого Государя грамоты в Тобольск, и в Томской, а велено в Тобольску и в Томском, и Тобольского и Томского разряду в городах, купить сто пансырей самых добрых и прислать к нам Великому государю, а денги на тое покупку держать из тамошних доходов. А в нынешнем во 183 году марта в 14 день, по нашему Великому государя указу, послана наша Великого государя грамота к вам, на Верхотурье, велено на Верхотурье потемуж пансыри покупать, а денги давать из тамошних же доходов, и присылать те пансыри к нам Великому Государю, к Москве» [1, с. 559]. Интересно, что царские власти пытались установить государственную монополию на закупку сибирских панцирей. За самовольное приобретение и торговлю доспехами московские чиновники грозили «жестоким наказанием», «опалой и разореньем» [1, с. 542, 560]. Централизованная программа закупки защитного вооружения в Сибири (не только в Западной, но и в Южной) свидетельствует как о широком распространении панцирей у местного населения, так и об их достаточно высоком качестве [7, с. 358].

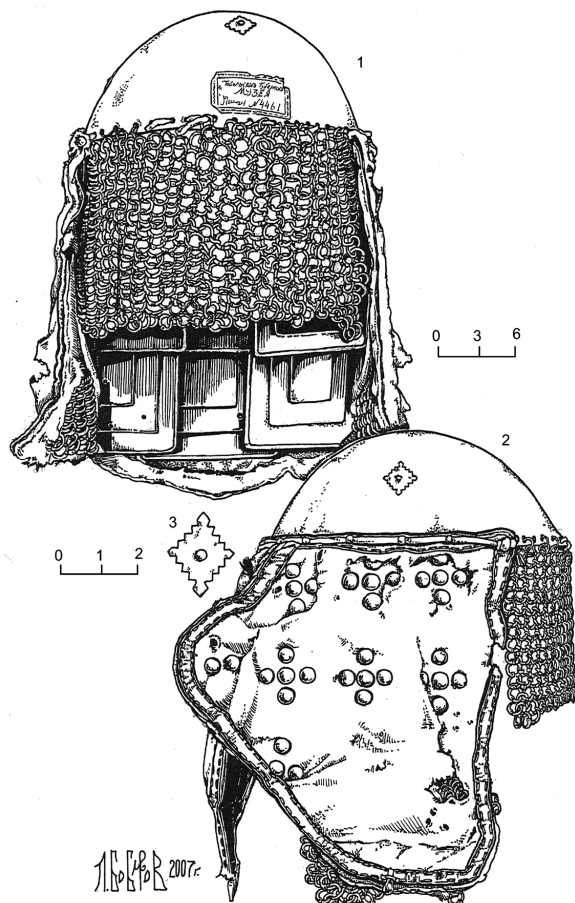
Некоторое представление о широте распространения защитного вооружения среди «юртовских» татар XVII в. дают сведения по другой категории сибирских служилых – кодских хантов, бывших вассалов сибирского хана Кучума. Система обеспечения панцирным вооружением «служилых хантов» имела смешанный характер. В церкви Троицы в Кодском городке был развернут специальный княжеский арсенал, который насчитывал «40 панцирей, 4 лука бухарских и 50 панцирных (бронестрельных. – Л.Б.) стрел», а также некоторое количество шлемов. Собственниками арсенала выступали князья Алачевы. В случае мобилизации кодские ханты собирались у князя и получали из казны панцирное вооружение, а после окончания похода сдавали его в арсенал и расплачивались за аренду доспехов частью военной добычи: «Князья Игичей и Онжа и Чумей Алачевы и дети их нас на твои государевы службы отпускаючи, запасом и деньгами и всякою ратною сбруею пансырями и шлемами и добрыми собаками звериными сподобляли и мы...многих твоих государевых изменников и непослушных людей иноземцев побивали...и приходя со службы в Кодские городки, князьям Алачевым в почесть ясырем и лучшим зверем били челом и тем княжие подъемы окупали» [2, с. 119]. Обычный численный состав отрядов служилых хантов не превышал 40–50 воинов, то есть только княжеский арсенал мог практически полностью покрыть нужды воинов такого отряда в защитном вооружении. Однако панцири и шлемы хранились не только в княжеском арсенале, но и в домах рядовых служилых хантов. В 1636 г. остяки взбунтовались против князя Михаила и в количестве 120 человек выступили на Кармыш-Юган. Несмотря на то, что княжеский арсенал был не тронут, ханты оказались прекрасно вооружены и двинулись в поход «со всею сбруею, в панцирях, в шлемах с луками» [2, с. 130]. Таким образом, в случае боевых действий большая часть служилых хантов выступала в поход облаченными в арендованные у князя или личные панцири⁵. Есть основания полагать, что смешанная система обеспечения защитным вооружением «юртовских служилых» существовала и у сибирских татар. В частности известно, что небольшие оружейные арсеналы имелись у целого ряда представителей татарской знати XVII в. (Кайдауловых, Ачекматовых, Кульмаметьевых и др.). Кроме того, многие служилые татары владели панцирями и шлемами на правах частной собственности. Наконец, в случае необходимости доспехи могли выдаваться служилым татарам из «государевой казны» сибирских острогов.

Предметы защитного вооружения, принадлежавшие представителям сибирской татарской знати, хранятся в музеях различных регионов Сибири. В данной статье рассмотрим два шлема и пять кольчатых панцирей хранящихся в фондах ТГИАМЗ.

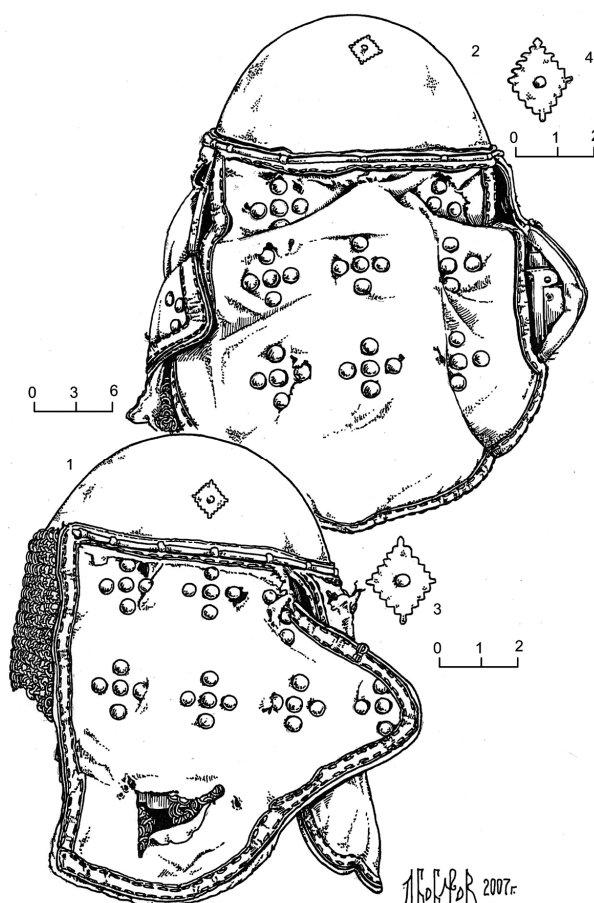
В Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (ТГИАМЗ) хранятся несколько цельнокованых боевых наголовий. Два из них (№4461/5420 и ТМ №5422) отнесены сотрудниками музея к «татарским» шлемам и датированы периодом позднего средневековья – началом Нового времени⁶.

⁵ Характерны в данной связи эпизоды продажи хантами защитного вооружения русским служилым людям. В частности, С.В. Бахрушин упоминает о покупке русскими «пансыришки ветчаного» у обдорского ханта [2, с. 95].

⁶ Автор выражает благодарность и искреннюю признательность сотрудникам Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника и персонально Адамову Александру Александровичу за возможность ознакомиться с данными предметами вооружения.

Рис. 1. «Татарский» шлем №4461/5420 из фондов ТГИАМЗ (рисунок выполнен Л.А.Бобровым):
1 – вид спереди; 2 – вид справа; 3 – бляшка-накладка с правой височной части шлема.

Рис. 2. «Татарский» шлем №4461/5420 из фондов ТГИАМЗ (рисунок выполнен Л.А.Бобровым):
1 – вид слева; 2 – вид сзади; 3 – бляшка-накладка с левой височной части шлема; 4 – бляшка-накладка с затылочной части шлема.

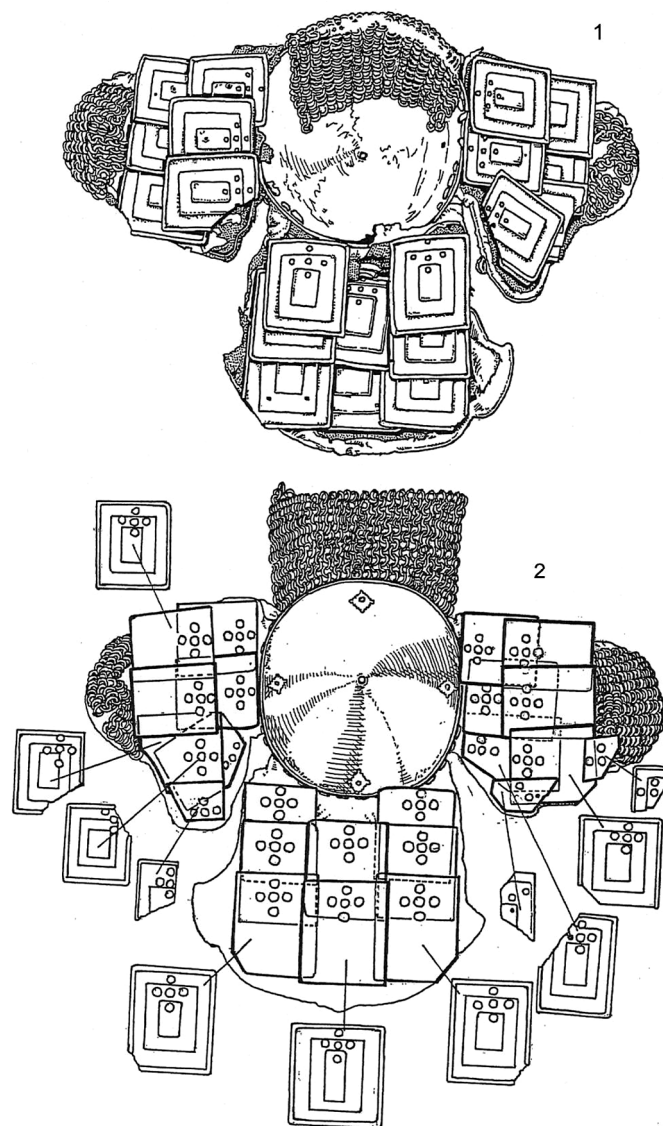
Шлем 1 (№4461/5420). Полусферический цельнокованый шлем, украшенный медными бляшками и комбинированной бармицей (рис. 1–3; см. на цв. вклейке рис. 4).

На протяжении нескольких столетий шлем №4461/5420 хранился как родовая реликвия у татарских князей Кульмаметьевых в Иртышских юртах Тобольского уезда. Согласно семейной легенде, шлем находился в этом роду начиная с XVII в. В 1908 г. он был передан в музей (Книга поступлений № 4461, № 5420). Уникальным элементом наголовья является комбинированная бармица, состоящая из кольчатого сегмента и пластинчато-нашивной защиты шеи. По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции купола – к отделу цельнокованых, по форме тульи – к типу полусферических.

Высота цельнокованой тульи шлема – 9 см, диаметр: лобно-затылочный – 21 см, височный – 18,7 см (рис. 1, 1–2; 2, 1–2). Поверхность шлема украшена четырьмя медными бляшками ромбовидной формы. Бляшки расположены соответственно на налобной, затылочной и височных частях наголовья. Налобная и затылочная бляшки находятся на одном уровне, но выше височных. Углы бляшек приострены, а в ряде случаев имеют стреловидную форму (рис. 1, 3). Края бляшек оформлены зубцами. Стандартное число зубцов на каждом крае – 4 (рис. 2, 4). На левой височной бляшке с ее левой верхней стороны мастер вырезал 5 зубцов (рис. 2, 3). Бляшки фиксируются на шлеме с помощью полусферических металлических заклепок. В верхней центральной части наголовья пробито небольшое сквозное отверстие.

Вдоль нижней кромки шлема пробиты частные округлые отверстия для подвешивания бармицы. Последняя представляет исключительный интерес. Бармица полусферического шлема является комбинированной по структуре (рис. 3). Она состоит из пары наушников, назатыльника и

кольчужного сегмента, прикрывающего лицо воина до губ (длина – 19,2 см, ширина – 8,7 см). Кольчужные кольца верхнего ряда частично крепятся к кожаному шнуру, пропущенному сквозь отверстия вдоль нижней кромки шлема, но некоторая часть из них вставлена непосредственно в гнезда, предназначенные для подвешивания кольчатой бармицы. В нижнюю часть наушников также вплетены кольчужные сегменты (12 x 6 см). С большой долей вероятности можно полагать, что пластинчато-нашивная бармица не является родной для данного шлема, а была подвешена к нему позднее (возможно, еще в XVII в.) для усиления своего кольчужного аналога.

Рис. 3. «Татарский» шлем №4461/5420 из фондов ТГИАМЗ (рисунок выполнен Л.А.Бобровым):
1 – вид снизу; 2 – вид сверху, конструкция и состав бармицы.

Уникальность данной бармицы заключается в том, что она дошла до нашего времени практически без повреждений. По ее конструкции и оформлению можно судить об особенностях изготовления центральноазиатских бармиц периода позднего средневековья и Нового времени. Органическая основа бармицы состоит из матерчатого покрытия «холодного» зеленого цвета, к которому снизу (для придания бармице необходимой плотности) подшита кожаная подкладка, сохранившая грязно-желтый цвет. Элементы бармицы снабжены по периметру прошитым кожаным кантом. Бармица жестко прикреплена к шлему с помощью толстого кожаного жгута, пропущенного в отверстия в тулье. Наушники и назатыльник имеют сложную вырезную форму, призванную максимально эффективно прикрыть от удара шею воина, но при этом сохранить изящность декоративного оформления. Передняя часть наушников почти прямая, а задняя имеет вытянутые

лопасти (у левого наушника – длинную, у правого – короткую), которые прикрывают отверстия, образованные вырезами назатыльника. Последний имеет форму обращенной вниз «лилии» с отогнутыми боковыми «лепестками» (рис. 3, 2). Органические элементы бармицы подбиты рельефными металлическими пластинами с «бортиком» и «ребрами» (рис. 3, 1). Поразительно, насколько точно мастер, изготавливавший бармицу, сумел подогнать изначально одинаковые по форме пластины к ее сложному вырезному краю. Для этого ему потребовалось разрезать прямоугольные пластины на несколько элементов и придать им необходимую форму, которая зависит от местоположения пластины в составе бармицы (рис. 3, 2). Пять полусферических заклепок сгруппированы в верхней части прямоугольных пластин в виде креста⁷. Благодаря тому, что пластина жестко фиксируется к органической основе лишь в своей верхней части, становится возможным наложить один край пластины поверх другого, т.е. создать двойной, а то и тройной слой брони. Средневековый мастер блестяще воспользовался этой возможностью. В результате прямоугольные пластины взаимно перекрывают друг друга на 1/3–1/2 своей плоскости. Пластины висят свободно, что делает всю конструкцию удивительно эластичной.

Всего в состав бармицы входят 23 целых пластины и их фрагмента. В их числе 14 пластин прямоугольной формы, 6 пластин с обрезанным верхним или нижним углом, 3 пластинки сложной вырезной формы. Размеры прямоугольных пластин и пластин с обрезанным верхним (нижним) углом: длина – 8,3–7,5 см, ширина – 7,2–6,7 см. Нижняя пластина в центральном ряду назатыльника имеет размеры 8,7 x 8,0 см.

Правый наушник состоит из 8 пластин. В передней (лицевой) части расположены 4 прямоугольные пластины, причем нижний ряд перекрывает верхний. В задней части наушника расположены две прямоугольные пластины: у верхней обрезан левый верхний угол, у нижней – левый нижний угол. Особенности оформления этих пластин обусловлены формой покроя наушника. Крайнее левое положение в наушнике занимает трапецевидная пластинка, снабженная 2 (изначально, вероятно, 3) заклепками. Ею подбита затылочная лопасть наушника. Еще одна мелкая трапецевидная пластинка расположена в нижней части наушника. Практически всю нижнюю часть наушника с внутренней стороны занимает кольчужный сегмент. Эластичная кольчужная броня позволяет свободно сгибать и разгибать нижнюю часть наушника, что играло важную роль в случае, если воин хотел затянуть их под подбородком.

Левый наушник составлен из 7 пластин. Конструкция его передней части (4 прямоугольные пластины) повторяет правый наушник. Задняя часть наушника, переходящая в длинную затылочную лопасть, состоит из 3 пластин. Две пластины, с обрезанным верхним и нижним углом, размещены практически друг над другом, причем нижняя (с обрезанным нижним углом) перекрывает верхнюю более чем на половину. Конец затылочной лопасти бронирован трапецевидной пластиной с 4 заклепками. Нижняя часть наушника покрыта кольчужным сегментом.

Назатыльник составлен из 8 пластин. Пластины расположены в три вертикальных ряда (3, 2 и 3 пластины соответственно) таким образом, что нижние перекрывают верхние, а пластины центрального ряда заходят на края пластин из боковых рядов. Нижние внешние углы нижних боковых пластин обрезаны почти по кромке внешнего органического покрытия. Характерно, что верхняя пластина в центральном ряду отсутствует, благодаря чему назатыльник свободно сгибается при поднятии лица вверх.

В рамках одной комбинированной бармицы совмещены две различные военно-культурные традиции: «западноазиатская» (кольчужный элемент на лицевой части шлема) и «центральноазиатская» (пластинчато-нашивные наушники и назатыльник).

Следов от кожаного или матерчатого подшлемника на внутренней поверхности шлема нами не зафиксировано. Следовательно, он надевался поверх мягкого головного убора. Представляется возможным реконструировать способы ношения данного боевого наголовья. В зависимости от

⁷ Ребристые пластины с бортиком и полусферическими заклепками, расположенными в виде геометрических фигур (крестов, ромбов, кругов и т.д.), использовались кочевниками Южной Сибири и Центральной Азии для бронирования пластинчато-нашивных панцирей в эпоху позднего средневековья и Нового времени. Близкие по конструкции и системе оформления панцирные пластины были обнаружены в Причулымье и Минусинской котловине. Панцирные сегменты, составленные из рельефных пластин с функционально-декоративной системой расположения заклепок, хранятся в фондах Оружейной Палаты Московского Кремля и в монастыре Дрепунг (Тибет). В обоих случаях они являлись частями панцирных комплексов, преподнесенных в дар московскому царю и тибетским ламам монгольскими феодалами [7, с. 369].

высоты шапки-подшлемника кольчужный элемент прикрывал лицо до середины или кончика носа, или до губ, а наушники и назатыльник (практически при любой разумной высоте подшлемника) полностью закрывали щеки, уши и шею воина (кроме горла).

Скорее всего, данный шлем входил в состав комплекса вооружения татарских воинов Западной Сибири XVII в. Однако не стоит исключать, что наголовье было подарено князьям Кульмаметьевым ойратскими тайшами. Вместе с этим шлемом в Тобольский музей Кульмаметьевыми были переданы и два сфероцилиндрических ойратских шлема конца XVI – XVII вв.⁸ На возможность использования ойратскими воинами XVIII в. полусферических цельнокованых шлемов с кольчужными бармицами, прикрывающими верхнюю часть лица, указывал П.С.Паллас: «Совершенное ополчение состоит из круглого шишака, от которого вокруг шеи до самых плеч, а спереди до бровей весит железная сетка» [17, с. 478].

Шлем 2 (ТМ №5422). Сфероконический цельнокованый шлем с украшенной чеканкой латунной пластиной наверху (см. на цв. вклейке рис. 5–7).

Второй шлем из ТГИАМЗ (ТМ №5422) отличается от первого формой тульи и особенностями декоративного оформления. По материалу изготовления он также относится к классу железных, по конструкции купола к отделу цельнокованых, по форме тульи к типу сфероконических. На основании наличия специфических элементов оформления представляется возможным выделить его в отдельный вариант.

Высота тульи шлема – 16 см, диаметр лобно-затылочный – 22 см, височный – 21,7 см (см. на цв. вклейке рис. 5). Характерным элементом оформления шлема является низкая сфероконическая (почти полусферическая) цельнокованая тулья. В верхней части купола проделано сквозное отверстие квадратной формы (см. на цв. вклейке рис. 6). Судя по особенностям выполнения, оно служило для крепления трубки-втулки с плюмажом или пиковидного наверху переднеазиатского типа. Тулья шлема снабжена отверстиями для крепления кольчатой, пластинчато-нашивной или «мягкой» (стеганой на вате) бармицы. Судя по наметкам, сделанным мастером (см. на цв. вклейке рис. 5), она должна была иметь сегмент для прикрытия верхней части лица (всего 23 отверстия), однако, в конечном счете, оружейник остановился на бармице «открытого типа» (14 отверстий). Такая бармица закрывала затылок, шею и уши воина. Ряд отверстий несколько крупнее остальных. Возможно, они служили для крепления наушей или фиксации подшлемника.

Латунная пластина наверху изготовлена в виде выпуклого прорезного диска, сплошь покрытого узором в виде растительного орнамента, выполненного методом чеканки и гравировки (см. на цв. вклейке рис. 6–7). Узор поделен на четыре основных яруса. Нижний, представляет собой цепь 8-образных «медальонов», украшенных изображением парных распутившихся цветков. Второй ярус выполнен в виде ромбовидных картушей, в каждый из которых помещено изображение обращенных вверх трехлепестковых бутонов. Наконец, третий (верхний) ярус выполнен в виде ряда сплетенных между собой обращенных вниз трехлепестковых бутонов. Пространство внутри «медальонов» и « картушей » заполнено точечным орнаментом. Еще одной разновидностью украшения пластины наверху являются фигурные и округлые вырезы. Поле пластины между нижним и центральным ярусом занято прорезными трехлепестковыми бутонами. Округлые отверстия в нижней части шлема сгруппированы по три. В верхней части они образуют сплошную цепь, опоясывающую пластину по периметру (см. на цв. вклейке рис. 6–7).

Не очень понятен принцип крепления пластины наверху к куполу шлема. В настоящее время на поверхности пластины фиксируются четыре симметрично расположенных декоративных заклепки, однако соответствующие им отверстия на тулье отсутствуют. Возможно, что в качестве фиксатора служила несохранившаяся втулка с подвершием. Такой способ крепления встречается на некоторых переднеазиатских шлемах позднего Средневековья и Нового времени. В пользу данного предположения свидетельствуют обломанные края зубцов в центральной части пластины наверху (см. на цв. вклейке рис. 6–7).

Цельнокованные наголовья подобной формы в позднем средневековье имели широкое распространение среди русских, западноазиатских (османских, иранских) и среднеазиатских воинов. Орнамент на пластине наверху имеет аналоги в передне- и среднеазиатских материалах. Учитывая место находки (район Истяцких юрт, Тюменская область), можно полагать, что наголовье на-

⁸ Возможно, трехчастная пластинчато-нашивная бармица первоначально была подвешена к одному из них: от бармицы сохранились пропущенные в отверстия соединительные ремешки и куски матерчатой основы характерного «холодного» зеленого цвета.

ходило на вооружении татар Западной Сибири. Судя по особенностям оформления тульи и пластины наверхшия, шлем был изготовлен среднеазиатскими или местными оружейниками в XVII в. Но нельзя полностью исключать и тот вариант, что купол шлема был изготовлен русскими мастерами, а затем попал в руки сибирских татар, которые и снабдили его характерным наверхшием. Судя по материалам ТГИАМЗ, практика использования таких «симбиотических» шлемов, сочетающих в себе элементы нескольких наголовий, имела известное распространение у знати сибирских татар в XVII в [7, с. 466; 3, с. 252].

Кольчатые панцири⁹ из ТГИАМЗ скроены в виде «рубahi» с короткими рукавами, подолом и нагрудным разрезом. Основные различия заключаются в наличии дополнительных деталей и элементов покроя.

Кольчатый панцирь 1. Кольчатый панцирь, скроенный в виде рубahi с нагрудным разрезом и двойным подполком с треугольной лопастью, рукавами до локтя или до середины предплечья, коротким подолом с осевыми разрезами на передней и задней части (см. на цв. вклейке рис. 9).

Панцирь состоит из двух видов округлых и уплощенных в сечении колец: клепаных и сварных. Из самых массивных и больших колец (диаметр – 0,9 см) связана нагрудная часть панциря. Рукава связаны из колец диаметром 0,7 см, а подол – 0,7–0,8 см. Общая длина панциря – 62 см. Ширина в плечах с рукавами – 98,5 см (в том числе длина правого рукава – 22 см, левого – 23,5 см, ширина пройм рукавов – 18 см). Ширина в нагрудной части – 53 см, в подоле – 55 см. Нагрудный разрез глубиной 16 см. Обе полы разреза имеют широкий подполлок. Правая пола снабжена треугольной лопастью, к которой крепилась застежка. В застегнутом положении правая пола целиком закрывает левую, образуя на нагрудной части панциря двойной слой кольчатой брони. Характерной чертой покроя кольчуги является большой (длина – 21 см) арочный разрез на передней части подола. Разрез на задней части подола значительно короче и уже составляет 11 см. Осевые разрезы служили для повышения эластичности панциря. Подол имеет незначительные разрывы кольчужного полотна.

Кольчуги с нагрудным разрезом с подполком, рукавами до локтя или середины предплечья, с коротким подолом являются характерным видом покроя кольчатых панцирей эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. В XVI–XVII вв. их применяли на огромных пространствах Евразии от Северной Африки до Китая. Небольшой размер колец (менее 1 см в диаметре) в наибольшей степени характерен для среднеазиатских кольчуг XVI–XVIII вв. Двойной подполлок встречается как на русских, так и на восточных кольчатых панцирях. Правый запах нагрудного разреза (правая пола поверх левой) характерен для русских кольчатых панцирей XVI–XVII вв. [9, с. 67, 78], но также встречается и на восточных кольчугах (от Турции до Монголии и Индии). Треугольная лопасть на правом подполке и глубокие арочные разрезы на подоле наиболее часто фиксируются на кольчугах Средней и Центральной Азии. Таким образом, кольчатый панцирь может быть датирован XVI–XVII вв. Судя по особенностям оформления, он был изготовлен русскими, сибирскими или среднеазиатскими мастерами.

Кольчатый панцирь 2. Кольчатый панцирь, скроенный в виде рубahi с нагрудным разрезом и подполком, короткими рукавами, четырьмя подольными разрезами (см. на цв. вклейке рис. 10).

Панцирь состоит из двух видов округлых и уплощенных в сечении колец: клепаных и сварных. Использован принцип «одинарного» плетения – в каждое кольцо вставлено 4 соседних. Общая длина панциря – 77 см. Ширина в плечах с рукавами – 75 см (в том числе длина рукавов – 13 см, ширина пройм рукавов – 22 см). Ширина в нагрудной части – 49 см, в подоле – 40 см. Нагрудный разрез глубиной 10 см снабжен неглубоким подполком и застегивается справа налево. Отличительной чертой оформления панциря является четыре разреза по одному на передней, задней и боковых частях подола. На наш взгляд, подобное конструктивное решение было вызвано желанием повысить эластичность панциря и облегчить процесс его одевания, который осложнен малой шириной самого подола.

Панцири данного типа покроя характерны для комплекса защитного вооружения русских служилых людей XVI–XVII вв. Можно полагать, что авторами панциря были русские оружейники. В противном случае, он был изготовлен татарскими или среднеазиатскими мастерами.

⁹ Здесь и далее под «панцирем» мы понимаем корпусный доспех вообще. Кольчатые доспехи, в которых кольца соединены шипом именуются «пансырями».

Кольчатый панцирь 3 («байдана»). Кольчатый панцирь из плоских колец, скроенный в виде рубахи с нагрудным разрезом и широким прямоугольным подполком, рукавами до локтя или середины предплечья, тремя подольными разрезами (см. на цв. вклейке рис. 11).

В отличие от других кольчатых панцирей из ТГИАМЗ данный экземпляр сплетен преимущественно из плоских железных колец, что позволяет отнести его к категории «байдан» или «полубайдан». Последние плелись из более узких колец [9, с. 95], либо сочетали в одном доспехе плоские и уплощенные кольца. Мастером, изготовившим панцирь, использован принцип «одинарного» плетения – в каждое кольцо вставлено 4 соседних. Общая длина панциря – 69 см. Ширина в плечах с рукавами – 86 см (в том числе длина правого рукава – 26 см, левого – 25 см, ширина пройм рукавов – 23 см). Ширина в нагрудной части – 35 см, в подоле – 40 см. Панцирь выделяется большим прямоугольным воротом. Нагрудный разрез глубиной 9 см снабжен двойным подполком и застегивается справа налево. Верхний правый подполлок снабжен широкой прямоугольной лопастью шириной 15 см. Подол панциря снабжен неглубокими передним и боковыми разрезами. Байдана имеет многочисленные разрывы на наспинной части, по бокам и на подоле.

В русском комплексе вооружения «байданы» и «полубайданы» встречаются достаточно редко. В целом, они более характерны для паноплии народов Средней Азии. Судя по особенностям оформления, данный панцирь был изготовлен сибирскими или среднеазиатскими мастерами XVI–XVII вв.

Кольчатый панцирь 4. Кольчатый панцирь, скроенный в виде рубахи со стоячим воротником, нагрудным разрезом, рукавами до локтя или до середины предплечья, коротким подолом без разреза (см. на цв. вклейке рис. 12).

Панцирь состоит из двух видов округлых в сечении колец: клепаных и сварных. Общая длина панциря – 65 см. Ширина в плечах с рукавами – 95 см. (в том числе длина правого рукава – 17 см, левого – 22 см). Ширина в нагрудной части – 56 см, в подоле – 71 см. Прямой нагрудный разрез глубиной 20 см стягивался кожаными ремешками. Подол не имеет переднего разреза. Эластичность панциря достигается за счет ширины и небольшой длины самого подола. Наиболее ярким элементом оформления панциря является стоячий кольчужный воротник. Вертикальное положение воротнику обеспечивают кожаные ремешки, продетые сквозь четыре ряда кольчужных колец. По всей видимости, воротник стягивался и фиксировался завязками, пришитыми к ремешкам воротника.

Кольчатые панцири данного типа покроя, без разрезов на подоле и со стоячим воротником получили распространение в Евразии во второй половине XVI – XVIII в. Встречаются они и в русских материалах, однако наиболее часто их применяли воины Средней Азии. Судя по особенностям оформления колец, представляется возможным датировать данный панцирь второй половиной XVI – XVII вв. Он был изготовлен среднеазиатскими, сибирскими или русскими мастерами данного периода.

Кольчатый панцирь 5. Кольчатый панцирь, скроенный в виде рубахи со стоячим воротником, нагрудным разрезом, рукавами до локтя или до середины предплечья, коротким подолом без разреза (см. на цв. вклейке рис. 13).

Панцирь состоит из двух видов округлых в сечении колец: клепаных и сварных. Общая длина панциря – 74 см. Ширина в плечах с рукавами – 95 см (в том числе длина правого рукава – 23 см, левого – 22 см). Ширина в нагрудной части – 50 см. Прямой нагрудный разрез глубиной 20 см стягивался кожаными ремешками. Подол не имеет переднего разреза. Эластичность панциря достигается за счет ширины и небольшой длины самого подола. Как и в предыдущем случае, панцирь снабжен стоячим кольчужным воротником. Однако его форма несколько отличается от описанного выше аналога. Левый край воротника значительно длиннее правого. В застегнутом положении он прикрывал не только шею, но и горло воина и застегивался с правой лопастью воротника под правой скулой хозяина кольчуги. К сожалению, кожаные ремешки воротника сохранились фрагментарно. По всей видимости, воротник стягивался и фиксировался завязками, пришитыми к ремешкам воротника.

Судя по особенностям оформления колец и специфике покроя, данный панцирь был изготовлен среднеазиатскими, сибирскими или русскими мастерами второй половины XVI – XVII вв.

В целом, панцири из ТГИАМЗ хорошо вписываются в общую линию развития западноазиатского кольчатого доспеха периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. В то же время в их покрое встречаются элементы оформления, которые относительно редко встречаются

на других территориях – широкие двойные и одинарные подполки треугольной и прямоугольной формы, стоячие воротники с боковым разрезом и др.

Комплексный анализ вещественных, изобразительных, письменных и фольклорных источников свидетельствует о том, что защитное вооружение играло значительную роль в военном искусстве сибирских татар последней трети XVI – XVII вв. Металлические панцири ввозились с территории Средней Азии. С момента включения Западной Сибири в состав Российского государства и начала ойратской экспансии на запад в комплексе защитного вооружения сибирских татар возросла роль русского и центральноазиатского импорта. Важную роль в обеспечении татарских воинов панцирями играли оружейные производства самого Сибирского юрта. Основными потребителями защитного вооружения в армиях Кучума были представители татарской и остяцкой знати, их приближенные и дружинники, а также состоятельные ополченцы. Панцирная конница сибирских татар, способная вести ближний бой с использованием ударных копий, палашей и сабель, являлась ядром вооруженных сил Сибирского ханства последней трети XVI в. После завоевания Сибири русскими общая численность татарских отрядов резко сократилась (за счет отказа царской администрации от практики созыва массовых народных ополчений), однако пропорциональная численность панцирников в боевых отрядах возросла. Последнее стало возможным благодаря тому, что к военной службе российские власти привлекали военную элиту бывшего Сибирского ханства – татарских «мурз и мурзичей», а также дружины кодских князей, которые были включены в состав «служилых юртовских татар» и «служилых хантов» соответственно.

По своему составу комплекс защитного вооружения сибирских татар последней трети XVI – XVII вв. относится к числу симбиотических. В нем сочетались элементы вооружения, характерные для западноазиатской и центральноазиатской военно-культурных традиций (ВКТ). В период позднего Средневековья ядром западноазиатской военно-культурной традиции были Османская Турция и Иран, однако к концу XVI в. она распространилась также в Северной Африке, Восточной Европе, Дашт-и-Кыпчак и Мавераннахре [4, с. 40, 41]. Отличительными чертами Западноазиатской военно-культурной традиции являлось преобладание кольчатых и кольчато-пластинчатых корпусных панцирей, цельнокованых шлемов, створчатых наручей и щитов (в том числе металлических). Все эти элементы мы встречаем в комплексе защитного вооружения сибирских татар рассматриваемого периода. Ретрансляторами западноазиатской военно-культурной традиции в Западную Сибирь выступали народы Средней Азии и русские служилые люди. Характерными чертами панцирных комплексов центральноазиатской военно-культурной традиции было преобладание пластинчатонашивных доспехов бронированных железными пластинами («куяки») и клепаных из 4–8 пластин шлемов с козырьками, пластинчато-нашивными или «мягкими» (стегаными на вате) бармицами. Эти элементы также фиксируются на материалах Западной Сибири. Ретрансляторами центральноазиатского защитного вооружения в регион были ойраты и народы Южной Сибири. На территории Западной Сибири преобладающее положение занимала западноазиатская военно-культурная традиция, что было обусловлено высокими защитными свойствами составляющих ее доспехов, их массовым производством в России и Мавераннахре, высокой адаптивностью к военным реалиям региона, а также все возрастающим военно-политическим влиянием «бухарцев», а затем русских в Западной Сибири. Преобладание западноазиатской ВКТ выразилось не только в импорте кольчатых панцирей из-за границы, но и в организации их производства в самом Сибирском юрте. Комплексный анализ источников позволяет утверждать, что в конце XVI – XVII вв. «кольчуги» и «пансыри» преобладали в войсках сибирских татар и остяков над «куяками». Однако чем дальше на восток, тем более заметным становилось влияние центральноазиатской ВКТ. В первой половине XVII в. она явно доминировала и в Телеутском улусе и в княжествах енисейских кыргызов.

Роль защитного вооружения в воинских отрядах Западной Сибири стала снижаться со второй половины XVII в. Это было обусловлено действием нескольких факторов: прекращением фазы активных боевых действий на территории бывшего Сибирского юрта, царским мораторием на поставку в Сибирь доспехов из других государств, постепенным сворачиванием традиционных панцирных производств в самой Московии, массовой скупкой сибирских панцирей и переправкой их в европейскую часть России, а также ростом значения огнестрельного оружия в военном искусстве народов Евразии. В результате, в XVIII в. панцири вышли из широкого военного обихода народов Западной Сибири. Однако их южные и восточные соседи продолжали применять защитное вооружение на протяжении всего XVIII в. (ойраты) и даже позднее, вплоть до середины XIX в. (казахи, узбеки).

1. Акты исторические, собранные и изданные археологической комиссией. Т. 4 (1645–1676). – СПб., 1842.
2. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири XVI–XVII вв. – М., 1955.
3. Бобров Л.А. «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Новосибирск: НГУ, 2009. – С. 251–254.
4. Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV – XIX вв. // Автореферат дис. ... докт. истор. наук. – Барнаул, 2011. – 54 с.
5. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учебное пособие. – Новосибирск: НГУ, 2010. – 288 с.
6. Бобров Л.А., Пастухов А.М. Ойратская артиллерия XVII–XVIII вв.: вопросы происхождения, конструкции и боевого применения // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 2007. – С. 170–247.
7. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 770 с.
8. Вершинин Е.В. Неверность «бродячих царевичей». Зауральское степное пограничье в XVII в. // Родина, 1998. №8. – С. 60–63.
9. Гордеев Н.В. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля / Под ред. С.К.Богоявленского: Сб. науч. тр. – М., 1954. – С. 61–114.
10. Зыков А.П., Манькова И.Л. «Шлем Илигея»- реликвия Далматовского Успенского монастыря // История церкви: изучение и преподавание. Материалы научной конференции, посвященной 2000-летию христианства. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун., 1999. – С. 110–116.
11. История Казахстана в русских источниках. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII вв. о народах Казахстана. Т. II. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 445 с.
12. Коников Б.А., Худяков Ю.С. Наконечники стрел из Искера // Военное дело древних и средневековых племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 184–188.
13. Крижанич Ю. Политика. – М.: Наука, 1965. – 587 с.
14. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата, 1969. – 570 с.
15. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.
16. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. – Новосибирск: Наука, 1988. – 220 с.
17. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768–1769 гг. Ч. I. – СПб., 1809. – 785 с.
18. Парунин А.В. Дипломатические контакты Московского великого княжества и Тюменского ханства в 1480-е – начало 1490-х гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 2. – Казань: Ихлас, 2010. – С. 266–274.
19. Парунин А.В. Походы сибирских Шибанидов на Казань в конце XV в. // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. – Астрахань: Астраханский университет, 2011. – С. 102–109.
20. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань: Александрия, 2008. – 688 с.
21. Синяев В.С. Окончательный разгром Кучума на р. Оби в 1598 г. // Вопросы географии Сибири. Вып. 2. – Томск, 1951. – С. 141–156.
22. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск: Наука, 1982. – 220 с.
23. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М.: АСТ МОСКВА, 2006. – 445 с.
24. Троицкая Т.Н., Соболев В.И. Наш край в древности и в Средневековье. – Новосибирск, 1996.
25. Худяков Ю.С. Хан Кучум и его воины // Родина. № 5. 2000. – С. 72–75.
26. Худяков Ю.С. Военное дело Сибирского ханства в позднем Средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник НГУ. История, филология. Т. 6. Вып. 3. – 2007. – С. 238–254.
27. Karutz R. Die Volker Nord- und Mittelasiens. – Stuttgart, 1925. – 340 p.

Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV веках: традиции имперской культуры*

Задача настоящей статьи – дать общий очерк таких определяющих элементов единого стиля жизни монголов XIII–XIV вв., как костюм и вооружение, введя в научный обиход новые материалы и выводы, которые бы дополнили и уточнили материалы прежних наших работ на данную тематику [12; 13], поэтому нам придется по необходимости привести здесь некоторые общие выводы упомянутых работ.

Но прежде всего надо оговорить, чей костюм и вооружение нас интересуют, поскольку сам термин «монголы» претерпел на протяжении одного только XIII в. разительные изменения.

В XI–XII вв. монголами называлась небольшая группа племен севера центральной и частично Восточной Монголии. Когда Чингизхан был объявлен кааном (каганом), это название прилагалось уже ко всем монгольязычным и монголизирующимся тюркским племенам Центральной Азии, обозначая государственный этнос. Однако практически в процессе его сложения завоевательная политика Чингизхана и его преемников привела к созданию гигантской полиэтнической империи, в которой представители монгольского государственного этноса (не говоря уже о членах раннемонгольских племен) составляли абсолютное меньшинство.

Тем не менее, судя по источникам, складывался некий имперский «суперэтнос», который тоже носил название «монголы». Как писал Рашид ад-Дин: «...не столь давно получили имя монголов...кeraиты, найманы, онгуты, тангуты, меркиты, киргизы» [31, с. 77] (т.е. племена уровня государственного монгольского этноса), «...ныне дошло до того, что монголами называют народы Китая и Джурджэ, нангясов, уйгуров, кыпчаков, туркмен, карлуков, калачей, всех пленных и таджикские народности, которые выросли в среде монголов. И эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами» (31, с. 103) (народы и племена уровня имперского «суперэтноса»).

Империя Чингизидов стала распадаться в 60-х гг. XIII в. – сразу вслед за достижением максимального масштаба, но процесс сложения имперского «суперэтноса» тогда еще продолжался. Во время создания Рашид ад-Дином его труда (начало XIV в.) монгольский суперэтнос, судя по его словам, еще существовал. Тем не менее распад был не за горами, и после 30-х гг. XIV в. его можно считать состоявшимся. Все же мы не считаем возможным назвать монголами на имперском уровне весь описанный Рашид ад-Дином конгломерат племен и народов. Можно полагать, что «имперскими монголами» можно называть людей монгольского, тюркского и тангутского происхождения, входивших в социально высокие слои монгольской администрации, прежде всего военной; разумеется, входивших в монгольскую и тюркскую племенную систему (так и не сломенную реформами Чингиз-хана); людей, имевших базовым языком монгольский или тюркский и владевших обоими; людей, воспринявших прическу и костюм монголов. И надо полагать, что таких людей в первой половине XIV в. было уже немало, во всяком случае они уже далеко не были абсолютным меньшинством.

И даже если «земля брала свое», как писал ал-Омари о кыпчаках, ассимилировавших лингвистически и физически монголов [35, с. 235], и монголы переходили на другой, обычно тюркский, язык, как это было в Золотой Орде, Иране, Чжагатайском улусе, то новая, складывавшаяся и сложившаяся система монгольской имперской культуры делала «монголом» или «татаринном» бывшего кыпчака, карлука, тангута или кыргыза.

Характерно, что общеимперская культура особенно ярко проявлялась в области репрезентативной культуры, куда входили такие отличительные, визуально сразу воспринимаемые признаки его носителя, как одежда, прическа, комплекс вооружения, украшения и система декора всех описанных категорий «внешней культуры». Критерием же того, насколько сложившейся была культура, в данном случае империи чингизидов, служит распространение на всей гигантской территории – от Маньчжурии до Молдавии – единой системы всех перечисленных выше признаков, и

---

* Статья написана в 1987–1989 годах, опубликована в сборнике «Золотоордынское наследие». Вып. 1. – Казань, 2009. Печатается с незначительными изменениями.

особенно таких этно- и культурно маркирующих, как костюм с его декором и всеми элементами, прическа, и в меньшей мере – оружие, особенно наступательное.

Прежде чем описывать и анализировать интересующие нас элементы материальной, культуры, следует сказать об источниках. К настоящему времени это очень широкий круг обильного материала, распадающегося на три категории: вещественные, т.е. подлинные костюмы и предметы вооружения, их отдельные детали и остатки, происходящие из раскопок и хранящиеся в музейных коллекциях; изобразительные и письменные источники.

Что касается археологических источников, то в настоящее время накопился значительный материал – остатки и даже целиком сохранившиеся образцы одежды, обнаруженные на территории современных России, КНР [14; 18, № 107] и Казахстана [25; 1, с. 124, 3, 4, с. 125, 5, 6], причем до нас дошли полные комплекты совершенно целых одежд. Гораздо чаще сохраняется металлический набор поясов, украшения. То же можно сказать и о многочисленных находках оружия, хотя с ним и сложностей больше: железо сохраняется хуже благородных металлов и бронзы, а стремительность распространения, частота заимствования типов и предметов вооружения создают трудности в выделении собственно монгольского комплекса (на имперском уровне). Тем не менее находки последних лет археологических комплексов – захоронений с оружием и монетами позволили уточнить и этот вопрос.

С письменными источниками дело обстоит более или менее благополучно: мы имеем обстоятельные и достаточно подробные описания очевидцев: европейцев – Дж.Плано Карпини, Г.Рубрика, Марко Поло, а также китайских авторов. К сожалению, пока нет перевода разделов «Юань ши» (официальной истории Юань – монгольской династии Китая), трактующих о костюмах и вооружении. Огромная ценность этих текстов очевидна. Наконец, прекрасную (хотя и не систематическую) информацию дает собственно монгольский памятник – «Сокровенное сказание».

Обратимся к изобразительным источникам. Костюм и вооружение монголов нашли широкое отражение в китайской станковой и настенной живописи, монгольской монументальной скульптуре, иранской миниатюре. Это основные массивы памятников. Менее объемны (хотя и не менее информативны) китайская погребальная пластика – настенные рельефы и скульптурки «сопровождающих», китайская гравюра, восточно-туркестанская настенная живопись храмов, иранская керамика, восточнокавказские каменные рельефы, ближневосточный инкрустированный металл. Однако не из всех памятников с определенностью явствует, что тут мы имеем изображение монголов.

Совершенно определенно монголы изображены в погребениях монгольской знати Китая (табл. II, 4, 9) [15, табл. 95; 34; 37], в виде донаторов на фресках пещеры № 134 в Дуньхуане, о чем говорят подписи [27, табл. 16], на официальных портретах юаньских императоров и императриц, хранящиеся в музее Гугун в Тайбее в произведениях китайской станковой живописи, в большинстве случаев изображающих монголов, в том числе и ханов, во время охоты (табл. I, 1–3, 7, 8, 12; табл. IV, 1–10) и, наконец, открытая в последнее время монументальная монгольская скульптура [2; 3; 5]. Это – большой и надежный эталонный материал, тем более ценный, что для китайской живописи характерен тщательный натурализм в передаче реалий, который диктовался жанром гробничной росписи и «жанрово-официальной», «жанрово-этнографической» или «официозно-парадной портретной» живописи. Такая же тщательность в передаче реалий характерна и для монгольской монументальной скульптуры, унаследовавшей это свойство из всей традиции степной монументальной пластики.

Столь же точны в передаче реалий настенные росписи буддийских пещерных монастырей и храмов в Восточном Туркестане и в Дуньхуане: на них заказчики-донаторы должны были быть узнаваемы, а репрезентативно-маркирующую роль в средневековом искусстве играет отнюдь не индивидуальность лица, а прическа, костюм, аксессуары. Эту же роль играли и надписи, сопровождающие изображения.

Особую категорию составляют памятники иранской миниатюрной живописи. Для нас особую ценность представляют миниатюры, выполненные в придворных мастерских ильханов – монгольских правителей Ирана и Ирака в их столицах – Тебризе и Багдаде в конце XIII – первой трети XIV вв. На них широко представлены костюм и вооружение монголов, обычно резко отличающиеся от реалий местных, мусульманских. Причем монгольские реалии используются при изображении любых сюжетов, кроме сюжетов из «священной истории», изображающих истории из жизни пророков, особенно «последнего и истинного» – Мухаммеда. В этих случаях персонажи всегда облачены в передневносточный костюм домонгольской поры.

Самый важный в данном случае результат, полученный автором в его предыдущих работах [9; 10; 11; 13] – вычленение из массива изображений на иранских миниатюрах персонажей в монгольских костюмах и оружии, и корректировка иранских изобразительных памятников с китайскими и центральноазиатскими, особенно с «эталонными» изображениями монголов. В данной статье мы попробуем расширить круг корреляций за счет изображений более поздних – второй половины XIV – первой трети XV вв., а также за счет изображений немонголов, облаченных в монгольский костюм или его элементы. Здесь же отметим наиболее яркие заимствования в костюме и вооружении монголов из культур других народов.

На оружии мы здесь остановимся коротко, так как вооружение сравнительно подробно исследовано нами в других работах. Здесь мы осветим комплекс личного вооружения монгольского воина по данным изобразительных источников.

Защитное вооружение монголов представлено панцирями, щитами, шлемами. Наручи и пояса, надо полагать, заимствованы в Китае, Восточном Туркестане и Средней Азии, усвоены монголами и принесены ими на запад, в Европу.

Монгольские панцири имели два основных покроя: «корсет-кираса» – нагрудная и наспинная части соединяются застежками на боках и лямками на плечах, к лямкам могут прикрепляться прямоугольные лопастевидные оплечья, к подолу – лопастевидные прямоугольные надбедренники (табл. I, 1, 5); «кафтан» или «халат» – со сплошным осевым разрезом спереди, и осевым же разрезом от подola до крестца сзади, с оплечьями-лопастями в форме прямоугольника или вырезного листа (табл. I, 2, 4, 6). Панцири покроя «кафтан» или «халат» были длинными – до колен или середины голени, либо короткие – до середины бедренной кости.

Панцири изготовлялись из твердых – железа, стали, реже бронзы, а также из толстой твердой кожи, и мягких – мягкой кожи, войлока, толстой ткани, прокладок из волоса и шерсти, – материалов.

Броня панцирей из твердых материалов делалась двумя основными методами – ламеллярным и ламинарным.

Ламеллярная броня представляет собой набор небольших пластинок с системой отверстий, через которые продеваются ремешки, соединяющие пластинки в ленты, а ленты в крупные детали панциря (табл. I, 1, 2, 5–7).

Ламинарная же броня представляет собой длинные, горизонтально расположенные полосы, соединенные ремешками в крупные детали доспеха. Нередко в монгольских панцирях ламинарные и ламеллярные полосы располагались попеременно, либо, чаще, ламинарные полосы служили каймами на подоле и наплечьях ламеллярных доспехов (табл. I, 5–7). Все разновидности панцирей из твердых материалов по монгольски назывались «хуяг».

Интересен еще один вид панциря, в котором сочетались твердые и мягкие материалы (табл. I, 3): он представлял собой «хатангу дегель», к мягкой основе которого приклепаны и пришиты с изнанки крупные прямоугольные пластины металла или твердой толстой кожи, так что на наружно поверхности панциря были видны только головки заклепок. Доспех этот был изобретен в Китае в качестве нарядного панциря телохранителей императора в эпоху Тан, был усвоен в Центральной Азии и принесен монголами на Запад, в Европу, где его называли – в Западной Европе – «бригандина», в Германии – «як», на Руси – «куяк».

И «хуяг», и «хатангу дегель» были известны в Центральной, Северной и Восточной Азии, в частности, на территории Монголии задолго до эпохи Чингиз-хана, и монголы унаследовали старую и развитую местную традицию.

Шлемы монголов были чрезвычайно разнообразны. Но основными «монгольскими», т.е. центральноазиатскими, восточноазиатскими и собственно монгольскими, признаками были навершие в виде толстых загнутых назад конусов или в виде длинных штырей, колечко, венчающее навершие, козырьки, налобные пластины, часто с трезубым верхним краем или с вогнутым верхним краем, науши и своеобразные забрала из перекрещенных железных прутьев.

Деталью монгольского доспеха часто являются защитные ожерелья из расписной кожи (табл. I, 2, 4, 5). Подобные ожерелья были популярны от Китая до Ближнего Востока еще в предмонгольское время.

Щиты монголов были в подавляющем большинстве круглыми, небольшими. Делались они из прутьев, гибких и длинных, уложенных по спирали и соединенных разноцветными шерстяными или шелковыми нитями, образующими узор; монгольское название для щита – «халха» как

раз и связано с глаголом «халхасун» – сплестать из прутьев. Кроме того, они делались из досок, обтянутых расписной твердой толстой кожей (табл. I, 1, 4). И наружная, и внутренняя поверхность щитов расписывалась характерным монгольским орнаментом, известным по археологическим находкам монгольского прикладного искусства, в частности резьбе по кости. Щиты усиливались круглыми выпуклыми металлическими умбонами с крестообразной накладкой (табл. I, 1, 4), а также сегментами железа, расположенными крестообразно (табл. I, 2). Ручка щита представляла собой две мягкие петли, расположенные рядом так, что их обе держали кистью руки.

Кроме круглых, монголы использовали большие станковые прямоугольные щиты из прутьев, жердей, досок – «чапары», из которых делали полевые передвижные укрепления, или применяли при осаде городов.

Явным заимствованием являются каплевидные щиты в руках монгольских воинов (табл. I, 6). В XII – 1-й половине XIII вв. щиты этой формы были распространены от Египта и Англии до Руси и Ирана. Представленный на миниатюре щит больше всего схож со щитами, изображенными на одной английской миниатюре середины XII в. [48, р. 220, В 32] и на рельефе, изображающем Св. Георгия на Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском, около 1234 г. [16, табл. VIII]. Интересно, что в монгольском щите европейский геральдический лев заменен привычным для монголов тигром. Тем не менее источник заимствования определить не так просто, так как и каплевидные щиты, и геральдические хищники на них известны и на Переднем Востоке – у воинов государств крестоносцев, в сельджукидской Малой Азии, да и в самом Иране или киликийской Армении.

Если защитное вооружение, особенно панцири/шлемы, использовалось монголами в очень широком масштабе, как об этом свидетельствуют письменные источники [13, с 170–171] и иранские миниатюры, на которых практически все воины в сценах сражений показаны вооруженными в доспехи (что, конечно, является образным преувеличением, но в какой-то мере отражает и действительную ситуацию), то конский доспех применялся гораздо реже, для защиты коней лишь знатных воинов.

Конский доспех монголов, состоящий из маски, двухчастного нашейника, нагрудника, двух боковин и накрупника, изготовлявшихся из железа или твердой толстой кожи ламеллярным или ламинарным способом, был продолжением, развитием давней центрально- и восточноазиатской традиции. На Переднем и Среднем Востоке монголы заимствовали конские панцири в виде попон из кольчуги или многослойной ткани или войлока, иногда усиленных металлическими бляхами [13, рис. 13].

Центральноазиатский монгольский конский доспех лег в основу развития конского доспеха практически на всем Востоке. В Центральной и Западной Европе, где конские доспехи передневносточного образца использовались уже незадолго до монгольских завоевателей, развитие конского доспеха пошло своеобразным путем, на основе и передневносточных, и центральноазиатских принципов. Но само резкое усиление, утяжеление конского (как и человеческого) доспеха в Европе было следствием «знакомства» с монгольским доспехом. На Руси, где конский доспех не применялся до XVII в., монгольский конский доспех вызвал попытку его точного воспроизведения и применения в дружине Даниила Галицкого [38, с. 167]. После этого конский доспех в русских источниках до XVII в. более не встречается.

Наступательное вооружение монголов состояло из лука со стрелами, копий, мечей и сабель, боевых ножей, топоров, булав и кистеней.

Излюбленным оружием монголов было оружие дальнего боя – лук со стрелами. Судя по изображениям, у монголов бытовало два основных типа луков (оба были сложносоставными рефлексимирующими): «восточноазиатско-центральноазиатского» типа, с прямой рукоятью, округлыми выступающими плечами, длинными прямыми или чуть изогнутыми рогами, большемерные – 120–150 см длиной (табл. I, 4; табл. II, 3, 12; табл. III, 10, 26, 30), и «ближневосточного» – более короткие – 80–100 см длиной, со слабо или совсем не выступающими, очень крутыми и округлыми плечами и довольно короткими рогами, слабо или сильно изогнутыми (табл. I, 8, 9; табл. II, 8; табл. III, 9). На изображениях нередко тщательно показаны костяные и роговые накладки на рукоятках и рогах, находящие точное соответствие в археологическом материале, берестяная оклейка плечей, слоистость кибиты. Лук носился в налучье, носимом с левой стороны.

На изображениях налучья показаны сделанными чаще всего из мягкой кожи, обычно черного цвета, украшенными вышитыми каймами и узорами – роговидными монгольскими и китаизированными – цветами, драконами, животными (табл. I, 4, 9; табл. II, 1); на китайских изображениях

монгольские налучья бывают украшены полукругами и полурозетками (табл. II, 3, 8), на них же мы видим налучья, сшитые из шкуры (табл. II, 12).

Стрелы монголов на иранских миниатюрах показаны с ромбическими (табл. I, 9) и особенно часто с кунжутolistными наконечниками (табл. III, 26). Последние особенно характерны для археологического материала монгольской поры в Евразии.

Монголы употребляли два типа колчанов: первый тип – колчан в виде длинного, расширяющегося книзу узкого пенала полуовального сечения, с «щекой» у устья, обрамленной сверху и с боков бортиками, и крышкой спереди обычно с округлым веерообразным верхом, так что этот тип колчана полностью закрывал стрелы. Они располагались в нем оперением вниз, сам колчан подвешивался справа в диагональном положении устьем вверх вперед (табл. I, 1–3, 7, 9; табл. II, 1).

Второй тип колчана представлял собой плоский прямоугольник с двумя более или менее вырванными боковыми выступами – у устья и где-то в середине: в них делались отверстия для продевания ремней подвески; на передней стенке делалось «окошко-карман» для стрел специального назначения (табл. I, 8; табл. III, 10, 14; табл. IV, 1, 9). К верхнему углу колчана второго типа часто прикреплялся длинный хвост кошачьего хищника, служивший разделителем стрел, которые в колчане этого типа помещались оперением вверх, причем древки были открыты примерно на половину длины, а сам колчан подвешивался справа в диагональном положении устьем вверх назад. Колчаны первого типа делались, судя по изображениям и находкам, чаще всего из бересты, на деревянном или железном каркасе. Иногда бересту покрывали или заменяли кожей. Колчан обычно украшался пластинами резной кости и имел костяные петли для подвески (табл. I, 1–3, 7, 9), причем и форма, и размещение, и чисто монгольский характер орнамента (табл. I, 1, 7, 9) – все совпадает с археологическими материалами, прекрасно собранными и обработанными И.В.Малиновской [23]. К сожалению, она не обратилась к изобразительным источникам, которые полностью подтверждают ее основные выводы – этнокультурную принадлежность и датировку¹. Имеются ошибки и в реконструкции колчана.

Колчаны второго типа украшались вышивкой, аппликацией, металлическими и костяными накладками. Узоры – растительный, «чешуя», драконы – в общем сходны с оформлением налучий.

И колчан, и налучье крепились к саадачному поясу, который, по евразийской традиции, еще с середины I тысячелетия н.э. имел застежку в виде крючка. Эта система застегивания саадачного пояса была угадана А.А.Гавриловой [7, с. 39], о ее наличии повторено В.И.Распоповой [30, с. 74], но до сих пор подавляющее большинство исследователей полагает, что крючки цеплялись за дно колчана, а ремень, к которому они были прикреплены, другим концом крепился к поясу. А ведь и музейные саадки России, Польши, Венгрии, Турции XV–XVIII вв., и этнографические башкир-

¹ Тем более странным представляется отнесение к древнерусским домонгольским памятникам колчанов с костяными узорными накладками, имеющее место в итоговой работе «Древняя Русь. Город, замок, село», из серии «Археология СССР», выпущенной в Москве в 1985 г. (табл. 132, 10). В этом нельзя обвинить покойного автора реконструкции, замечательного исследователя, подлинного первооткрывателя А.Ф.Медведева, который выполнил ее до 1966 г. [26, табл. I, 9] и отнюдь не относил к памятникам Руси. Сомнительная «честь» переноса данной группы принадлежит здравствующему соавтору А.Ф.Медведева по разделу – А.Н.Кирпичникову. Мы не можем предполагать невежество в данном вопросе, т.е. незнание с неопровержимыми выводами И.В.Малиновской (тем более, что они были повторены в первом томе той же серии, что и «Древняя Русь» (см. [32, с. 231, рис. 99]) у специалиста такого класса, как А.Н.Кирпичников. Несомненно, это сознательная фальсификация материала, ведущая либо к дискредитации А.Ф.Медведева как специалиста, либо к отрыву от явно и ярко ненавидимой А.Н.Кирпичниковым монгольской культуры одного из ее элементов. При этом мы несколько не сомневаемся в применении на Руси системы костяного оформления колчанов как домонгольского общеевразийского типа, так и собственно монгольского, о чем говорят не только находки остатков привозных из Орды колчанов [23, № 77, 78, 81, 82], но и находка в Минске резных обкладок явно русского производства, в которых в тщательно воспроизведенную систему монгольской орнамента был введен западный мотив пары людей в лодке, имеющей вид двупротоного чудовища [23, № 79]. (Мы понимаем всю опасность критики А.Н.Кирпичникова, поскольку этот исследователь рассматривает критику своих научных просчетов как «нигилистическое отношение к боевому прошлому Руси» и следование «недоброй памяти» концепциям евразийцев, самозвано присвоив себе чин радетеля за славу этого прошлого, прикрываясь которым отвечает на критику выпадами в жанре политического доноса в «лучших» традициях 1949–1953 гг. [17, с. 233, 234]. Можно лишь посоветовать ему считаться с историческими реалиями, подобно подлинным радетелям Руси – Даниилу Галицкому и Александру Невскому в их отношении к монгольскому оружию и культуре.

ские, казахские и монгольские саадаки XVIII–XIX вв. все имеют застёжки-крючки (имеющиеся в них рамчатые, с иглой, пряжки соединяют две части ремня и служат для регулирования его общей длины).

В качестве основного оружия ближнего боя монголов изобразительные источники дают сабли, мечи и булавы.

Сабли (табл. I, 3, 6, 9; табл. II, 2, 8; табл. III, 9) показаны различной кривизны – от почти прямых до ощутимо, но не сильно изогнутых; клинок может иметь небольшую, но заметную елмань, на клинке очень часто показан своеобразный «манжет под рукоятью» (табл. I, 3). Подобная деталь типична для подлинных клинков центральноазиатской традиции IX–XIV вв. (в Восточной Европе и Казахстане эта традиция прерывалась с XI по XIII вв.), но интересно, что в подлинных клинках «язык» «манжета» лежит на лезвии, а на изображениях – на обухе.

Перекрестья у сабель показаны ромбическими, в виде плоского овала, крестообразными, в виде горизонтального стержня с ромбическим огнивом. Навершия – в виде цилиндров; часто в них имелись отверстия или кольца для продевания темляка, снабженного кистью. Ножны показаны с навершиями плоскоцилиндрической формы и обоймами с кольцами для подвески. Обоймы были либо узкими, нередко двойными, с двойными или одинарными язычками на одной из сторон, либо широкими, украшенными узором, также часто расширенными на одной стороне. В целом, все элементы сабель, изображенных на памятниках искусства, находят подтверждение в современном им археологическом материале.

Кроме сабель, монголы использовали и мечи. Правда, на иранских миниатюрах мечи изображены почти всегда в руках персонажей в мусульманской, ближневосточной одежде, т.е. как местное оружие. Мечи имеют дисковидное или сердцевидное навершие и перекрестие с концами, загнутыми вверх или вниз и расплюснутыми. Тем не менее использование мечей именно монголами подтверждается и археологически, в т.ч. в Каракоруме обломка меча, и изобразительно. Важно еще и то, что заимствованные у испано-арабского оружия перекрестия с оттянутыми вниз и расплюснутыми концами стали исключительно характерным признаком монгольского клинкового оружия, судя по находкам на территории Золотой Орды. Клинковое оружие подвешивалось к специальному поясу (табл. III: 9), который застегивался на рамчатую, с иглой, пряжку.

Судя опять-таки по изображениям, не менее, а пожалуй, более популярным, чем клинковое, были у монголов булавы (табл. I, 4, 5, 7; табл. III, 16). На изображениях это почти всегда шестопер с трапецевидным, треугольным, полукруглым или прямоугольным пером, часто фигурно вырезанным по краю. Частые находки наверший булав в воинских погребениях и на поселениях территории Золотой Орды подтверждают наличие шестоперов, отраженных в миниатюрах форм, но добавляют к ним и другие формы – в виде шестерни, зубчатой шайбы, многогранника и шара.

Булавы, кроме боевых функций, обладали у монголов функцией почетного оружия – им вооружены ханы и их телохранители, командиры – на памятниках изобразительного искусства (Напр., табл. I, 10; табл. III, 16). Булавы и кистени находят в погребениях золотоордынской знати [42, 1982, табл. 1, 17; 41, рис. 3, 19; 36, с. 32, 254] даже самых высоких рангов, как погребенный в кургане у с. Таганча в Поросье, в погребении которого лежала булава-скипетр, обложенная сплошь серебром [29, с. 17, 39, табл. XIII]. Традицию особого отношения к булаве монголы восприняли у своих предшественников – киданей.

Оружием «второго (после лука и стрел) удара» в бою служило копьё. На иранских миниатюрах начала XIV в. атака конных копейщиков показана часто. Копьё конные латники, вооруженные к тому же саадаком, а также саблей (табл. I, 1–3), держат чаще всего по восточному – двумя руками, но в отдельных случаях они держат его, как европейские конные латники – одной рукой, зажав локтем подмышкой. На миниатюрах показано ношение копья – за правым плечом, при помощи двух петель – длинной для руки и короткой, внизу, для ступни (табл. I, 3). Точно так носили копьё и в XX в. кавалеристы.

Как видим, даже общий и достаточно беглый обзор монгольского вооружения показывает, что оно было весьма разнообразным, совершенным для своего времени и массовым, базировалось на центрально- и восточноазиатских традициях, усваивая и элементы традиций Среднего и Ближнего Востока, Восточной и Центральной Европы, но в еще большей мере влияя на эти традиции.

Обратимся к костюму, сначала к мужскому. Первым, основным видом одежды монголов был халат длиной до середины голени, с косым запахом слева направо с длинными, сужающимися книзу, либо очень короткими широкими рукавами (табл. I, 8, 9; табл. II, 4–7, 9–11, 14, 15; табл.

III, 1–3, 10, 11, 13, 14, 16, 19, 28). Стан его кроился из четырех вертикальных полотнищ со швами по оси груди и спины, и надставки – правой полы. Полотнища сшивались и под проймами рукавов, но не во всю длину, оставляя длинные разрезы по бокам. На правой поле и правом боку пришивались завязки (табл. III, 3, 13).

Вторым видом верхней одежды был кафтан, столь же длинный, с осевым сплошным вертикальным разрезом на груди, с квадратным или 8-угольным вырезом ворота; рукава такие же, как и у халата, но чаще все же короткие (табл. II, 10; табл. III, 26, 27; табл. IV, 6, 7).

Третий вид верхней одежды монголов представлял собой халат с длинными, сужающимися книзу рукавами, той же длины, что и предыдущие виды одежды, отличающийся круглым, под горло, воротом и правым запахом, причем верхняя пола шла не от левой ключицы на право под мышку, а от правой ключицы – туда же (табл. II, 1; табл. IV, 9).

При ношении короткорукавной верхней одежды под нее надевалась длиннорукавная верхняя одежда того же или иного вида.

По происхождению первый вид монгольской мужской одежды был центральноазиатским, степным, второй вид, кажется, не имеет аналогий в Центральной Азии и Китае, но его квадратный вырез ворота, скорее всего, заимствование из чжурчжэньского костюма [6, ил.VI, 2; ил.VIII, 1]. Наконец, третий вид известен в степи еще с середины I тысячелетия н.э. и с этого времени был освоен также китайцами, киданями, чжурчжэнями.

Все три вида верхней одежды монголов могли быть как летними, т.е. шились из тонких тканей, кожи или войлока, так и зимними, меховыми; из последних наиболее характерны овчинные тулупы (табл. II, 1; табл. III, 27) и дохи-шубы мехом наружу (табл. II, 2, 3; табл. IV, 7).

В холодную и ветреную погоду монголами носились два вида утеплительных деталей: пелерина и поясничный утеплитель.

Пелерина из меха (мехом наружу или внутрь) (табл. II, 2, 3) имела вид четырехлопастной розетки с отверстием для головы в середине, с меховой оторочкой вокруг него и лентами, свисающими из-под каждой лопасти, или круглой коротенькой шали, завязывающейся у горла. Изображения ее крайне (на монголах) редки.

Зато поясничный утеплитель – назовем его условно «бельдек» (от тюрк. *бель* – бедра) – был в центральноазиатских степях вещью весьма популярной еще в I тысячелетии н.э., когда его восприняли и китайцы. Известны монгольские поясничные утеплители как по находкам реальных вещей, так и по многочисленным изображениям (табл. II, 2, 10, 12; табл. IV, 6, 9).

Утеплители делались из войлока, ткани, меха. Все они имеют вид более или менее широкого корсета, нередко с двумя лопастями спереди, спускающимися на бедра. Поскольку утеплители надевались поверх всей одежды, они делались наиболее нарядной частью костюма, покрывались красивой тканью, мехом, вышивкой и аппликациями. Держались они на корпусе при помощи пояса, но их наиболее широкие варианты имели спереди пуговицы, а иногда и плечевые лямки.

Заменителем утеплителя была утеплительная часть, которая устраивалась в верхней монгольской одежде: в районе поясицы халат или кафтан обкладывали шерстью или ватой, накладывали второй слой ткани и это место простегивали горизонтальными строчками. Если прокладка находилась с изнанки, то снаружи видны были только строчки и толщинки, если же прокладку клали снаружи, то поверх нашивали ткань другого цвета и рисунка (табл. III, 9, 11).

Отметим две интересные особенности монгольской верхней одежды: рукава с вертикальными прорезами в верхней части и отрезной несколько ниже талии и заложенный складками подол. Первая особенность либо традиционная часть монгольского костюма (табл. II, 2, 3; табл. III, 26), либо ближневосточное заимствование. Вторая особенность зафиксирована как на изображениях (табл. II, 8, 11), так и находкой реального халата в погребении монгольского чиновника в Китае [14, табл. 2, 4]. Появление этой детали в монгольском костюме прослеживается весьма явственно: она известна в Европе не позднее XI в. [47, Авв. 258], а в середине XIII в. отрезной кафтан из лучшего византийского шелка был положен в могилу одного из последних кыпчакских ханов, жившего уже под монгольской властью в Нижнем Поднепровье [28, с. 32, рис. 3].

Ткани для мужской верхней одежды монголы предпочитали однотонные или с некрупным узором, в монотонном ритме рассеянным по фону. Основным способом украшения были вышивки, в том числе и жемчугом (табл. II, 15), и аппликация. Декор концентрировался по зонам, вписываясь в квадрат на груди (табл. II, 14, 15; табл. III, 10; табл. IV, 6, 7), в круг, трапецию на плечах и предплечьях, широкую полосу вдоль внешней стороны рукава (табл. II, 14; табл. IV, 19), гори-

зонтальную полосу под коленями (табл. III, 18) и четырехлепестковую розетку вокруг ворота (табл. III, 18). Элементами узора вышивок одежд были «китайские облака», лотосы, лиственный узор, драконы, животные, птицы. Самым частым мотивом вышитого квадрата на груди было копытное животное среди деревьев. Все эти мотивы – китайско-чжурчжэньского происхождения, за исключением нескольких монгольских растительно-«роговидных» узоров. Но само расположение, применение мотивов, композиция и идея были чисто монгольскими, кроме четырехлепестковой розетки – традиционного украшения в Центральной Азии еще в I тыс. н.э. [10, с. 54, 55].

Редким, заимствованным на мусульманском Востоке, украшением костюма были узорные широкие горизонтальные полосы на предплечьях (табл. III, 2, 9) у монголов Ирана в середине XIV в.

Становятся модными отложные широкие меховые воротники на тулупах и теплых кафтанах с прямым осевым разрезом, треугольниками, спускающимися вниз (табл. III, 26, 27). Такие же, но только округлые воротники были характерны и для монголов в Китае, которые носили их с той же одеждой (табл. IV, 6, 7), но и немного раньше, так что эту моду можно считать заимствованием иранских монголов у китайских.

Под верхней одеждой носили распашные рубахи правозападные либо с круглым воротом (табл. II, 15, табл. III, 1, 27, табл. IV, 7). Очень широкие штаны с низким шагом практически всегда прикрыты верхней одеждой.

Очень разнообразны головные уборы монголов. К собственно монгольским, причем ранним, следует отнести низкую круглую войлочную шапку с узким козырьком и длинным широким, нередко с вырезанным краем, наматыльником, двумя прямоугольными лоскутками, свешивающимися на виски (табл. II, 1–3, 6, 8, 16); макушка ее украшалась кистью или плюмажем из перьев, особенно пышным у монголов Ирана; фетровую, плотную шляпу с округлой, чуть приостренной на макушке тульей и более или менее широкими круглыми полями, чуть приопущенными (табл. II, 4, 9, 11): часто такая шляпа, которую носила обычно знать, имела трапециевидный наматыльник и украшения в виде чеканного наверхия, украшенного камнями и свисающей назад длинной кистью; вариант вышеописанного убора, отличающийся низкой цилиндрической тульей и плоским верхом, украшенным нередко небольшим остроконечным наверхием (табл. III, 1); круглые матерчатые шапочки, стеганные, сшитые из околыша и клиньев тульи, с шариком на макушке (табл. III, 8): носили ее «интеллигенты» – писцы, ученые. Остальные разновидности уборов, представляющих собой разные типы колпаков с полями, разрезанными или цельными, с ровными или с вырезанным краем в виде четырех низких зубцов, образуемых четырьмя вогнутостями – относятся к домонгольской центральноазиатской традиции. Поля шапок обшивались мехом, сукном и бархатом, узорным шелком, на них вышивались геометрические узоры, звездочки, драконы, растительные побеги. Заимствованной, видимо, у чжурчжэней надо считать зимнюю шапку с округлой тульей и четырьмя меховыми лопастями козырька, наушников и наматыльника (табл. IV, 6, 7) [6, с. 29].

С 30-х гг. XIV в. монгольские головные уборы претерпевают изменения в плане увеличения объема тульи, придания ей яйцеобразной формы, более частого применения простежки, увеличения размеров и пышности наверхий (табл. III, 12, 14, 16, 22, 23, 28, 29). В это же время, скорее всего в связи с исламизацией, монголы Ирана стали носить по два головных убора (табл. III, 12, 17, 19, 22), причем нижним была, вероятнее всего, шапочка «интеллигентов», превратившаяся со временем в тюбетейку. Около середины XIV в. в Иране и Китае монголы стали оторачивать зимние шапки мехом так, что его полосы были широки по бокам и сходились на нет над лбом (табл. III, 26; табл. IV, 8) (В этом можно усмотреть возрождение татарской моды). Монгольские шапки часто имели подбородный шнур или ремешок, нередко унизанный бусинами (табл. II, 5, 8; табл. III, 3, 19; табл. VI, 16, 19, 20).

На иранских миниатюрах нередко персонажи в монгольской одежде и чалмах. Для ранних памятников это, скорее всего, отражение костюмов местной, мусульманской администрации на монгольской службе. Для более поздних памятников – это уже отражение одеяний и монголов-мусульман.

Обувью монголам служили сапоги, которые почти всегда показаны с длинными, довольно мягкими, расширяющимися вверх голенищами, с боковыми швами, пришитой головкой и пяткой и часто с союзкой в виде пришитой галошки, иногда столь низкой, что ее можно принять за толстую подошву. В редких случаях шов на голенищах был спереди (табл. IV, 1). Очень мягкие и широкие голенища перевязывались у щиколотки (табл. II, 8). Часто верхний край голенища спереди имел высокий выступ, к которому пришивались ремешки или тесьма; с их помощью сапоги привязыва-

лись к поясу штанов (табл. III, 25). Это очень старая и широко распространенная традиция евразийских степей, идущая от тех времен, когда обувью служили чулкообразные ноговицы.

Одним из основных показателей социального и имущественного положения мужчины-монгола служил его пояс. Мы уже касались конструкции поясов в связи с их функцией портупей для саадака или сабли. Их декору посвящены фундаментальные работы М.Г.Крамаровского. Мы затронем лишь основные признаки монгольских поясов, их отличия. Заключались эти отличия в структуре оформления и элементах декора и имеют, как теперь ясно, чжурчжэньское происхождение [19, с. 76–78; рис. 19]. Если до сих пор металлический набор пояса был ритмически довольно однообразен, то в монгольских поясах имелись ярко выделенные акценты – две или три крупные бляхи – пронизи; обычно с петлями на нижнем крае, служащие для подвески того или иного предмета (табл. I, 13; табл. III, 9, 13, 18; табл. IV, 7; табл. V, 15, 17–22). Тем не менее часто применялись и пояса с однообразным ритмом металлического набора. Узоры на бляхах и пряжках монгольских поясов можно сгруппировать в несколько типов: растительный, центральноазиатский (табл. V, 18, 19), геометрический евразийский (табл. V, 21), животное-растительный, китайско-чжурчжэньского происхождения (табл. V, 16, 17, 20, 23), растительно-геометрический монгольский (табл. V, 15, 22). Кыргызскими по происхождению но восходящими к уйгурской традиции [32, рис. 30, 50; 74, 49], можно считать очень популярные у монголов поясные бляшки в виде горизонтально вытянутого квадрифолия, нередко с камнем в центре (табл. II, 8, 11; табл. IV, 5, 6). В памятниках искусства Ирана отражены и пояса, в рядовых бляхах декора которых прослеживаются западные, европейские влияния (табл. III, 13). Очень часто, причем в любой обстановке – и обычной, и торжественной, монголы – вплоть до ханов, носили костюм без пояса (табл. II, 7, 14, 15; табл. III, 1–3, 28).

Женский костюм монголов подробно описан нами в соответствующей работе, поэтому здесь мы рассмотрим в основном новые материалы.

Верхние одежды замужних монголох обычно представляли собой неподпоясанный очень широкий и длинный халат, с длинными широкими рукавами, с косым запахом слева направо, отличающийся от основного вида мужской одежды именно шириной и длиной, а также отсутствием разреза от пояса до подола на левом боку. Но на одной из турфанских фресок XIII в. монголку, замужнюю, в «бокке» (бохтог), в халате с короткими рукавами (табл. V, 1). А на картине неизвестного китайского художника начала X в., изображающей зимнюю перекочевку монголов, мы видим зимний наряд монголки (табл. V, 2): халат подпоясан, нижняя часть лица закрыта белым платком, на голове – «национально-монгольский» убор – бохтог (европейцы называли его «бокка», китайцы, – «гугу» или «гугугуань») надет войлочный или фетровый, в общем, толстый и плотный чехол с черным козырьком и несколькими завязками сзади, а покрывало, прикрепленное сзади к круглой шапочке, составлявшей основу бохтога, не свисает, как обычно (см. табл. V, 1), назад и не наброшено на плечи, а склото под горлом, так что монгольская матрона предстает тщательно укутанной, закрытой прежде всего от ветра.

Наряд монгольских девушек, в полном согласии с письменными источниками, практически не отличается от мужского (табл. V, 3–6). Головной девичий убор монголох представлен головным платком или шарфом, сложенным в ленту и обернутым вокруг головы. Концы могут подтыкаться в образовавшийся тюрбанчик или свисать сзади. На фреске из Восточного Туркестана лента показана узкой, а широкий шарф укреплен вдоль теменного шва – спереди продет под ленту и закручен, сзади свисает вниз (табл. V, 3). Излюбленные украшения женщин и девушек – жемчужные гирлянды в виде височных подвесок, жемчуг на серьгах. Волосы у замужних женщин практически не видны, прически же девушек представляют собой две косы сзади, шиньон на макушке или косы, уложенные кольцами за ушами. Последний элемент был также основным элементом и мужской прически, в сочетании с бритой макушкой и пробритыми местами над бровями, челкой и прядями волос на висках (табл. I, 8, 9; табл. II, 1–6, 8, 16; табл. III, 1, 5, 7, 8, 18, 22, 26–28; табл. IV, 1, 2; табл. VI, 8, 10, 13, 16, 22). Это специфически монгольская мужская прическа. Но монгольские мужчины носили волосы и заплетенными в одну длинную косу, как у чжурчжэней [6, с. 91], или в две короткие, как у большинства скотоводов Центральной Азии.

Мы уже видели, какую роль в развитии оружия Востока и Запада сыграло вооружение монголов. Рассмотрим влияние монгольского костюма на костюм других народов.

В конце XIII – первой половине XIV вв. – пору высшего могущества, стабильности держав Чингизидов, когда сформировались все элементы «имперской культуры», монгольский костюм и

его элементы пользовались огромным престижем, причем близость к монгольским правящим кругам того или иного правящего класса того или иного этноса определяла и меру заимствования. Так, совершенными монголами по костюму и прическе выглядят уйгурские чиновники (табл. V, 7) и армянские князья (табл. V, 8–11) в первой трети – середине XIV в. Но и независимые от монголов правители Сербии и Македонии во второй четверти XIV в. носят монгольские кафтаны и халаты: правозапашный кафтан с разрезными рукавами (табл. V, 13) и кафтан с короткими рукавами, украшенный четырехлопастной оплечной розеткой, да еще с простежкой поясицы, с боковыми разрезами, отрезной талией и складчатым подолом (табл. V, 14). При этом на них надеты пояса с металлическим набором, типичные для костюма феодалов «готической» Европы, но с монгольско-китайской манерой крепления длинного свободного конца пояса (см. табл. I, 2, 7) и затыкания за него платка для вытирания рук после еды. Впрочем, сами монголы охотно носили пояса европейской работы [24, с. 18, 19; 21, с. 156–161).

Интересна судьба монгольского костюма после утраты Чингизидами власти в Иране, Средней Азии, Китае (хотя сменившие их в Иране Чобаниды и Чжалаириды, а в Средней Азии – Тимуриды были не менее монголами, чем, скажем, Чингизиды Золотой Орды).

Монголы Монголии (табл. IV, 3–5, 10) полностью сохранили даже в XV в. все элементы и формы костюма, причем шапки «законсервировались» в формах второй трети XIV в. О влиянии монгольского костюма на развитие костюма Средней Азии и Восточного Ирана мы уже писали в свое время [10]. В Западном и Центральном Иране мужской костюм и прическа знати в последней трети XIV в. (табл. III, 30, 31), да и на протяжении почти столетия после, продолжали сохранять совершенно монгольский облик, выработанный к тридцатым годам XIV в. Женский костюм сохранял монгольские элементы – халат, бохтог – в Средней Азии при Тимуре и в османской Турции до XVII в. [42, №34, р. 95].

Интересно сложилась судьба монгольского костюма в Китае. Обычно отмечается, что «с воцарением в Китае династии Мин, пришедшей к власти на гребне антимонгольского народного восстания, были приняты меры, направленные на искоренение в костюме китайцев следов иноземного владычества» [22, с. 124]. Издавались законы, карающие смертью за ношение монгольского платья (за сведения о них мы благодарим специалиста по прикладному искусству эпохи Юань, кандидата искусствоведения Шан Гана, КНР). И тем не менее в ряде ситуаций монгольский костюм представлялся совершенно естественным для китайца, «своим», необходимым. Однако вернемся на время в эпоху Юань. В последнее время в связи с повысившимся интересом к монгольскому костюму и появлением массового изобразительного, аутентичного материала из раскопок КНР высказано мнение, что женская монгольская одежда, в отличие от мужской, запахивается налево: имеется в виду одежда женщин – жен и служанок, изображенных на фресках и скульптурах в гробницах монгольских чиновников Китая [22, с. 119–122], состоящая из халата, подпоясанного лентой, и короткой кофты, также подпоясанной лентой. И халат, и кофта, надетая поверх него, запахиваются справа налево. Голова не покрыта, волосы расчесаны на пробор и уложены узлом на макушке. Ничего общего этот костюм с описанным нами монгольским женским костюмом не имеет. Он и не является монгольским, будучи во всех деталях чжурчжэньским [6, илл. V, I; VIII, 2]. Перед нами изображение чжурчжэнок – жен и служанок монголов в Китае, одетых в свои традиционные костюмы. Монголки же, как отмечалось, запахивали одежду, как и мужчины, слева направо.

Монгольский мужской костюм был заимствован китайцами в эпоху Мин как в деталях, так и целиком. Важнейшие заимствования детали – квадратное, реже – круглое орнаментированное поле на груди, в Китае ставшее «буфаном», обозначавшим ранг чиновника [33, с. 65]: шапка «люхэ-мао», округлой формы, с околышем и тульей из шести клиньев [22, с. 124, 125], обязательная для нечиновного люда и ставшая «своеобразным символом этнической принадлежности» для китайцев – головной убор, заимствованный у монголов, у которых он был «шапкой интеллигентов» (см. табл. III, 8).

Особенно интересен наряд минского императора Сюаньдэ (Сюаньцзуна), правившего в 1426–1435 гг.: он и его придворные всегда одеты в полный монгольский костюм, со всеми его признаками и деталями (табл. IV, 11, 12), причем не только на охоте, что было, видимо, совершенно естественно, но и во дворце. Характерно, что его любимое одеяние – халат первого монгольского вида с отрезной талией и заложённый складками подолом (табл. IV, 11). Это, видимо, не случайно: халаты с этой деталью были самым торжественным одеянием в минское и в цинское время [33, с. 71, 72; 39, Илл. 261, 267, 268, 295, 296, 308, 309].

Табл. I. Воины (1–7) и телохранители (8, 9) на миниатюрах рукописи «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, Тебриз, 1306/7 г., Биб-ка Эдинбургского ун-та.

Табл. II. 1–3 – картина «Перекочевка монголов», неизв. китайский худ., эпоха Юань, вторая половина XIII в.; 4 – погребальная статуэтка, Китай, эпоха «пяти династий и девяти стран» (кон. IX – нач. X вв.); 5, 6, 13–15 – миниатюры «Шах-намэ» Фирдоуси. Тебриз, 30-е гг. XIV в., бывшее собр. Демотта; 7, 8 – картина из монастыря Баонинсы, у.Ююй, пр.Шанси, кон. XIII – нач. XIV в.; 9 – роспись гробницы эпохи Юань, Сяньяшэцзин, у.Чифэн, аймак Чжаоуда, Внутр. Монголия, нач. XIV. в.; 10 – участник театрального представления, скульптура из гробницы, пр.Хэнань, эпоха Юань, XIV в.; 11 – фреска «Театральное представление», эпоха Юань, XIV в.; 12 – картина «Охота монголов», копия с картины художника Чжао Мэнфу (1254–1322), ГМИНВ; 16 – фаянсовый изразец, Иран, кон. XIII – нач. XIV в. ГМИНВ.

Табл. III. 1–7 – на миниатюрах рукописи «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина, Тебриз, 1306/7 г. Биб-ка Эдинбургского ун-та; 8 – миниатюра «Ученые-монголы в шатре», Тебриз, нач. XIV в., Прусс. культурн. наслед-ство; 9, 28–31 – миниатюры «Шах-намэ» Фирдоуси, Тебриз, 3-я четверть XIV в., Биб-ка музея Топкапы, Стамбул; 10–25 – миниатюры «Шах-намэ», Тебриз, 30-е гг. XIV в., бывшее собр. Демотта; 26 – миниатюра «Охота на мед-ведей», Тебриз, сер. XIV в., Биб-ка музея Топкапы, Стамбул; 27 – миниатюра «Каюмарс и его двор», Тебриз, сер. XIV в., там же.

Табл. IV. 1, 2 – картина «Монголы на охоте», школа Чжао Мэнфу, 2-я пол. XIV в., копия XIX в., собр. Ривьер; 3–5 – картина «Охота монголов на диких гусей», худ. Чжоу Цюань, эпоха Мин, кон. XIV – 1-я пол. XV в., музей Гугун; 6, 8 – благопожелательная картина, худ. Чэнь Чжунжэнь, эпоха Юань, 1-я пол. XIV в., там же; 7 – картина «Играющие дети монголов», неизв. худ., эпоха Юань, XIV в., там же; 9 – картина «Татарский всадник», худ. Чжао Мэнфу (1254–1322), поздняя копия, ГМИНВ; 10 – картина «Монгол, возвращающийся с охоты», неизв. худ., эпоха Мин, кон. XIV – нач. XV вв., собр. Ригтз; 11 – картина «Император Сюанадэ (Сюаньцзун) на охоте», 1423–1435 гг., неизв. худ. эпохи Мин, Дворец-музей Тайбэй; 12 – картина на ту же тему, время то же, худ. Му Цинь, музей Гугун.

Табл. V. 1 – стенопись из Турфана, XIII в.; 2 – картина «Перекочевка монголов», неизв. китайск. худ., эпоха Юань, 2-я пол. XIII в., музей Гугун; 3 – стенопись из «пещеры голубей», Кызыл, время то же; 4–6 – миниатюра «Владыка в гареме», Тебриз, сер. XIV в., Тюбинген, Прусс. культурн. наследство; 7 – гравюра «генеалогический лист Мэнсусу, уйгура – министра Хубилай-хана», 1314/15 г., найдена в Турфане, Берлин, Гос. музей; 8 – Амир

Хасан II Прошьян, рельеф церкви Богоматери, мон. Спитакавор, 1-я четв. XIV в., Ереван, ГМИА; 9 – Эачи Прошьян, рельеф серебр. дарохранительницы церкви Хотакерац Сурб Ншан, кон. XIII – нач. XIV вв., музей монаст. в Эчмиадзине; 10 – миниатюрный портрет Ованеса, сына Константина, Евангелие 1330 г., худ. Киракос, Нор-Джуга, 11 – портрет Сурхатмиша, миниатюра из Пайтакарана, 1356–68 гг., худ. Аваг, Киликия; 12 – миниатюра «Антиохийских ассиз», худ. Саркис Пицак, Киликия, 1331 г.; 13 – князь Душан Браян, фреска Белой Церкви в Каране, Сербия, около 1337 г.; 14 – деспот Оливер, фреска наоса церкви Михаила Архангела, Лесново, Южн. Македония, 1347/48 гг.; 15 – серебряная поясная бляха, Зап. Казахстан, 2-я пол. XIII – XIV в.; 16 – серебро, кург. у д. Вороная, Днепропетровская обл., 2-я пол. XIII в.; 17 – серебро, Тянь-Шань, 2-я пол. XIII в.; 18 – золото, Монголия, 1-я пол. – сер. XIII в.; 19 – серебро, могильник Ильмовая падь, погр. 122, Забайкалье, XIII в.; 20 – серебро, Кочкорская долина, Тянь-Шань, сер. – 2-я пол. XIII в.; 21 – серебр. пряжка, остальное агальматолит, погр. I, Часовенная гора, Средн. Енисей, XIII–XIV вв.; 22 – золото, 2 шт., Чингизиды, Семиречье, 2-я пол. XIII – нач. XIV в.; 23 – серебро, у.Аньцин, пр.Аньхой, эпоха Юань, кон. XIII – 1-я пол. XIV в.

Для объяснения покроя цинского халата С. Каманном была разработана хитроумнейшая теория перекроя маньчжурами китайского образца (Camman, 1949), частично воспринятая и Л.П. и В.Л.Сычевыми [33, с. 72]. Но, как и в случае с не менее хитроумной теорией о левом запахе одежд «исконных монголоков», оказавшихся на деле просто чжурчжэньками, недавние находки в Китае показывают [14, табл. 2, 4], что в основе обоих халатов – и китайского, и маньчжурского – лежит монгольский образец начала XIV в., причем маньчжурский ближе к оригиналу. Мы можем даже предположить название этой монгольской одежды – терлиг. Практически целиком сохранив покрой, он под этим названием – терлик – известен в русском придворном обиходе XVI–XVII вв., став, собственно, первым русским форменным платьем. У монголов это название к XIX в. закрепилось за верхним женским халатом с похожим «ступеньчатым» вырезом верхней, правой полы и отрезной талией со сборчатým подолом.

В костюмах Кореи эпохи династии Ли, правившей с 1392 г., серьезно отличавшихся от костюмов Кореи предыдущих периодов, сильное монгольское влияние можно усмотреть в совершенно аналогичных основному монгольскому виду покрое основных одежд корейских мужчин – халатах «чаньот» и «тюнчимак», и в форме и деталях воинской шляпы «тёнрип», аналогичной монгольским шляпам с горизонтальными полями и свисающей назад от макушки кистью и подбородным шнуром, унизанным бусами [20, табл. 3, 5, 52].

На нескольких сюжетах мы попытались показать, что культура монгольских государств второй половины XIII – XIV вв., как и любая иная средневековая культура, сложилась на протяжении почти столетнего периода в результате симбиоза элементов различных культур. Вместе с тем, в каждой из держав, где правили чингизиды и их монгольские преемники, сложился свой вариант культуры. Огромной была связующая роль «имперской» культуры монголов, в которой культура монгольских племен и монгольского государственного этноса сыграла свою, в некоторых моментах решающую роль, и влияние этой «имперской» культуры на другие, в том числе и после гибели большинства монгольских государств, было могучим и плодотворным.

1. Агапов П., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. – Алма-Ата, 1979.

2. Баяр Д. Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака (Восточная Монголия) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985.

3. Баяр Д. К проблеме датировки каменных изваяний Дариганги // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 8. – М., 1985.

4. Вещи из Юаньской могилы № 7 и другие вещи, найденные в Хуаянь, у. Баохэсян, Сычуань // Каогунсюнь. № 5. 1957 (на кит. яз.).

5. Викторова Л. Некоторые памятники монгольского искусства средних веков и их историко-этнографическое значение // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 8. – М., 1985.

6. Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). – М., 1983.

7. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965.

8. Геворкян А. Армянская миниатюра. Портрет. – Ереван, 1982.

9. Горелик М.В. Ближневосточная миниатюра XII–XIII вв. как этнографический источник (опыт изучения мужского костюма) // СЭ. № 2. 1972.

10. Горелик М.В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. – М., 1979.

11. Горелик М.В. Монголы и огузы в тебризской миниатюре XIV–XV вв. // Mittelalterliche Malerei im Orient Halle, 1982.

12. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – первой половины XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М., 1983.

13. Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (X – первая половина XIV вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987.
14. Гробница династии Юань семьи Вань в Шисянь, у. Чжансянь, пр. Ганьсу // Вэньу. № 2. 1982 (на кит. яз.).
15. Каталог культурных памятников, найденных в ходе строительных работ в Китае. Ч. I. – Пекин, 1955.
16. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3-й. Доспех, комплекс боевых средств XI–XIII вв. (САИ Е1-36). – Л., 1971.
17. Кирпичников А.Н. Факты, гипотезы и заблуждения в изучении русской военной истории XI–XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. – М., 1985.
18. Китайская Внутренняя Монголия. Выставка искусства северных кочевников. – Токио, 1984 (на англ. яз.).
19. Конькова Л.В. Бронзолитейное производство на Юге Дальнего Востока СССР (рубеж II–I тыс. до н.э. – XIII в. н.э.). – Л.: Наука, 1989.
20. Корейский костюм периода династии Ли. – Пхеньян, 1963.
21. Крамаровский М.Г. Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII–XV вв. (по материалам Крыма и Кавказа) // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. – Л., 1985.
22. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. – М., 1987.
23. Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. – М., 1974.
24. Мальм В.А. Симферопольский клад. – М., б. г.
25. Максимова А.Г. Погребение воина XIV в. // Вестник АН Казах. ССР. №6. 1965.
26. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. (САИ Е1-36). – М., 1966.
27. Настенные росписи Сунской и Юаньской эпох в Цяньфодун // Каогу тунсюнь. № 14. 1956.
28. Отрощенко В., Рассемакин Ю. Половецкий хан или...? // Знание-сила. № 7. 1986.
29. Пятышева Н.В. Железная маска из Херсонеса. – М., 1964.
30. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л., 1980.
31. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Книга первая / Пер. Л.А.Хетагурова. – М.; Л., 1952.
32. Степи Евразии в эпоху Средневековья. Серия «Археология СССР». – М., 1981.
33. Сычев Л.П., Сычев В.Л. Китайский костюм. – М., 1975.
34. Сян Чуньсун, Ван Цзяньго. Настенные росписи в могиле династии Юань в Сяньяньцзин, у. Чифэн, аймак Чжауда, Верхняя Монголия // Вэньу. № 1. 1962 (на кит. яз.).
35. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884.
36. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966.
37. Фэн Юнцзянь, Хань Баосин. Юаньская могила в Фуцзятун, у. Линьюань, пр. Ляонин // Вэньу. №6. 1986 (на кит. яз.).
38. Хрестоматия по древней русской литературе / Сост. Н.К.Гудзий. – М., 1973.
39. Чжоу Сюн, Гао Чунмин. 5000 лет китайского костюма. – Шанхай; Гонконг, 1984 (на кит. яз.).
40. Шалобудов В.Н. Поздnekочевнический могильник XIV в., у с. Котовка // Древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н.э.). – Днепропетровск, 1982.
41. Шалобудов В.Н., Мухомад С.Е., Андросов В.А. Раскопки курганов у с. Дмухайловка // Древности степного Поднепровья (III–II тыс. до н.э.). – Днепропетровск, 1983.
42. Binney E., 3rd. Turkish Miniature Paintings and Manuscripts / From the Collection of Edwin Binney, 3rd. – New York; Los Angeles, 1973.
43. Brian D.A. Rekonstruktion of the miniature cycle in the Demott's Shan Namah // Ars Islamica, vol. VI, part 2, 1932.
44. Cammann S. Origin of the court and official robes of the Ch'ing dynasty // Artibus Asiae, vol. XII, No. 3, 1949.
45. Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the 11-th to 15-th centuries as shown in works of art // Islamic arms and armour, ed. by R. Elgood. – London, 1979.
46. Grabar O., Blair S. Epic Images and contemporary History. The illustrations of the Great Mongol Shahnama. – Chicago; London, 1980.
47. Hamann R. Geschichte der Kunst. B. 2. – Berlin, 1959.
48. Ornamenta Ecclesiae. Kunst und Künstler der Romanik. B. 1. – Köln, 1985.
49. Rice D.T. The illustrations to the «World History» of Rashid al-Din. – Edinburgh, 1976.

Монгольские завоеватели и мирное население: правовые аспекты взаимоотношений

В науке сложилось устойчивое представление о том, что монгольские завоевания сопровождались уничтожением государств, разорением и сожжением городов и деревень, убийством, угодном в плен и грабежом мирного населения. Большинство дошедших до нас источников, и в самом деле, дают основания для формирования такого представления. Однако мало кому известно, что в праве Монгольской империи и ее преемников присутствовали нормы, предписывающие завоевателям воздерживаться от насилия над гражданским населением захваченных областей. В настоящей работе мы намерены рассмотреть содержание этих норм, их формальное закрепление, действие на практике и случаи их нарушения.

До нашего времени дошел весьма интересный официальный документ, содержащий нормативные положения, регулирующие взаимоотношения монгольских завоевателей с мирным населением завоевываемых стран и областей. Речь идет о сравнительно недавно обнаруженном источнике – послании монгольского хана и китайского императора Хубилая (прав. 1260–1294) корейскому вану, своему вассалу, направленное в 1280 г. Это послание содержит (как следует из его предисловия) «приказ хагана, изреченный [им] ранее и записанный целиком и полностью» [23, с. 159], который представляет собой кодифицированный правовой акт, регламентирующий различные аспекты деятельности военнотружущих различного уровня. Акт состоит из 17 статей, для нас в рамках настоящего исследования особый интерес представляют четыре из них, которые мы цитируем ниже:

«Статья 12. ... Запрещается чиновникам отбирать жилье у населения для предоставления его своим чиновникам, размещая их таким образом, где угодно: покоренных жителей запрещается обманывать, вводить в заблуждение, давать пустые обещания.

Статья 13. Военным чиновникам следует вести пропаганду среди воинов против бандитизма. Запрещается грабить население и торговые магазины, захватывать дома, имущество, пахотную землю, цветы, фрукты, сосны, бамбук, овощи, грибы, различные деревья и сады. Если имеются награбленные вещи, то следует возвратить их хозяевам.

А также запрещается разрушать чужие дома, вскрывать могилы с целью ограбления.

Статья 14. Запрещается военным чиновникам и воинам насильно жениться на женщинах и девушках в покоренных городах и селах. Запрещается им, даже если женитьба состоялась по обоюдному согласию, торговать самовластно родственниками жены и прочими домочадцами, слугами и женить их.

Статья 15. Строго запрещается военным чиновникам: на захваченных земельных участках, как и в тех местах, где будет располагаться гарнизон и по которым предстоит проходить войскам и табунам войсковой части, на сделанном по приказу хагана заповедном месте собирать в большом количестве скот, позволять им топтать зерновые культуры на земельных участках местного населения и обгладывать фруктовые и тутовые деревья. Запрещается убивать домашних животных, а именно: свиней, кур, гусей и уток. Запрещается грабить население, пусть даже это будут незначительные вещи частной собственности» [цит. по: 23, с. 162–163].

Данные положения зафиксированы в документе, датированном 1280 г., однако, как следует из содержания самого послания, этот приказ был «изречен ранее» и в данном послании лишь «записан полностью». Когда же в Монгольской империи могли появиться нормы, регламентирующие взаимоотношения завоевателей с местным населением?

Вряд ли они могли быть изданы при самом Чингиз-хане (прав. 1206–1227): в период его правления особым влиянием в государстве пользовались военачальники из числа ближайших сподвижников основателя империи, бывшие «степные багатуры», для которых убийство врагов (в т.ч. и не участвовавших в боевых действиях), разграбление и сожжение городов и захват добычи считалось верхом героизма и молодечества. Основой взаимодействия с местным населением в эпоху Чингиз-хана было его полное подчинение. Так, например, францисканец Иоанн де Плано Карпини сообщает: «Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся, потому что..., они имеют приказ от Чингисхана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы» [15, с. 117].

Но уже при преемнике Чингиз-хана, его сыне Угедэе (прав. 1229–1241), а затем и при ханах Менгу (прав. 1251–1259) и Хубилае значительное влияние в империи начинают приобретать гражданские чиновники, выходцы из оседлых стран: кидань Елюй Чу-цай, хорезмийцы Махмуд Йалавач и Абд ар-Рахман (при Угедэе), китайцы Чжао Би, Яо Шу, Хао Цзин и др. (при Хубилае) [см., напр.: 6, с. 35 и след.; 14, с. 35 и след.]. Новые сановники всячески старались проводить политику большей терпимости монгольских завоевателей по отношению к представителям чуждой им земледельческой культуры. Поэтому как раз в то время, когда монгольские завоевания велись с наибольшим размахом, в источниках фиксируются примеры того, что завоеватели стремились упорядочить взаимоотношения с завоеванным населением.

Так, например, до нас дошло интересное сообщение венгерского каноника Рогерия, который пережил монгольское вторжение в Венгрию и сам побывал в плену у завоевателей, так что совершенно не имел причин приукрашивать их деяния. Тем не менее, он сообщает, что в 1241 г. монголы сумели привлечь на свою сторону ряд венгерских и немецких феодалов и с их помощью стали распространять призывы к местному населению вернуться в населенные пункты, обещая мирное существование [см.: 17, с. 148; 27, с. 715]. Еще один венгерский современник монгольского вторжения в Европу – Фома Сплитский, охарактеризовавший монголов как настоящих выходцев из ада, однако, отмечает, что монголы «не выказали всей своей свирепой жестокости и, развезая по деревням и забирая добычу, не устраивали больших избиений» [26, с. 106].

В китайской династийной истории «Юань ши», составленной в 1369 г. (то есть уже после изгнания монголов из Китая) также встречается характерное сообщение, демонстрировавшее, что прошли времена, когда монгольские удалыцы имели возможность проявлять свою удаль за счет мирного населения завоеванных стран. «В пятой луне (4 июня – 2 июля) [1258 г. – Р.П.] царевич Асудай, по причине того, что охотился верхом в одиночку, потравил хлеба у простого народа. Государь [Менгу-хан. – Р.П.], узнав об этом, укорял его, а нескольких человек, служивших в ближайшем окружении [царевича], за это подверг порке. Одного рядового воина, что отобрал у крестьянина луковицу, [государь] немедленно предал показательной казни. С тех пор никто не смел ни на йоту нарушать законы» [7, с. 198]. Это сообщение позволяет сделать два вывода: во-первых, в период правления Менгу-хана законы о неприкосновенности мирного населения завоеванных земель и их имущества уже были приняты; во-вторых, действие этих норм распространялось на всех без исключения подданных монгольского хана: подвергнутый взысканию царевич Асудай (Асутай) был ни кем иным как сыном самого Менгу-хана!

Даже после того как Монгольская империя распалась, рассматриваемые положения, по-видимому, продолжали действовать и в государствах – ее преемниках. Так, например, сохранились сведения о том, что войска золотоордынских ханов Узбека (прав. 1313–1341) и его сына Джанибека (прав. 1342–1357) во время войны в Иране не притесняли местное население, а те, кто покушался на имущество мирных жителей, подвергался суровому наказанию, а награбленное возвращалось владельцам [8, с. 174, 190]. Так, например, персидский историк второй половины XIV в. Зайн ад-Дин б. Хамдаллах Казвини, повествуя о войне золотоордынского хана Джанибека с азербайджанским правителем Маликом Ашрафом в 1356 г., сообщает: «В Хаштруде [район в Южном Азербайджане. – Р.П.] в том году засеяли большую площадь, и хотя такое громадное войско два раза проходило там, но ни один колос хлеба не был сломан» [8, с. 191; см. также: 12, с. 12, с. 121]. Подчеркнем, что это и подобные сообщения принадлежат современникам событий – персидским историографам, находившимся на службе у монгольских правителей Ирана, противников золотоордынских ханов, и следовательно, также не имевших причин восхвалять своих врагов.

Отметим, что в некоторых случаях неприкосновенность распространялась лишь на представителей определенных категорий населения – в первую очередь, на духовенство. Так, например, персидский историк начала XIV в. Вассаф-хазрат сообщает, что хан Узбек во время похода на Иран в 1318 г. сурово наказывал своих воинов за покушение на имущество почитаемых персидских шейхов [8, с. 173–174]. Полагаем, что в данном случае применялись даже не вышеприведенные нормы о неприкосновенности мирного населения, а ярлык о привилегиях духовенства, который впервые был обнародован Чингиз-ханом еще в 1223 г., а затем постоянно подтверждался его преемниками практически во всех государствах Чингизидов [см. подробнее: 18, с. 121, 181].

Даже в гораздо более поздние времена, когда, казалось бы, ушли в прошлое и Монгольская империя, и имперские традиции, соблюдавшиеся ее преемниками, можно встретить примеры действия норм, предписывающих воздерживаться от притеснений местного населения. Так,

узбекский царевич Мухаммад Шайбани, потомок золотоордынских ханов и основатель Бухарского ханства (прав. 1500–1510), неоднократно запрещал своим воинам притеснять мирное население. Например, захватив в 1500 г. Бухару без боя, он не позволил грабить горожан, а ограничился лишь тем, что поставил в городе своего даругу-управителя [9, с. 31]. Аналогичным образом он действовал и при завоевании Хорасана. Весьма характерным представляется эпизод, рассказанный современником узбекского завоевания державы Тимуридов – гератского ученого Зайн ад-Дина Васифи, описывающего взятие Герата Шайбани-ханом в 1507 г.: когда он и его родственник пришли в дом, захваченный узбеками, узбекский предводитель, приняв их за крестьян, разъяснил, что бояться им нечего, просто произошла смена землевладельца, и они теперь будут работать на него, а уж он будет о них заботиться [4, с. 354]. В результате при осаде узбеками некоторых городов Мавераннахра складывалась весьма парадоксальная ситуация: в то время как сторонники Тимуридов еще обороняли город от узбеков, жители окрестных селений торговали с теми же узбеками прямо у стен осаждаемых городов [см., напр.: 3, с. 51]!

Дальнейшая политика Мухаммада Шайбани-хана в бывших владениях Тимуридов также свидетельствовала о том, что он считал себя правопреемником монгольских ханов и придерживался их законодательства о неприкосновенности местного населения и их прав. По его указанию, ханский диван, в частности, принял следующее решение: «Хозяев имения, которые сейчас известны, надо расположить к себе и облегчить подати, чтобы они вернулись на места постоянного жительства. По возвращении надо их побудить, чтобы они распоряжались в своих имениях как владельцы. Тогда страна благоустроится и поземельная подать установится» [25, с. 156].

Разумеется, мы далеки от мысли идеализировать взаимоотношения монгольских завоевателей с мирным населением покоренных стран. Чаще всего запреты на притеснение мирного населения объяснялись отнюдь не природным гуманизмом и великодушием ханом Чингизидов, а куда более практическими соображениями: во-первых, им необходимо было обеспечить лояльность со стороны новых подданных; во-вторых, с населения, не подвергшегося грабежам и разорению, можно было взимать больше налогов. Более того, приведенные примеры соблюдения прав мирного населения, по сути, единичны, тогда как примеров обратного – насилия над мирными жителями, грабежей и разорения городов – гораздо больше. Попытаемся проанализировать обстоятельства, при которых монголы проявляли жестокость и нарушали вышеприведенные правовые нормы.

Оставляя в стороне кампании монголов, которые преследовали цель исключительно грабежа (как, например, периодические набеги золотоордынских войск на Польшу, Венгрию, Литву и пр.) или тотального разрушения государств (к примеру, боевые действия Тимура против Золотой Орды в 1390–1395 гг.), мы рассмотрели примеры действий монгольских войск в тех землях, которые Чингизиды намеревались завоевать с целью властвования. Результаты анализа свидетельствует о том, что и свои действия, сопровождаемые жестокостями и разрушением, они обосновывали с правовой точки зрения!

Так, например, зверства монголов в Волжской Булгарии в течение 1236–1240 гг. объясняются тем, что местные правители, поначалу подчинившись власти монголов, впоследствии восстали: «Пришли тамошние эмиры Баян и Джикун и [изъявили] царевичам покорность. Получив милость, возвратились [назад], но снова взбунтовались. Снова послали Субадай бахадур, чтобы [тот] овладел [ими]», – сообщает персидский историк Рашид ад-Дин [цит. по: 1, с. 173]. Жестокость, с которой золотоордынский хан Токтамыш (прав. 1380–1395) обрушился в 1382 г. на русские земли, также объяснялась тем, что его русские вассалы отказались ему повиноваться и пытались вести себя с «царем», как с равным, ограничившись «дарами» вместо выплаты дани [«выхода»] [см., напр.: 16, с. 69]. Будущий бухарский хан Мухаммад Шайбани, захватив в 1500 г. Бухару, о чем было сказано выше, не позволил своим воинам притеснять местное население. Но когда бухарцы, ошибочно истолковав его великодушие как слабость, некоторое время спустя восстали и прогнали его наместника с гарнизоном, Шайбани-хан немедленно обрушился на город и подверг его разорению, а жителей – грабежу, насилиям и избиению [см.: 9, с. 31; 13, с. 122–123].

Таким образом, монгольские правители применяли насилие по отношению к мирному населению в тех случаях, когда вассалы восставали против своего законного сюзерена – хана из рода Чингизидов. Мятеж и, тем более, предательство доверия рассматривались монголами как одно из страшнейших преступлений и подлежали незамедлительному и суровому наказанию. Таким образом, они, карая восставших и предателей, никоим образом не нарушали правовых норм о правах мирного населения, а следовали другим нормам, предписывающим суровое пресечение любого

покушения на власть монархов из дома Чингиз-хана. Дело в том, что потомки Чингиз-хана (члены так называемого «Золотого рода») являлись также и носителями некой божественной харизмы (являвшейся основанием их права на власть) [см.: 5, с. 133, 135; 22, с. 143]. Поэтому такие посягательства на их власть рассматривались и как преступления религиозного характера, нарушающие вселенский порядок, что лишь усиливало жестокость карательных мер. Так, например, известны случаи жестокой расправы золотоордынских ханов с русскими князьями, совершившими (по воззрениям монголов) преступления в сакральной сфере [см., в частности: 19; 20].

В более поздние времена религиозный аспект в правовом обосновании чрезмерной жестокости монголов значительно усилился. Если первые монгольские ханы придерживались принципа религиозной толерантности, то их потомки, принявшие ислам, зачастую оправдывали свои агрессивные устремления, придавая военным кампаниям характер «священной войны». Один из наиболее показательных примеров – поход уже неоднократно упоминавшегося Мухаммада Шайбани-хана против казахов в 1509 г. Как известно, казахи и узбеки были весьма родственными народами (зачастую представители одних и тех же племен проживали как в казахских, так и в узбекских владениях) [см., напр.: 24, с. 56], и правившие ими ханы были родственниками друг друга: узбекские ханы происходили от Шибана, пятого сына Джучи, первенца Чингиз-хана, а казахские – от Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи. Тем не менее, между казахами и узбеками существовала многолетняя вражда из-за спорных территорий и постоянных грабежей друг друга в ходе набегов. Чтобы придать своему очередному грабительскому набегу на казахов законный характер, Шайбани-хан обратился к придворным знатокам мусульманского права, и те издали фетву, согласно которой казахи объявлялись язычниками, а война против них – газаватом, то есть борьбой во имя торжества веры [11, с. 80; 21, с. 32–33; 25, с. 105–106]. Соответственно это решение правоведов в полной мере оправдывало любые проявления жестокости, грабежи, пленение и уничтожение мирного казахского населения: правоверные мусульмане, к каковым относили себя бухарский хан и его приверженцы, могли позволить себе не церемониться с «неверными»!

Безусловно, такие действия монголов не всегда осознавались их иностранными современниками в правовом аспекте, и поэтому карательные меры ханских войск зачастую трактовались как проявление природной жестокости монголов. Не удивительно, что подобные проявления жестокости в большинстве случаев заставляли забывать о более редких примерах соблюдения завоевателями прав гражданского населения.

Таким образом, в праве Монгольской империи имелись официально зафиксированные нормы о соблюдении прав мирного населения в период завоеваний, которые применялись и государствами – преемниками империи. Можно отметить, что многие положения цитированного выше документа нашли отражения в современном праве войны и мира, в том числе – в IV Гаагской конвенции 1907 г. и IV Женевской конвенции 1949 г. [см., напр.: 2, с. 242; 29, р. 118]. Это подчеркивает передовой для своего времени характер правовых норм Монгольской империи, касающихся взаимоотношения с населением завоеванных стран (в европейской военной практике неограниченный грабеж и насилие над мирным населением сохранялись как правовой обычай еще в XVI–XVII вв. [см., напр.: 28, р. 19–21]). Вместе с тем, нельзя не отметить, что и примеры несоблюдения упомянутых прав, как правило, имели под собой законные (с точки зрения монгольских завоевателей) основания.

1. Арсланова А.А. Остались книги от времен былых... – Казань: Татарское книжное изд-во, 2002. – 239 с.

2. Бирюков П.Н. Международное право: Учебное пособие. – М.: Юрист, 1998.

3. Болдырев А.Н. Зайнабдин Васафи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). – Душанбе: Адиб, 1989. – 464 с.

4. Болдырев А.Н. Очерки жизни гератского общества на рубеже XV–XVI вв. (Зайн ад-Дин Махмуд Васафи. Бадаи ал-Вакайи («Удивительные события»)) // Государственный Эрмитаж. Труды отдела Востока. Т. IV. – Л., 1947. – С. 313–422.

5. Григорьев А.П. Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII–XV вв. // Востковедение. Вып. 3. 1977. – С. 132–156.

6. Далай Ч. Монголия в XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 232 с.

7. Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., ввод ст., коммент. Р.П.Храпачевского. – М., 2009. – 335 с.

8. История Казахстана в персидских источниках. Т. IV: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные

А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным / Подг. нов. изд., введ., пер., коммент. М.Х.Абусеитовой, Ж.М.Тулибаевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 620 с.

9. История народов Узбекистана. Т. 2: От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. – Ташкент: Изд-во АН СССР, 1947. – 513 с.

10. «История Татар» Ц. де Бридиа / Пер. С.В.Аксенова, А.Г.Юрченко // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». – СПб.: Евразия, 2002. – С. 75–126.

11. *Исхаков Д.М.* Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. – Казань: Изд-во Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. – 196 с.

12. *Кушкумбаев А.К.* Военное дело в Золотой Орде // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сб. материалов Междунар. науч. конф. Алматы, 21–23 ноября 2007 г. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – С. 114–123.

13. *Мукминова Р.Г.* О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в. // Тр. Института востоковедения АН Узбекской ССР. Вып. 3. – Ташкент, 1954. – С. 119–137.

14. *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. – М.: Наука, 1965. – 224 с.

15. *Плано Карпини И. де.* История монгалов / Пер. А.И.Малеина // Путешествия в восточные страны. – М.: Мысль, 1997. – С. 28–85.

16. Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 264 с.

17. *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. – М.: АСТ; СПб.: Евразия, 2006. – 352 с.

18. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды / Ред. И.М.Миргалеев. – Казань: Фэн, 2009. – 260 с.

19. *Рыкин П.О.* Гибель князя Михаила Черниговского в свете традиционных монгольских верований // Россия и Восток: Традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы. Материалы IV международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». – Омск, 1997. – С. 85–89.

20. *Рыкин П.О.* Монгольский средневековый ритуал в летописном рассказе об убийстве князя Романа Рязанского (1270 г.): опыт интерпретации // *Nomadic Studies*. 2005. № 11. – С. 62–73.

21. *Семенов А.А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Тр. Академии наук Таджикской ССР. Т. XII. 1954. – С. 3–37.

22. *Скрынникова Т. Д.* Представления о харизме и культ Чингисхана у монголов // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 15. – СПб., 1995. – С. 142–159.

23. *Сумьябаатар Б.* Монгольский законодательный памятник XIII в. – новый список // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2005. – С. 157–164.

24. *Тынышпаев М.* Отзыв о труде А.П.Чулошникова по истории казак-киргизского народа // Тынышпаев М. История казахского народа. – Алматы: Санат, 2002. – С. 49–66.

25. *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани.* Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя») / Пер., пред., прим. Р.П.Джалиловой. Под ред. А.К.Арендса. М.: Наука, 1976. 448 с.

26. *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита / Вступ. ст., пер. и коммент. О.А.Акимовой. – М.: Индрик, 1997. – 319 с.

27. Хрестоматия по истории Средних веков. Т. II. X–XV века. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1963. – 752 с.

28. *Black J.* European warfare, 1494–1660. – London; New York: Routledge, 2005. – 244 p.

29. The legitimate use of military force: The just war tradition and the customary law of armed conflict / Ed. by H.M. Hensel. – Aldershot; Burlington: Ashgate, 2008. – 302 p.

Монгольское завоевание владений восточных кыпчаков и Волжской Булгарии

Завоевание монголами стран Европы и Азии достаточно детально освещено в историографии. Однако некоторые проблемы еще не раскрыты. К сожалению, почти не исследована борьба племен восточных кыпчаков и волжских булгар с монгольскими завоевателями. Это обусловлено фрагментарностью источников по данной тематике и недостаточным интересом к ней со стороны историков, которые фокусируют свое внимание на монголо-хорезмийской войне 1219–1222 гг. и на походе Субэдэя-багатура и Джэбэ-нойона против кыпчаков восточноевропейских и северокавказских степей. В.Бартольд исследовал историю кыпчаков в контексте истории Средней Азии (в нашей терминологии Центральной Азии). Соответственно и история монгольского завоевания Дашт-и-Кыпчак рассматривалась им как история хорезмийско-монгольских отношений [5]. Й.Маркварт рассматривал войны восточных кыпчаков с монголами в фокусе общекыпчакской истории [45]. Предметом исследования Т.Оллсена были как военные действия в Волжско-Уральском междуречье, так и в восточной части Дашт-и-Кыпчак [51]. Отдельно необходимо отметить исследования казахских ученых С.Ахинжанова [4], А.Кадырбаева [29], Т.Султанова [32].

Составители «Юань-ши» указывают, что причиной столкновения между монголами и кыпчаками была помощь кыпчакского хана Инасы меркитам. Перед началом войны Чингис-хан послал ему ультиматум и желал выдачи сыновей Тохтоа-беки. Инасы отказался это сделать и ответил такими словами: «Спасшийся от ястреба воробей спрятался в зарослях, и [у него] появилась возможность спасти свою жизнь. Разве моя забота [о Ходу] хуже [заботы] трав и деревьев о воробье» [42, с. 78; 95, с. 97–98]. По информации Джувейни, меркитский вождь нашел укрытие в местности Каракорум в землях канглов [55, с. 222]. А.Кадырбаев считает, что меркиты и найманы были союзниками кыпчаков до монгольской экспансии [29, 38–39]. К сожалению, арабские и персидские хронисты почти ничего не сообщали об этих фактах. Но сведения китайских источников подтверждает монгольский аноним. Он сообщал, что после битвы на Бухдурме найманы искали укрытия у кара-китаев, а меркиты – у канлинов и кибчаутов [60, с. 94].

Французский востоковед П.Пелльо отождествлял Инасы с Иналом. Производной формой от титула Инал был Иналджык [95, с. 102–103]. Ан-Насави сообщал, что именно Инал-хан был инициатором оттарского инцидента [49, Глава 14]. Среди покровителей Инал-хана главную роль играла его кузина Тэркэн-хатун [49, Глава 14; 48, с. 87]. Необходимо отметить, что ее поддерживала кыпчакская знать, которая была опорой хорезмийской армии [49, Глава 77]. Еще в 1182 г. кыпчаки стали союзниками хорезмшахов, воевавших против кара-китаев [4, с. 208–210]. Ан-Насави датировал первое столкновение хорезмийцев с монголами 612 г. х. и считал, что оно произошло во время похода монголов против кара-китаев [49, Глава 4]. Ибн ал-Асир указывал, что это событие произошло в 616 г. х. на расстоянии четырех месяцев пути от Сейхуна (Сырдарьи) [67, с. 7–8]. Ал-Джуджани считал, что столкновение между монголами и хорезмийцами произошло в 615 г. х. на расстоянии четырех месяцев пути от владений хорезмшахов в местности Югур [68, с. 14; 4, с. 221]. Джувейни датировал этот конфликт временем после 615 г. х. в долине рек Кайлы и Каймыч на границах Туркестана [4, с. 221]. О. Прицак отождествлял эти реки с Иргизом и Тургаем [55, с. 222].

Китайский хронист датировал поход Субэдэя против кыпчаков годом цзы-мао (18 января 1219 г. – 5 февраля 1220 г.). По другим данным, он происходил в год жэнь-у (13 февраля 1222 г. – 2 февраля 1223 г.) [74, с. 499]. Существуют разные данные относительно локализации событий. В биографии Субэдэя есть сообщение, что битва произошла в горной местности Юй-Юй и его противниками были мусульмане [74, с. 498–499]. По данным этого же источника, во время похода на Хуйхуйго (земли мусульман) произошла битва на р. Хуйли. Фактически это описание двух событий.

По сведениям монгольского анонима, вторжения во владения кыпчаков и хорезмийцев происходили в годы Быка (1205 г.) и Зайца (1219 г.) [60, с. 94–96, 138–139]. И. де Рахевильц считает, что события года Быка датируются тем же календарным циклом, что и события года Зайца. Первый поход монголов датированный австралийским исследователем 1217 г. Такая точка зрения была призвана согласовать данные монгольского источника с известиями персидских и арабских хроник [51, с. 353, прим. 11].

И.Маркварт утверждал, что война монголов с кыпчаками происходила во время монгольского похода против хорезмийского султаната [45]. С.Ахинжанов считал, что было два похода и первый из них происходил в 1216 г. [4, с. 220–221]. З.Буниятов [12, с. 134] и Р.Храпачевский [74, с. 191] датируют его 1218 г. Похожие точки зрения предлагали Э. Бретшнейдер и Л. де Хартог [88, с. 276; 73, с. 132]. Д.Синор вообще не датировал походы монголов в восточный Дашт-и-Кыпчак, но сообщал, что кыпчакский вождь Хулусумань сдался в плен монголам перед «Великим Западным походом» [96; 61, с. 365]. Т.Олсен считает, что первый конфликт между монголами и кыпчаками случился в 1219 г. [51, с. 353] И. Ундасынов предположил, что два похода монголов в Дашт-и-Кыпчак произошли в 1216 и 1219 гг. [69]. И.Измайлов считает, что вторжение монголов в Дашт-и-Кыпчак случилось в 1218 г. [25, с. 133].

Как мы могли убедиться, взгляды ученых на этот вопрос слишком разные. Одни опираются на сведения Ан-Насави, другие – на информацию Ибн ал-Асира, третьи отдают предпочтение данным «Юань-ши». В связи с этим более детально необходимо рассмотреть сведения «Сокровенного Сказания монголов», где указано, что Субэдэй получил приказ преследовать меркитов после битвы на Эрдышской Бухдурме. В этой битве монголы победили объединенные силы найманов и меркитов [60, с. 94–97]. Согласно сведениям ал-Джуджани, когда в Туркестане и Дашт-и-Кыпчак впервые появились монголы, хорезмшах преследовал войска Кадр-хана, сына Йакафтана (Сафактана) йемекского [68, с. 14; 97, с. 961, 1096–1097]. Но этот факт обошли вниманием Ан-Насави, Ибн ал-Асир, Рашид ад-Дин и Джувейни. Согласно сведениям ан-Насави, в первой четверти XIII в. Отраром правил Инал-хан [49, Глава 14]. Рашид ад-Дин сообщал, что правителем этого города был Гайр Таку-хан уйгурский [57, с. 198–199]. Скорее всего, разные хронисты имели в виду одного и того же человека. Если это действительно так, то гипотеза П.Пелльо относительно хана Инасы верна [95, с. 102–103, 104–107]. Относительно происхождения правящей династии восточных кыпчаков мы имеем сведения Джуджани, который называл одного из предков Улуг-хана Аджама ханом ильбари и шахом йемеков [97, с. 800, 961, 1294]. В славянских летописях упомянуты племена «отперлюеве» и «половцы емякове», но при описании похода восточных кыпчаков против Волжской Булгарии упомянуты только «половцы емякове» [43, с. 389]. «Половцев Емякове» Лаврентьевской летописи можно сопоставить с племенем, которое Абу Хайан знал как племя йимэк [40, с. 118]. Ан-Насави и ал-Джуджани называли его йемек [49, Глава 11; 68, с. 16].

До монгольского завоевания ставка правящей династии восточных кыпчаков находилась вблизи Юйлиболи-шань [41; 95, с. 97–98, 103–107; 45]. Среди правителей были названы Цюйчу (Кунан или Кючю), Сомона и Инасы [41; 55, 39; 95, с. 97–98, 102–107; 45]. По поводу локализации ставки в науке продолжается дискуссия. Й.Маркварт и С.Ахинжанов считали, что горы Юйлиболи-шань находились на Южном Урале [4, с. 89, 198–199, 201, 282–283; 45]. О.Прицак утверждал, что Юйлиболи-шань это горы Барлык вблизи от оз. Алакуль [55, с. 39]. Горы Юйлиболи могли получить название от племени ильбари [95, с. 103–104, 107–108]. Б. Кумекоев предполагает, что бергу (баргу) это племя ильбари [40, с. 120]. Похожую точку зрения высказал и Й.Маркварт [45]. В.Г.Тизенгаузен и Н.Аристов для обозначения этого этнонима использовали формы бурлы и эльбулы, а К. Д'Оссон – олберли [95, с. 108]. В мусульманской историографии почти не освещена история правящей династии восточных кыпчаков. Только в хронике Джуджани упоминается о Улуг-Хана Аджама, который был делийским султаном и происходил из восточных кыпчаков [97, с. 791–796, 961, 1294; 95, с. 107]. Абар-хана ильбари можно сопоставить с Цюйчу (Кунан, Кючю) [95, с. 103]. Влияние ильбари было настолько значительным, что Хулагу в письме Людовику X Святому упоминал о победе монголов над ольперитами [34; 90, 22; 95, 13].

Тесные связи ильбари с Внутренней Азией (этот термин обозначает степи Центральной Азии) не могут быть оспорены. Но как тогда воспринимать сведения славянских летописцев об отперлюеве в Восточной Европе? Не могли же они наниматься на службу к Юрию Долгорукому из степей Халхи!? Рашид ад-Дин и Джувейни указывали, что Бачман из племени ольбурлик кочевал степями вдоль Волги [68, с. 24, 36–37]. В 1152 г. Юрий Долгорукий пользовался помощью отперлюеве и токсобичей в противостоянии с великим князем Изяславом [28, с. 455; 91, с. 300].

В.Бартольд считал, что Субэдэй столкнулся с хорезмийцами в Тургайской степи уже после победы над меркитами [5, с. 436]. В.Минорский предполагал, что битва произошла в землях канглов между реками Иргизом и Тургаем, с которыми он сопоставил реки Кайли и Каймач [93, Глава 18, Комментарий]. Г. Грумм-Гржимайло предположил, что место битвы может быть локализовано на берегах реки Иргиз [22, с. 425]. Похожей точки зрения придерживался Й.Маркварт [45].

С. Ахинжанов утверждал, что битва между монголами и хорезмийцами произошла в междуречьи рек Кумак и Джарлы [4, с. 220–221]. Э.Бретшнейдер указывал, что битва происходила на север от Дженда и Сырдарьи в землях канглов [88, с. 277]. И. Ундасынов считает, что она была на реке Ирғиз [69]. Джүзджани и Ибн ал-Асир считали, что войско хорезмшаха двигалось на север. Но нам неизвестен точный маршрут передвижения хорезмийцев. Современник событий, Ан-Насави, утверждал, что битва между монголами и хорезмийцами произошла на территории кара-китаев, а не в Дешт-и-Кыпчак [49, Глава 4]. Это случайность или неточность?

Накануне войны с монголами приоритетными для внешней политики Ануштегинидов были западное и восточное направления. События в степях их не очень интересовали. Последнее восстание кыпчаков было подавлено еще в 1210 г. [4, с. 216]. Действия в Дешт-и-Кыпчак были прерогативой местных кыпчакских правителей, которые находились в зависимости от Хорезма. Имея такого покровителя, как Тэркэн-хатун, Иналджик (Инал-хан) мог себе позволить активную внешнюю политику. В начале XIII в. монголы были известны только на просторах Халха-Монголии. И хотя они уже победили кереитов и найманов, Инал-хан считал себя способным противостоять монголам. Учитывая это, становится понятным, почему Инал-хан укрыл у себя меркитов и не желал их выдачи [60, с. 81–93; 41]. Во время своего первого похода в Дашт-и-Кыпчак вряд ли дошли до реки Ирғиз. Местом битвы в горной долине Юй-Юй, могли быть холмистые пространства Северо-Восточного Казахстана, которые более точно отвечали описанию китайского хрониста, чем Тургайское плато. Этому не противоречит информация Джувейни о битве в местности Кумак на границах Туркестана [4, с. 228]. Так персидский хронист мог назвать владения йемеков, наследников Кимакского каганата. Информация о Йакафтани йемекском косвенно подтверждает нашу версию [68, с. 14]. Даже если Йакафтан – это Йусуф татарский, то это не противоречит ей, поскольку татары были одним из племен Кимакского каганата [39, с. 41–42]. Гардизи указывал в легенде о происхождении кимаков о том, что к Шаду пришли семь человек из родственников татар [39, с. 35–36]. Тэркэн-хатун и ее кузен Инал-хан принадлежали к племени йемек [49, Глава 11, Глава 14]. Поскольку Кимакский каганат когда-то был соседом Мавераннахра (Туркестана), то возможна характеристика владения кимаков как окраин Туркестана.

Под 1182 г. мусульманский хронист упоминал о сыновьях йогулов, которые прибыли с кыпчакским вождом Алп-Кара [4, с. 210]. Рашид ад-Дин называл Инал-хана Гайр-ханом уйгурским [57, с. 137]. Китайский хронист считал, что правящая династия восточных кыпчаков вела свое происхождение от байаутов [41; 95, с. 97, 103–107]. Мы считаем, что тюркским соответствием этнонима байаут было огузское племя байандур. Кимаки поддерживали союзные отношения с огузами. Некоторые племена Кимакского каганата имели огузское происхождение [39, с. 37–38, 44]. Кимаки и огузы кочевали во владениях друг друга [39, с. 120]. Они могли заключать династические браки. Мы не видим причин, почему среди предков ханов йемеков не могли быть огузы. По данным китайского источника «Meng-wu erh shih-chi» клан Тутухи не был правящим, а всего лишь был одним из многих. Нам известно, что он имел название па-йа-ву т. е. байаут. Это же племя известно китайцам под другими названиями – Pai-yao-wou, Pai-ya-wou-t'a, Pai-ya-wou-ta, Pai-yao-ta, Pai-yao-tai, Pai-yao-wou-tchen, Pai-yao [90, с. 23; 95, с. 111–112]. Ан-Насави и Ибн Халдун указывал, что Тэркэн-хатун происходила из племени байаут. Это племя ан-Насави относил к йемекам. Джувейни относил Тэркэн-хатун к канглам [90, с. 23].

В связи с этим в историографии сложились две точки зрения на то, какое из племен возглавляло восточных кыпчаков. П.Голдэн считает, что восточные кыпчаки это канглы [90, с. 23]. Йемеков он относит к другой конфедерации, которую возглавляли ильбари. Западные исследователи предполагали, что миграция монголоязычных племен (ильбари и байаут) из Маньчжурии в Центральную (Среднюю) Азию произошла в первой половине XII в. [20, с. 477; 95, 98–110]. С. Ахинжанов же считает, что восточных кыпчаков возглавляли урани из числа кимакских племен и ильбари. Канглов казахский исследователь также считает восточными кыпчаками [4, с. 200–204, 231–234]. Б.Кумекоев предполагает, что в Восточном Дашт-и-Кыпчак, как и в Делийском султанате, доминировали ильбари [40, 127]. О. Прицак утверждал, что ильбари (ольберлю, ольберлик) доминировали в Донецкой и Восточнокыпчакской конфедерациях племен [55, с. 39, 42, 239]. Мы можем предположить, что в конфедерации восточных кыпчаков (йемеков) племя байаут было хатунским, т. е. было связано с кланом ильбари по женской линии, подобно тому, как кунграты (хонкираты) были связаны с династией Джучидов.

Б. Кумеков считает, что в восточной части Дашт-и-Кыпчак доминировали ильбари [40, с. 119, 127]. Улуг-хан, султан Дели, также происходил из этого клана [97, с. 791–796, 961, 1294]. Джувеини указывал, что правителя восточных кыпчаков, которого Джузджани знал как Кадр-хана, еще называли Кадыр-Буку или Кайр-Буку [4, с. 210]. Впервые он упомянут в 1182 г. С.Ахинжанов предположил, что это сын Алп-Кара Урана [4, с. 208]. О Кадыр-хане также сообщали при описании событий 1195 года [4, с. 211; 47, с. 448]. Джувеини указывал, что в том году кыпчаки победили хорезмийцев [47, с. 448]. Рашид ад-Дин утверждал, что Текеша победил Кайр Таку-хан уйгурский [57, с. 137]. Венгерский миссионер Юлиан также указывал на столкновение куманского вождя Витута с султаном Орнаса (то есть Хорезма) [2, 84]. По сведениям Джувеини, в 1198 г. Кутб ад-Дин вместе с Алп-Дэрэком воевал против Кадыр-Буку [4, с. 212; 47, с. 448]. После этих событий Джувеини уже не вспоминал о Кадыр-Буку, а его место занял Алп-Дэрэк Иналчук (Инал-хан) [4, с. 213].

Но возникает логический вопрос: что именно связывало последнего с меркитами? Этноним меркит читается еще как меркут. В тюркских языках ему соответствовал этноним беркут [59]. Возможность такого отождествления меркитов-беркутов с кыпчаками предположил Д. Исаков [27, с. 48–49]. Монгольский компонент сыграл заметную роль в кыпчакском этногенезе. Токсоба были названы арабскими энциклопедистами татарским племенем. Проблема монголо-кыпчакского взаимодействия в центральноазиатских (западноевразийских) степях разработана Й.Марквартом [45], О.Прицаком [55, с. 29,39], С.Ахинжановым [4, с. 110–115] и А.Шабашовым [85, с. 610–629]. Меркиты до монгольской экспансии должны были поддерживать активные контакты с йемеками. Во владениях кыпчаков меркиты могли появиться, только откочивав со своих кочевий через земли найманов в район реки Иртыш [57, с. 153; 60, с. 93–94]. Природные характеристики региона соответствовали описанию Джузджани. Принимая к сведению данные «Юань-ши» о том, что Инасы укрывал у себя меркитов и получил от Чингис-хана ультиматум, можно предположить, что на момент вторжения меркиты уже достаточно далеко мигрировали на запад и находились под защитой кыпчаков. Если хорезмийцы продвигались к месту битвы четыре месяца, то это было бы возможным, если бы двигались из бассейна Сырдарьи. При этом нужно сделать одно существенное замечание: войско возглавлял не хорезмшах Мухаммед и не Джелал ад-Дин, а их родственник. Это мог быть не Ануштегенид, а кыпчак из клана ильбари.

Современные исследователи считают, что хорезмийское войско двигалось из Хорезма на север к Иргизу. Но если оно начало продвижение в степи из Сыгнака, можно сделать предположение, что войска шли вдоль течения Сырдарьи к Янгикенту, а потом вышли к реке Сары-Су. Далее войско должно было двигаться вдоль течения этой реки на север на протяжении нескольких месяцев. Таким образом, кыпчаки столкнулись с монголами в междуречье Ишима и Иртыша. Проникнуть в этот регион можно было по «Сары-Суйской дороге» [39, с. 52], от Янгикента она шла на север по течению Сары-су, далее – к горам Улутау и выходила в междуречье Ишима и Иртыша. Продвигаясь далее на восток, кыпчаки вышли в горную местность. Если это столкновение действительно происходило, то это должно было найти отображение в исторической памяти сибирских татар.

Документально это событие было зафиксировано в сибирских летописях. По версии одного из летописцев, ногайский хан Он воевал с Чингиз-ханом. Сыном Она был Тайбуга, который потом покорился завоевателю [70; 83, с. 91–92]. По другим данным, Кызыл-Туром правил Онсон. Его сыном был Иртышак, против которого и воевал Чингиз-хан [70; 83, с. 93]. Летописцы могли модернизировать этническую номенклатуру. Поскольку во время монгольского завоевания Дашт-и Кыпчак ногайцы и казахи еще не сформировались как этносы, возможно предположить, что династия, к которой принадлежали Онсон и его сын, была кыпчакской. Есть и другие гипотезы. О.Прицак считал, что династия Тайбуги была найманской по происхождению, а сам Тайбуга – Даян-хан найманский [55, с. 223–224]. Г.Файзрахманов утверждает, что владения Онсона локализовались летописцами в бассейнах рек Ишим, Обь, Иртыш, а правящую династию этого ханства считает татарской [70; 83, с. 91–94].

Сибирские летописцы, сообщая об основании Сибирского ханства, фактически передавали татарскую историческую традицию дошедшую к россиянам благодаря родословной сибирских ханов. Сибирский летописец указывал, что монголам противостоял не сам Онсон, а его сын. Эти данные получают неожиданное подтверждение в «Юань-ши». В биографии Тутуха указано, что сын Инасы Хулусумань желал договориться с монголами, но его инициативы не были приняты [41]. Принимая датировку монгольского анонима, необходимо учитывать, что описанные события

могли происходить непосредственно в конце объединения монголоязычных племен, т.е. в 1205 г. [60, с. 94–96]. Меркитскую опасность необходимо было устранить, как можно скорее, и вряд ли Субэдэй откладывал решение этой проблемы надолго. Но почему тогда между походами 1205 и 1219 гг. существовал такой перерыв во времени? Это возможно объяснить активностью хорезмийцев и монголов на других фронтах. Непроинформованность современников о событиях в Дашт-и-Кыпчак привела к тому, что два монгольских похода в описаниях арабов и персов слились в один. В связи с этим, для нас очень важны данные монгольского анонима относительно войн монголов с кыпчаками [60, с. 94–96, 141, 146, 148].

То, что Рашид ад-Дин и Джувейни не сообщали о битве между Инал-ханом (а точнее, его сыном) и Субэдэем, которая произошла задолго до монгольского вторжения в Мавераннахр, имело политический подтекст. Если бы они написали об этом, то убийство послов рассматривалось уже не как кровавое преступление против безоружных послов, а как месть. Позицию Инал-хана и хорезмшаха Мухаммеда б. Текеша при таких обстоятельствах можно было оправдать защитой своих владений от посяганий завоевателей. Джувейни и Рашид ад-Дин выступают как апологеты политики Чингисидов и оправдывают их политику на завоеванных землях. Но как же тогда относиться к сведениям Джузджани? Он был придворным историком делийского султана кыпчакского происхождения. Логично сделать предположение, что его информация была неверно интерпретирована. Возможно, хронист не совсем точно понял то, что ему хотели сообщить, поскольку он был не тюрком, а иранцем. К тому же на рассказ Джузджани влияла арабская и персидская исторические традиции. В контексте полученной информации возможно реконструировать сообщение информатора Джузджани. Согласно его данным, перед вторжением монголов в западноевразийских степях хорезмшах воевал против кыпчаков Кадыр-хана. Правитель кыпчаков совершил поход на север и через четыре месяца пути столкнулся с монголами. Эта информация относилась к первому вторжению Субэдэя в Дашт-и-Кыпчак. Поскольку Джузджани получил информацию уже после монгольского вторжения в Мавераннахр, то можно утверждать, что столкновения в степи он соотнес с походом против хорезмийского султаната, хотя эти события происходили в разное время.

Поход в Дашт-и-Кыпчак был демонстрацией силы со стороны монголов. Иначе сложно объяснить, почему кыргызские правители добровольно сдались Джучи-хану. Вместе с кыргызами под властью монголов оказались тасы, тенлеки, тоелесы, тухасы, урсуты, хабханасы, которые, возможно, были кыштымами кыргызов [3, с. 127; 78, с. 104; 60, с. 123; 44, с. 183–184]. Но в «Алтан Тобчи» и «Сокровенном Сказании монголов» упоминался этноним кесдиин, который соответствует кыргызскому термину кыштым [60, с. 123; 44, с. 183–184]. Этот термин использовался кыргызами для обозначения всех своих подданных [77, с. 48]. Поздние тюркские хронисты не знали о кыштымах, но знали о существовании иштяков. Происхождение этнонима иштяк до сих пор неизвестно. Он использовался преимущественно в тюркских источниках. Кроме хроники Абу-л-Гази иштяки упоминались в родословии башкиров племени айлэ. Остяками (иштяками) также называли пермских и сибирских татар [26, с. 24–42]. Возможно, происхождение этнонима «остяк» связано с этнонимом иштяк. Остяками русские называли не только хантов, но и самодийцев [52, с. 238–241]. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что этноним иштяк употреблялся в значении, близком к термину кыштым у кыргызов. Использование термина остяк было обидным для карагасов, поскольку напоминало им о зависимости от кыргызов [52, с. 238–241].

Владения народа шибир, владения логично локализовать в степных и лесостепных просторах Западной Сибири [3, с. 127; 60, с. 123]. Эти территории были известны ал-Умари как страна Ибир-Сибир [67, 236, 460; 68, 127]. Столицей Сибирского ханства был город Сибирь который нам больше известен как Искер [26, с. 27; 55, с. 222–223]. Турок Сейфи Челеби называл соседние с Казанским ханством территории Турой [64, с. 261]. В других документах они названы вилайетом Чимги-Тура [26, с. 33–34]. Именно с монголами связывают основание города Цымги-Тура и других городов Сибирского ханства [7, с. 14–30.]. Этот город до отделения Сибирского ханства от Улуса Джучи был столицей сибирских владений Джучидов, а столицей тюрок Западной Сибири до монгольского завоевания был город Кызыл-Тура [55, с. 223]. Кроме того, нам известно, что монголы во время похода Джучи-хана против «лесных народов» дошли до владений народа Байчжигит. Последних И. Антонов сопоставляет с зауральскими башкирами [3, с. 127]. Масштабные завоевания Джучи-хана были бы невозможны без предварительного разведывательного похода в земли кыпчаков. Поражение, нанесенное Субэдэем, должно было настолько запомниться Иналджыку дабы отбить у него желание сражаться с монголами.

Следующий монгольский поход в восточную часть Дешт-и-Кыпчак произошел в 1219 г. Известно, что в Туркестане (1219–1220 гг.) воевал сам Чингиз-хан и его сыновья [57, с. 198–203]. О действиях Субэдэя большинство персидских и арабских хронистов не сообщали, они даже не знали о факте существования этого полководца, приписывая его успехи полководческим талантам Чингиз-хана или Джучи [68, с. 14; 67, с. 4–11]. Рашид ад-Дин достаточно детально описал действия монголов в бассейне Сырдарьи и в районе Отрара [57, с. 198–199; 5, с. 474–480, 482–484]. Детали степных войн описаны в китайской хронике «Юань-ши». Место Субэдэя там занимает Сянь-Цзун (в данном случае Джучи. – *Я.П.*) [41]. Аналогичный случай можем наблюдать и в кампании монголов против хана Бачмана. Победу над этим кыпчакским вождем хронист также приписывал Сяньцзуну (в этом случае Мункэ. – *Я.П.*) [11, с. 200–201]. Но вряд ли такой ответственный театр боевых действий доверили неопытным Чингизидам. Победителем кыпчаков в обоих случаях должен быть Субэдэй.

В биографии Тутухи противниками монголов выступают Инасы и его сын Хулусумань (Hou-lou-sou-man) [95, с. 97]. Необходимо отметить, что не все кыпчакские вожди поддерживали позицию Инасы. Хулусумань, хотел договариваться о мире, но монголы на его предложения не согласились. Уже сын Хулусуманя Баньдуча (Pan-tou-tch'a, Баньдучар) со всеми племенами (восточных кыпчаков) стал служить монголам [95, с. 97; 41]. Эти данные похожи на сведения сибирских летописцев о Тайбуге [70]. Пэн Да-я указывал, что кебишао сначала покорились, а потом бежали за горы и реки, чтобы продолжать сопротивление [75, с. 77]. В рассказе сунского дипломата освещены события в восточной части Дешт-и Кыпчак. Самых кыпчаков китайцы считали мусульманами и уйгурским племенем [75, с. 77]. Народ канли, о котором упоминает Пэн Да-я, соответствует канглам персидских и арабских источников [75, с. 77]. Посол чжурчжэней в «Pei shi ki» о кыпчаках не упоминал, но указывал, что в регионе, где он был с миссией, кочевали народы молихи (меркиты), холихиз (кыргызы), хангли (канглы), гуйгу (уйгуры), тума (туматы), холу (карлуки) [88, с. 27–28].

Победа над восточными кыпчаками получила освещение и в монгольской летописной традиции. Анонимным монгольским летописцем она оценивалась как победа над хорезмийскими властителями Хан-Меликом и Чжалалдин-Солтаном [60, с. 139]. В поздней монгольской летописи «Белая История» указано, что Чингис-хан согласно пророчеству, друг за другом, победил Манг Кулиг Султан-хагана тогмакского и Дзалилдун султана Сартагульского [6, с. 123]. В «Хрустальном Зерцале» был упомянут сартагульский хан Джэлиледун-султан и томогский Манулан-султан-хан [75, с. 322]. Тогмок, а вернее Тогмак, монгольское название, которое использовалось для обозначения территории Дешт-и Кыпчак [14; 50]. В юаньской историографии очень часто объединяли кыпчакских и хорезмийских властителей. В биографии Го Бао-юя противником монголов был назван султан-хан державы кыпчаков [75, с. 250]. Относительно дальнейшего описания событий в жизни китайского полководца станет понятным, что составители биографии приписали анонимному султан-хану действия, которые совершили Мухаммед б. Текеш и Джелал ад-Дин.

Уже во время монгольского завоевания значительное количество кыпчаков находилось на службе у монголов. После возвращения из Восточной Европы Субэдэй в 1224 г. сформировал войско из побежденных племен – меркитов, найманов, кереитов, канглов и кыпчаков [74, с. 500–501]. Фома Сплитский, описывая монгольское вторжение в Европу, сообщал, что в монгольских армиях было много куманов [84, Глава XXXVI]. Известно, что кыпчак Тутука (Тутуха) был командующим отделения императорской гвардии при хане Хубилае [29, с. 97–98]. Сын Тутухи, Чинкур, был одним из могущественных эмиров Хубилая и после смерти хана Хубилая был одним из тех, кто назначал ханов на престол. Внук Тутухи, Эль-Тимур, также занимал высокое положение в юаньской администрации и фактически сам назначал ханов [90, с. 11; 95, с. 97; 16, с. 393]. После 1335 г. кыпчаков оттеснили от власти, но женщина из кыпчаков-ильбари была женой последнего монгольского императора Юань Тогон-Темура [16, с. 393]. Рашид ад-Дином указывает, что хан Кунджек был старейшиной тех, кто держал зонтик над Чингиз-ханом [32, с. 218]. Кучунь служил в войске Субэдэя [29, с. 46]. Среди кыпчаков на службе у монголов наиболее известны Тутуха, Сидур, Ульчейбадур, Байтимур, Кучебадур, Хасан [29, с. 98–102]. Баньдучар воевал против города Май-цэ-сы [41]. Сидур, Хасан, Ульчейбадур воевали против китайской династии Сун, а Тутуха, Байтимур, Кучебадур – против Хайду и других монгольских повстанцев [29, с. 98–102]. Жалчек-батур отличился в войне против чжурчжэней [75, с. 243]. Кроме кыпчаков в составе монгольского войска были канглы. В китайских источниках указано, что на службе у Чингисидов пребывали вожди Асанбука, Согнак-тегин, Айбай, Або-баят [29, с. 28, 32–33, 35, 46; 95, с. 107]. Кангл Ай-

маур (Эймур, Аймяо) принимал участие в походе Субэдэя и Джэбэ в Восточную Европу и кампании Чингиз-хана против тангутов [75, с. 244]. На сторону монголов перешло 7 тыс. кыпчаков-уруни [48, с. 328].

Мать Ала ад-Дина Мухаммеда б. Текеша – Тэркэн-хатун – во время монгольского вторжения в Мавераннахр бежала из Гурганджа в Мазандаран. Но после четырехмесячной осады крепость Илал пала, и Тэркэн-хатун попала в плен [48, с. 85–86]. Чингиз-хан сохранил ей жизнь, невзирая на то, что она была кузиной Иналджыка [48, с. 77–80]. Тэркэн-хатун пережила самого Чингиз-хана и умерла только в 630 г.х. (18 октября 1232 г. – 6 октября 1233 г.) [48, с. 86]. Иналджык был убит в Отраре, который оборонял полгода [57, с. 198–199; 48, с. 324]. Чингиз-хан еще до того, как монголы подошли к Гурганджу, направил к Тэркэн-хатун посла – хаджиба Данишмеда. Наиболее интересно содержание письма Чингиз-хана к Тэркэн-хатун. Грозный завоеватель неожиданно предложил ей договор, согласно которому он обещал не трогать ее владений [48, с. 83]. Удивительно, что вместо того, чтобы остаться в хорошо укрепленном Гургандже, Тэркэн-хатун почему-то убегает в Мазандран с маленькой свитой, убив при этом много эмиров [48, с. 83–84]. Эти действия невозможно объяснить, не зная особенностей внутренней политики Хорезма. Йемеки Тэркэн-хатун противостояли канглам [48, с. 85]. Ала ад-Дин Мухаммед де-факто не был главным правителем в своем государстве [48, с. 87].

Монгольский летописец указывал, что Субэдэй и Джэбэ вторглись во владения «сартаульского народа», но не хотели трогать владения Хан-Мелика. Хан-мелик – это наместник Хорасана Йамин (Амин) ал-Мульк. Он был кузеном Джелал ад-Дина и одним из вождей канглы [48, с. 334]. Об его измене хорезмшаху сообщал Рашид ад-Дин [57, с. 220–221]. Тактическая уловка монголов сработала [60, с. 139]. Монголы не желали союза с йемеками и канглами, но использовали их разногласия в своих целях. Рашид ад-Дин описывал казни канглов монголами. Карача-хаджиб изменил Иналджыку, но тем не менее его воины были убиты монголами [57, с. 198–199]. Так же же, как и с канглами Отрара, монголы поступили с гарнизонами Бенакента, Сыгнака, Бухары и Самарканда [57, с. 199–208]. Чингиз-хан дипломатическими приемами хотел ослабить кыпчаков руками самих кыпчаков. Тэркэн-хатун лишили власти и бросили в тюрьму [48, с. 325, прим.10]. Среди заложников были Чулюй и Яя [29, с. 32–33, 44]. Но было бы ошибкой считать, что вся знать восточной части Дашт-и-Кыпчак перешла на сторону монголов. Нам известно несколько имен вождей, которые продолжали сопротивление. Представитель клана ильбари Бачман продолжал воевать с монголами до 1237 г. [51, с. 351–362]. Канглы хана Хотосы воевали против монголов в 1223 г. [74, с. 522; 95, с. 105]. Некоторые кыпчаки, которые сначала служили монголам, переходили на сторону их врагов. В 1232 г. часть кыпчаков бежала к чжурчженям [36, с. 221, прим. 27].

Война против кыпчаков продолжалась и после «Туркестанской кампании» 1219–1220 гг. Рашид ад-Дин сообщал, что Чингиз-хан хотел послать против кыпчаков войско Джучи. Джувейни и Вассаф указывали, что Субэдэй и Джэбэ присоединились к Джучи, ставка которого находилась в восточной части Дашт-и-Кыпчак [68, с. 23; 9, с. 244]. Монгольский аноним и в дальнейшем сообщал о столкновениях с кибчаутами и канлинами [60, с. 141, 146, 148]. Абу-л-Гази утверждал, что экспедиция Джучи в Дешт-и-Кыпчак была совершена уже после завоевания Гурганджа. Необходимо критически воспринимать данные Абу-л-Гази об уничтожении кыпчаков, поскольку они очень гипертролизированы. По его информации, кыпчаки, которые не хотели покоряться монголам, бежали в земли иштяков [35, с. 44]. Сибирские летописцы упоминали, что вождь Тайбуга помогал монголам покорять остяков (иштяков) [83, с. 91–94]. Установление монгольской власти над Западной Сибирью стало возможным благодаря помощи кыпчаков. Последние продвинулись в Прииртышье до реки Исеть [46, с. 35–36]. По данным родословца башкирского племени табын мы знаем, что это племя было вынуждено переселиться с Иртыша на Чулман (Каму). Его вождь Илэк-бий (сын Майкы-бия) воевал с сибирским народом [26, с. 29]. Тюркизация Западной Сибири только усилилась во время правления Джучидов [46, с. 31–36]. Можно отметить усиление кыпчакских влияний в Западной Сибири в XIII–XIV вв. [26, с. 23]. К тому же языки сибирских и волжских татар принадлежат к одной и той же диалектной группе, что свидетельствует о значительном кыпчакском компоненте в составе сибирских татар [26, с. 19–23]. Информацию Абу-л-Гази об иштяках, которые сами потом стали кыпчаками, можно истолковать именно таким образом [35, с. 44].

Относительно кыпчакского населения Южного Урала в последнее время пересмотрены традиционные постулаты историографии. В. Костюков и С.Боталов датируют курган у Третьего Пlesa, курган 5 могильника Кайнсая и курган 2 могильника Змеиный Дол не XI–XII вв., а XIII–

XIV вв. [37, с. 116]. К.Шаниязов считал, что основная часть восточнокыпчакских степей была населена канглами [37, с. 119]. Основные кочевья канглов находились между Уралом и Джембой, где команов кангле и зафиксировал Вильгельм Рубрук [31, с. 118–122]. Р.Юсупов при анализе памятников Оренбуржья сообщал о разнообразии расовых типов среди местного населения. Он ассоциирует с кыпчаками носителей южносибирского типа. В связи с отличием башкирских серий от степных Р.Юсупов выразил сомнение в возможности массовых миграций кыпчаков в Башкортостан [37, с. 121]. Проникновение кыпчаков в Башкортостан шло с запада с Северного Кавказа и Донщины. Он поддержал гипотезу В.Иванова о том, что степи Южного Урала были тылом восточноевропейских кыпчаков [23, с. 503].

По подсчетам В.Иванова, на каждое кыпчакское захоронение в данном регионе приходилось 14 тыс. квадратных километров. В них отсутствовали булгарские ремесленные изделия, при том, что через кыпчакские степи проходил торговый путь Булгар-Джурджания (Гургандж, Хорезм) [23, с. 502–503]. Приуралье находилось на северной периферии Дашт-и-Кыпчак, и заволжские кочевники не принимали активного участия в политической жизни региона. Большинство кыпчаков, которые проходили через степи Южного Урала, были заинтересованы в пастбищах Восточной Европы [23, с. 503]. 60 % кыпчакских памятников кыпчаков Волго-Уральского региона находились в степном Заволжье, на территории Самарской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областей [23, с. 501; 18, с. 217–226]. Из них 45 % находились на берегах Волги, Самары, Еруслана и Ахтубы. Относительно предгорий Южного Урала кыпчаки в XIV в. кочевали в бассейне р. Сакмары. К тому же, на Нижней Волге доминировало печенежско-торчское население. Кыпчаки Заволжья кочевали на территориях Оренбургской, Челябинской и Уральской областей [23, с. 501]. Приаральские степи были заняты канглами [31, с. 118–122]. Хотя кыпчаки и кимаки присутствовали на Южном Урале еще в IX в., их роль в этнической истории региона была сильно преувеличена [23, с. 499]. На Урале в домонгольскую эпоху жили башкиры – по соседству с которыми кочевали родственные им печенеги и огузы. Махмуд ал-Кашгари указывал на близость языков огузов и кыпчаков с башкирским языком. В этногенезе башкир также приняли участие и угорские народы Приуралья [87].

Т.Оллсен предлагает следующую реконструкцию завоевания владений канглов: Джучи, известный в исторических хрониках также, как Улуш-иди, атаковал канглов и совершил отдельный поход в местность Кара-Кум (или Каракорум) [51, с. 354]. Китайский хронист указывал, что после побед над русами и аланами Хесымайли воевал против канглов и дошел до города Бо-цзы-ба-ли [29, с. 67; 8, с. 111; 74, с. 522; 95, с. 105]. Р.Храпачевский считает, что Бо-цзы-ба-ли – это Булгар [74, с. 522]. Насколько известно из китайских источников, Хесымайли действовал в составе корпуса Субэдэя, из чего можно предположить, что Бо-цзы-ба-ли китайского хрониста это Булгар, а описание народов, с которыми воевали монголы, отвечает схеме продвижения войск Субэдэя и Джэбэ, которую описал Ибн ал-Асир. Но война восточных кыпчаков с монголами продолжалась еще до 1237 г. [51, с. 351–362]. Это было бы невозможно без поддержки волжских булгар. Для того чтобы завуалировать первую серьезную неудачу монголов и угодить своему начальству, персидские хронисты выдумали историю о непослушании Джучи воле отца. Но в монгольских и китайских источниках нет даже намеков на такие намерения первенца Чингиз-хана. Также Рашид ад-Дин не упоминал о поражении войск Субэдэя от волжских булгар [68, с. 14–15, 20–21; 57, с. 228–229; 58, с. 78–79].

Относительно войны монголов с волжскими булгарами имеем скудные указания на это в нескольких источниках. Джүзджани в «Насиловых Разрядах» указывал, что во время того как Тушихан (Джучи) взял Хорезм иная армия находилась на территории Саксин, Саклаб и Булгар [51, с. 354]. Не совсем отчетливо об этих событиях сообщает Юлиан, указывая, что «Великая Венгрия» была завоевана монголами только после 15 лет войны [2, с. 85]. Ибн ал-Асир вполне определенно говорил о столкновении булгар и монголов. Он сообщал, что в битве уцелело всего 4 тыс. монголов [67, с. 27–28]. Ш.Марджани указывал, что только небольшая часть монголов спаслась бегством через Саксин и Талган [72, с. 7]. В российской и татарской историографии эти события датируются 1223 г. [72, с. 7; 62, с. 49; 82, с. 98]. И.Измайлов, ссылаясь на Г.Белорыбкина, локализирует место битвы в районе Золотаревского городища, близ Пензы [25, с. 137]. Монгольское вторжение изменило характер взаимоотношений в регионе. Волжские булгары предприняли попытку заключить союз с Владимиро-Суздальским княжеством [86, с. 27–33]. Не исключено, что аналогичное предложение поступило и кыпчакам. Кыпчаки и канглы не были окончательно по-

беждены монголами и нашли укрытие у волжских булгар. На территории Среднего Поволжья находились кыпчакские поселения Кайбыч, Шырдан, Тарлау, Читай [27, с. 50]. В «Юань-ши» в варианте Ен Фу территории кыпчаков-ильбари были локализованы между Волгой и Уралом [51, с. 352]. В таком случае, ильбари Бачмана были соседями волжских булгар, ельтукове, Саксина и башкиров [68, с. 35–36]. Во время монгольских вторжений ильбари должны были переселиться на правый берег Волги, где их и зафиксировали Джувеини и Рашид ад-Дин [68, с. 24, 35–36].

И.Измайлов предположил, что после Калкской битвы монголы вышли к Новгороду-Святополчъему, а после этого вернулись на летовья в район Донщины (Подонья). В этом регионе кочевало племя ельтукове [23, с. 495; 25, с. 137]. В. Иванов указывает, что кочевья ельтукове находились в бассейнах рек Дона, Хопра и Медведицы. Их северные границы отмечены каменными стеллами и могильниками на реках Битюг и Хопер [23, с. 495]. Аналогичные и синхронные этим памятники были найдены на территории Саратовской и Самарской областей ниже Самарской Луки [23, с. 495]. Ельтукове во время вторжения туменов Субэдэя и Джэбэ должны были отступить во владения волжских болгар, что и обусловило вторжение монголов в Среднее Поволжье. Это кыпчакское племя не импортировало болгарские товары. Причиной этого В.Иванов считает присутствие в Волжской Булгарии большого количества печенегов и огузов, которые до монгольского вторжения враждовали с кыпчаками [23, с. 495–496, 502–503; 17, с. 108].

«Ельтукове» могли быть частью Донецкой конфедерации кыпчаков, возглавляемой кланом Шаруканидов и племенем токсоба [27, с. 49; 53, с. 68]. В анналах истории сохранилась информация о Ельтуте (брате Кончака) [28, с. 623]. В. Бушаков сопоставляет этноним ельтукове с ойконимом ельток в Крыму и родом ельток Среднего Жуза казахов [13, с. 138]. В 1218 г. рязанские князья Олег и Глеб Владимировичи при помощи ельтукове убили в г. Исады большинство своих родственников [15]. Но завладеть Рязанью им так и не удалось. Ингварь Игоревич нанес им поражение, и в 1220 г. совершил поход в Дашт-и-Кыпчак [15]. После этого ельтукове уже не беспокоили Рязань. Этноним ельтукове достаточно поздно упоминался в летописях. Ельтукове возможно отождествить с племенем, которое было известно П.Голдэну как «Енч-оглы» или Илончук венгерских источников [89, с. 278–279]. Скорее всего, башкирское племя кыпчакского происхождения йылан – это Илончук венгерских источников [38, с. 362].

Кроме того, к булгарам должны были бежать от войск Джучи канглы из Приаралья. Махмуд ал-Кашгари упоминал, что один знатный человек из кыпчаков имел имя Канглы [1, с. 13]. Вильгельм Рубрук знал канглов как команов кангле [31, с. 118–122]. Автор «Сокровенного Сказания монголов» сообщал, что вместе с кибчаутами монголам противостояли канлины [60, с. 94, 141, 146]. Джиованни де Плано Карпини и Бенедикт Поляк знали их как кангитов [31, с. 41; 76, с. 111]. Ан-Нувайри, ссылаясь на Руки ад-Дина Бейбарса, называл канглов кангуоглы (кангароглы) [67, с. 541]. Ибн Халдун употреблял конъектуру каннарали [67, с. 541]. Один из вождей канглы был правителем Майафарикина [92, с. 651]. Под наименованием хангакиши они были известны ал-Идриси [1, с. 11]. Рашид ад-Дин называл канглов канлы [56, с. 84]. В «Цзю Тан шу» кангары упомянуты как кан-хэ-ли [1, с. 10]. Этноним канглы упоминался тюрками в разных формах. Так, казахи Старшего Жуза называли их канглы, каракалпаки и кыргызы – канды, узбеки – канглы, крымские татары и ногайцы – канлы, башкиры – канлинцы [13, с. 135–136; 38, с. 357]. Села Кангарлы и Кэнгэрли зафиксированы в Азербайджане [13, с. 136]. Кроме того, канглы присутствовали в составе войск державы Тимура, державы Кочевых Узбеков и Могулистана. Аталыком внука Тамерлана Искандера был канглы Байан-Тимур. [1, с. 16–17].

Вильгельм Рубрук упоминал, что на восток от Урала кочуют комань-кангле [31, с. 118–122]. Эти территории фактически совпадают с владениями печенегов в конце IX в. [33, с. 226–228; 94, с. 196]. Именно к этой приаральской группе канглов и принадлежал Куттуз (Хотосы-гань). Относительно происхождения этнонима канглы, С.Толстов высказал предположение о том, что кыпчаки, завоевав кангаров-печенегов, сами приняли этот этноним, дабы легитимизировать свою власть [1, с. 13]. Р.Абдуманатов констатирует присутствие в этнонимах канглы и кангар общего корня Канг. Канг это обозначение страны в Приаралье [1, с. 10–11]. Среди китайских хронистов канглы считались потомками племени высоких телег, то есть Гаоцзюй [1, с. 12]. Интересным является тот факт, что канлы Рашид ад-Дина и хамаксии античных географов при переводе имеют аналогичное значение – тележники [56, с. 84; 63, с. 27].

В Западном Казахстане было найдено 103 погребения. Для 63, 4 % из них были характерны простые земляные насыпи. Также было обнаружено несколько статуй. Первая из них была найде-

на в песках Баркын Уильского района Актюбинской области, вторая – в местности Ульке Хромтауского района Актюбинской области, третья – на берегу реки Талдык в Айтекебийском районе Актюбинской области, четвертая – из района Мугоджар, истоков реки Улы-Талдык, местонахождение пятой не установлено. Только последняя имела восточноевропейские аналоги. Иконографические особенности, стилистика и сюжет изваяний региона имели параллели в балбалы Жетысу, Алтая, Южного Урала [10, с. 122, 138, 139, 140, 142]. Для региона Нижнего Поволжья были характерны земляные курганы, а для приуральских земель – курганы с камнями. В.Гарустович, А.Ракушин и А.Яминов считают, что различия между Царевской (Волгоградская и Саратовская области) и Быковской (Приуралье) группами захоронений обусловлены социальными отличиями [18, с. 272]. В. Иванов и В. Кригер предполагают, что эти отличия были обусловлены этническими различиями [24, с. 56–68].

Вождь канглов упомянут в «Юань-ши» как Хотосы-хан, что соответствует тюркскому имени Куттуз. Он был родственником Джелал ад-Дина Манкбурны и был связан родственными узами с Ай-Чичек из племени канглов [12, с. 195]. К сожалению, арабские хронисты упоминают только о факте продажи Куттуза в рабство [12, с. 195]. Когда Куттуз попал в плен, его не стали убивать или высылать в Китай, а продали в рабство в Дамаске [12, с. 195]. После победы монголов над Куттуз-ханом война с кыпчаками продолжалась на территории Поволжья. Вместе с ельтукове и ильбари, канглы воевали против монголов на стороне волжских булгар. Кроме того, их союзниками были булгарские стражи с реки Яик. Под этим наименованием, скорее всего, должны упоминаться башкиры [43, с. 453]. Кроме того, в битве должны были принять участие восточные венгры (венгры-язычники венгерских доминиканцев) [2, с. 85]. Юлиан указывал, что вместе с Фулгарией и Сасцией монголы напали на земли Ведин, Меровии, Пойдовии и царства Морданов [2, с. 85]. Фактически он описывал события в Среднем Поволжье. Именно в этом регионе монголам противостоял вождь клана ильбари Бачман [68, с. 24, 35–36]. Среди булгарских союзников кроме кыпчаков, канглов и башкир были буртасы, волжские финны (марийцы, мордва-эрзя), пермские финны (удмурты). Фактически булгары организовали антимонгольскую коалицию из тюркских племен, финских народов и восточных венгров.

Описывая события 1229 г., анонимный монгольский хронист называл канлинов среди непокоренных народов [60, с. 146]. Угэдэй в 1229 г., по сведениям Рашид ад-Дина, направил корпус под командованием Субэдэя и Кукдая против Саксина та Булгара [58, с. 20–21; 88, с. 300]. Но данные Джувейни позволяют утверждать, что в кампании 1229 г. против саксинов и кыпчаков участвовали не Субэдэй и Кукдай, а Кокетай и Сунитай [51, с. 355–356]. Составители «Юань-ши» указывали, что Субэдэй был направлен Угэдэем против тангутов и чжурчжэней [75, с. 229–230]. Факт выхода монголов к Уралу и Волге описан в Лаврентьевской летописи [43, с. 453]. Принимая во внимание указание «Юань-ши» о бегстве Бачмана к морю, можно предположить, что до кампании монголов на Волге он кочевал в приуральских степях и именно его люди должны были искать защиты у волжских булгар [74, с. 503]. По данным автора летописи, в 1229 г. на Урале произошло столкновение между булгарской стражей (башкирами) и монголами [43, с. 453]. А.Халиков считал, что монголами во время этого похода были покорены только приуральские степи [71, с. 28]. И. Ундасынов предположил, что именно в 1229 г. была завоевана восточная часть Дешт-и-Кыпчак [69]. Летом 1234 г. в Монголии стало невозможно скрыть информацию о неудачных кампаниях в Восточной Европе [51, с. 357]. Монголы боялись, чтобы пожар не разгорелся в степи. Эту фразу можно рассматривать как эпитет к действиям Бачмана. В «Юань-ши» о Бачмане упоминали, как об умелом полководце. Тот факт, что «Великий Западный поход» монгольский аноним назвал «кыпчакским» позволяет нам утверждать, что кыпчаки, которые укрылись во владениях булгар совершали рейды на оккупированные монголами территории [60, с. 148].

Было бы неправильно не рассматривать действия монголов против кыпчаков в Нижнем Поволжье. Владимиро-суздальский летописец сообщал, что в 1229 г. кыпчаки и саксины искали защиты у булгар [43, с. 453]. Кстати, именно 1229 г. П.Голден считает временем начала действий Бачмана против Чингисидов [90, с. 28]. Р.Почекаев и Л.Черепнин утверждали, что монголы завоевали Саксин еще в 1229 г. [54, с. 96; 81, с. 190]. Напротив, В.Каргалов указывал на то, что монголы лишь потеснили саксинов и кыпчаков [30, с. 67]. Б.Греков повторил данные Лаврентьевской летописи [21, с. 207]. Т.Султанов утверждает, что Саксин был завоеван в 1229 г. [65, с. 206]. А. Халиков и И. Халиуллин предполагали, что монголы атаковали Нижнее Поволжье в 1223, 1232, 1237 гг. [72, с. 9–11, 17]. И.Измайлов предполагает, что монголы воевали против саксинов в

1229 г., а в 1236 г. завоевали Саксин [25, с. 146]. Л. Де Хартог указывает, что детали кампании Субэдэя в Нижнем Поволжье нам неизвестны [73, с. 217]. Д.Исхаков и И.Измайлов утверждают, что монгольское продвижение на запад и север было остановлено отчаянным сопротивлением кыпчаков и волжских булгар [27, с. 50]. Неизвестно когда именно монголы завоевали Саксин. Венгерский доминиканец Рихард во время путешествия по Восточной Европе не зафиксировал продвижения монголов на запад от Волги [2, с. 79–81].

Но Юлиан в 1238 г. указывал, что монгольские войска вышли на границы Руси, и упоминал, что они уже покорили Сасцию и Фулгарию [2, с. 85]. Монгольское вторжение в пределы Волжской Булгарии датируется 1236 г. [27, с. 56; 72, с. 12–13]. Сведения о покорении Волжской Булгарии сообщал Джувейни и Рашид ад-Дин [68, с. 24, 35]. Логично допустить, что Саксин был завоеван монголами во время «Великого Западного похода», то есть в 1237 г. Перед взятием Саксина должна была пасть и Вожская Булгария. Владимиро-Суздальский хронист сообщал о том, что монголы, взяв столицу волжских булгар, уничтожили в ней все население. Сведения о тотальном уничтожении горожан зафиксированы и в хронике Джувейни [43, с. 460; 68, с. 24].

Сведения письменных источников подкреплены данными археологических исследований. Под ударами монголов упали Биляр (Великий город), Булгар на Волге (Бряхимов), Сувар и Муромский городок [79, с. 165, 174–175; 80, с. 183, 188; 25, с. 137, 138–140, 146]. Возможно монголы так мстили за неудачный поход 1232 г. и более ранние поражения [43, с. 459]. Такая показательная жестокость должна была сломить волю булгар. Кроме того, монголы мстили за предыдущие поражения и запугивали эмиров Волжской Булгарии. Байан и Джику после падения Булгара перешли на сторону монголов [68, с. 35; 25, с. 145–146]. Но они потом восстали. В татарской исторической традиции, по предположению А.Халикова, они соответствуют сыновьям Абдуллы Алим-беку и Алтын-беку. Алтын-бек ушел за Каму, а Алим-бек построил новую столицу на Черемшане [72, с. 18]. Против восставших булгар? по сведениям галицко-волынского летописца, были направлены отряды Субэдэя-багатура и Бурундая [28, с. 785].

Бенедикт Поляк сообщал, что Бату, пребывая на Руси, выступил против билеров (Великой Булгарии) и мордванов [76, с. 112]. Джиованни ди Плано Карпини упоминал, что монголы после того как победили мордванов? атаковали билеров, а оттуда пришли в землю Баскарт [31, с. 47–48]. Владимиро-Суздальский летописец сообщал, что в 1239 г. монголы воевали в мордовских землях [43, с. 470]. Р.Фахрутдинов считает, что война монголов с булгарами продолжалась с 1236 г. по 1240 г. [82, с. 101–102]. Это целиком возможно, поскольку в ином случае галицко-волинский летописец вряд ли бы упомянул о волжских булгарах при описании взятия Киева [28, с. 785]. После победы над ильбари и волжскими булгарами, в 1237 г. монголы должны были атаковать восточноевропейских кыпчаков и первыми на их пути должны были оказаться кыпчаки-ельтукове, владения которых находились вблизи от Рязанского княжества. По данным Юлиана, монголы во время его отъезда из Поволжья находились около крепости Ovcheruch (Воронеж), что свидетельствует о том, что в записках венгерского миссионера описаны события 1236–1237 гг. [2, с. 86].

Война между кыпчаками и монголами началась в 1205 г., когда Инал-хан укрыл у себя меркитов. Первый поход, который совершил Субэдэй-багатур в Дашт-и-Кыпчак, завершился победой над кыпчаками и меркитами. Завоевание большей части восточной половины Дашт-и-Кыпчак было завершено в 1219–1221 гг. Ильбари, которые не хотели покориться монголам, откочевали на север к границам Волжской Булгарии, с которой и заключили антимонгольский союз, который обусловил успешный для булгар результат кампаний 1223 и 1232 гг. Столкновение монголов с Волжской Булгарией было обусловлено помощью булгаров побежденным кыпчакам-ельтукове и канглы. Монгольское завоевание Саксина произошло в 1237 г., а волжские булгары продолжали сопротивление до 1240 г.

1. Абдуманов Р.А. Культурно-историческая основа кыргызского племенного образования кангды // Тюркологический сборник: Тюркские народы России и Великой Степи, 2005. – М.: Восточная литература, 2006. – С. 6–20.

2. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. – М.: Институт истории АН СССР, 1940.. – С. 71–112.

3. Антонов И. В. Образование Улуса Джучи // Золотоордынское наследие. – Казань: Фэн АН РТ, 2009. – Вып. 1. – С. 127–137.

4. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Илим, 1989. – 291, [2] с.

5. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. – М.: Наука, 1963. – 760 с.
6. *Saγan teuke* – Белая история – монгольский историко-правовой памятник XIII–XIV вв. (сост. критич. текста, пер. «Белой истории» Балданжапова П.Б.; исслед., ред. пер., сост. комм., подгот. текста «Белой истории» к публикации, пер., комм. к «Шастре хана-чакравартина» и «Шастре Орунга» Ванчиковой Ц.П. / Под ред. Чимитдоржиева Ш.Б., Скрынниковой Т.М. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. – 200 с.
7. *Белич И.В.* Цымги-Тура. К вопросу о происхождении и значении раннего имени г. Тюмень // Тюркологический сборник, 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – М.: Восточная литература, 2009. – С. 14–34.
8. *Березин И.Н.* Нашествие Батыя на Россию // Журнал Министерства Народного Просвещения – Отд. отт. – СПб., 1855. Ч. LXXXVI. Отд. II. – С. 79–114.
9. *Березин И.Н.* Первое нашествие монголов на Россию // Журнал Министерства Народного Просвещения. Отд. отт. – СПб., 1853. Ч. LXXIX. Отд. II. – С. 221–250.
10. *Бисембаев А.А.* Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII в.). – Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2003. – 232 с.
11. *Бичурин Н. (о. Иакинф).* История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. – М.: АСТ. Транзиткнига, 2005. – С. 7–234.
12. *Бунятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегенидов, 1097–1231. – М.: Наука, 1986. – 247 с.
13. *Бушаков В.А.* Тюркская этноэкономика Крыма. Диссертация – М.: АН СССР Институт языкознания АН СССР, 1991. – 265, 104 с.
14. *Валидов А.А.* Происхождение казахов и узбеков. <http://odnap11yazyk.narod.ru/uzbekkaz.htm>
15. *Гагин И.А.* Рязань и половцы. http://www.i-gagin.ru/content_art-4.html
16. *Гальперин Ч.Дж.* Кыпчакский фактор: ильханы, мамлюки и Айн-Джалут // Степи Европы в Епоху Средневековья.– Донецк: Донецкий национальный университет, 2008. – Т. 6.: Золотоордынское время. – С. 385–400.
17. *Гарустович Г.Н., Иванов В. А.* Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа: Гилем, 2001. – 212 с.
18. *Гарустович В.Н., Ракушин А.И., Яминов А. Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). – Уфа: Гилем, 1998. – 336 с.
19. *Голден П.* Кыпчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 1. – Улан-Удэ: БЦ СО РАН, 2004. – С. 103–136.
20. *Голден П.* Формирование кумано-кыпчаков и их мира // МАЭИТ.– Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ, 2003. Вып. X. – С. 458–480.
21. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 479 с.
22. *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. – Л.: Издание научного комитета Монгольской Народной Республики, 1926. Т. 2.: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. VI. – 896 с.
23. *Иванов В.А.* Кыпчаки в восточной Европе // История татар. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2006. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. – С. 492–503
24. *Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале. – М.: Наука, 1998. – 92 с.
25. *Измайлов И.Л.* Походы в Восточную Европу 1223–1240 гг. // История татар. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2009. – С. 133–160.
26. *Исхаков Д.М.* Введение в историю Сибирского ханства. Казань: Институт Истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. – 196 с.
27. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. – Казань: Институт истории АН РТ, 2000. – 136 с.
28. *Ипатьевская летопись* // Полное Собрание Русских Летописей. – М.: Восточная литература, 1962. Т. 2. –XVI. 938. 87. IV с.
29. *Кадырбаев А.Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. – Алма-Ата.: Гылым, 1990 – 160 с.
30. *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития Феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. – М.: Высшая школа, 1967. – 263 с.
31. *Джиованни де Плано Карпини.* История монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Пер. с лат. А.И.Малеина. Ред., вступит. ст. и примеч Н.П.Шастиной. – М.: Гос. изд-во географ. лит-ы, 1957. – 270 с.
32. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. –2-е изд. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 368 с.
33. *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 560 с.
34. *Кляшторный С.Г., Творогов О.В.* Ольберы // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». <http://feb-web.ru/feb/slovenec/es/es3/es3-3571.htm>
35. *Кононов А.Н.* Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. – М.; Л.: Изд-во ЛО АН СССР, 1958. – 193 с.

36. Костюков В.П. Была ли Золотая Орда Кыпчакским ханством? // Тюркологический сборник: Тюркские народы России и Великой Степи, 2005. – М.: Восточная литература, 2006. – С. 199–237.
37. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – 200 с.
38. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – М.: Наука, 1974. – 571 с.
39. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 156 с.
40. Кумеков Б.Е. Об этническом составе кыпчаков XI – нач. XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 2. – М.: Наука, 1990. – С. 118–130.
41. Кычанов Е.И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях кыргызов в XIII в. // Известия Академии наук Киргизской ССР. – Фрунзе: АН КиргССР, 1965. Т. V. Вып. 1 – С. 59–65. <http://www.kyrgyz.ru/?page=76>
42. Кычанов Е.И. О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань-ши») // Тюркологический сборник /2001: Золотая Орда и ее наследие. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 75–83.
43. Лаврентьевская и Суздальская летопись по Академическому списку // ПСРЛ. – Л.: Изд-во Академии Наук, 1926–1928. Т. 1. VIII. – 579 с.
44. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи / Пер. с монгольского, введение, комментарий и приложение Н.П.Шастиной. – М.: Наука, 1973. – 439 с.
45. Маркварт И. О происхождении народа куманов / Пер. А.Немировой. <http://steppe-arch.konvent.ru/books/markvart1-00.shtml>
46. Маслюженко Н.Д. Этническая история лесостепного Притоболья в средние века. – Курган: КГУ, 2008. – 168 с.
47. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Арабские и персидские источники VII–XV вв. / Под ред. С.Л.Волина, А.А.Ромаскевича и А.Ю.Якубовского. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1939. Т. 1. [2]. – 612 с.
48. Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. с араб., пред., коммент., прим. и указатели З.М.Буниятова. – Баку: Элм, 1973. – 450 с.
49. Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб. пред., коммент., прим. и указатели З.М.Буниятова. – М.: Восточная литература, 1996. – 798 с.
50. Озкан Изги. Центральная Азия после монгольского нашествия – Ислам и переход к оселости, как его последствия. <http://odnap11yazyk.narod.ru/domongposle.htm>
51. Олсен Т. Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2008. – Т. 6. Золотоордынское время. – С. 351–362.
52. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 1972. – 425 с.
53. Пилипчук Я.В. Исторично-політична географія західної частини Дешт-і Кыпчак напередодні монгольського завоювання // XIV Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. М. Київ. 13–15 травня 2010 р. Київ: Інститут сходознавства ім. А.Ю.Кримського, 2010. – С. 67–69.
54. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. – М.; СПб.: АСТ-Евразия, 2006. – 350, [2] с.
55. Прицак О. Коли і ким було написано «Слово о полку Ігоревім». – Киев: Обереги, 2008. – 360 с.
56. Рашид ад-Дин. Собрание летописей. – М.; Л.: Изд-во АН ССР, 1952. Т. 1. Кн. 1 / Пер. с перс. Л.А.Хетагурова. Редакция и прим. проф. А.А.Семёнова. – 222 с.
57. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – М.; Л.: Изд-во АН СССР., 1952. –Т.1. Кн.2 / Пер. с перс. Смирнова О.И., прим. Панкратов Б.И., Смирнова О.И. Ред. Семенов А.А. – 316 с.
58. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2 / Пер. с перс. Ю.П.Верховского. Прим. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова. Ред. проф. И.П.Петрушевского. – 248 с.
59. Сагидуллин М.А. Семантико-этимологический словарь сибирскотатарских этнопонимов. <http://turkolog.narod.ru/info/st-7.doc>
60. Сокровенное сказание монголов / Пер. С.А.Козина. –М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002. – 156 с.
61. Синор Д. Монголы на Западе // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Донецк: Донецкий Национальный университет, 2008. Т. 6. Золотоордынское время. – С. 363–384.
62. Смирнов А.П. Волжские булгары. – М.: Изд-во ГИМ, 1951. – 302 с.
63. Стрижак О.С. Етніонімія Птолемієвої Сарматії. У пошуках Русі. – Киев, 1991. – 224 с.
64. Султанов Т.И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби // Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. – СПб.; М.: Восточная литература, 2005. – С. 254–272.
65. Султанов Т.И. Чингис-хан и Чингисиды. Судьба и власть. – М.: АСТ, 2006. –445, [1] с.
66. Тарих Нама-и Булгар (Таварих-и Булгарийа). http://ufagen.ru/bashkir/shejere_bash/tarikh_bulgar

67. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб. : Издано на иждевении С.Г.Строганова, 1884. – Т. I: Извлечения из сочинений арабских. XVI, 563, [1] с.
68. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г.Тизенгаузенем и обработ. А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. – 305 с.
69. Ундасынов И. Когда и как Казахстан был покорён монголами? <http://www.arba.ru/article/4252>
70. Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар с древнейших времен до начала XX века. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002. – 240 с. <http://kitap.net.ru/fajzrahmanov1.php>
71. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. – Казань: Фэн, 1994. – 104 с.
72. Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Булгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие. – Казань: ИЯЛИ, 1988. – С. 4–23.
73. Лео де Хартог. Чингисхан. Завоеватель мира. – М.: Астрель, 2007. – 285, [3] с.
74. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. – М.: ООО Изд-во Аст: ОАО ВЗОИ, 2004. – 557, [3] с.
75. Храпачевский Р.П. Золотая Орда в источниках. (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). – М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2009. Т. 3. Китайские и монгольские источники. – 336 с.
76. Христианский мир и Великая Монгольская империя. Материалы францисканской миссии 1245 года. Материалы францисканской миссии. – СПб.: Евразия, 2002. – 478 с.
77. Худяков Ю.С. Сабля Багыра. Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. – СПб: Петербургское востоковедение, 2003. – 192 с.
78. Худяков Ю.С. Западная Сибирь в составе Улуса Джучи // Золотоордынское наследие. Вып. 1. – Казань: «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 104–109.
79. Хузин Ф. Великий город на Черемшане и город Булгар на Волге // История татар. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. – С. 163–179.
80. Хузин Ф., Кочкина А. Города – центры земель-княжеств // История татар. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. – С. 180–189.
81. Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М.: Наука, 1977. – С. 186–209.
82. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. – М.: Наука, 1984. – 216 с.
83. Фишер И.Б. Сибирская история сь самага открытия Сибири до завоевания сей земли русским оружием. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1774. – 692 с.
84. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. – М.: Индрик, 1997. – 319 с.
85. Шабашов А.В. О монгольском элементе в составе средневековых кыпчаков // Цирендоржиевські читання. IV. Тибетська цивілізація та кочові народи Євразії. – Киев: МП Леся, 2008. – С. 610–619.
86. Якимов И.В. Русско-булгарские взаимоотношения накануне монгольского нашествия // Волжская Булгария и монгольское нашествие. – Казань: ИЯЛИ, 1988. – С. 27–33.
87. Янеузин Р. Этногенез башкир. Тюркская теория происхождения башкирского народа. <http://bashkorttar.ru/?p=30>
88. Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to 17th century. Vol. 1–XII. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner and co, 1910. – 334 p.
89. Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the MiddleEast. – Wiesbaden: Otto Harrasowitz Verlag, 1992. – 483 p.
90. Golden P.B. Cumanica II: The Ölberli: The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan // Archiwum Eurasia Medii Aevi. 1986–1987. Vol. VI. – Wiesbaden: Otto Harrasowitz Verlag, 1986 [1988]. – P. 5–29.
91. Golden P.B. The Polovci Dikii // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III–IV. (1979/1980). – Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1980. – P. 296–309.
92. Gökbel A. Kipchaks and Kumans // The Turks. Vol. I. – Ankara: Yeni Türkiye Yayynlary, 2002.– P. 643–659.
93. Hudud al-Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. / Tr. and expl. by V. Minorsky. With the preface by V.V. Barthold. – London: Luzac & co., 1937. XX, (2), 524 p., 12 maps.
94. D’Ohsson A.C. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu’a Timour bey ou Tamerlan. – Amsterdam: Frederik Muller, 1852. T. I. LXVIII. – 453 p.
95. Paul Pelliot, Louis Hambis. Historie des campagnes de Gengis Khan. Cheng-wou ts’un-tcheng lou / Traduit et annote par Paul Pelliot et Louis Hambis. – Leiden: E.J. Brill, 1951. – XXVII, (1), 485 p.
96. Sinor D. The Mongols in the West // Journal of Asian History. Vol. 33. №1. – Bloomington, 1999. – P. 1–44.
97. Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammedan Dynasties of Asia, including Hindustan, from 194 [810 A.D.] to A.H. 658 [1260 A.D.] and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam by Maulana, Minhaj-ud-Din, Abu-’Umar-i-’Usman Jawzani. – London: Gilbert and Rivington, 1881. Vol. 2. 1296, XXVI, VI p.

О численности войска Дмитрия Донского на Куликовом поле

Куликовская битва 1380 г. традиционно считается одной из крупнейших битв позднего Средневековья и по значению, и по размаху. Не касаясь первого, остановимся подробнее на втором ее аспекте – размахе, попытавшись дать оценку численности войска, выставленного Дмитрием Ивановичем и его вассалами на Куликовом поле.

Естественно, что в условиях, когда не сохранилось ни точных указаний относительно мобилизационного потенциала северо-восточных русских княжеств, ни войсковых реестров, подобных, к примеру, литовскому «попису» 1528 г., ни тем более росписи русских «полков», вставших сентябрьским утром 1380 г. на Куликовом поле против ордынской рати, любые рассуждения относительно численности войска Дмитрия Ивановича и его союзников будут носить оценочный и в определенной степени спекулятивный характер. Однако, по нашему мнению, обсуждение этой проблемы позволит определить некоторые рамочные ограничения, внутри которых численность коалиционного войска может считаться более или менее разумной, не фантастической и будет близка к реальной.

В поистине необъятной отечественной историографии Куликовской битвы разброс оценок численности русского войска достаточно велик – от 100–150 тыс. до 30–50 или даже менее тыс. бойцов. Дореволюционная историческая наука придерживалась первого значения. Так, В.Н.Татищев приводит в своей «Истории Российской» цифру в 400 тыс. [35, с. 275], М.М.Щербатов – 200 тыс. [39, с. 168], Н.М.Карамзин полагал, что рать Дмитрия Ивановича насчитывала «более ста пятидесяти тысяч всадников и пеших» [13, с. 40]. Столько же дает и С.М.Соловьев, который сравнивает сражение с «побоищем Каталонским, в котором полководец римский спас Западную Европу от гуннов» [32, с. 277]. В «слишком сто тысяч» определял численность рати Дмитрия Ивановича Д.И.Иловайский [12, с. 120]. Этой же точки зрения придерживались и русские военные историки, например, П.И.Гейсман [5, с. 132] и авторы коллективного труда по русской военной истории «Русская военная сила» [27, с. 102].

В советской историографии длительное время господствовала старая оценка численности русского войска в 100–150 тыс. бойцов. Так полагали, к примеру, авторы коллективных «Очерков истории СССР» [19, с. 224], ссылавшиеся при этом на летописные свидетельства, и Л.В.Черепнин [37, с. 607]. Этой же цифры много позже придерживался в очерке «Военное искусство» в коллективном труде «Очерки русской культуры XIII–XV веков» Б.А.Рыбаков [28, с. 387]. Между тем еще Е.А.Разин в своей классической «Истории военного искусства» пришел к выводу, что «общая численность русской рати, вероятно, не превышала 50–60 тыс. человек» [24, с. 272]. Эту оценку пересмотрел в сторону дальнейшего уменьшения один из наиболее авторитетных специалистов по истории русского военного дела эпохи Средневековья, А.Н.Кирпичников. Он полагал, что на Куликовом поле собралось со стороны Дмитрия Ивановича самое большее 36 тыс. ратников, поскольку армия большей численности (100 или более тыс.) представляла бы собой «неуправляемую толпу людей, только мешающих друг другу» [14, с. 16]. Особняком стоит мнение С.Б.Веселовского, который отмечал, что, возможно, на Куликовом поле было с русской стороны 5–6 тыс. чел. «во фронте» [3, с. 268]. Сегодня сделаны попытки еще более радикального пересмотра численности русской рати. Например, А.А.Булычев полагал, что в русском войске могло быть около 1–1,5 тыс. всадников, а вся рать вместе со слугами и обозниками составляла порядка 6–10 тыс. чел. [1, с. 10–12].

Такой разброс оценок неудивителен, учитывая неудовлетворительное состояние источников по истории кампании 1380 г. На первый взгляд, их сохранилось достаточно много – это и летописные свидетельства, и литературные произведения. Но их ценность отнюдь неравнозначна. Касаясь первой группы источников, летописей, необходимо отметить, что первый, краткий, вариант летописного сказания о сражении, размещенный первоначально на страницах Троицкой летописи, написанной в Москве. – «О великом побоище, иже на Дону», появляется в нач. XV в., т.е. очень скоро после самого сражения [21, с. 419–421]. До нас этот рассказ дошел в Рогожском летописце и в Симеоновской летописи [26. Стб. 139–141; 30, с. 129–130]. Примерно в это же время составлен

был и рассказ, помещенный на страницах Новгородской первой летописи младшего извода [18, с. 376–377]. Но, увы, все эти летописные свидетельства не дают практически никакой конкретной информации о чисто военных аспектах сражения. Пространная летописная повесть, содержащаяся, к примеру, в Воскресенской летописи [22, с. 34–41], была создана много позже и несет на себе отпечаток влияния сформировавшейся к тому времени литературной традиции освещения Куликовской битвы и носит, по словам Л.А.Дмитриева, ярко выраженный публицистический характер [31, с. 331].

Более интересными, на первый взгляд, представляются литературные памятники – прежде всего «Задонщина» и знаменитое «Сказание о Мамаевом побоище». Первый памятник был создан, как полагают многие исследователи, в конце 80-х или в самом начале 90-х гг. XIV в., т.е. непосредственно сразу после битвы [См., например: 31, с. 309–311]. Однако, увы, в первоначальном виде до нас она не дошла и в силу особенностей жанра ни «Задонщина», ни тем более позднее «Сказание», созданное, видимо, в конце XV или в самом начале XVI в. [См., например: 29, с. 251–253], не внушают доверия. Обрисовывая в целом достаточно полно общую картину событий, они дают явно завышенные цифры о количестве бойцов с обеих сторон. Так, «Задонщина» (по Синодальному списку) дает нам цифру в 300 тыс. «кованой рати», а «Сказание» (в Киприановской редакции) – и вовсе 400 тыс. «воинства конного и пешего» [20, с. 100; 31, с. 60].

И поскольку имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют сделать каких-либо определенных выводов о численности русского войска на Куликовом поле, остается прибегнуть к расчетам, исходя из косвенных свидетельств как современных источников, содержащих более или менее точные сведения об особенностях военного дела того времени, так и данных археологии и палеогеографии.

Для того чтобы составить представление о примерных рамочных значениях численности рати Дмитрия Ивановича, необходимо предварительно разрешить ряд основных вопросов, а именно: 1) состав русского войска; 2) вероятный его боевой порядок, определяемый существовавшей на то время традицией и в том числе характером места сражения; 3) численность воинских контингентов, которыми располагали князья и отдельные «земли» в конце XIV – 1-й пол. XV вв.

Проще определиться с последним вопросом. Применительно к 1-й пол. XV в. такие данные есть, и они представляются достаточно правдоподобными. Так, 3 июля 1410 г. 150 русских воинов под началом воеводы нижегородского князя Даниила Борисовича Семена Карамышева и столько же татаринцов царевича Талыча взяли и дотла разграбили Владимир [16, с. 240]. Соперник Василия Темного Дмитрий Шемяка имел в 1436 г. около 500 дворян [11, с. 149]. Литовский князь Острожский в 1418 г. освободил литовского же князя Свидригайло из заключения с 500-ми же «дворянами» [11, с. 146], другой же литовский князь, Александр Чарторыйский, не желая присягать Василию II в 1461 г. покинул Псков и увел с собою «...двора его кованой рати боевых людей 300 человек, опричь кошовых...» [23, с. 58]. Псковичи в 1426 г., во время конфликта с великим князем литовским Витовтом, послали на помощь осажденной Опочке «снастной рати» 50 чел., а главная псковская рать во главе с посадниками Селивестром Леонтьевичем и Федором Шибалкиным вступили в бой с войсками Витовта, имея в своем распоряжении 400 бойцов [23, с. 36]. Князь Василий Юрьевич в 1435 г. взял Вологду, имея «дружины» 300 чел. [36, с. 183]. Спустя 10 лет, зимой 1444–1445 годов на западные рубежи Московского государства в отместку за поход русских на калужские места пришли литвины. Вдогон за ними пошли дворяне удельных князей Можайского 100 человек, верейского – еще 100 и боровского – 60 чел. [16, с. 395]. По другим данным, их было всего 300 [11, с. 151], Литовские же хроники говорят о 500 москвичих [15, с. 60]. Наконец, в печально знаменитом сражении под Суздалем летом 1445 г., в котором Василий II был разбит татарами и пленен, его «полк» вместе с «полками» его вассалов князей Ивана Можайского, Михаила Верейского и Василия Серпуховского насчитывало менее 1 тыс. всадников («мало бе вои их, яко ни с тысячу»), а пришедший ним на помощь владимирский «полк» воеводы Алексея Игнатьевича насчитывал 500 бойцов. Противостоявших им татаринцов было, по сообщению летописца, 3,5 тыс. [33, стб. 104–106; 16, с. 262–263].

Таким образом, численность «полков» в 1-й пол. XV в., т.е. фактически сразу после Куликовской битвы измеряется сотнями, в лучшем случае немногим более 1-й тыс. бойцов. Княжеские «дворы» насчитывают по несколько сот всадников, обычно от 300 до 500, но не более, владимирский «городовой» «полк» (а Владимир – город не из последних в этих местах) – тоже 500, отдельные же отряды мелких вотчинников с уделов не превышают и сотни, редко более.

Зная примерный порядок цифр (десятки и сотни, но никак не тысячи воинов), обратимся теперь к составу русского войска. Последняя по времени и наиболее обоснованная попытка проанализировать его была сделана А.А.Горским [8, с. 97–99; 9, с. 250–264]. Сопоставив содержащиеся в летописях и повестях сведения о составе рати Дмитрия Ивановича и сличив их с данными походов 1375 и 1386/1387 гг., исследователь пришел к выводу, что в состав рати Дмитрия вошли отряды от Москвы, Коломны, Звенигорода, Можайска, Волока, Серпухова, Боровска, Дмитрова, Переяславля, Владимира, Юрьева, Костромы, Углича, Галича, Бежецкого верха, Вологды, Торжка, а также воинские контингенты, выставленные княжествами Белозерским, Ярославским, Ростовским, Стародубским, Моложским, Кашинским, Вяземско-Дорогобужским, Тарусско-Оболенским и Новосильским. К ним необходимо добавить также «дворы» князей-изгоев Андрея и Дмитрия Ольгердовичей и Романа Михайловича Брянского, и, возможно, отряд новгородцев. Не исключал А.А.Горский также и участия в сражении (в полку Владимира Андреевича) отрядов из Елецкого и Муромского княжеств, а также с Мещеры. Анализ сведений наиболее ранних источников дает несколько иные, меньшие значения. – 9 княжеских «дворов» и 12 «земельных» «полков» и, возможно, рязанцы (прончане – ?) и новгородцы.

Приняв во внимание эти данные и сведения о численности «дворов» и «земельных» «полков» (очень грубо считая княжеские «дворы» за 500 всадников каждый, а «земельные» «полки», составленные из мелких вотчинников, по 100), можно предположить, что общее количество выставленных Дмитрием Ивановичем ратников находилось между 6 и 15–6 тыс. Разброс, что и говорить, очень большой. Сузить эти рамки позволяют, на наш взгляд, знания, которыми мы располагаем на сегодняшний день относительно характера места сражения и тактики того времени. Сначала о тактике – можно с высокой степенью уверенности полагать, что боевые порядки и тактика московских ратей в это время практически ничем не отличалась от таковых у татар по той лишь простой причине, что для того, чтобы разбить неприятеля, нужно было, по меньшей мере, иметь схожие с ним приемы ведения сражения. Относительно же татарской тактики того времени есть прекрасный источник – «Уложение» Тимура, практически современника наших событий [34, с. 408–410].

Каковы же были его наставления своим военачальникам? Если войско равнялось 12 тыс. воинов, то Тамерлан полагал возможным «...разделить эти двенадцать тысяч всадников на девять отрядов и разместить их следующим образом: в центре один отряд; правое крыло – три отряда; левое крыло – три отряда; затем главный передовой отряд и его прикрытие – другой отряд. Правое крыло должно состоять также из передового отряда и правого и левого отрядов позади передового. Левое крыло точно так же имеет свой передовой отряд и два отряда позади него...».

Тактические рекомендации в этом случае выглядели следующим образом. С началом сражения амир, командующий войском, «...двигает вперед главный передовой отряд, поддерживаемый передовым отрядом правого крыла, а затем и передовым отрядом левого крыла... Если выдвинутые войска дрогнут, то следует послать для подкрепления один из двух оставшихся отрядов левого крыла; после этого – один из двух оставшихся отрядов левого крыла. Если победа еще не верна, то следует выдвинуть вперед оставшиеся отряды правого и левого крыла...». Из этих строк мы видим несколько волн, атакующих одна за другой, и маневр силами на поле боя, что возможно благодаря эшелонированию боевых порядков в глубину и, как следствие, силу удара можно наращивать за счет введения в бой свежих сил из глубины.

Если мамаево войско действовало так, как предписывал Тамерлан (в чем мы, в принципе, не сомневаемся), то, чтобы выдержать многочисленные, накатывающиеся волна за волной, атаки неприятельской конницы, и русские также должны были иметь схожие боевые построения. И если эти предположения верны, то можно предположить, что войско Дмитрия Ивановича было выстроено, по меньшей мере, в 3 линии с сильными крыльями – сторожа/авангард/центр и сильные правое и левое крылья (которые также могли быть эшелонированы в 2 линии).

Если исходить из такой диспозиции и принять во внимание рекомендации Тимура, то на ратях, насчитывающих десятки, не говоря уже о сотнях, тысяч всадников, можно смело поставить крест и больше к этой теме не возвращаться. Размеры Куликова поля, его ландшафт и растительность на конец XIV в. не позволяют разместить на нем такую массу войск с обеих сторон [См., например: 2, с. 44; 6, с. 20; 25, с. 12], да еще способную маневрировать. Ведь, как отмечал М.В.Горелик, в степях Азии еще за тысячу лет до Куликовской битвы сформировалась «тактика трех «соступов» – лучного, копейного и клинкового. Метательным оружием расстраивались ряды

противника, шоковая атака с копьями полностью ломала строй врага и обращала его в бегство, клинками уничтожалась живая сила» [7, с. 381].

Если же предположить, что войско Дмитрия Ивановича насчитывало менее 12 тыс. всадников, то оно должно было быть поделено на 9 «полков», расставленных в 3–5 линий по тамерланову уложению. Линия от линии, судя по всему, должна была отстоять на «полет стрелы», т.е. максимум на 200–300 м [17, IV. 5]. Вряд ли это ошибочное предположение, поскольку и в Новое время линия от линии отстояла на те же 200–300 шагов. «Полки», вероятно, строились в 5 шеренг, т.е. глубина «полка» должна была составлять порядка 20–25 м. Следовательно, глубина такого строя должна была составить около 1 км (с учетом глубины самих «полков»). С шириной фронта сложнее. Если «полк» насчитывал до 800–900 всадников (при войске в 8 тыс.), то по фронту его ширина должна была составить порядка 300–350 м, если 600–700 (при войске в 6 тыс.) – то около 250 м. При этом для удобства маневрирования между «полками» византийский император и полководец Никифор рекомендовал оставлять широкие проходы, следовательно, при 5 «полках» в линию (согласно тамерланову уложению) ширина фронта получалась равной примерно от 2 до 3 км. Аналогичные расчеты по 15–16 тыс. войску показывают, что глубина строя должна была составить в таком случае (при 12-полковом построении) до 1,5 км, а фронт – не менее 3 км.

Расчеты, конечно, очень грубые и приблизительные, но лучших пока нет. Делая их, мы исходили из предположения, что обе рати были, скорее всего, конными. Настоящая пехота, пешцы, на Куликовом поле вряд ли присутствовала. Выдержать в течение нескольких дней 30-км марша непрофессиональное «земское» ополчение, собираемое время от времени и не имеющее соответствующей подготовки, было неспособно (если только оно не было посажено на телеги для большей маршевой скорости – такая практика, судя по более поздним временам, существовала. Но в таком случае оно неизбежно будет малочисленным). Возможно, что часть русских всадников могла спешиться. Это маловероятно, хотя полностью исключить такой вариант нельзя. Во всяком случае, среди находок оружия на Куликовом поле найден наконечник, по меньшей мере, одной рога-тины, которая была вооружением русских пешцев [25, с. 15, 48].

Возвращаясь к исчислению примерной численности русской рати, можно, конечно, предположить, что московский князь и его воеводы уплотнили боевой порядок за счет сокращения числа линий, сокращения интервалов между ними и увеличения глубины «полков» (до 10 или даже более шеренг) с уменьшением интервалов между ними. Но и в таком случае русская рать все равно должна была занимать значительное пространство как по фронту, так и в глубину – а иначе конные полки будут маневрировать с большим трудом, если вообще окажутся на это способны, а для конницы отказ от маневра равносителен поражению.

Приняв во внимание все эти соображения, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что и для 15–16 тыс. войска Куликово поле было слишком мало. Следовательно, логичным было бы предположить, что ее численность была значительно меньшей – при размерах поля 1,5 на 1 км более или менее свободно действовать на нем могли в лучшем случае примерно 5–6 тыс. всадников (т.е. мы видим цифру, названную в порядке предположения С.Б. Веселовским). Эту цифру мы и считаем наиболее отвечающей как условиям боя, так и тактике того времени, а, значит, и наиболее вероятной. И если полагать названные в «Задонщине» и в т.н. «Синодике Успенского собора», который был опубликован Н.И. Новиковым [20, с. 119; 10, с. 451. Ср.: 4, с. 189], списки русских потерь (11 воевод и примерно 400–500 «бояр», т.е. мелких вотчинников, являвшихся под княжеские знамена «конно, людно и оружно», во главе небольшой, 3–5 чел. свиты [см., например: 38, с. 309–310]) соответствующими в общих чертах действительности, то потеря в битве только убитыми не менее 10% опытных, профессиональных воинов, подготовка которых длилась десятилетиями, должна была расцениваться как очень тяжелая.

1. Булычев А.А. Живые и мертвые // Родина. № 8. 2010. – С. 8–14.

2. Бурова О.В. Принципы и научно-методические подходы по восстановлению лесов Куликовского поля // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. В двух томах. Т. I. – Тула: ООО «Власта», 2003. – С. 36–47.

3. Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. – М.: Наука, 1978. – 343 с.

4. Выдержка из синодика Софийского Новгородского собора // Памятники истории русского служилого сословия. – М.: Древлехранилище, 2011. – С. 188–192.

5. Гейсман П.А. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века. – Ч. I. История военного искусства в средние века. – СПб., 1893. – 160 с.
6. Гласко М.П., Сычева С.А. Ландшафты места Донского побоища // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. В двух томах. Т. I. – Тула: ООО «Власта», 2003. – С. 7–22.
7. Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – С. 359–430.
8. Горский А.А. Москва и Орда. – М.: Наука, 2005. – 214 с.
9. Горский А.А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 392 с.
10. Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся. Ч. VI. – М., 1788. – 506 с.
11. Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 256 с.
12. Иловайский Д.И. История России. Т. II. Московско-литовский период или собиратели Руси. – М., 1896. – 605 с.
13. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. – М.: Наука, 1993. – 560 с.
14. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. – Л.: Наука, 1976. – 135 с.
15. Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. – Т. XXXV. – М.: Наука, 1980. – 306 с.
16. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 488 с.
17. Никифор II Фока. Стратегика. – СПб.: Алетей, 2005. – 288 с.
18. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 720 с.
19. Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. В двух частях. Ч. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 811 с.
20. Памятники Куликовского цикла. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998. – 410 с.
21. Приселков М.Д. Троицкая летопись. – СПб.: Наука, 2002. – 514 с.
22. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 312 с.
23. Псковские летописи // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 256 с.
24. Разин Е.А. История военного искусства. Т. 2. История военного искусства VI–XVI вв. – СПб.: ООО «Изд-во Полигон», 1999. – 656 с.
25. Реликвии Донского побоища. Находки на Куликовом поле. – М.: Квадрига, 2008. – 88 с.
26. Рогожский летописец. Тверской сборник // ПСРЛ. Т. XV. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 504 стб., 35 с.
27. Русская военная сила. Т. I. – М., 1892. – 492 с.
28. Рыбаков Б.А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – С. 348–388.
29. Салмина М.А. К вопросу о времени и обстоятельствах создания «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. LVI. 2004. – С. 251–264.
30. Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. – М.: Знак, 2007. – 328 с.
31. Сказания и повести о Куликовской битве. – Л.: Наука, 1982. – 420 с.
32. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 3 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. II. – М.: Мысль, 1988. – 765 с.
33. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 240 с.
34. Тамерлан. Автобиография. Уложение. – М.: «Эксмо», 2006. – 512 с.
35. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 4. – СПб., 1784. – 595 с.
36. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 288 с.
37. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 899 с.
38. Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирования военно-служилой корпорации (Акты Московской Руси: микрорегиональные исследования. Т. 1). – М.: Институт археологии РАН, 1998. – 544 с.
39. Щербатов М.М. История Российская с древнейших времен. Т. IV. Ч. I. – СПб., 1781. – 598 с.

Сколько всадников мог собрать Мамай? (К вопросу о комплектовании ордынских войск)

Вопрос о масштабах Куликовской битвы напрямую зависит от численности собранных с обеих сторон сил. Особое внимание привлекают количество войск Мамая, которые могущественный темник бросил на Русь. Источники приводят явно не точные количественные характеристики. Русские книжники XV–XVI вв. называют огромные по тем временам цифры – 300 030 человек, 400 000 человек, а Устюжский летописный свод – даже 900 000 человек [3, с. 224, прим. 26.]. А сообщаемое в «Сказании о Мамаевом побоище» количество татарских потерь в Куликовской битве, превышает и эти цифры – 1 012 000 человек [15, с. 183, 187]. Невольно бросается в глаза, что данные о многочисленности врага приводятся поздними источниками, причем цифры в рассказах книжников постепенно нарастали – чем позднее жил летописец, тем большими казались ему силы крымского темника.

Исследователи уже давно критично относятся к данным свидетельствам [16, с. 29]. К примеру, статистик и палеодемограф Б.Ц.Урланис, рассматривая количество потерь, отмечает, что «действительное число убитых на Куликовом поле выражалось, разумеется, не сотнями тысяч, а десятками тысяч» [34, с. 39]. Следовательно, и численность всех войск Мамая необходимо исчислять десятками тысяч человек. Военный историк Е.А.Разин пришел к заключению, что русские войска составили 50–60 тысяч человек. При этом, «источники говорят о большом численном превосходстве татаро-монгольского войска» [20, с. 273–274]. Однако даже предположительное число войск Мамая исследователь не назвал. А.Е.Петров пришел к заключению, что на поле сошлись войска численностью до 30–40 тысяч человек с одной стороны [16, с. 29]. А.А.Булычев определяет вероятное количество сражавшихся на Куликовом поле от десяти до двадцати тысяч человек с обеих сторон [4, с. 46]. Более того, исследователь склонен еще в десять раз уменьшить количество войск на Куликовом поле до тысячи – полутора тысяч человек [5, с. 11].

Таким образом, авторы источников, сохранивших свидетельства о Куликовской битве, были склонны преувеличивать силы сторон, в том числе численность войск Мамая. В современной исторической науке наблюдается, на наш взгляд, обратная тенденция – всячески преуменьшить количество войск и соответственно масштабы сражения.

Определенный свет на мобилизационные возможности Мамая, на наш взгляд, может пролить система комплектования ордынских войск.

Вооруженные силы Джучиева Улуса формировались на принципах, заложенных при построении Империи Чингиз-ханом. Армия состояла из подразделений выстроенных по десятичному принципу: десятки, сотни, десятки тысяч (тьмы); из десятков тысяч составлялись армии, которые делились на центр и два крыла [36, с. 160–170].

Большие армии при длительных походах сопровождал большой обоз. К примеру, китайский сановник Сюй Тин, посетивший монгольскую степь в 1235–1236 гг. и наблюдавший выдвижение монгольской армии в западный поход, отметил: «Я... видел как их [татар] повозки начальников и простолюдинов были нагружены тяжелой поклажей вместе со стариками, детьми и имуществом, и весь народ шел несколько дней без перерыва». Кроме того, Сюй Тин обратил внимание на то, что «большинству [этих татар] было 13–14 лет». Осведомившись о причине такого положения дел, он получил ответ: «Эти все татары перебрасываются воевать в мусульманские государства, куда 3 года пути. Тем, кому сейчас 13–14, будет 17–18 лет, когда достигнут тех мест и все [они] уже будут превосходными воинами» [8, с. 76.]. В военном походе, таким образом, подростки набирались опыта, им прививалась дисциплина. В бой они вступали уже подготовленными.

По свидетельству венгерского миссионера Юлиана, в 1236 г. (в отмеченном выше походе) у монголо-татар «с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших воинов их закона в строю» [2, с. 90]. Вероятно, цифру в 375 тысяч бойцов следует считать сильно преувеличенной. Показательно в этом плане сообщение китайской династийной хроники «Юань-ши» о походе монголо-татарских войск на Китай летом 1258 г. Собранное «Войско в 40 000 [человек] было объявлено называющимся «Стотысячная армия», разделено на три направления и выдвинуто вперед...» [8, с. 198]. Мы видим, что монголы, при начале военных действий, вероятно для психоло-

гического давления на противника, преувеличивают реальное количество бойцов примерно в два с половиной раза. По всей видимости, здесь перед нами та же самая картина – реально армия не превышала 150 000 всадников, однако было приказано объявить ее количественный состав в 375 тысяч человек. Потому вторая цифра, определяющая число «отборнейших воинов» в 135 тысяч человек, очень близкая к высчитанной цифре В.В.Каргалова в 120–140 тысяч бойцов, представляется нам наиболее реальной.

К подобным же цифрам пришел Н.Ц.Мункуев, который, исходя из приказа Угедэя о выделении в состав армии Бату старших сыновей [10, с.191–192], определил численность войск в 139 000 человек [12, с. 396]. Источники называют 14 имен Чингизидов и эмиров: Бату, Менгу, Бучек, Гуюк, Кадан, Бури, Байдар, Кулкан, Орду, Шейбан, Тангут [10, с. 191–192; 23 с. 37], Субедейбахадур, Бурулдай (Бурундй) [23, с. 37], Мункасар-нойон [22, с. 96–каким статусом Мункасар-нойон обладал в момент похода сказать трудно, вероятнее всего, он был нойоном-тысячником и только после того как Менгу занял каанский престол, выслужился до темника и занял важную должность «старейшего из судей»]. Из них статус только Мункасар-нойона оказывается неясным – темник или тысячник. Все остальные из перечисленных явно командуют десятитысячными корпусами – туменами [36, с. 177–185].

Любопытно, что сопоставимые свидетельства приводит Винсент из Бове: «В войсках этого Батота всего шестьсот тысяч, а именно сто шестьдесят тысяч тата и четыреста сорок тысяч христиан и прочих, то есть безбожников» [18, с. 161]. Учитывая практику преувеличения монголами своих сил, мы можем предполагать численность войск Бату в 160 000 человек близкой к реальным военным силам Джучиева улуса.

Военнообязанными, по свидетельству китайской династийной хроники «Юань ши», были все мужчины в возрасте от 15 до 70 лет: «Их [т.е. войск империи] организация [такова]: мужчины в семье, старше 15 и меньше 70 [лет], все сколько ни есть – зарегистрированы в призывном реестре как воины» [8, с. 211].

Однако это правило относилось только к собственно монгольскому войску. В странах, завоеванных монголо-татарами, по распоряжению каана Угедэя (18 ноября – 10 декабря 1229 г.) была установлена несколько иная система «От каждого десятка [семей] в войска записывается один человек, такой, что находится [своими годами] в пределах – от 20 и старше, и до 30 лет включительно; после чего устанавливаются [им] начальники десятков, сотен и тысяч...» [8, с. 212].

Свидетельств о том, что принципы комплектования армии Джучиева Улуса в XIV в. кардинально отличались от системы, установленной Чигиз-ханом и Угедэем, нам обнаружить не удалось.

При этом максимальное количество войск, которое когда-либо выставляла Орда, зафиксировано в источниках при описании событий 1265 г. Тогда, во время войны хана Джучиева улуса Берке со своим двоюродным братом ильханом Ирана Хулагу, ордынскому повелителю удалось собрать до 300 000 человек [24, с. 68]. Причем, чтобы мобилизовать такое количество людей, Берке пришлось сделать «воззвание к войску своему, чтобы сажился на коня всякий, кому десять лет (и более) от роду» [32, с. 74]. Как правило, монголо-татары выставляли не более 150 000 воинов, а в конце XIV в. Орда переживала не лучшие времена, и ее войско не могло сравниться по силе с армиями Батые, Берке, Узбека или Джанибека. Если учесть принцип преувеличения, то реальное количество войск нужно уменьшить в 2,5 раза, и мы получим цифру в 120 000 всадников. Показательно, что Ибн Баттута упоминает при дворе Узбека 17 темников, которые, по всей видимости, должны были каждый возглавлять тумен и в сумме армия составляла 170 000 (цифры сопоставима с числом названным Винсентом из Бове – 160 000). Вероятно, эта цифра – 120 000–170 000 человек – выражает максимальные мобилизационные возможности Джучиева Улуса в период стабильности и могущества.

Показательно, что в 1256 г. при подготовке монгольского похода на Иран ордынские войска выставили по два человека от каждого десятка, и это составило три тумена – 30 000 человек. Общее число войск Джучиева улуса в таком случае должно составлять как раз 150 000 всадников.

Кроме того, в данном примере мы видим принцип комплектования армии для дальних походов с важными стратегическими задачами. Для завоевания Ирана и Ближнего Востока каан Менгу издал распоряжение, по которому «...каждый назначил в [армию Хулагу-хана] из своих братьев и сыновей, не числившихся [в войске], либо рабов [гулям] и людей [просто] расторопных, из расчета по два человека на каждый десяток [своего войска], назначил старшими эмирами своих братьев

и сыновей, которые были достойны должности эмира-темника и эмира-тысяцкого, и всех их послали с Хулагу-ханом в землю Иранскую» [22, с. 280; 24, с. 23].

Подобным образом комплектовалась армия для «семилетнего похода» на запад в 1235 г. Напомню, в состав армии Бату было приказано выделить старших сыновей [10, с. 191–192] (Мункуев определил численность войск в 139 000 человек [12, с. 396]).

В условиях сильного мобилизационного напряжения ильхан Ирана Газан в 1302 г. «приказал собрать все войско, и из каждого десятка семеро воинов должны подготовиться к походу с ним. Говорят, что его армия насчитывала четырнадцать туманов всадников...» [6, с. 100]. К нему присоединился «армянский царь, пришедший с 10-тысячным войском» [6, с. 96]. Однако, необходимо отметить, что к этому времени Газан уже долгое время воевал с египетскими мамелюками.

Таким образом, для длительных походов выделялись чаще всего войсковые контингенты, составлявшие часть общего мобилизационного потенциала Монгольской империи. Как правило, данная часть составляла от 1/5 до 1/3 всех «военнообязанных». В этом плане показательно, что в 1408 г. эмир Идигу (Едигей) во время похода на Москву смог собрать, по всей видимости, не более 50–70 тысяч человек [26, с. 74, 131]. При этом контролируя в данное время всю территорию Джучиева Улуса, Идигей мог собрать под свои знамена до двухсот тысяч воинов [25, с. 144]. Для похода на Русь, таким образом, было мобилизовано до 1/3 всех наличных войск.

Мамай к 1380 г. контролировал только земли Орды к западу от Волги. В течение 1360–1370-х гг. его кочевья увеличились в полтора раза. Имя крымского темника отразилось в названиях разных мест и урочищ, маркируя границы его владений. Мамай-луг, Мамай-гора и Мамай-сурка у Днепровских порогов, Мамай-луг в верховьях Дона, Мамаев курган у излучины Волги [Есть основания полагать, что данный топоним связан с именем ногайского правителя Мамаю б. Мусы, кочевавшего в Поволжье в 1520–1530-х гг. Тем не менее, говорить о том, что Мамаев курган не мог быть связан с именем темника, правившего Ордой в 1360–1380-х гг., нет пока достаточных оснований, 33, с. 464], руины крепости Мамай-кале на берегу Черного моря напоминали соседям о его могуществе. Границы владений Мамаю хорошо отмечены этими топонимами. Так, на Днепре ниже устья реки Псла и выше Конских вод в XVI в. зафиксировано урочище Мамай-луг. Возможно с этим урочищем связаны и расположенная в районе Днепровских порогов Мамай-гора у с. В. Знаменка Каменко-Днепровского района Запорожской области и в 1 км от нее – Мамай-сурка [7, с. 123–124; 1, с. 25–26; 9, с. 36–38]. Известен Мамаев луг и в верховьях Дона – так в начале XVI в. называлось Куликово поле [35, с. 101]. На Волге, в самом центре Волгограда, расположен знаменитый Мамаев курган – памятник подвига советских воинов. На Черноморском побережье Кавказа сохранились развалины крепости, называемые Мамай-кале. На месте руин стояла генуэзская крепость Губа, отмеченная в последний раз на итальянских картах 1375 г. [11, с. 175]. Таким образом, данные топонимики подтверждают, что земли, подвластные Мамаю, раскинулись от Днепра до Волги и Каспия, от Мордовских лесов до Крыма и Кавказа.

На подконтрольных Мамаю территориях располагалось 9 улусов-туменов. Во-первых, это собственный улус Мамаю – Крым. Во-вторых, улусы «Мауци», «Картана» и «Сартака». Они были выделены Батыем при образовании Орды своим ближайшим родственникам, а к 1380 г. составляли владения темников, признавших власть Мамаю. В-третьих, пограничные с русскими землями улусы с зависимым от татар населением – Червлёный Яр и Мордовский улус. В-четвертых, Мамай распоряжался тремя вновь присоединёнными улусами, примыкавшими с юго-востока к его владениям: Северный Кавказ, Дербент и Астрахань [27, с. 59–73]. Каждый улус находился под властью царевича-чингизида или старейшего эмира (великого князя), командовавшего в походе туменом («тьмой») – отрядом в 10 000 воинов. Следовательно, Мамай обладал территориальными и людскими ресурсами, которые могли ему обеспечить войско в 90 000 тысяч всадников [31, с. 297–299]. Это приблизительно половина вооружённых сил всего Джучиева Улуса, что подтверждается территориальными владениями Мамаю, которые также составляли около половины земель Орды.

Вполне справедливое наблюдение [18, с. 16], высказанное, к примеру, Р.Ю. Почекаевым, о том, что улусы-тумены никогда не выставляли положенные 10 000 всадников [19, с. 167], находит прямое подтверждение в свидетельстве китайского сановника Сюй Тина, который отмечал: «В некоторых туменах неполный состав». Но в то же время чиновник делает немаловажную оговорку: «однако это войска из родни [правителя черных татар]..., которые не входят в число темников» [8, с. 75]. Таким образом, мы можем говорить о том, что боеспособные войсковые подразделения содержались у монголо-татар в полном укомплектовании. Правда, в условиях «великой за-

мятни», которая, к тому же, началась после прокатившейся по Орде эпидемии чумы, человеческие ресурсы Орды могли быть сильно понижены.

Правда, в условиях «великой замятни», которая, к тому же, началась после прокатившейся по Орде эпидемии чумы, человеческие ресурсы Орды были сильно понижены.

Таким образом, мы можем определить число войск, больше которого Мамай не мог собрать, – не более 90 000 человек.

Однако более близкой к реальности, по всей видимости, должна быть цифра, определяющая количество войск, не меньше которого Мамай мог собрать.

Источники свидетельствуют, что Мамай для похода на Русь провел мобилизацию, «собрал рати многие и всю землю Половецкую и Татарскую» [14, с. 9]. Но и этих сил темнику казалось недостаточно. К воинам, набранным в подконтрольных ему улусах, он добавил войска, нанятые у соседних народов [По данным позднего Никоновского свода, советники Мамаея говорили ему: «Орда твоя оскудела и сила твоя изнемогла; но взяв богатства и имения без числа много, и наняв Фрягов, Черкасов и Ясов и других к ним, воинства соберешь много и отмстишь кровь князей своих» [17, с. 46].

Однако, рассматривая вышеуказанные свидетельства надо учитывать тот факт, что монголо-татары для стратегических походов выделяли только часть своих войск. Данная часть составляла от 1/5 до 1/3 мобилизационных возможностей государства. В этом случае необходимо признать, что войско Мамаея составило от 18 до 30 тысяч всадников (мобилизованных в собственно подчиненных темнику улусах). При этом надо помнить, что, сбегав с поля битвы, Мамай смог вновь мобилизовать достаточные для противостояния Токтамышу силы. Данный факт косвенно подтверждает, что Мамаем был произведен не тотальный призыв в армию, а только частичный. Остальные всадники остались в резерве, и именно их он попытался использовать в своем противостоянии с Токтамышем.

В первой четверти XV в. русские летописцы значительно увеличили силы могущественного темника, включив в состав татарского войска бесермян, армян и буртасов [14, с. 30]. Однако эти отряды едва ли могли прийти на помощь к Мамаю. Земли бесермян и буртасов могли выставить до 10 тысяч воинов; но после поражения под Булгаром, весной 1377 г., едва ли отважились выступить в дальний поход, оставив беззащитными свои земли. К тому же в это время они, вероятно, контролировались господствовавшим в Заволжье ханом Токтамышем – главным соперником Мамаея. Армения входила в состав государства Джелаиридов и также не могла поставить своих воинов крымскому темнику. Нанять воинов из армянской колонии в Булгаре он не мог по той же причине, что и препятствовала набору воинов среди буртасов и бесермян. Армянские же колонии Крыма не были многочисленны: по крайней мере, в 1365 г. в Солхате Мамаю удалось поставить в строй только 2000 воинов, причем из свидетельств источника не вполне понятно, были ли это армяне или же представители других диаспор [13, с. 98]. Тем не менее, нанять в Крыму дополнительно не менее 2 000 бойцов Мамай мог.

Безусловно, Мамай для похода на Русь собрал значительные силы. Однако принципы комплектования войск в Монгольской империи и Джучиевом Улусе позволяют говорить о том, что вряд ли крымский темник бросил на Русь все имеющиеся у него в распоряжении военные ресурсы. Надо полагать, что армия Мамаея, направленная летом-осенью 1380 г. к границам Московского княжества, составляла порядка 20 000 – 30 000 всадников.

Принято считать, что татарские всадники по численности многократно превосходили русских воинов. Но не следует забывать, что Золотая Орда была расколота на две части, войска Мамаея понесли потери в сражении на реке Воже (видимо был разгромлен тумен [28, с. 47–50]). По всей видимости, войска князя Дмитрия Ивановича Московского составляли 25–30 тысяч человек [29, с. 198–204]. В этой связи, на Куликовом поле войска противников составляли численный паритет – исход битвы в этой ситуации решало военное искусство полководцев и боеспособность войсковых подразделений.

Куликовская битва по своим масштабам, таким образом, являлась крупным сражением средневековья. Большинство русско-ордынских конфликтов ограничивались небольшими воинскими контингентами [30, с. 224].

1. *Андрух С.И. Тоцев Г.Н.* Исследования на Мамай-горе // Археологический вестник. – Запорожье, 1992. (№ 3).
2. *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. – М.; Л., 1940.
3. *Бескровный Л.Г.* Куликовская битва // Куликовская битва. – М., 1980.
4. *Булычев А.А.* Поминание павших на Куликовом поле во вселенском синодике русской митрополии конца XV в. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Вып. 2. Т. 2. – Тула: Гос. Музей-заповедник «Куликово поле», 2007.
5. *Булычев А.А.* Живые и мертвые. Численность и погребение павших на Куликовом поле // Родина. 2010. № 8.
6. Выдержки из «летописи» Нерсеса Палиенца // Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. – М., 1962.
7. *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. – Воронеж, 1991.
8. Золотая Орда в источниках (материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи. Т. III. Китайские и монгольские источники. – М., 2009.
9. *Каприцын И.И.* Палеодемография могильника Мамай-сурка (предварительные результаты) // Археологический вестник. – Запорожье, 1992. (№ 3).
10. *Козин С.А.* Сокровенное сказание. – М.; Л., 1941.
11. *Лавров Л.И.* Этнография Кавказа. – Л., 1982.
12. *Мункуев Н.Ц.* Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М.: Наука, 1977.
13. *Мыц В.* Крым и Золотая Орда в 60–80-х гг. XIV в. // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. II. – Казань, 2007.
14. Памятники Куликовского цикла. – СПб., 1998.
15. Памятники литературы Древней Руси. – М., 1981.
16. *Петров А.Е.* Куликово поле в исторической памяти: формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // Древняя Русь. 2003. № 3 (13).
17. Полное собрание русских летописей. Т. XI. – М., 1965.
18. *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. – М., 2007.
19. *Почекаев Р.Ю.* Мамай. История «антигероя» в истории. – СПб.: Евразия, 2010.
20. *Разин Е.А.* История военного искусства. Т. 2. – М., 1994.
21. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
22. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. – М.; Л., 1952.
23. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
24. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III. – М.; Л., 1946.
25. *Руи Гансалес де Клавихо.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). – М., 1990.
26. *Селезнёв Ю.В.* «А переменит Бог Орду...» (русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV вв.). – Воронеж, 2006.
27. *Селезнёв Ю.В.* Административно-территориальное деление Золотой Орды в XIII–XIV вв. // Новик. Вып. 1. – Воронеж: ВГУ, 1998.
28. *Селезнёв Ю.В.* Битва на Воже: к вопросу о численности войск Бегича // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. – Рязань, 2004.
29. *Селезнёв Ю.В.* К вопросу о количестве населения и мобилизационном потенциале Руси в конце XIV — начале XV вв. (к постановке проблемы) // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2007. № 1.
30. *Селезнёв Ю.В.* Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. – М.: Квадрига, 2010.
31. *Селезнёв Ю.В.* Стратегия и тактика Мамае: к вопросу о численности ордынских войск и маршрута следования к Куликову полю // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. – Тула, 2000.
32. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. – СПб., 1884.
33. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – М., 2002.
34. *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. – СПб.; М., 1999.
35. *Хорошкевич А.Л.* О месте Куликовской битвы // История СССР. 1980. № 4.
36. *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. – М., 2005.

Поход Токтамыша на Киевское княжество в 1380 году

Отсутствие архива государственной канцелярии Золотой Орды ставит исследование ее военной истории в зависимость от источников соседних народов и государств. В одних случаях эти источники дают нам развернутую картину военных событий и организации ордынского войска. Другие же представляют собой довольно лаконичные известия, в которых золотоордынцы выступают лишь фоном. Именно вторая группа источников является пока что единственным лучом света в освещении и анализе военного конфликта Золотой Орды и Великого княжества Литовского, имевшего место в конце 1380 г. По большому счету, мы располагаем двумя короткими известиями. Это сообщение о гибели подольского князя Александра Кориатовича в бою с татарами, что имело место приблизительно в 1380 г [20, s. 156–157; 13, с. 32]. А также подтверждение маентностей киевским князем Владимиром Ольгердовичем от 19 января 1381 г. местному землевладельцу Юрию Ивантичу Половцу-Рожиновському, пострадавшему от недавнего вторжения Заволжской Орды [8, с. 39.]. Хотя источниковая база и крайне узка, мы все же считаем за возможное осветить основные моменты войны: территории, время проведения и стратегические замыслы сторон.

Как известно осенью 1380 года Токтамышу, наконец, удалось подчинить своей власти правое крыло Улуса Джучи [6, с. 59]. Но территория, которую занимало крыло, за время двадцатилетней гражданской войны существенно сократилась. Чернигово-Сиверское и Киевское княжества, а также ордынские земли в междуречье Днепр-Днестр отошли к Великому княжеству Литовскому. Таким образом были потеряны территории, завоеванные еще во время «Западного похода» [9, с. 130–135]. Данная ситуация навряд ли могла удовлетворить хана. Кроме того, признание эмирами власти Токтамыша желательно было скрепить материальными стимулами. Успешный набег на соседей, особенно на фоне недавнего поражения на Куликовом поле, был как нельзя кстати. Этому благоприятствовал и тот факт, что войско, перед этим собранное Мамаем и Токтамышем, было в готовности.

Великое княжество Литовское в рассматриваемый период фактически представляло собой конгломерат удельных княжеств, объединенных одной династией. Земли, забранные у Золотой Орды в 1362 г., входили в несколько княжеств. Самыми большими из них были Подольское и Киевское. Данные княжества представляли собой фактически отдельные государства в рамках более большого. Границы этих государств имели такой вид. Подолье тянулось от верхнего течения Южного Буга, Горыни и Случа до Черного моря. На западе рубеж шел по Днестру, а на востоке южнее Роси в районе Черкас выходил на Днепр и дальше вдоль реки на юг. Что касается Киевского княжества, то оно занимало территории по линии Рось-Случ-Припять-Днепр. На Левобережье Днепра граница тянулась через Трубеж, Остер и южнее Десны и Сейма до верховьев последнего [14, с. 224; 19, s. 162–164; 17, с. 72–73]. Каждое княжество имело свои вооруженные силы. За два десятилетия подольские и киевские войска приняли участие во многих войнах, которые вело Великое княжество Литовское против Польши, Венгрии, Тевтонского ордена и Московского государства [16, с. 22, 30–40]. С 1374 г. обострились отношения Подольского княжества с эмирами Ногаевого улуса. В ходе войны с ними Кориатовичи захватили Белгород-Днестровский [1; 12, с. 395–396]. Но, пожалуй, самым главным последствием деятельности новых правителей стала градостроительная политика. За двадцать лет Гедиминовичи фортифицировали десятки городов. Так в первых упоминаниях о Владимире Ольгердовиче сказано, что он с дубовых колод построил в Киеве новый замок [4, с. 37]. Анализ источников и археологических находок позволяет говорить о существовании нескольких десятков укрепленных городов в обоих украинских княжествах [13, с. 50; 14, с. 224; 19, с. 162–164].

Как известно, Золотая Орда пережила очень тяжелый политический кризис. Области Джучидов рядом с владениями Гедиминовичей до прихода Токтамыша составляли два политических субъекта: Ногаев улус и Мамаеву орду. При этом они разделялись владениями Кориатовичев. Мамай, подобно Гедиминовичам, занялся укреплением своих городов, что было не типичным для градостроительной политики Золотой Орды. Самым известным примером является строительство стен вокруг Солхата [3, с. 107]. Но есть основания говорить и об укреплении ордынских городов вдоль литовской границы. Тяжесть изучения данного вопроса заключается не только в слабой источниковой базе, но и недостаточности археологических исследований. Поэтому мы строим наши

выводы на отдельных фактах. Так, город Кременчук (укр. [Крэмэнчук]), ведет свою историю от ордынского города. Название города, согласно исследованию Д.Вирского, происходит от татарского слова «Кэрмэнчик» и означает «малая крепость» или «небольшое укрепление на возвышении» [2, с. 60]. Исходя из того, что Золотая Орда не укрепляла свои степные города, строительство укреплений следует отнести ко второй половине XIV в. Также города, находящиеся по Суле: Грошен, Снепород, Скнятин, Синеч, Глинок, Ромен, хотя и упоминаются в 90-х гг. XIV в., но, скорее всего, ведут свою историю со времен ордынской власти. То же самое относится к соседним Яголтаевому городку и одноименной тьме в верховьях Северского Донца. Причем в тьму входили Оскол, Милолюбль и Мужеч [11, с. 100–108]. В самой легенде о Глинских, сказано, что они, по приезду в Литву, основали несколько городов [18]. То есть для них, как ордынских эмиров, строительство и жизнь в городах было уже стандартной ситуацией.

Что касается воинских контингентов, которыми оперировали ордынцы перед приходом Токтамыша, то тут следует обратить внимание на короткое сообщение от 30 января 1378 г. Папа Римский, Григорий XI, характеризует в своей буле Александра Кориатовича, как умелого борца против татарских нападений [19, с. 155]. По нашему мнению, из этого следует, что войска, совершавшие нападения на Подолье, были малочисленными. Соответственно сил украинцев для борьбы с ними полностью хватало. Бои же в основном велись в приграничной зоне. Исходя из того, что численность войск Подольского княжества была приблизительно 3–5 тысяч [16, с. 27], можно сделать выводы о милитарных возможностях эмиров. В целом уменьшение численности воинских контингентов было закономерным последствием феодализации общества.

Политическая ситуация осенью 1380 г. менялась с калейдоскопической частотой. Восьмого сентября происходит Куликовская битва. После поражения Мамай собирает новую армию и в том же месяце на Калке встречается с Токтамышем. Аристократия оставляет Мамай и признает ханом Токтамыша. В то же время когда-то могущественный эмир гибнет. Такова общеизвестная версия событий [10, с. 138–140; 6, с. 59]. Но недавний перевод крымского источника Кырыми, сделанный И.М.Миргалеевым, добавил новые ценные подробности для нашей проблемы. Согласно информации, которая содержится в источнике, сын Мамай с частью подданных, не принял нового хана, и перешел на правый берег Днепра. Местом своего пребывания он выбрал район речек Энгэл-Онгул, под которыми скорее всего подразумевались Ингул и Ингулец [7, с. 193]. Исходя же из выше указанных границ Подольского княжества получается, что Мамаевич вступил во владения Кориатовичев. Тут следует более детально рассмотреть грамоту Владимира Ольгердовича Половцу-Рожиновскому.

Грамота написана 19 января 4 индикта. Из этого следует, что события ей предшествующие, а именно война, произошли еще в прошлом году. Последний по индикту выпадает на 1366, 1381 и 1396 г. Ф.Шабульдо датирует грамоту именно 1381, поскольку в 1396 г. Владимир Ольгердович уже не занимал Киевский престол [17, с. 84]. Поддерживая данный вывод, добавим свои доводы. Год 1366, по нашему мнению, является сомнительным. Тогда вторжение мог совершить только Мамай, но, во-первых, он был союзником Литвы, во-вторых, был занят борьбой за Сарай, и, в-третьих, в документе татары названы «Ордой Заволжской». Дело в том, что такими в Киевском княжестве могли называть лишь тех, кто выходил с левобережья Волги. Для киевлян «заволжцами» могли быть лишь войска Токтамыша как раз 1380–1381 гг. – когда он подступил с востока к Днепру. Орда Мамай никак не могла быть заволжской, прорыв из-за Волги какой-то орды, да еще на Правобережную Украину, при жизни Мамай мы исключаем. В поздние же времена опять существовало единое государство Джучидов.

Из грамоты следует, что пострадали именно владения по Роси, и Юрий Ивантич хочет подтверждения владений в Киеве, на запад от него неподалеку Житомира, а также на р. Остре. Как видим, удар пришелся по Поросью, подтверждаемые же владения очерчивают территорию, на которой не было военных действий. Но тогда татарам, чтобы добраться до Роси, следовало в начале пройти Подольские владения. Тут следует вспомнить о гибели в бою с ордынцами Александра Кориатовича. Таким образом, вырисовывается такое направление вторжения – с юга, вдоль правого берега Днепра или даже междуречья Ингул-Ингулец, через Тясмин на Рось. Это был старинный путь от устья Днепра на Киев, известный как Черный шлях [5, с. 122]. Очевидно, Александр Кориатович пытался прикрыть границу, но потерпел поражение. В дальнейшем удару подверглась пороская оборонительная линия Киевского княжества, на чем очевидно боевые действия и закончились.

Каковы же были цели Токтамыша в данном конфликте? Локальность территории боевых действий говорит о том, что ордынское войско не было многочисленным, и не обладало осадным парком. Это значит, что речь о захвате Киева не шла. Скорее всего, имело место элементарное желание добычи, разведка боем, а также констатация для соседей утверждения в Золотой Орде вертикали власти. Так же могла иметь место и другая, или более правильно, еще одна причина. А именно – преследование той части Мамаевой аристократии, которая отказалась признать Токтамыша. Вспомним родовую легенду Глинских. Согласно ее – один из сыновей Мама – Мансур – пришел после Куликовской битвы в Киев [15, с. 136; 18]. Заманчивым выглядит объединить данный сюжет с бегством Мамаевича от Токтамыша по Кырми. Тогда нападение ордынцев на Поросье могло быть вызвано и преследованием беглецов. Такие случаи были нередкими в истории южной Киевщины. Так или иначе, но в последующие годы, очевидно, произошла стабилизация отношений. Гедиминовичи остались при своих границах. Токтамыш же обезопасил свои западные владения от вторжения с литовской стороны.

1. [1374].VI.03, в лето 6882. Бырлад. Літоўскі князь, ваявода і гаспадар Малдаўскай зямлі Юрый Карыятавіч надае свайму слуге, белаградскаму намесніку Якшы Літавару за верную службу і подзвігі супраць татар сяло Зуброўцы // Гісторыя Беларусі IX–XVIII стагоддзяў. Першакрыніцы. <http://starbel.narod.ru/d080.htm>
2. Вирський Д. «Окраїнне місто»: Кременчук від заснування до року 1764-го. – Київ, 2011. – 653 с.
3. Григорьев А.П. Загадка крепостных стен Старого Крыма // Мамай. Опыт историографической антологии. – Казань, 2010. – С. 107–128.
4. Ивакин Г.Ю. Киев в XIII–XV веках. – Киев, 1982. – 102 с.
5. Клепатский П. Очерки по истории Киевской земли. – Біла Церква, 2007. – 477 с.
6. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. – Казань, 2003. – 164 с.
7. Миргалеев И.М. «Черный человек» Мамай // Мамай. Опыт историографической антологии. – Казань, 2010. – С. 183–197.
8. Морозов О. Нариси з історії стародавнього Ніжина. Ніжинська старовина. Вип. 1(4). – Ніжин, 2006. – С. 35–43.
9. Почкаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. – М., 2006. – 350 с.
10. Почкаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. – СПб., 2010. – 406 с.
11. Русина О. До історії Київської землі у XIV–XV ст.: Яголдай, Яголдайовичі, Яголдайова «тьма» // Русина О. Студії з історії Києва та Київської землі. – Київ, 2005. – С. 100–113.
12. Русев Н.Д. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // Stratum. № 5. 1999. – С. 379–407.
13. Сіцінський Ю. Поділля під владою Литви. – Кам'янець-Подільський, 2009. – 158 с.
14. Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. Т. 40. – М., 1952. – С. 214–259.
15. Трепавлов В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родословне Глинских князей» // Мамай. Опыт историографической антологии. – Казань, 2010. – С. 136–170.
16. Черкас Б. Степовий щит Литви. – Київ, 2011. – 143 с.
17. Шабельдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. – Киев, 1987. – 183 с.
18. Шенников А.А. Княжество потомков Мама (к проблемам запустения Юго-Восточной Руси в XIV–XV вв. <http://kraevedenie.net/2008/12/07/mamay-glinsky/>
19. Kurtyka J. Repertorium Podolskie dokumenty do 1430 r. // Rocznik Przemyski. T. XL. – Z. 4 historia. 2004. – С. 127–274.
20. Stadnicki K. Synowie Gedymina. – Lwow, 1881. – 272 s.

Битвы Токтамыш-хана с Аксак Тимуром

Причины войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром подробно рассмотрены в наших работах. Тимур претендовал на золотоордынскую область Хорезм. Хотя, с одной стороны, он претендовал и на два чингизидских улуса – трон Чагатай и Хулагуидов, все же, по сути, он больше был продолжателем государства Хорезмшахов, о чем как раз свидетельствуют его претензии на золотоордынскую часть Хорезма. Кроме того, погибший Хусейн Суфи был родственником Токтамыша по материнской линии [28, с. 456].

После смуты в Золотой Орде Токтамыш должен был вернуть стабильность внутри страны и укрепить династию джучидов. Отныне после Батуидов власть должна была принадлежать Тукати-муридам. Естественно, золотоордынское государство вернулось и на международную арену. Во внешней политике как раз Токтамыш и наткнулся на Тимура, который, вероятно, рассчитывал, что получивший от него в свое время помощь, Токтамыш будет уступчив и будет до конца своей жизни обязан ему. Однако Токтамыш не поступился государственными интересами. Как сообщает Будак Казвини, Токтамыш «родился в опасной среде и совсем не уважал покровительство» [15, с. 55].

Ко второй половине XIV века все чингизидские государства кроме джучидов пали. На постчингизовское пространство, на наследие чингизидов теперь претендовали Токтамыш и Тимур. Будучи чингизидом, естественно Токтамышу не могла нравиться тот факт, что «кара киши» Тимур, хоть и через подставных «отроков чагатайцев» претендовал на чингизидское наследство. Не исключено, что Токтамыш мог вынашивать планы заполучения еще и «тронов» Чагатай и Хулагу, территория последнего всегда входила в традиционный интерес золотоордынских ханов. Обращает на себя внимание тот факт, что противостояние началось именно после того, как Тимур начал активно претендовать на бывшие земли Хулагуидов.

Начиная с 1385 года вся внешняя политика Токтамыш-хана была связана с борьбой против Аксак Тимура. Эту войну мы разделили на два этапа – 1385–1391 и 1395–1396 годы. В эти годы Токтамыш нападал сам, защищался, создавал коалиции, делал попытки примириться. Это достаточно интересная и трагичная страница золотоордынской истории. С военной точки зрения она также очень интересна, так как в источниках очень подробно расписаны подготовка к походам, передвижения войск, строения армий, сам ход сражения и т.д.

Вначале Токтамыш пытался не допустить Аксак Тимура к кавказской границе Золотой Орды. Далее он решает напасть на Мавераннахр. Кульминацией противостояния стали два крупнейших сражения – это битвы уже на территории Золотой Орды в 1391 и 1395 годах.

К концу 1390 года войска Аксак Тимура подошли вплотную к собственным границам Золотой Орды на Кавказе и взяли под свой контроль крепость Дербент. Такая ситуация, естественно, заставила Токтамыша сконцентрировать определенные воинские силы на Кавказском фронте. Токтамыш ожидал нападения именно с этой стороны.

Потеряв закавказские территории, кок-ордынские города и Хорезм, Токтамыш решил выйти из войны и в начале 1391 года к Аксак Тимуру прибыл его посол с предложением мира [29, с. 112, 159].

Токтамыш не ожидал вторжения Тимура через Кок Орду, полагая, что он не осмелится пересечь огромные безводные степи. Поэтому военные приготовления оборонного характера происходили на Кавказской линии фронта. Это было хорошо известно проводникам Аксак Тимура из числа перебежчиков из стана Токтамыша.

Хотя с военной точки зрения поход Аксак Тимура вызывает вопрос, почему он не был нацелен на захват столицы. Причина этого, на наш взгляд, кроется в том, что Тимур принял генеральный план, заключавшийся в проведении серии мощных ударов по Золотой Орде. Поэтому после военного похода в 1391 году должен был последовать второй удар, не менее мощный, но уже в сердце государства – в столицу с центральными районами, что и было сделано в 1395 году [14, с. 120].

К этому походу Тимур готовился с особой тщательностью. Подготовка началась как минимум за полгода. По свидетельству Абд ар-Раззака Самарканди, Тимур приказал своим адъютантам собирать войска «по прежнему и новому числу» [29, с. 191]. Мирхонд сообщает, что «Тимур приказал своим воинам «направится в Кыбчакскую степь, запасаясь, по старым и новым обычаям,

продовольствием и провизией на год. Каждому солдату было предписано взять с собой лук с тридцатью деревянными стрелами, колчан и щит; кроме того, они должны были иметь одного коня на двоих, шатер на десятерых, две лопаты, кирку, косу, пилу, топор, сто иголок, шило, веревки, различные припасы, неиспорченную бычью кожу и котелок, чтобы представить их в случае осмотра. Равным образом Его Величество отдал приказ привести лошадей из своих конюшен, чтобы распределить их среди своих солдат, и открыть двери своей казны, чтобы раздать золото (динар) и деньги». [15, с. 17]. «Он приказал всем солдатам своей армии иметь одну запасную лошадь для двух человек, палатку для десяти человек, лопату, пилу, топор, кирку, даже иголку и веревки» [15, с. 57]. «Было постановлено, чтобы у каждого человека было наготове четыре рода вооружения: лук, 30 стрел, колчан с чехлом для лука и щит, чтобы у каждых 2 человек было по свободной заводной лошади, а у каждых 10 человек по одной палатке, по 2 заступа, по 1 мотыге, по 1 серпу, по 1 пиле, по 1 топору-секире, по 1 шилу, по 100 иголок, по полману бичевки амбарного весу, по крепкой шкуре и по здоровому котлу и чтобы они могли предъявить [это] везде, где потребуют на смотр. Кроме того, последовало величайшее повеление, чтобы, когда выступят из Ташкента, всякий съедал в месяц 1 ман амбарного веса муки и чтобы никто не пек ни хлеба, ни лепешек, ни лапши, а довольствовались бы похлебкой» [29, с. 191–192].

Армия Тимура была огромна, только устроенный Тимуром смотр войск «закончился спустя два дня» [15, с. 22]. Его войско двигалось быстрым маршем. Тимур «издал категоричный приказ, предписывавший каждому воину его армии никогда не отделяться от своей тысячи, ни от своего кошуна и строго запрещающий солдатам, зажигать ночью огни. Корпуса, вооруженные с ног до головы, один за другим выдвигались вперед» [15, с. 25]. «Шел он ночью и днем усиленными маршами и пересекал расстояния, предварительно посылая разведчиков» [15, с. 46].

Однако его вторжение вскоре было обнаружено. Токтамыш-хан «тотчас же дал знать во все стороны, собрал войско правого и левого крыла» [29, с. 164]. Разведчики и караульные отряды показывались ежедневно и не давали расслабиться противнику. Плюс к этому, татары оставляли многочисленные костры, показывая, что впереди Тимура находится многочисленное войско; они также разжигали траву, но была весна и это было малодейственно. Все это делалось с целью выиграть время для сбора основного войска. Токтамыш хотел, чтобы противник прошел через всю степь и тогда она максимально ослабится для боя. Разведчики Аксак Тимура «взяли пленника, которого они привели к Его величеству. После расспросов он ответил: «Токтамыш хочет заманить вас подальше в свою страну, ибо он узнал, что продовольствие начинает иссякать в вашем лагере» [15, с. 26]. В целом, цель была достигнута. Сражение произошло на самом северном краю степи. Тимур, конечно, организовал и облавную охоту и сам раздавал пищу и давал разные приказы: что варить и что можно кушать. «Он предписал им, кроме того, не готовить ни хлеба, ни лепешек, ни какую другую еду и питаться исключительно кашей» [15, с. 57].

Поздно узнав о походе Тимура, Токтамыш не успел собрать достаточных сил. Он рассчитывал стянуть свои войска в местности Крык-Куль, на правом берегу Яика, и ударить по противнику во время его переправы. Но когда узнал, что Аксак Тимур переправился в верховьях Яика, где его никто не стерег, Токтамыш поспешно отступил со своим войском от Крык-Куля. Запоздавшие же части татарского войска, прибывшие в назначенное место, стали добычей врага [29, с. 164–165]. Когда татары не смогли поймать противника в засаду при переправе, они начали отступать в глубь страны, имея целью увлечь армию Тимура за собой по заранее выжженной ими территории, чтобы враг ослабел и его войско рассыпалось. Тимур это понимал и поэтому хотел взять инициативу в свои руки. Он категорически запретил всем солдатам своей армии передвигаться изолированно и зажигать ночью огни.

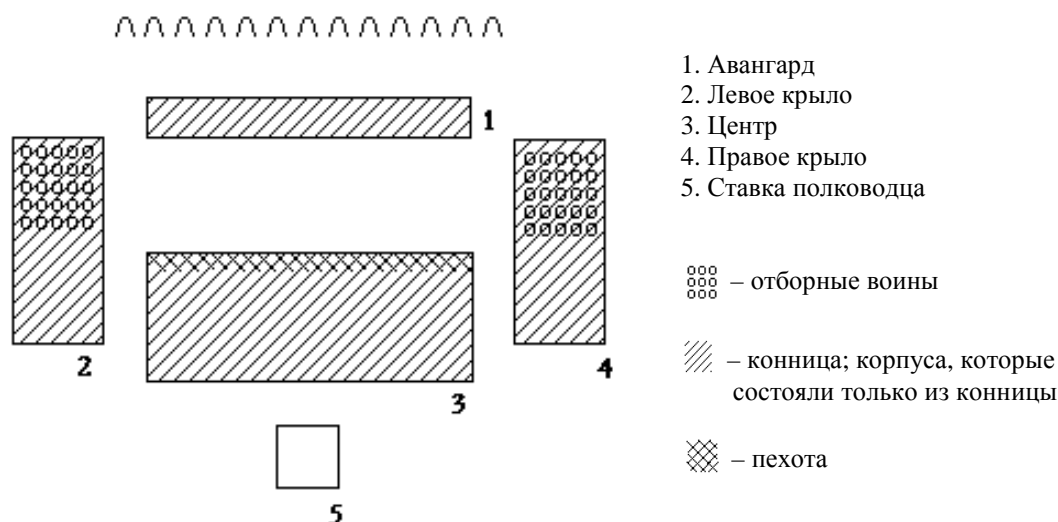
Татары показывались каждый день и потом исчезали. Они все глубже и глубже заманивали врага, среди которых снова начались голод и паника. Аксак Тимура это очень испугало, и он созвал на совет принцев, сыновей, эмиров и нойонов своей армии. Было решено, что Мирза Омар-Шейх с 20 тысячами всадников выдвинется вперед усиленным маршем, чтобы настичь Токтамыша и, побудив его к столкновению, остановить. Вскоре это поручение было выполнено. Известие об этом очень обрадовало Тимура, и он лично занялся организацией своей армии и построил ее в боевой порядок. Токтамыш решил принять бой на реке Кондурче.

Интересен выбор места боя, где река Кондурча соединяется с рекой Соком перед впадением в Волгу, образуя треугольник. Практически, возможности для отступления не было. «Когда они достигли места, где были разожжены огни в шести местах, то узнали, что находятся вблизи вра-

жеского Улуса. Он расположил тумены, по левому флангу, сообщил им план сражения и назначил каждому эмиру и каждому принцу крови пост, ему предназначенный» [15, с. 57].

Токтамыш «выстроил свой центр и фланги, и эмиры, как и принцы крови Джучи, вынули свои мечи из ножен, блистая отвагой» [15, с. 60]. «Туктамыш-хан, дабы поднять величие своего боевого корпуса, как и корпусов левого и правого флангов, поставил там принцев крови, таких как Таш-Тимур Оглан, Бек-Ярук Оглан и, Илигмыш Оглан, Биг-Пулад-Оглан, Али-оглан и Джанита Оглан, также как и эмиров улуса Джучи-хана, как Али, Сулейман-Суфи Конкрат, Навруз Конкрат, Актау Акбута, Урусджук Кыят, Иса-бек, старший брат Идку, Хасан-бег, Сарай, Куке-Буга, Баглы-бей Бахрин, Кункур-бей, как и другие герои и прославленные воины Кыбчакской степи, которые построили свои ряды перед лицом господина мира. Все взоры были ослеплены видом необъятной массы вражеских войск, а небо было затемнено пылью поднятой копытами их коней» [15, с. 31]. «Вражеский корпус был составлен из лучших элитных войск и в его тридцати рядах находилось до десяти тысяч человек, соперничавшихся в отваге» [15, с. 59].

Тактика «хилял» – «полумесяца»

Войска Аксак Тимура и Токтамыша продолжали тюрко-монгольскую кочевническую традицию, опиравшуюся при ведении боя на тактику «хилял» – полумесяц. Войска были насквозь проникнуты строгой дисциплиной и строились по десятичной системе, т.е. были разбиты на десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч (тумены). Главным родом войск была конница, которая делилась на тяжелую и легкую. Тяжелая конница вела бой с главными силами противника. Легкая конница несла сторожевую службу и вела разведку и преследование противника. Войсковые части имели свою экипировку и различались по цвету снаряжения, одежды и знамен, а некоторые, по мастям лошадей.

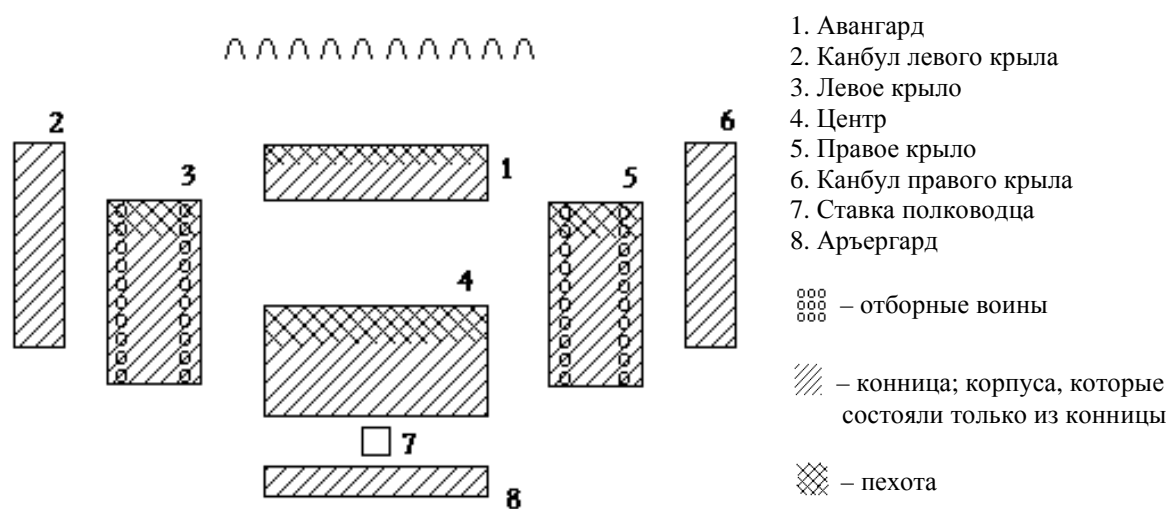
Армия строилась как полумесяц. Центр и сильно выдвигавшийся вперед левый и правый фланги. Центр имел авангард, который завязывал первый бой и пускался через некоторое время в ложное отступление. Если враг преследовал, то он быстро оказывался в окружении. Получалось как бы, что преследующие сами входили в объятия противника, которому только оставалось сомкнуть круг. Если враг не преследовал авангард, то в бой вступал центр. А левое и правое крыло при этом шли в обход сбоку и, окружая, выходили в тыл врага.

Тимур все время совершенствовал свою военную организацию. Ведя свои войны непрерывно он добился того, что основу его армии составили воины-профессионалы. Большая часть армии Тимура собиралась в земледельческих районах и до половины состояла из пехотинцев. Поэтому он укрепил «крылья» (фланги), поставив по бокам дополнительную войсковую единицу – фланговое охранение «канбул», и караул, которым командовал опытный военачальник. Центр имел достаточно сильный авангард. Но самое важное нововведение Тимура – это арьергард, состоявший из 20 и более «кошунов» (корпусов). Арьергард выполнял функции и резерва, и охраны полководца, а также охрану центра в случае окружения противником. Такое расположение армии называлось тактика «ежа». При такой тактике ведения боя войско могло и активно атаковать и, при

необходимости, успешно обороняться. Монолитные единицы – канбулы и кошуны могли не только обороняться, но и делать контрудары.

Тактика «ежа»

Войска имели также «караул», который всегда шел перед авангардом, выполняя сторожевую функцию, и непрерывно донося о том, что происходит впереди движущегося войска. Были еще разведчики, состоявшие из наиболее храбрых «бахадуров». Разведчики назывались хабаргирами. Также во время похода важную роль играли проводники – «качарчи».

Придя к власти, Токтамыш провел достаточно серьезную реорганизацию армии [14, с. 77; 17, с. 167–170]. В военном деле он уделил внимание увеличению разных родов войск и улучшению тактики ведения боя. Характерной особенностью тактики татарской армии оставалась внезапность окружения и разгром противника по частям. Боевой порядок татарской армии был глубоко эшелонированным, обладал значительной ударной силой и устойчивостью. Она состояла из центра, правого и левого крыла, авангарда и аррьергарда, игравшего роль резерва и охраны тыла войск. Кроме этого, центр и оба крыла выделяли от себя авангарды и имели резервы. Впереди войска находились сторожевые посты – караулы. Ставка полководца находилась между центром и аррьергардом. Армия имела свою отличительную экипировку. Войсковые соединения отличались друг от друга экипировкой и мастью лошадей [29, с. 208]. В крупных сражениях основную часть армии составляло ополчение.

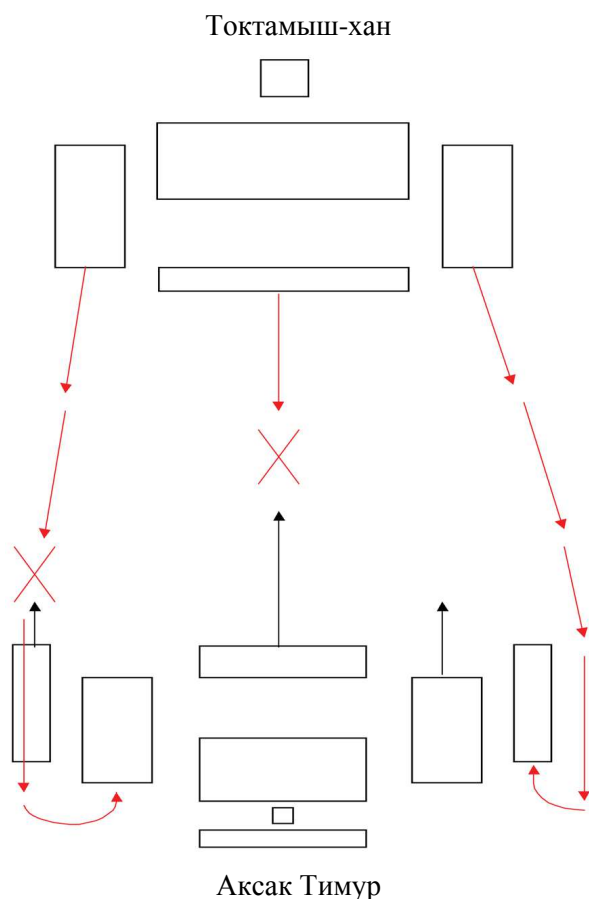
Также Токтамышем было увеличено число ханских дружин, которое состояло из нескольких соединений. На границе находилась определенная часть войска для несения дозорной службы. Внутри государства был сохранен костяк армии, представленный неполностью укомплектованными туменами, которые в случае войны пополнялись дружинами мелких и средних феодалов и ополчения. Улусные эмиры также имели под собой определенные воинские подразделения.

Центр армии был представлен основным войском, а левое и правое крылья – туменами улусных эмиров. Главный авангард в основном состоял из легкой конницы. Она имела задачу своими маневренными действиями измотать и расстроить боевые порядки противника, достигая это внезапными ударами и в последующем, переходя в ложное бегство, после чего, соединяясь с центром, обрушивалась на противника всей своей силой. Татары всегда создавали сильные фланговые группировки, где сосредоточивались лучшие войска. Это укрепляло боевой порядок и, в случае возможности, они могли быстрее окружить врага. В резерве находились отборные воины. Иногда в его состав выделялась одна треть всех сил. В тактике ведения боя татарами широко применялись также маневры и засады.

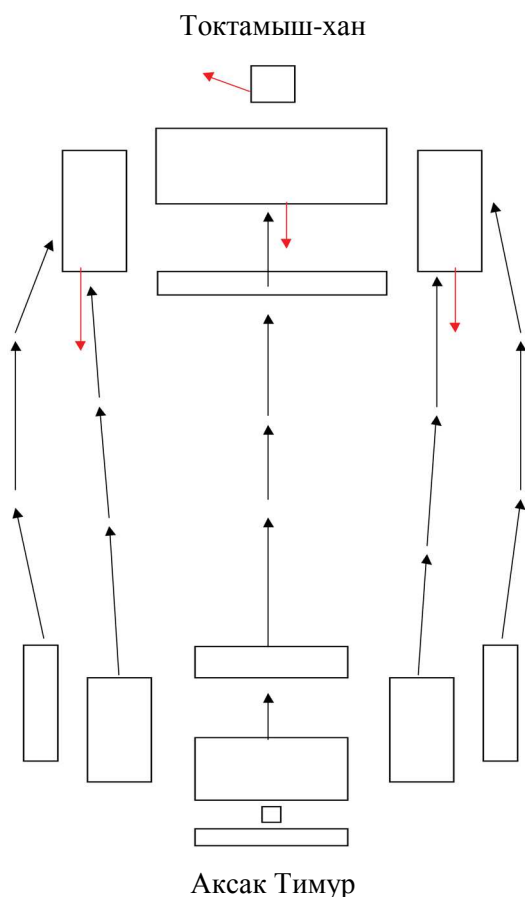
Кроме легкой конницы татарская армия была представлена и тяжелой кавалерией. Также была и пехота, представленная в основном воинскими подразделениями городов. Например, в армию Токтамыша были призваны отряды из городов – Азака, Болгара, Крыма, Кафы [29, с. 156, 164]. Наличие тюфяков и артиллерии было зафиксировано письменными источниками в 1376 году [22, с. 25]. Кроме артиллерии распространение получило и ручное огнестрельное оружие – самопалы

и ружья [32, с. 194–195], существовала и метательная артиллерия¹. Не зря Будак Казвини описывает эти армии следующими словами: «При виде этой военной машины и этой восхитительной массы мир померк в глазах монарха (*Аксак Тимура*. – *И.М.*), который покорился воле провидения и сказал: «невозможно выйти целым и невредимым из этой смертоносной пучины; и если даже один из нас сумеет вырваться из нее, где сможет он найти убежище в этой пустыне, протяженность которой семь месяцев» [15, с. 60].

Ход битвы
№ 1а. 1391 год. Кондурчинское сражение.
I этап боя.

Ход битвы
№ 1б. 1391 год. Кондурчинское сражение.
II этап боя.

Сражение произошло 18 июня 1391 года. «Началось сражение, такое ожесточенное, что невозможно его описать» [15, с. 59]. Татары устремились на врага с такой бешеной силой, что Мирхонд назвал их безумцами. «Эмир Джеханшах, выделявшийся своей отвагой, пришел в движение со своим корпусом, чтобы преградить путь наступлению этих безумных войск, обрушив разом мечи и стрелы, дабы заставить их отступить» [15, с. 33]. С начала битвы инициатива была взята Токтамышем, войско которого с обоих флангов окружило врага и вышло к нему в тыл, вызвав расстройство в армии Тимура. Мирхонд и Хондемир красочно, как подобает панегиристу, описывают это окружение. Токтамыш «повернул назад в сторону Шейх-Тимура и тысяч сулдуза. Напрасно те начали поддаваться под градом его стрел, Туктамыш-хан повел на них несколько последовательных атак во главе эмиров и военачальников улуса Джучи-хана и кончил триумфом. Он погубил огромное число воинов племени сулдуза, пробиваясь через них, построил свои войска и занял позицию позади армии завоевателя мира. Мирза Омар-шейх-Бахадур, этот воинствующий лев сражений, предстал со своими смельчаками перед Туктамыш-ханом. Вооруженные своими большими и малыми щитами

¹ В качестве зажигательных «бомб» служили специальные глиняные шары, которые заполнялись смесью на пороховой или нефтяной основе, также свистящие глиняные снаряды и железные ядра.

они сошлись с врагом. Их августейший монарх занимался преследованием беглецов, когда теваджи Джеке сообщил ему, что Туктамыш-хан построил свои войска за его победоносной армией и занял там позиции. Другой гонец принес ему ту же весть от принца Омар-шейха. Его величество повернул тотчас же назад» [15, с. 33–34]. «Туктамыш-хан, натянув уздечку коня, обрушился на тысячи Сулдуза и опрокинул эту громаду, покрыв ее градом стрел. Затем он с отрядом своих храбрецов занял позицию за армией монарха» [15, с. 52]. «Туктамыш-хан, прежде всего, атаковал мирзу Омар-шейха и развернулся за ним. Он покинул его, чтобы броситься на Шейх-Тимур-Бахадура и на войска Сулдуза. Он прошел сквозь всех и построил свои боевые порядки позади армии. Было заметно, что правый и левый фланги были отрезаны, а авангард оказался впереди. Сахиб-кыран был удивлен этим. Он занимался преследованием беглецов вражеской армии, когда таваджи Джеке сообщил ему: «Эй, августейший монарх, враг обошел нас и занял позицию за нами». Это положение очень огорчило эмира, который внезапно развернул ряды своей армии и устремился, подобно неожиданному бедствию, на Туктамыш-хана» [15, с. 61].

Но предательство военачальников изменило все планы Токтамыша. Военачальники, участвовавшие в заговоре, командовали фланговыми корпусами, и после окружения ими врага отступили и в результате соединения были растянуты. В рядах образовалась большая брешь и возникла несогласованность в действиях.

Армия Тимура состояла из самостоятельных корпусов, действовавших автономно. Отборные воины стояли впереди, а более слабые звенья позади них. Фланговые авангарды и арьергард его армии организовали хорошую оборону, а весь центр, правое и левое крыло, ударили в центр армии Токтамыша. Благодаря тому, что корпуса были самостоятельными единицами в тактическом отношении, они смогли не только организовать оборону, но и не терять систему построения корпусов, сохраняя возможность постоянно согласовывать действия всех корпусов. Фланги татар из-за того что окружили врага, рассеялись на большую территорию. Пользуясь тем, что татары были остановлены хорошей обороной, Мираншах и Мухаммед Султан ударили по левому крылу и по центру татарской армии, в конце заставив Токтамыша отступить. Удар этот решил судьбу сражения. Отступавшие татары были прижаты к Волге и разгромлены. Токтамыш-хан «с небольшим числом своих приближенных достиг выхода из этой бездны несчастий, переправляясь на спасительный берег; все его жены, дети, богатства и оружие попали в руки победоносных войск» [15, с. 53–54].

Потери были огромны, конкретно о них говорит Мухаммед Адрианопольский, называя цифру «более ста тысяч человек» [15]. Эту же цифру привел и М.Шармуа [35, с. 121–122]. Говоря о причине поражения татар, нужно учесть, что фактор неожиданности сыграл значительную роль, не дав возможности Токтамыш-хану использовать весь военный потенциал своего государства и союзников. Успеху Аксак Тимура способствовала и новая тактика ведения боя, так называемая тактика ежа, построенная на первоначальной стадии битвы на активную оборону с последующим контрударом всей мощью в центр противника. Тимур разделил свою армию «на семь корпусов, первый из которых был поставлен под номинальное командование Султан-Махмуда и под реальные приказы эмира Сулейман-шаха. Второй корпус, которым командовал лично Его величество, был доверен принцу Мухаммед-Султану и сопровождался известными героями и прославленными воинами. Третий был поручен принцу Мираншаху Куркану, а принцу Мухаммед-Султан-шаху была поручена его организация. Он был поставлен на правом фланге. Тогда как четвертый, равным образом расположенный справа, был дан эмиру Хаджи Сейф ад-дину, а пятый отдан заботам и усердию принца Омар-шейха. Заметим, что в хрониках упоминалось вскользь и бегло семь корпусов, тогда как авторы сообщают нам о деталях лишь пяти из них» [15, с. 31]. Но у Будака Казвини названы все командиры корпусов. «Все тумены были организованы следующим образом: первый был поручен Султан-Махмуд-хану, справа и слева от которого расположились подчиненные эмиры. Второй – мирзе Омар-шейху с другими знаменитыми военачальниками правого и левого флангов; следующий – Мухаммед-Султан Бахадуру; следующий – мирзе Мираншаху и другим видным генералам; следующий тумен была доверена Худадад-Хусейни и другим эмирам; следующий тумен – Хаджи Сейф-ад-дину; следующий – Шейх Тимуру, сыну Ак-Тимура Бехадура; следующий тумен – эмиру Сулейман-шаху; следующий тумен – Мухаммед Султан-шаху и один тумен – эмиру Джехан-шаху Джаку» [15, с. 57].

Тимур в войне с Токтамышем особое внимание уделил усилению арьергарда отборными воинами, так как татары придерживались тактики «полумесяца», предусматривавшей обход обо-

ими крыльями флангов и выход в тыл противника. И все же, главная причина поражения Токтамыша кроилась в предательстве некоторых эмиров [29, с. 209].

Причин поражения было несколько. Во-первых, неожиданность, из-за чего Токтамыш-хан не смог собрать все свои силы, тщательно подготовиться, выработать альтернативные планы ведения боя. Поэтому численность татарской армии была меньше численности своего противника. Плюс к этому, в отличие от армии среднеазиатского завоевателя, она была в основе своей ополчением. Во-вторых, в тактике ведения боя Аксак Тимур представил более усовершенствованную тактику. Благодаря этому его войско могло хорошо организовать оборону и быстро атаковать. И, в-третьих, подкуп Аксак Тимуром некоторых татарских военачальников. Без сомнения, в этом ему активно помогали Идегей, Тимур-Кутлук и др. Во всех своих войнах Тимур широко применял различного рода провокации. Например, подкупал знаменосца. Тот ронял большое боевое знамя, падение которого считалось разгромом центра и ставки полководца. Это приводило к панике и бегству [27, с. 156].

В письме к Ягайло Токтамыш подчеркивал: «во время битвы прежде те дурные люди (Бекбулат, Ходжа Медин, Бекгич и Турдучак Берди Давуд. – *И.М.*) ушли с места, отчего и народ ушел с места (т.е. их подчиненные. – *И.М.*)» [1, с. 51]. Это подтверждается и рассказом Ибн Халдуна: «Токтамыш выступил навстречу ему (*Тимуру*. – *И.М.*) и с ним был Оглан Булат, [один] из родичей его. Тимур вошел в сношения с ним и с некоторыми из эмиров его, так что Токтамыш заподозрил их. Настала стычка, приготовились они к битве и пострадала страна от войск Тимура; все, которые находились в ней, были побиты или удалились с поля сражения. Потом смутился также Тимур и возвратился в свои земли, а Оглан Булат пошел в Сарай, овладел им и напал на имущество Токтамыша и домочадцев его. Разбрелись в разные стороны эмиры, с которыми Тимур входил в сношения. Они отправились в пограничные области и утвердились там» [28, с. 392–393].

После победы Тимур повернул обратно, армия которого двигалась врассыпную, грабя, сжигая и уводя золотоордынское население в плен. Аксак Тимур в этом походе определил для себя главную цель – удар по людским ресурсам Дашт-и-Кыпчака.

К лету 1392 года Токтамыш-хан полностью восстановил свою власть в Золотой Орде. В начале 1394 года послы Токтамыша прибыли в Египет с предложением быть одной «рукою на мятежника-злодея Тимурленка» [28, с. 363].

Золотая Орда, османы и мамлюки пытались как-то координировать свои действия против Аксак Тимура. Переговоры шли о создании антитимуровского союза с участием этих великих держав. В летописи Ибн Тагрибирди говорится, что антитимуровская коалиция была создана. Арабский летописец сообщает, что в нее входили Токтамыш, правитель османов Баязид, мамлюкский султан Баркук, эмир Сиваса Ахмед Бурханеддин, правитель Какракоюнлу Кара Юсуф, Джеллаириды, правитель Мардина и Туркменский эмир [36, с. 383–384].

С целью захвата Дарьяльских ворот, войско Аксак Тимура в 1394 году вторглось в Грузию. Однако золотоордынское войско вышло в тыл врага и отрезало войско Тимура от всех коммуникационных снабжений и грозило ему остаться в кольце окружения. Аксак Тимур был вынужден отступить [29, с. 173].

Тимур напал на Грузию сразу же после сирийского похода. Поэтому под его руководством находились значительные силы. Но, видя готовность Токтамыш-хана, который, судя по его действиям, принял активную оборону, заключающуюся в применении контрударов, Тимур остановился в Северном Азербайджане на зимовку. Был дан приказ сбора дополнительного контингента войск. И это вторжение было внезапным, так как было не понятно, против кого пойдет Тимур. Однако Токтамыш был наготове, хотя и отправил к Тимуру своих послов. Но Тимур все же напал.

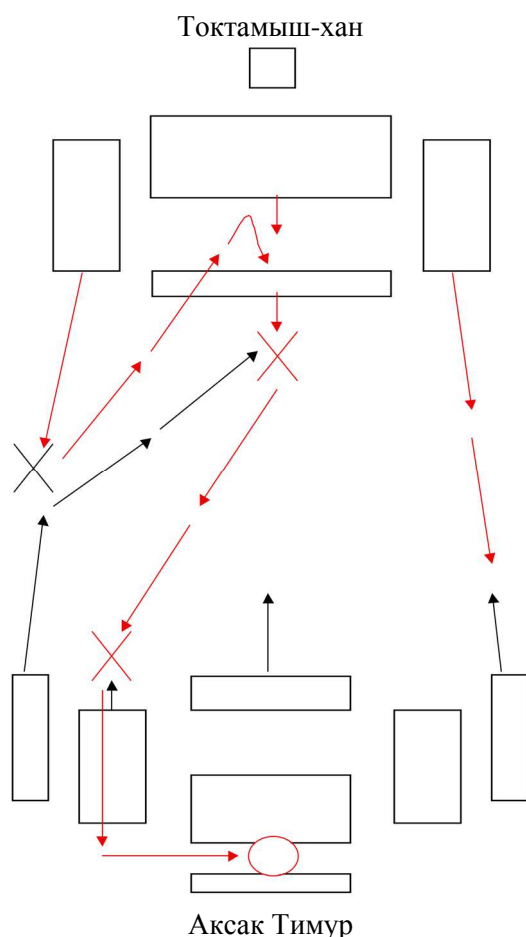
Токтамыш «послал авангардное войско для охраны переправы через реку Кой-су» [29, с. 119, 175] и приступил к сбору войска. Охраняли каждую переправу и сооружали фортификационные укрепления. Пока Аксак Тимур, разбивая татарскую охрану, дошел до Терека, Токтамыш уже успел собрать свою основную армию. Но все же, вся армия получила приказ собраться у реки Курай. Токтамыш-хан с имеющимися войсками выступил из Сарая и укрепился на левом берегу Терека, не давая врагам возможности переправиться. Токтамыш хотел напасть на него во время его переправы, но Тимур применил хитрость и переправился через Терек, смяв фортификационные сооружения [27, с. 341]. Токтамыш отошел к месту сбора войска, привел свою армию в порядок и двинулся на своего врага [29, с. 175].

14 апреля 1395 года войска расположились одно напротив другого. Тактика построения армии, которой придерживались стороны, осталась прежней, но Тимур увеличил численность своего арьергарда, вероятно учтя, что все равно в начале битвы останется в окружении. Ставки обоих полководцев расположились за центром. «Победоносный монарх командовал двадцатью отборными полками, составленными из самых доблестных воинов, расположившись за главным боевым корпусом для того, чтобы быть готовым прийти на помощь любым полкам в любой момент сражения» [15, с. 31].

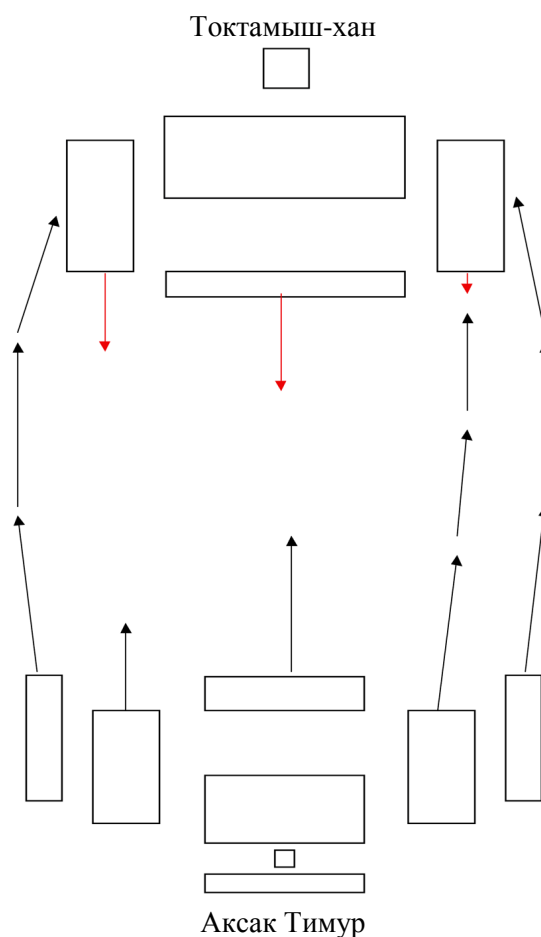
О численности обеих войск и на этот раз источники конкретного ничего не говорят². Эвлия Челеби, который опирался на рассказы татар, говорит о численности войска Тимура, называя «три раза по сто тысяч» [34, с. 142]. Учитывая, что Тимур увеличил число корпусов арьергарда и других войсковых единиц и то, что его войско после битвы целый год еще воевало на территории Золотой Орды, то мы полагаем, что оно было больше чем в 1391 году.

По сообщению различных источников, сражение длилось три дня [28, с. 442, 448, 454, 466; 29, с. 207; 22, с. 159].

№ 2а. 1395 год. Сражение на Тереке. Первый день боя. I этап.

№ 2б. 1395 год. Сражение на Тереке. Первый день боя. II этап.

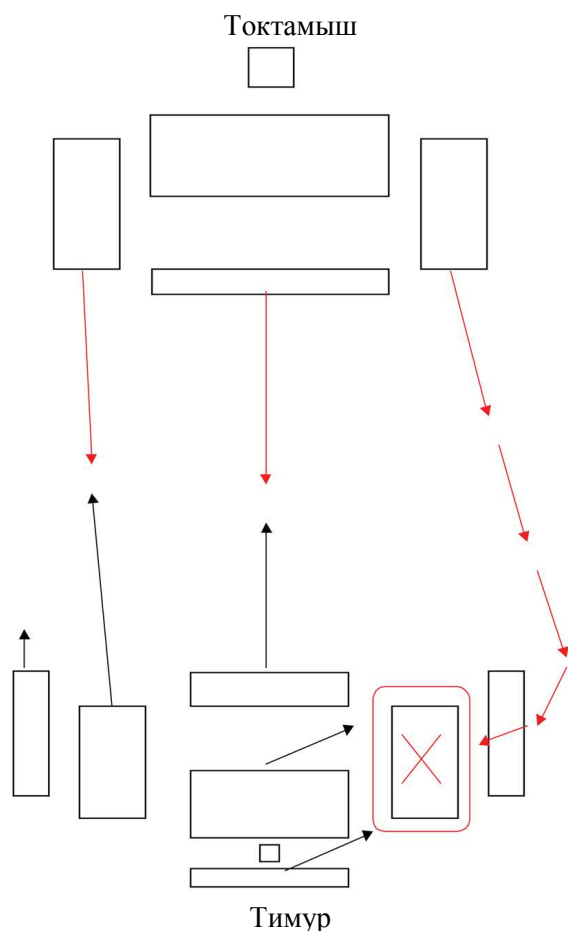

Аксак Тимур, опасаясь ночной атаки, приказал, чтобы вокруг лагеря со всех сторон вырыли ров, укрепили его копиями, поставили щиты. Чтобы вызвать панику в лагере врага, ночью татары действительно предприняли ложную атаку. «Токтамыш-хан вознамерился произвести ночное нападение, [думая] что сможет вызвать замешательство в высочайшей орде. Когда он подошел близко, то ударил в барабаны и литавры, затрубил в рога и поднял военный клич (сурен)» [29, с. 176].

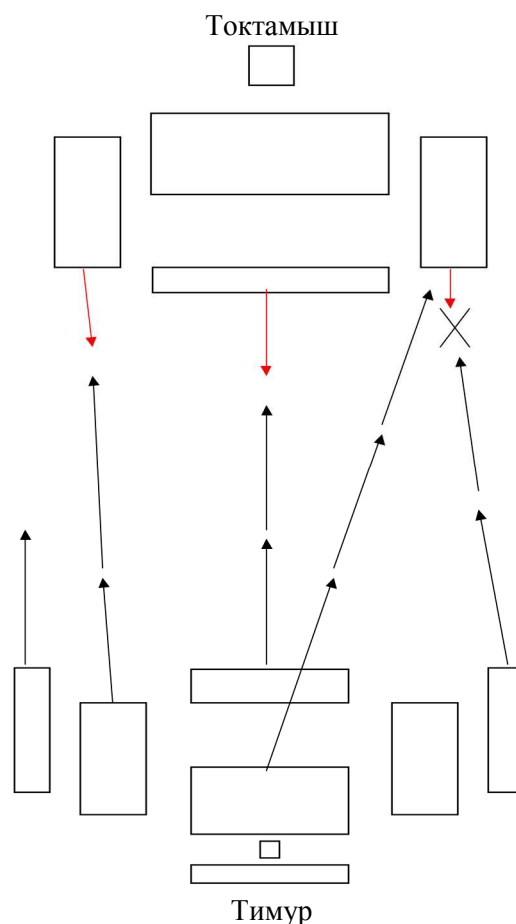
² О численности армии Тимура и Токтамыша см.: [13, с. 125–126].

Шереф-ад-дин Али Йезди говорит, что войска Аксак Тимура «не обратили на них внимания» [29, с. 176]. Но Мирхонд сообщает, что Кунче-оглан в ту ночь убежал из лагеря Тимура к Токтамышу [31, с. 51].

**№ 3а. 1395 год. Сражение на Тереке.
Второй день боя. I этап.**

**№ 3б. 1395 год. Сражение на Тереке.
Второй день боя. II этап.**

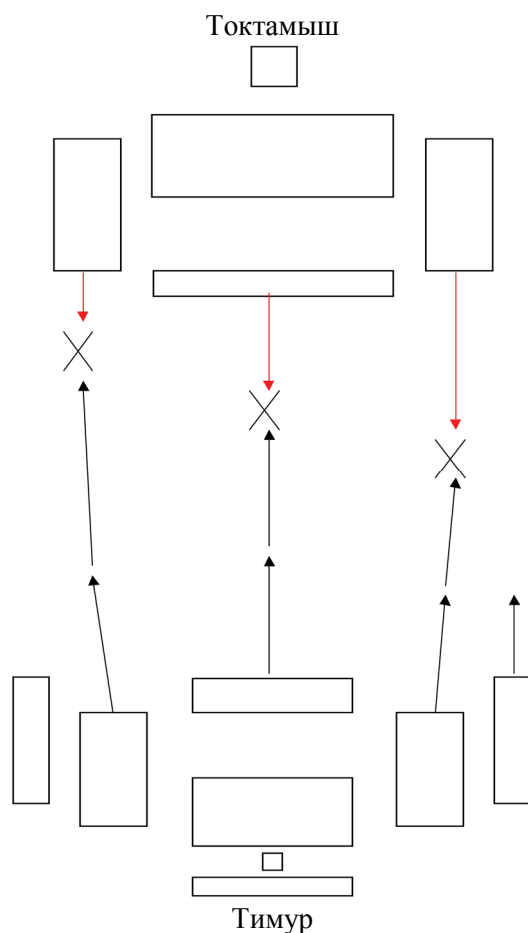
На рассвете 15 апреля 1395 года войска обеих сторон пришли в движение и подняли боевые знамена. Начался бой. Вскоре с левого фланга армии Тимура прискакал гонец с известием, что правое крыло Токтамыш-хана под командованием Кунче-оглана, Бек-Ярык-оглана, Актауа, Давуда-Суфи и Удурку совершили нападение на канбул левого крыла [29, с. 120, 176]. Когда левое крыло пришло на помощь своему фланговому авангарду, татары обратились в ложное бегство. Тимур сразу же послал в погоню по 50 человек из каждого кошуна резервного корпуса. Это была крупная тактическая ошибка Аксак Тимура. Потому что отступающие татары правого крыла, дойдя до своего центра, развернулись и обрушились на преследователей. Перебив многих из них, обратили их в бегство и погнались за ними. Естественно, отступающие воины Аксак Тимура создали большую панику. Вследствие этого кошуны смешались, и на время было потеряно управление войском. А татары ворвались в стан Тимура и чуть не захватили его самого в плен [29, с. 120, 176].

Армия Аксак Тимура была окружена и жизнь его оказалась в опасности. Только вовремя подоспевшие военачальники со своими отрядами, действуя очень инициативно и самостоятельно, спасли его от неминуемой гибели. Они притащили телеги и связали их вместо щитов. За ними и укрылся Тимур [29, с. 176–177]. Для его защиты подходили отряд за отрядом и вокруг них развертывался кровопролитный бой. Численность выручавших Аксак Тимура пополнилась еще отрядами нескольких эмиров. Вскоре подоспел Мухаммед-Султан с шестью сильными кошунами центрального «кула» и кошун Устуга, который тоже спешил позади отрядов центра [29, с. 120].

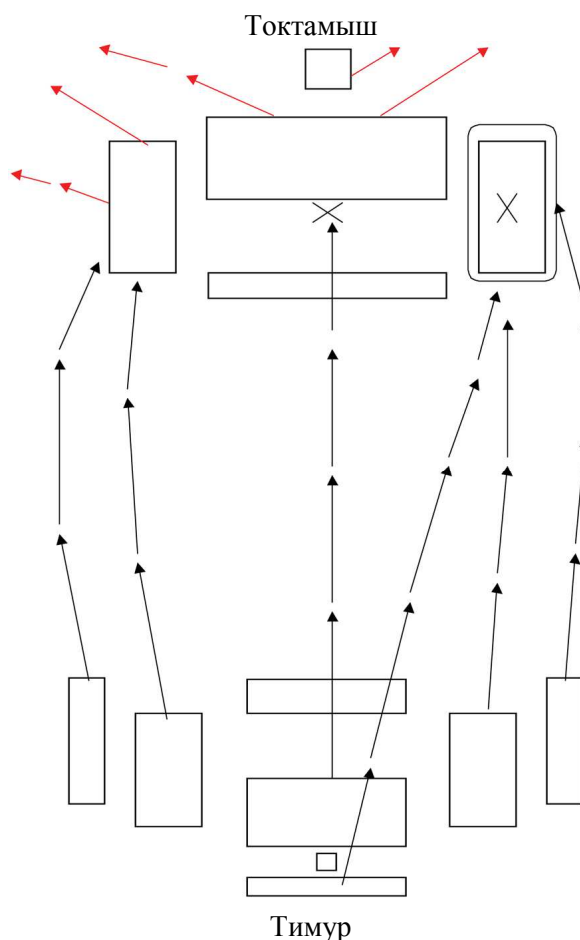
Как видно, Токтамыш-хан с самого начала сражения перехватил инициативу и посылал отряд за отрядом к кольцу вражеской обороны, которую еле сдерживали отборные воины врага. Татары правого крыла окружили Аксак Тимура и выводили из строя самые лучшие корпуса тимуровской армии. В это время прямо в центр и канбул правого крыла противника ударил а затем и окружил их Иса-бий и Яхши-хаджи, командовавшие левым флангом татарской армии [29, с. 177]. Бой длился до вечера. Весь день армия среднеазиатов вынуждена была обороняться. Источники красочно рисуют храбрость военачальников Тимура. Но о самом завоевателе предпочитают молчать. Аксак Тимур очень испугался и совершенно растерялся. Только энергичные действия военачальников спасли его от гибели.

Ближе к вечеру Худад Хусейн смог зайти в тыл отрядам Актауа и стал осыпать их стрелами. А центр Тимура ударил по правому «крылу» татарской армии, окружившей Аксак Тимура [29, с. 120, 177]. А отряды Джеханшаха и Хаджи Сейф-ад-дина ударили из засады по левому флангу Токтамыша [31, с. 52]. Благодаря этому татары не смогли одержать победу в первый день сражения.

**№ 4а. 1395 год. Сражение на Тереке.
Третий день боя. I этап.**

**№ 4б. 1395 год. Сражение на Тереке.
Третий день боя. II этап.**

За ночь Аксак Тимур и его военачальникам пришлось привести в порядок свое войско, которое было сильно потрепано, и построить корпуса, согласно строевому порядку.

Ранним утром татары снова первыми начали бой. Токтамыш теперь двинул свой левый фланг под командованием Иса-бия и Яхши-хаджи. Опрокинув авангард противника, они окружили и расстроили тумен Хаджи Сейфеддина. Воины Аксак Тимура, не выдержав натиска, обратились в бегство. Тогда эмир Сейфеддин и находившиеся около него воины спешили, выставили перед собой щиты и, припав на колени, стали осыпать стрелами наступающих татар. Им на помощь Аксак Тимур направил несколько кошунов из своего резерва. Благодаря этому его правый фланг избежал уничтожения. Противники не раз отступали и вновь наступали друг на друга. Оба войска понесли большие потери, но и в этот день не добившись успеха.

Как сообщает Ибн Арабшах, перед боем на третий день один из военачальников правого крыла Актау потребовал от Токтамыша выдачи ему одного эмира и разрешения убить его. Токтамыш ответил, что просьба его будет удовлетворена после сражения и что сейчас не время для сведения личных счетов. Но взбунтовавшийся Актау не переставал настаивать. «Тот [Токтамыш] возразил: «мы [находимся] в тяжком горе, которое озабочивает [нас] более твоей беды, так потерпи и не торопи, да успокойся и не бойся: ни от кого не уйдет то, что [ему] следует, и не пропадет то, на что он имеет право. Не заставляй же слепого искать убежища на обрыве, и не будь из тех, которые чтут Аллаха ради барыша; ты [теперь] точно среди ночи несчастья, уже минувшей, и зари благоденствия, уже занявшейся (т.е. победа уже близка. – *И.М.*), так оставайся на своем месте и напускайся на своих противников, наступай и не отставай, да вершай, что тебе приказано». Но этот эмир (не послушался и) двинулся с громадной толпой; за ним последовали все изменники и отступники, да все его племя, которому имя Актау. Вследствие этого расстроилось войско Токтамышев и стрелы желания его не попадали в то место, в которое они пускались» [28, с. 465–466]. «Тимур ранее послал к вассалам армии Туктамыша эмиссаров, поручив им побудить их к предательству в день сражения, и он дал им обещание в случае, если они согласятся на это. Дело между ними было обговорено, и в день, когда обе армии сошлись рука об руку, они отступили с большим числом своих приближенных, последовав за всеми мятежниками и всеми теми, кто дал себя подкупить. Это было племя Актау. Это предательство создало пустоту в войсках Туктамыша, и цепь их боевого порядка была прорвана» [15, с. 64].

Вместе с Актау ушли Бек-Ярык-оглан и Таш-Тимур-оглан. Токтамыш оказался в трудном положении. Источники молчат о причинах измены. Только в «Родословии тюрков» говорится, что «это поражение досталось Токтамыш-хану вследствие склонности его великих эмиров к Тимургургану» [29, с. 209].

Токтамыш «подбодрил свой дух и свое войско, отбросил свою спесь и свое легкомыслие, выставил вперед удальцов из своих ратей, выстроил конницу и пехоту, укрепил центр и фланги, да наладил стрелы и мечи» [28, с. 466]. Токтамыш-хан, посоветовавшись со своими сановниками, разработал план перестройки построения своих войск. Воины левого крыла все были раненые и надломленные. Основываясь на этом, «[Токтамыш-хан] приказал из своего правого крыла Йаглибай Бахадур бахрину, который был воеводой улуса бахрин, и со времен Огуз-хана это племя принадлежало правому крылу, чтобы завтра племя бахрин, когда начнется сражение, явилось на поле сражения с левого крыла» [30].

На этот раз тары центра и обоих флангов ударили по противнику одновременно. Аксак Тимур, зная, что левый фланг татарского войска малочисленнее и ослабленное, главный удар нацелил именно сюда. Левое крыло войска Токтамыша, не выдержав такого натиска, начало отступать. Йаглибай Бахадур со своим корпусом остался один против нескольких корпусов противника. «Говорят, что в тот день Яглы-бай-бахадур попрощался со своими детьми и родными, приехал и с копьём в руках сидел на лошади у подножия своего бунчука (туг) (родовой герб. – *И.М.*) и знамени, и он приказал, чтобы на ноги лошади натянули цепи». «И подняв голос, вызвал на бой Осман-бахадур». Во время единоборства лошадь татарского военачальника из-за того, что ее ноги были связаны, упала, и Йаглибай Бахадур остался под лошадью, и эмир Осман-бахадур, «воспользовавшись удобным случаем, отделил голову от тела» Йаглибай Бахадур [29, с. 177, 208].

В жестоком бою обе стороны понесли большие потери. Упорный бой длился до позднего вечера. Левое крыло татар было окружено, и инициативу теперь перехватил Аксак Тимур. Токтамыш держался до конца и пытался спасти свой левый фланг. Татарские воины левого крыла упорно бились, чтобы заполучить тело своего погибшего военачальника. «Говорят, что труп Яглы-бай-бахадур-бахрина в конце концов, вытащили (с места) улуса бахринов из-под 800 человек юношей с черными кольчугами на груди, верхом на белых лошадях и с белыми кутасами на шее. Людей же с цветами и видами иными, чем сказанные, не считали, число (людей) других цветов знает бог всевышний» [29, с. 177, 208].

К концу дня эмир Осман, наконец, опрокинул и обратил в бегство левое крыло войска Токтамыша. Среднеазиаты перешли в наступление по всей линии и, разбив, рассеяли войско Золотой Орды. Так закончилось самое крупное сражение XIV века.

Татарское войско распалось на отдельные части. Одна группа ушла на Дон, Днепр и в Крым, другая, во главе с Удурку скрылась в горах центрального Кавказа. Сам Токтамыш-хан ушел на

север «в лесистую местность» [29, с. 178]. Аксак Тимур, оставив обоз Миран-шаху, погнался за Токтамышем.

Интересен тот факт, как происходило отступление военачальников Токтамыша. Кажется, после того, как перед боем в третий день мятежники оставили войско Токтамыша, последний, создавая неизбежность поражения, принял с эмирами план отступления. Именно отступление золотоордынских военачальников показывает, что план отступления существовал. Иначе незачем было бы военачальнику Удурку обогнать армию Аксак Тимура и отступить в его тыл – на Кавказские горы. На наш взгляд это было сделано для того, чтобы задержать войско противника, дать возможность уйти вглубь страны Токтамышу, чтобы он собрал новое войско и самому создать на Кавказе вторую армию.

Тимур сперва пытался преследовать Токтамыша, но когда узнал, что в его тылу формируется новая армия, повернул обратно на Кавказ и разбил войско Удурку, а самого военачальника отправил в железной клетке в Самарканд, где тот и погиб [25, с. 116].

После обеспечения надежного тыла, Тимур приступил к систематическому уничтожению золотоордынских городов. Русские летописи отмечают, что Аксак Тимур «велику брань сотвори и много мятежъ възвиже въ Орде ... много брани въздвиже, многи сечи показа и многы победы учини, многим полкомъ съ противным одоле и многи грады раскопа, много люди погуби ... и проиде всю землю Татарскую» [21, с. 247–248].

Эвлия Челеби, исколесив почти всю бывшую территорию Золотой Орды в XVII веке, видел очень много разрушенных Тимуром городов [33, с. 86, 204; 34, с. 48, 50, 81, 97, 100, 109, 131, 135, 142, 143, 149, 189]. Турецкий путешественник отмечает: «этот край Тимур-хан превратил в руины и развалины, а народ его сжег на кострах» [34, с. 109]. А о Сарае, развалины которого еще в XVII веке были «видны на расстоянии двухдневного перехода», он говорит с особой болью. Тимур «так разрушил и опустошил этот величественный город, что сожаления достойно, а жителей его изрубил в куски» [34, с. 135].

Больше года армия Аксак Тимура разрушала города Золотой Орды, а жителей истребляла. Соппротивление татар было сломлено, но не остановлено. Все население было настроено враждебно и продолжило партизанскую войну. Русские летописи отмечают, что на войско Тимура «прииде ... гневъ Божий, моръ силенъ на люди и на скоты» [22, с. 162]. Тимуридские историки тоже отмечают, что «войско Тимура ослабело и пало духом» [29, с. 185]. Поэтому Аксак Тимур весной 1396 года дал приказ к отступлению и ушел в Иран, через Кавказ, уводя с собой награбленное имущество и пленных.

1. Березин И.Н. Ханские ярлыки. I. Ярлык Тохтамыш-хана к Ягайлу. Издание Кн. М.А.Оболенского. – Казань: Тип. Н.Кокевина, 1850. – 72 с.

2. Горелик М.В. Степной бой (Из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990. – С. 155–160.

3. Десей Орель. Обоснование Актава из Золотой Орды в Османской империи во времена Йильдири-ма Байезида // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей / Ред. издания И.М.Миргалеев. Вып. 3. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С. 202–209.

4. Заки Валиди Тоган. Военная кампания Тимура 1395 года на Украине и северном Кавказе // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Ред. издания И.М.Миргалеев. Вып. 2. – Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 222–228.

5. Заки Валиди Тоган. Восточно-европейская политика Тимура // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Ред. издания И.М.Миргалеев. Вып. 3. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С. 209–225.

6. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1966. – 169 с.

7. Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и средне-азиатских народов при Чингис-Хане и Тамерлане. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1875. – 252 с.; 10 л. карт., черт.

8. Идегей: Татарский народный эпос. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990 – 256 с.

9. Костюков В.П. Несколько замечаний к походу Тимура 1391 г. // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 3. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С. 172–183.

10. Кушкумбаев А.К. Облавная тактика в военном искусстве тюрко-монгольских армий XIII–XV вв. // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей / Ред. издания И.М.Миргалеев. Вып. 2. – Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 49–68.

11. Миргалеев И.М. К вопросу о Бек Булате – Бек Пуладе // Научный Татарстан. №. 1/2. 2004. – С. 145–149.

12. *Миргалеев И.М.* Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. – Казань: Институт истории АН РТ, 2003. – 88 с.
13. *Миргалеев И.М.* Надпись Аксак Тимура: несколько замечаний по прочтению // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 2. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 121–127.
14. *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. – Казань: Алма-Лит, 2003. – 164 с.
15. *Миргалеев И.М.* Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. – Казань: Институт истории АН РТ, 2007. – 108 с.
16. *Миргалеев И.М., Камалов И.Х.* К вопросу о взаимоотношениях Золотой Орды с Османской империей // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 1. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2008. – С. 87–94.
17. *Миргалеев И.М.* К вопросу об изменениях в вооруженных силах Золотой Орды во времена Токтамыш-хана // Сборник статей и материалов III республиканской научно-практической конференции «Литературоведение и эстетика в XXI веке» («Татьянин день»), посвященной памяти Т.А.Геллер и 40-летию кружка «Эстетика» (23–25 января 2006 г.). Вып. 3. – Казань: РИЦ «Школа», 2006. – С. 167–170.
18. *Миргалеев И.М.* Причины поражения Токтамыша в войнах с Тимуром // Сборник материалов итоговых конференций молодых ученых и аспирантов за 1999–2000 гг. / Редколлегия: Р.С.Хакимов и др. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. – С. 182–185.
19. *Мирхонд.* «Раузат ас-сафа фи сират аль анбия вал-мулук вал-хулафа» / Пер. В.Г.Тизенгаузена. / Рукопись/ СФ ИВ РАН. Фонд 52. Опись 1. Дело 14. ЛЛ. 332–397.
20. *Набиев Р.Ф.* О дате и месте выдачи Токтамыш-ханом тарханного ярлыка Бек-Хаджи // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей / Ред. издания И.М.Миргалеев. Вып. 1. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2008. С. 101–109.
21. ПСРЛ. Т.5. Псковские и софийские летописи. – СПб.: Тип. Э.Праца, 1851. – 279 с.
22. ПСРЛ. Т.11–12. Патриаршая или никоновская летопись. – М.: Наука. 1965. – 520 с.
23. *Пономарев А.И.* Поправки к чтению «Надписи Тимура» // СВ. Т. III. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С.222–224.
24. *Потте Н.Н.* Карасакпайская надпись Тимура // Труды отдела истории культуры и искусства Востока. Т. 2. – Л.: ГЭ, 1940. – С. 185–187.
25. *Ртвеладзе Э.В.* О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. IV. – Грозный: Чечено-ингушское кн. изд-во, 1976. – С. 103–129.
26. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континетов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). – М.: Инсан, 1996. – С. 277–526.
27. Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния / Сост., обр. и подг. текста Р.Рахманалиева. – М.: Изд-во «Гураш», 1992. – 544 с.
28. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. – СПб., 1884.
29. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. – М.; Л., 1941.
30. *Тулибаева Ж.М.* «Улус-и арба-йи Чингизи» как источник по изучению истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 4. – Казань, 2011.
31. *Хизриев Х.А.* Нашествие Тимура на Северный Кавказ и сражение на Тереке // ВИ. № 4. 1982. – С. 45–54.
32. *Шамгулов Р.Ф.* Об использовании ручного огнестрельного оружия в Улусе Джучи в XIV веке // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2. – Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. – С. 194–195.
33. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII века). Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. – М.: Изд-во вост. лит.-ры, 1961. – 339 с.
34. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – М.: Наука, 1979. – 288 с.
35. *Charmoy M.* Expedition De Timour-i lenk ou Tamerlan contre Toqtamische, Khan de l'owous de Djoutchy, en 793 de l'hegire ou 1391 de Notre ere // Memoirer de l'Academie imperiale des sciences de Saint-Peterburg. Sixieme serie, sciences politiques, Histoire et philologie, tome III. St. Peterburg, 1836. – P. 89–505.
36. "محمد صاحب الطقوش" تاريخ المملكه مصر و بالملك الشام
١٢٥٠-١٥١٧ بيروت در النفائس ١٩٩٨ ٥٩٩ ص. + ٧ خرائط و مخطط (بالعربية)

Сражение при Солхате (Кастадзоне) 22 июня 1434 года*

*Антонио вернулся недавно из Каффы немущим.
Он отправлялся туда ранее с флотом Карло Ломеллини.
В битве у Солхата лишился всего состояния и доспехов,
едва спася свою жизнь. Прибыл в Геную тяжело больным
и собирался там жить трудом переписывания книг.*

(Из петиции, поданной в Совет Старейшин Генуи) [13, с. 24].

Сражение при Солхате (Кастадзоне) произошло 22 июня 1434 года неподалеку от современного города Старый Крым, в ходе войны между войсками Генуэзской республики и татарами Крымского улуса, поддерживавшими союзное им греческое владение Феодоро (Мангуп).

Российскому читателю данный эпизод может быть интересен по нескольким причинам. Во-первых, как первая заявка будущего Крымского ханства на доминирование в регионе. Во-вторых, как пример столкновения европейской и азиатской «военных школ». В-третьих, позволит представить возможности Генуи для переброски крупных военных сил в свои крымские колонии, для решения вопроса участия или неучастия итальянских наемников в Куликовской битве, произошедшей чуть более чем за полвека до этого события.

В официальных хрониках Генуи экспедиции 1434 года уделено немного внимания, что и неудивительно для неудачного предприятия. Констатируется его подготовка, совершение и поражение, без всяких подробностей. За прошедшее с тех пор время итальянским ученым удалось обнаружить документы, более подробно освещающие это интереснейшее событие.

Сначала генуэзский историк Коджиоло обнаружил в изданных архивах Базельского церковного собора 1433–1435 г., некий документ, называемый ныне «документом Гатари» (по имени падуанского летописца XV века в дневнике которого он был найден), с подробным описанием похода 1434 года и самого сражения [24]. Коджиоло издал его в подлинном тексте с комментариями в 1903 году. Профессор Камилло Манфрони переиздал документ в 1904 году с особыми примечаниями в лигурийском историко-литературном журнале [25]. Манфрони переслал текст исследователю истории Крыма Людвигу Петровичу Колли, который осуществил перевод и включил документ полностью в свою работу «Хаджи Гирей хан и его политика (по генуэзским источникам)» [7].

Почти через сто лет еще один итальянский ученый – Алдо Агосто нашел в рукописях генуэзского любителя древностей XVII века Федерико Федеричи копии двух писем из архива семейства Ломеллини из Табарка и опубликовал их [22]. Одно из них написано командующим генуэзской армией Карло Ломеллино в Кафе 9 июля 1434 его племяннику Матео. Другое, послано тому же Матео от Николо дела Порты, который пишет из Перы (Галата – генуэзская крепость напротив Константинополя) 20 июля 1434 года. По-видимому, Николо выражал надежды и чаяния местного, колониального населения («востока») и весьма тяжело пережил разгром.

Не остались в стороне от проблемы и российские историки. В первую очередь следует отметить опубликованные под редакцией Сергея Павловича Карпова Регесты документов фонда *Diversorum Filze* Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья, из коих мы позаимствовали эпиграф. В регестах можно найти много интересных фактов, относящихся к походу 1434 года, предшествующих и последующих событиях [13].

Украинский ученый Виктор Леонидович Мыц в книге «Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты», вышедшей в 2009 году постарался суммировать все имеющиеся на сегодняшний день сведения и довольно добротнo описал события [11].

Решение написать статью возникло после осуществления возможности обрести, с помощью владельца сайта «Восточная Литература» (<http://www.vostlit.info/>) Владимира Шульзингера, тексты «документа Готари» и «писем Федеричи». После сравнения уже существующих переводов и пересказов документов в работах Колли и Мыца выявились некоторые несоответствия с оригиналами. В первую очередь, это касается военно-морских и военных терминов, из-за чего смысл, не-

* Рис. к статье см. также на цветной вклейке.

сколько меняется. А вопрос хотелось бы рассмотреть именно с военной стороны. Кроме того, В.Л.Мыщ, несколько принизил, на мой взгляд, роль «татарского» фактора в угоду «феодорскому». Насколько это удалось, судить уже не мне.

Общая военно-политическая обстановка в Восточной Европе в 30-х годах XV века. Смерть великого литовского князя Витовта 27 октября 1430 года разрушила установленный им миропорядок. Во всех государствах, как-либо связанных с Витовтом, начались распри и раздоры. В первую очередь в самой Литве за власть боролись Свидригайло Ольгердович и Сигизмунд (Жигимонт) Кейстутович. Приход к власти Свидригайло дал надежду звенигородскому князю Юрию Дмитриевичу на московский великокняжеский стол, которого его лишил Витовт в пользу своего внука Василия Васильевича (тогда еще не «Темного»). Василий Васильевич, опасаясь дяди Юрия, по совету матушки Софьи Витовны и ближайших бояр бросился за помощью к другому ставленнику своего деда – хану Золотой Орды Улуг-Мухаммеду. Посольство отбыло из Москвы 15 августа 1431 года, следом за Василием к «Царю» 8 сентября устремился и Юрий Дмитриевич.

Улуг-Мухаммед оказался перед сложной дилеммой. С одной стороны, он всеми силами пытался наладить хорошие отношения с новым литовским князем Свидригайло и в начале 1431 года дал ему шерть, в подтверждение которой двинул к Киеву «к тебе брату на помочь своих людей дванадцать тысяч...» [2, с. 57–58; 5, с. 334]. А Юрий Дмитриевич являлся союзником и «поборитом» Свидригайло [12, с. 187], его к тому же поддерживал эмир Тегинэ (Тегиня) Ширин. С другой стороны, Юрий Дмитриевич пугал татар, многие помнили беспощадный поход на Булгар, после которого от цветущего края не осталось ничего, кроме памяти: «Князь урус, рыжий как лис. С бороною, обросшим ртом. Разорил он, разграбил наш дом... Он четырнадцать городов, превратил их в пепел и дым» [4, с. 162]. Против звенигородского князя были московский друг Мин Булат, эмир Айдар и прочие «князи» из ханского окружения. Поначалу Юрию Дмитриевичу в Орде пришлось несладко: он терпел «безчестье и истома велика». Но Тегинэ силой освободил его и увез зимовать в свой улус – Крым «великое княжение обеща ему дати».

За зиму 1431–1432 годов под уговоры окружения и сладкоречивые обещания московских бояр мнение Улуг-Мухаммеда склонилось в сторону Василия. Тегинэ, в случае недовольства решили просто-напросто убить. Весной, по прибытии в Орду, ширинского эмира о таком исходе предупредил его племянник (братанич) Хусейн (Усеин), служивший при хане постельником. Но не таков был Тегинэ, чтобы склоняться перед судьбой, в Астраханских степях замаячил новый претендент на ханский трон – Кучук-Мухаммед, мятежный эмир пригрозил переметнуться к нему. Улуг-Мухаммед принял половинчатое решение: ярлык на московское княжение отдал Василию, а Юрию «придал Дмитров со всеми волостми». В результате хан получил: неудовольствие Василия, ненависть Юрия и измену Тегини, всё это впоследствии сказалось на его судьбе.

Тумен Крым. Разобиженный Тегинэ бей вернулся в свой удел – Крым. Обида была легко объяснима, согласно Родословной Ширинских, именно Тегинэ бей «избрал» на престол Улуг-Мухаммеда [8, с. 124]. Племя ширин, наряду с барын, аргын и кыпчак издавна подчинялись предкам Токтамыша [18, 115]. Ширины занимали среди них главенствующие положение. Если верить вышеназванной родословной, то Дангы бей Ширинский «командовал народом», а его сын Руктемир бей «всегда находился при хане Токтамыше». За заслуги в деле «сохранения его жизни и благосостояния, возведен в первые над всеми ему хану подвластными беями и народами». Руктемир в Диване занимал первое место возле хана с правой стороны, то есть являлся главой «правого крыла» Золотой Орды. Ему было даровано право на миндалевидную печать «бадемы мугыр», что являлось признаком ханского достоинства. За Руктемира Токтамыш отдал замуж свою сестру Джанике Слухани. От этого союза и родился Тегинэ бей, занявший со временем место отца. Подтверждением такого положения дел служит сообщение из продолжения летописи ад-Дзехеби. В нем под 822 г.х. (28 января 1419 – 16 января 1420 г.) говорится о смерти Идегея. Среди славословий усопшему замечено: «Старшими эмирами там бывают: эмир правого крыла, и эмир левого крыла. Должность эмира правого крыла правил Текина, а должность эмира левого крыла – Идики» [3, с. 244]. С уходом с политической арены Идегея, его место по праву занял Тегинэ. По-видимому, он строил великие планы и «бунт» Улуг-Мухаммеда больно ударил по самолюбию эмира.

Несмотря на разлад с ханом в руках Тегинэ оставался Крым – жемчужина правого крыла Золотой Орды. Центром Крымского тумена был город Солхат – крупный торговый и ремесленный центр. Солхат являлся перевалочным центром торговли генуэзских колоний Причерноморья и остальной Восточной Европы. Ордынский правитель Солхата издавна пользовался правом меж-

дународных сношений: ему писались письма от египетского султана, он заключал договоры с представителями Генуи и Венеции. В целом, Крым был самодостаточной базой для создания собственного государства, к чему на пространстве Дашт-и-Кыпчак стремились все правители, обладавшие маломальской силой.

Кроме Крымского тумена и генуэзских колоний на полуострове находилось вассальное по отношению к Орде владение Феодоро. В отличие от «татарского Крыма», расположенного в степных просторах, Феодоро занимало труднодоступные горные районы. Население состояло из смеси греков, готов, потомков хазар – караимов. У власти находилось греческое семейство Гавра, считавшее себя наследниками еще византийских владетелей Готии. Феодоро имело широкие международные связи, наиболее тесная дружба связывала династию с Великими Комнинами, владевшими Трапезундом. Но не только, по преданию, семейство московских бояр Ховриных и Голвиных тоже из них: в 1399 году, спасаясь от Тамерланова погрома, князь Стефан с сыном Григорием уехал «из вотчины из Судака, да из Кафы, да из Мангупа» на Москву [14, с. 270]. На интересующий нас момент во главе Феодоро стоял Алексей I, скорее всего, сын уехавшего в Москву Стефана. Алексей гордо именовал себя «владельцем города Феодоро и Поморья» [19, с. 38].

Если первая часть титула не подвергается сомнению, то с «Поморьем» у Алексея были проблемы. По договору 1381 года Токтамыш, в благодарность за убийство Мамайя отдал все побережье Готии генуэзцам. Алексей, отрезанный от морских путей торговли, пытался бороться. В 1422–1423 годах он воевал с генуэзцами при моральной поддержке Солхатского наместника (Тегинэ?) [11, с. 76], однако, без особого успеха. Результатом борьбы стала постройка крепости порта Каламита в устье речки Черной, на правом восточном берегу, в месте ее впадения в бухту Северную [11, с. 123]. Но возможности наспех построенной пристани не удовлетворяли потребности.

Возможно, Алексей убедил Тегинэ бея в необходимости войны с генуэзцами. Тот, памятуя о событиях 1343–1344 годов, когда хан Джанибек, в самом пике могущества Орды не смог справиться с Кафой [10, с. 27–28], старался привлечь к мероприятию Свидригайла литовского. А зимовка в 1431–1432 годах Юрия Дмитриевича тоже была частью грандиозного плана? Но все эти замыслы, если они и были, оказались разрушены «бунтом» Улуг-Мухаммеда.

Своими силами крымскому тумену совладать с генуэзцами было сложно. Хотя современник и писал: «Татар очень много, и при надобности они могли бы поставить от трех до четырех тысяч конников» [1, с. 154]. А еще примерно тысячу воинов мог выставить Алексей (во всяком случае, в XVI веке «Татский Эль» (Горный Крым) выставил в войско хана 800 воинов [19, с. 166, 233]). Но в одной только Кафе-центре «Генуэзской Газарии», насчитывалось 6000 домов [20, с. 45]. Существовала ещё возможность привлечь к себе на службу множество «казаковавших» в степи татарских огланов, найонов и обычных казаков, но для этого нужен был представитель рода Чингиз-хана.

Таковой нашелся в Литве. Звался он – Хаджи Девлет Гирей (Hadji Devlet Ghirai) [22, с. 509]. По принятой сейчас традиции Хаджи Гирей считается четвертым сыном Гияс-ад-Дина, старшего сына Баш-Тимура сына Джанса, сына Дервиш-хана и восходит к Тука-Тимуру 13-му сыну Джучи [3, с. 440]. Родился, скорее всего, в Литве, «близ Трок» [9, с. 64]. Возможно, участвовал со своим дядей Девлет Берды в борьбе за Крым, и в 1426 году был послан к Витовту с сообщением о воцарении Девлет Берды в Солхате [11, с. 110–111]. Скорее всего, Витовт оставил царевича у себя после поражения дяди в качестве «почетного пленника». Не совсем понятно: поддерживал ли его уже тогда Сигизмунд Кейстутович, или Тегинэ с Хаджи действовали на свой страх и риск.

Пока Тегинэ бей подыскивал себе подходящего хана, Алексей тоже не терял времени даром. В 1432 году он установил контакт с венецианцами, которые в очередной раз воевали с генуэзцами. Венецианская армада из 4 галер под командой капитана Стефана Контарини летом того года направилась в Понт для того чтобы «выяснить, что собирается предпринять господин Алексей, господин Готии, в пользу нашего государства» [11, с. 156]. А Алексей задумал немало: захватить Чембало (Балаклаву). Для сего благого дела он подговорил греческое население города к мятежу. В феврале 1433 под городом появился небольшой отряд мангупцев, одновременно началось восстание внутри, и генуэзцы были изгнаны.

Кафа. Консул Кафы, главный представитель республики Святого Георгия в Тавриде, Батисто де Фонари, был не на шутку обеспокоен. Всего под его началом, кроме Кафы, находилось 10 колоний, по мере значимости их можно расположить в следующем порядке: Солдайя (Судак), Чембало, Тана (Азов), Самастро (анатолийский берег недалеко от Босфора), Гозия (южный берег Крыма), Боспоро (Керчь), Савастополи (Сухум), Синоп, Трeбизонд (Трапезунд) и Копа (Тамань).

В каждой был свой консул, но административно все они подчинялись кафинскому, с него был и спрос [6, с. 6].

Вслед за Чембалом могла пасть и Солдайя. Укреплена она была лучше – имела два замка: верхний – святого Креста, нижний – Святого Ильи и стены с башнями. Но и гарнизон там был меньше, по Уставу 1449 года в нем числились: консул (*pro suo consulato*), он же капитан (*pro massaria et capitania*) и кастелян (*pro castellania*); полицейский надзиратель (*miles* или *cavalerius*); субкастелян верхнего замка с восьмью социями (*socii*) – стражниками; субкастелян нижнего замка с четырьмя; остальные стены и башни должны были защищать 20 стражников «со своим оружием с двумя арбалетами у каждого» (*balistra duo*) [21, с. 769–770], из которых выделялся один субкапитан; 8 верховых аргузиев (*arguxii*) исполняли роль свиты консула [17, с. 49–58]. Аргузиям предписывалось иметь «по существующему обычаю, лошадь, щит, плащ (*calarichio*) и своё оружие... и никто из них не может быть невольником или чьи то нибыло подданным» [21, с. 700]. Всего, порядка 45 человек. Не факт, что именно столько было и в 1433–1434 годах. Из более ранних данных мы знаем, что гарнизон Солдаи составлял в 1376 году – 42 человека, в разгар Кьоджской войны и в 1381 году – 80, в следующем 1382 году, после подписания договора венецианцами, – 12 [17, с. 349]. Подобная картина наблюдалась и в остальных колониях.

Судя по упоминанию о двух арбалетах на каждого, у этих стипендиариев и социев за спиной были оруженосцы и слуги. Сохранился любопытный документ: петиция содержателя постоянного двора родом из Таны. Магистрат селил к нему наемников, те, как правило, всячески безобразничали, а хозяин заносил убытки в списки и требовал возмещения. В документе перечислены именно сами наемники и стоящие за ними: «сентябрь 1431 – Ландзаротто из Съены с 4 лошадьми, 4 слугами и 2 оруженосцами; 19/VII 1432 – Джакомелло из Пьяченцы с 5 лошадьми и 3 оруженосцами. Бордонотто с 3 слугами; 24/III 1433 – Джирардино ди Бонтерсо с 8 слугами, Земиейзе из Пармы с 4 слугами, Антонелло ди Фермо с 2 слугами, Пьетро де Сарамусис с 2 слугами, Бордонотто с 2 слугами, Микеле с 1 слугой, 2 оруженосца, прибывших с указанным Джирардино». Получается, что на 8 военных приходилось 26 слуг и 8 оруженосцев [13, с. 22]. Таким образом, на стены, в случае чего, можно было выгнать людей в четыре раза больше, чем прописано в уставе. Кроме того, в каждой колонии имелся арсенал. У кафинского арсенала имелось три ключа, один у смотрителя и два у избиравшихся ежегодно представителей, первый – от дворян, другой – от остальных [21, с. 723–724]. Открыть его можно было, только по письменному приказу консула и в присутствии всех троих. Предосторожность, как показал опыт Чембалом, не лишняя. Опасность факториям грозила не извне, а изнутри.

Население городов-колоний представляло собой пеструю смесь народов и религий. Во всей Тавриде насчитывалось от 300 до 500 итальянских, да и вообще, «латинских» семейств. В Кафе треть населения составляли армянские, греческие и еврейские купцы с семьями, какую-то часть рабы, в основном абхазы, русские и мигрелы, а остальные были татары. Судопроизводство велось на генуэзском наречии, а торговались на рынках и говорили на улице по-татарски и по-гречески. По уставу консулам и военачальникам полагались переводчики с греческого и «сарацинского».

В 1433 году кафинский консул попробовал отбить Чембалом своими силами, но неудачно. Не мудрствуя лукаво, Батисто де Фонари послал депешу в метрополию с просьбой о немедленной помощи.

Армада. Известие о восстании, «вероломном и коварном» захвате Чембалом Алексеем Мангупским вызвало в Генуе волну негодования. Купцы и моряки – основа могущества республики святого Георгия – требовали от Дожа и Совета Старейшин немедленных ответных действий. Новая пощечина малоизвестного далекого восточного правителя разрушала представление о силе и власти Генуи. На фоне недавно закончившейся, в целом неудачной, войны с коалицией Венеции, Флоренции и Арагона, казалось, что республике приходит конец. Богатство и благополучие граждан оказывалось под угрозой.

Дож Адорно и Совет Старейшин ломали голову: где изыскать средства на далекую заморскую экспедицию. Спаситель нашелся в лице крупнейшей финансовой структуры – Банка Сан – Джорджо (Святого Георгия). Денежные воротилы пообещали дать ссуду правительству. Конечно, банкиры действовали отнюдь не из патриотизма, в Кафе и Пере располагались его крупнейшие представительства, утрата которых могла нанести непоправимый вред. Кроме того, Банк, вернее его протекторы, лелеяли мечту: взять восточные колонии под свой прямой контроль, так как магистрат Кафы находился перед ними в неоплатном долгу [13, с. 22], отстранив от этого хлопотно-

го дела правительство. Ссуженные средства позволяли снарядить 20 кораблей с экипажами и экспедиционным корпусом, общая численность сил, морских и сухопутных, должна была составлять 6000 человек [7, с. 119; 10, с. 61].

Начальником экспедиции назначили капитана армады (*capitano de l'armada*) [13, с. 43] Карло Ломеллино. Сей доблестный муж был сыном Наполеона правителя Корсики (*signore della Corsica*), известен с 1427, когда он получил в залог на 10 лет замок и город Вентимилья от Филиппо Мария Висконти, господина Генуи, за три тысячи золотых дукатов. В благодарность герцог Милана пожаловал Карло титул «Золотого Рыцаря» (*Cavaliere aurato*). С титулом «Рыцарь» (*Cavaliere*) он указан в известиях о взятии Чембало, и о поражении при Солхате у А.Джустиниани. Кроме того, Карло Ломеллино получил от правительства полномочия «высшего представителя в Понте» (*nostre pontice classis prefectum*) [22, с. 513]. Назначение именно Карло, можно объяснить тем, что один из его ближайших родственников – Франческо Ломеллино, совсем недавно, в 1431 году, был консулом Кафы [13, с. 43] и мог ввести военачальника во все тонкости обстановки в Тавриде.

Решение о походе приняли в конце 1433 года. Всю зиму шли обстоятельные приготовления: снаряжение нефов и галер, наем экипажей, набор начальников и арбалетчиков, подготовка снаряжения и орудий для осадных работ. Подготовка велась в тайне, однако в ряды воинства втесался венецианский шпион. Имя соглядатая неизвестно, но именно благодаря его отчету мы знаем много подробностей: состав, время, маршруты. Отчет случайно попал в руки дворецкого графа Франческо Каподилисто – Андрео Гатари, о чем писалось выше. Далее в описании событий похода мы будем неукоснительно следовать сему рассказу, дополняя данными из писем архива семейства Ломеллини из Табарка.

В начале марта 1434 года армада из 10 нефов (*nave, navibus*), 9 галер (*galio, galeis*) и 1 галиота (*galiete*) вышла из Генуи в направлении острова Хиос. Там в течение почти трех месяцев экипажи и воинские команды пополняли за счет жителей Архипелага. 30 мая, дождавшись попутного ветра, включив в эскадру еще один галиот, Карло Ломеллино приказал поднять якоря и двигаться к Босфору.

Задачи перед «высшим представителем» ставились серьезные: отвоевать Чембальскую крепость, разрушить порт и крепость Каламиты, лишив, таким образом, Алексея Мангупского связей с цивилизованным миром, наказать коварных татар. По существу, предполагалось захватить весь Крымский полуостров и взять под контроль Северное Причерноморье. Карло Ломеллино предстояло стать новым Митридатом Евпатором. Сил и средств казалось достаточно: заметим, что в сражениях Къеджской войны 1378–1381 годов, флот Генуи насчитывал: при Пуле (1379 г.) – 22 галеры, при Къедже (1381 г.) – 19, а тогда на карту было поставлено гораздо больше.

Постараемся представить себе, какими силами располагал Карло Ломеллино реально. Большинство историков пишет о средствах, выделенных на содержание 6000 человек включая как экипажи кораблей, так и сухопутных сил, погруженных на оные. Агосто оговаривает, что на корабле погрузилось «шесть сотен вооруженных людей (*di seicento armati*)» [22, с. 509]. Надо думать, он имел в виду наемников десантного корпуса, так как экипажи кораблей насчитывали намного больше людей.

Про нефы говорить сложно, их описания в разных источниках разнятся, однако, судя по письму самого Карло, все десять были однотипны и вмещали по 250 воинов (*hominibus 250 pro qualibet*) десанта с запасами и вооружением. По уставу Педро Арагонского трехпалубный военный неф имел на борту 150 человек экипажа: 80 матросов, 40 арбалетчиков и 30 человек обслуживания. Командный состав состоял из комита с серебряным свистком для подачи команд; патрона, управлявшего парусами; пилота, прокладывающего курс, двух рулевых. На весь экипаж полагалось иметь вооружение, хранившееся в оружейной комнате.

С галерами задача проще. По сохранившимся документам и регламентам известно, что в середине XIV экипаж генуэзской галеры насчитывал 210 человек команды. В него входили: «патрон» (капитан), два «сопровождающих» (штурман и помощник), два писца, 25 арбалетчиков и 180 матросов. Каждый член команды имел пластинчатый панцирь, горжет и шлем, капитану, писарям предписывался более тяжелый доспех, штурману, напротив – более легкий. На корабле имелось 6000 арбалетных болтов, 300 копий, 500 дротиков, павезы, «длинные копья» и прочее вооружение и доспехи [23].

Итальянский воин. Рисунок итальянского художника Антонио Пизанелло, 1435 г.

Татарин. Рисунок итальянского художника Антонио Пизанелло, 1435 г.

На галиотах, исполнявших роль посыльных судов, могло быть до 25 пар весел, следовательно, экипаж состоял из 50 матросов и 25 арбалетчиков, с командным составом до 80 человек.

Исходя из вышеперечисленного, можно предположить, что в эскадре при выходе из Генуи было: 10 нефов – 50 человек командного состава, 400 арбалетчиков, 800 матросов, 300 подсобных, 600 наемников; 9 галер – 45 человек командного состава, 225 арбалетчиков, 1620 матросов; 1 галиота – 5 человек командного состава, 25 арбалетчиков, 50 матросов. Всего порядка 100 начальников всякого ранга, 650 арбалетчиков, 2770 матросов и подсобных они же, при необходимости, пехотинцы и 600 наемников. Итого 4120 человек. Для заявленных 6000 недостает почти 1900 человек, их и добрали на Хиосе. Как уже говорилось, к армаде присоединили еще одну галиоту, а численность наемников довели до 240 на каждом нефе. Такая расчетливость объясняется трудностью прокормить и напоить столько народа при морском переходе, ведь, по подсчетам современных ученых, на галеру с экипажем в 200 человек требовалось ежедневно, как минимум, 800 литров пресной воды [26, с. 220].

Остается сказать только несколько слов о знаменитых генуэзских арбалетчиках, их в войске должно было быть не менее 1200–1300. Арбалетчики делились на отряды по 25 человек, командир получал двойное жалование. Каждый арбалетчик имел: два арбалета, пластинчатый панцирь, горжет, железные наручи, бацинет (шлем), меч и хороший кинжал. Можно предположить, что матросы тоже делились на отряды по 25 человек и прикреплялись к арбалетчикам в качестве павезьеров и оруженосцев.

Святой Георгий поражает змея. При входе армады в Черное море, на одной из галиот в Синоп, отправился старший фортификатор. Целью посылки была дезинформация неприятеля. Фортификатор заявил, что армада направляется в Трапезунд, после чего быстро удалился. Судя по должности посланца, можно предположить, что кроме введения в заблуждение врага, он получил, от агентов в Синопе и последние сведения о состоянии Чембало. 4 июня 1434 года армада появилась в виду крепости.

Укрепления Чембало состояло из Верхнего города Николая Чудотворца и Нижнего города Георгия Победоносца. Верхний город располагался на самой вершине утеса, там находились консульский замок – большая круглая двухъярусная башня, ратуша, небольшая церковь, помещения для охраны; с доступных сторон его опоясывали стены, заканчивавшиеся 200-метровым обрывом к морю. В Нижнем городе узлом обороны и самым уязвимым местом была угловая нижняя башня, стоящая в начале горного склона, от нее отходили две стены: одна шла вдоль берега бухты на мысу поворачивала по склону и шла к Верхнему городу. На мысу же находилась башня с цепью, перекинутой на другой берег бухты, таким образом, бухта закрывалась от вражеских кораблей (как и в Константинополе). Другая стена поднималась по горному склону к вершине горы Кас-

трон, где возвышалась 15-ти метровая башня донжон, на этом протяжении находилось три полу-башни (башня без стены с тыльной стороны). От трехъярусного донжона тоже шло две стены, одна на юг к морскому обрыву, другая под прямым углом тоже к обрыву. Возле донжона находились ворота. Таким образом, враг, захватив ворота, к которым шел очень крутой подъем, попадал в ловушку, подвергаясь нападению, как со второй стены, так и из донжона. В донжоне, в цокольном этаже, находилась цистерна с водой, поступавшей по керамическим трубам из источника с соседней горы Спилля.

На следующий день, в субботу, шлюпки с нефов со штурмовыми отрядами направились ко входу в гавань, закрытому железной цепью. После ожесточенного боя, стоившего обеим сторонам многих жертв, цепь была перерублена. Нефы, со всеми их бомбардами и осадными машинами, один за другим, втянули в бухту и выстроили в идеальном порядке против порта.

В воскресенье, с кораблей высадили десант, который обложил город, осажденные сделали вылазку в надежде помешать, но были отбиты с большим уроном.

В понедельник 7 июня началась осада по всем правилам европейского военного искусства: несколько небольших бомбард, снятых с кораблей сосредоточили огонь по одной из башен, скорей всего по угловой нижней, к вечеру, большая часть башни и кусок стены, к ней примыкавший, обвалились. Среди горожан возникло сомнение в целесообразности дальнейшего сопротивления, к Карло Ломеллино отправили делегацию с предложением сдать город в обмен на сохранение жизни и имущества. Капитан армады соглашался только на безоговорочную капитуляцию.

Во вторник начался штурм. Генуэзцы, воспользовавшись смущением горожан и тем, что основное внимание было направлено на разрушенную башню, захватили ворота. Сын Алексея, стоявший во главе обороняющихся, собрав вокруг себя остатки мангупского отряда, их было около 70 человек, оставил стены и отступил внутрь города, а оттуда в замок Николая Чудотворца. Генуэзцы пустились в преследование, последняя схватка произошла на вершине утеса, там итальянцы перебили всех, кроме знатного отпрыска, нескольких его приближенных и одного жителя города Кандии, подданного Венеции. Город отдали на поток и разграбление. Очевидец сухо замечает: «...и истреблены были многие граждане».

Участие венецианца в обороне Чембал, подтверждает контакты Алексея с главным соперником Генуи. Хотя он мог быть и обычным наемником. Но зачем тогда сохранять жизнь обычному наемнику, наравне с царственным лицом и его приближенными? Доподлинно утверждать нельзя ничего, но упоминание этого человека в отчете резидента, похоже на заботу о собрате по тайной войне. Так или иначе, но пленников отвели на корабли и заковали в цепи.

9 июня настала очередь другой половины армады, часть галер вышла из Чембало и высадила пехоту у Каламиты. На требование сдаться, жители попросили сохранить им жизнь и имущество, в этом случае, они обещали открыть ворота вечером следующего дня. Оставшиеся войска из Чембало пешим порядком направились к Каламитам. Город встретил их тишиной. Построившись в ряды, генуэзцы двинулись на штурм с лестницами и прочими снарядами. Сопротивления славным воинам никто не оказывал. Ворвавшись внутрь, они обнаружили, что город пуст: жители убежали, унеся с собой все имущество. Разочарованию не было предела: надежды на грабеж не оправдались. В отместку все дома предали огню. От Каламиты остались одни торчащие стены, победоносное воинство вернулись обратно в Чембало.

11 июня сухопутная часть войска, двинулась вдоль берега к Кафе, по пути приводя к покорности все окрестные селения. Армада занялась этим же благородным делом в отношении прибрежных жителей. Сам Карло отправился в Кафу для совещания с местным руководством.

По прибытии Верховного Представителя, 12 июня, в Кафе состоялся военный совет о дальнейших действиях. Мнения участников разделились: советники, патроны нефов и галер не хотели рисковать, однако горожане настояли на походе к Солхату. Население, по словам Николо дела Порта, опасалось набегов со стороны татар, после ухода войска.

13 июня, на всякий случай, в Солхат послали парламентаря, но в полумиле (венецианская миля – 1,739 км) от городских ворот его убили. Путь к мирному решению вопроса отпал сам собой, противная сторона переговариваться не собиралась.

14 июня к Кафе подтянулись по суше и по морю войска усмирявшие мятежников. Все выстроились возле ворот Латинского квартала, находившихся на западной стороне городских укреплений и носивших имя святого Георгия. Там Карло Ломеллино произвел смотр и провел небольшие учения, чтоб убедиться в боеготовности воинства. После чего объявил о предстоящем

походе. Войско встретило известие радостными криками. Демонстрация силы произвела огромное впечатление на местное население, и вселило непоколебимую веру в заморских защитников. Поэтому и требование о необходимых для похода средствах передвижения: повозках, волах и лошадях не встретило возражений, не было отбоя и от желающих помочь в предстоящем походе. Местное дворянство (нобли) шли поголовно, а обычный народ тоже старался каким-либо способом затесаться в войско, хоть возчиком, хоть просто подсобным рабочим, необходимым для осадных работ. Подготовка к сухопутной части операции заняла еще неделю. В воскресенье 21 июня, по «документу Гатари» к походу было готово до 8000 человек, из них не менее 360 конных и 612 возов для перевозки вооружения, бомбард и осадных приспособлений. Николо дела Порта пишет, что собрали до 10 000 человек и около 700 возов, особо отмечая 3000 «наших», «недисциплинированных и не выстроенных», скорее всего он имел в виду местных жителей, набранных в возчики и для подсобных работ.

Сломанный штандарт. Утром 22 июня войско выступило из города. При выходе части строились в боевые порядки и под звуки труб направлялись по дороге на Солхат. Впереди двигался конный авангард, составленный из командного состава кораблей армады и местного дворянства. Следом, пешком и на возах, основные силы. На повозках нагружено было все оружие, арбалеты, запасы болтов к ним, защитные одеяния, лестницы, бомбарды и прочее имущество.

Авангард прошел две мили пока все части покинули город. Последним в окружении 60 всадников выехал Капитан. Во сколько это произошло не совсем понятно. Колли в своем переводе пишет «в 10 часу», в публикации «документа Гатари» стоит «18-й час». В Средние века в Генуе, а следовательно, и в Кафе счет часов начинался с 18.00 современного времени предыдущего дня. По закону, жители города должны были возвращаться в свои жилища летом «в третьем часу», то есть в 21.00; зимой «во втором часу» соответственно в 20.00; после этого времени, о наступлении которого возвещал колокол, предписывалось гасить светильники и огонь в очагах [7, с. 121]. Соответственно Карло выехал из городских ворот либо в четвертом часу утра, либо в двенадцатом дня. Капитана сопровождали три конных знаменосца с развернутыми знаменами. Первое знамя – генуэзской общины, второе – герцога Миланского, третье – Капитана. При выступлении из ворот Латинборга знаменосец генуэзской республики сломал древко своего штандарта. Предзнаменование довольно мрачное, но не для пресвященных людей эпохи раннего Возрождения. Знаменосцу быстро вручили другое знамя, после чего все поскакали, чтобы соединиться с ожидавшим на дороге войском.

Судя по наличию трех знамен, войско делилось на три части: авангард, главные силы и арьергард. Это вполне соответствовало правилам военного искусства, принятым в Европе в то время.

Про авангард мы уже говорили: он состоял из 300 всадников, судя по всему в рыцарском вооружении и их свит. Около сотни из них были из командного состава армады, остальные – местные дворяне, их оруженосцы и слуги. Скорее всего, они выступали под знаменем герцога Милана – сюзерена Генуи.

Главные силы включали в себя войско, привезенное армадой, и экипажи галер и нефов. Костяк должны были составлять 1200–1300 арбалетчиков. А всего порядка 5500 человек, с учетом того, что какой-то гарнизон был оставлен в Чембало (скорее всего, две галиоты с экипажами, так как про них больше в документах не упоминается вовсе) и на кораблях тоже были оставлены какие-то люди. Правда, это все полностью компенсировал экипаж галеры под начальством Бабилама ди Негро, который в состав армады не входил, а оказался в Кафе еще раньше, скорее всего, в 1433 году. По существующим тогда правилам, позднее оформленным в «Военную книгу Филиппа фон Зельденэка» на 12000 пехоты полагалось иметь 550 возов, в нашем случае при примерно половинном составе войска можно принять уменьшенный состав возов из того же устава – «у кого есть 300 повозок и он хочет сделать из них вагенбург...». Трудно представить, что повозки привезли из Италии, скорее всего, набрали на месте, оборудовав привезенными цепями и прочими принадлежностями. В идеале требовалось, чтобы каждая повозка была: «снаряжена цепями, должна иметь две лопаты, два багра и две кирки или заступа, и два лотка для земли, и всякие канаты, и еще одно или два седла со всеми ремнями и стременами, также должна иметь бочонок, хорошо скрепленный и могущий держать воду». К каждой повозке должны были быть «назначены три добросовестных человека, один из которых хорошо умеет править, два других умелых со своим оружием и щитами по сторонам, которые обслуживают повозку повсюду и помогают кормить». Возчиков, наверное, набрали из жителей Кафы, и их насчитывалось около 900 человек. Итого, можно принять состав главных сил в 1300 арба-

летчиков, 4200 других воинов и 900 возчиков, всего до 6400 человек при 300 возах. Они выступали под главным знаменем – Генуэзской общины.

Арьергард, под знаменем Капитана, включал в себя его свиту в 60 конных и оставшиеся возы в количестве 312 штук. Возы загрузили приспособлениями и орудиями, необходимыми для предполагаемой осады Солхата. Количество возчиков составляло 936 человек. Там же находились и набранные работники.

Таким образом, получаем общую численность войска в 7700 человек, из них 1836 возчиков, близкую к цифре, указанной в «документе Гатари» – 8000. Прибавив к ним людей, упомянутых Николо дела Порта, но не попавших на повозки, получим около 9000. Несколько меньше, чем указано в его письме, но следует учесть, что Николо определял количество людей «на глазок».

Капитан обозрел воинство и отдал приказ к движению. Воодушевленные воины направились в сторону Солхата. Из-за летнего зноя, свое вооружение и арбалеты они сложили на повозки, так что все шло налегке, как на «свадьбу».

Подобное пренебрежительное отношение к противнику грозило серьезными неприятностями. Татары и союзные им греки ожидали неприятеля. Силы для встречи гостей сосредоточились в Солхате. Из более поздних сообщений нам известен порядок сбора татарских войск. Заблаговременно хан рассылал по кочевьям указ для внесенных в списки воинов: «всем своим людям велел готовым быть, и срок тому учинил два месяца всем людям наряжаться, и кони кормить, а у пяти бы человек телега была, а по три кони у человека, и корму бы себе напасли много; а oprичь иного корму было б у пяти человек по два вола» [16, с. 378]. В определенный день они должны были явиться в условленное место. Вооружение и тактика воинов соответствовали законам степной войны, отточенным за столетия. Судя по «документу Гатари», основные раны в битве генуэзцы получили от стрел, сабель и копий. Общая численность союзников по тому же документу определена, близкой к 5000 человек. Исходя из вышеизложенных возможностей, можно предположить, что около 4000 составляли татары из крымского тумена и пришедшие с Хаджи Гиреем из Литвы, а около тысячи – подданные Алексея.

Погром. 10 миль воинство проследовало беспрепятственно, если не считать жаркое крымское солнце, вконец разморившее генуэзцев. Хуже всех было авангарду – они были в доспехах, как-никак возможность схватки с неприятелем не исключалась. Наконец они достигли местности Кастадзона (Castazonia), осталось преодолеть еще 5 миль. Скорее всего, это был Карагоз, ныне село Первомайское. Там на вершине холма, заметили пятерых конных татар. Шел «XXII час дня», по современному счету – 16.00. Авангард остановился, генуэзцы и кафинские нобли немедленно спешили. Так поступали во всех сражениях Столетней войны: атаку конницы встречали в пешем строю. Единственно, что не учли генуэзские начальники – татары – вовсе не французские или испанские рыцари, сломя голову несшиеся на строй английских лучников при Креси, Нахере, Алжубарроте и Азенкуре. Они даже не имперцы кои также славно пытались тыкать копьями в боевые повозки гуситов. Они обычные степняки – привыкшие решать проблемы при помощи лука и стрел, может быть не очень быстро, зато малой кровью. «Таранный копейный удар» им не к надобности, они и за сабли брались только при преследовании опрокинутого неприятеля или для спасения собственной жизни при неожиданном нападении, когда враг умудрялся подобраться вплотную. Спешившись, авангард стал перед татарами «аки агнцы перед волчищами», потому очевидец, во многом прав написав, что они «оказались безоружным». Удивительно, почему примеру генуэзцев последовали кафинские нобли? Наверное, из-за извечного преклонения провинциалов перед столичными эмиссарами, не им же дилетантам обучать воинскому делу заслуженных воителей Республики Святого Георгия, что те делают надо неукоснительно повторять, только тогда можно считать себя культурным, цивилизованным человеком.

Пятерка татар, быстро опорожнив колчаны, скрылась, им на смену явился десяток, и начал беспощадный обстрел, затем из-за холма выскочили целых 30 татар, обскакали, обходя слева, и прыснули ливнем стрел. «Тут генуэзцы переполошились» – с сарказмом замечает очевидец: «Около 200 верховых рассыпались. Остальные, очутившись, как уже сказано безоружными, и многие уже раненые, под дождем стрел, бросились в бегство». Рассыпались, надо думать, оруженосцы – они обязаны были оставаться при конях, и самые умные или нецивилизованные нобли, которым жизненный опыт подсказывал, что тут все-таки не совсем Европа, а скорее Евразия, а в Евразии без коня (а еще лучше – двух) погибнуть очень просто.

Одним словом, авангард бежал. Татары, которых становилось все больше и больше, «их преследовали и рубили». Беглецы с погоней на мечях, врезались в главную баталию, бредущую по дороге, сея в ней хаос и смятение. «Войско, которое шло по дороге, не отдавая себе отчета в том, что происходило, вообразило, что имеет перед собой громадное число неприятеля. Не заботясь о том, чтобы взять с повозок оружие и арбалеты, первые ряды также побежали в беспорядке». Вслед за первыми последовали вторые, третьи и так далее: «без промедления наши обратились в бегство, так что один другого и всякий каждого, всех обратили в бегство». Сумятицу усугубляло ржание раненых коней и мычанье волов, впряженных в возы. Кони бились, волы падали, возы переворачивались, возчики бежали, побросав свою скотину. А слева, параллельно дороге, неслись татары, сотня за сотней и пускали беспрерывно тучи стрел в безоружную, бездеспешную, полностью деморализованную массу людей. Опорожнив колчаны, татары перескакивали через дорогу, и уже с правой стороны, возвращаясь, скакали и рубили тех, кто пытался вырваться из человеческой каши. Возвратясь к исходному рубежу татары меняли коней и саадаки, и карусель начиналась снова. Опять с луком по левой стороне, чтоб удобней было стрелять, и с саблей по правой, чтоб удобней рубить тех, кто вырвался из под стрел и пытался бежать.

Прекратить панику могло только присутствие наивысшего воинского начальника, но у Карло Ломеллино хватало забот в арьергарде: его «не выстроенные» бросился бежать, даже не увидев неприятеля, а лишь услышав крики об опасности от несущихся во всю прыть беглецов авангарда и главной баталии. Праздничное шествие в один момент превратилось в кучу-малу, а возчики со всех возов моментально пропали, нужно было спасать то, что еще возможно.

Татары продолжали преследование «до половины дороги», то есть пять миль, избиение длилось до наступления темноты, наверное, часов до десяти – одиннадцати, вечера по нашему счету. Ночь спасла немало жизней: «Многие, не будучи в состоянии укрыться от ударов татар, прятались среди трупов, притворяясь мертвыми. Когда настала ночь, они поднялись и побежали в город, но из этих уцелевших людей очень мало было таких, которые не получили менее трех ран: кто от стрел, кто от сабли, кто от копья». Союзники: и греки, и татары, обремененные добычей, вернулись в Солхат. В городе устроили грандиозный праздник.

На следующий день победители вернулись на поле боя. Продолжая сбор трофеев, они отрубили головы у всех трупов. Это доказательство великой победы погрузили на повозки и отвезли в особое место, где соорудили из них две башни. Особо усердствовали караимы.

Потери и итоги. Нельзя сказать, что Карло потерял голову от поражения. Он сразу взялся за восстановление боеспособности войска. Потери были огромны: Николо дела Порто говорит о 2000 человек. Сколько из них приходилось непосредственно на войско, а сколько на кафинцев, доподлинно неизвестно. Но разоружив две галеры армады и галеру Бабиламо ди Негро, Ломеллино удалось преобразовать войско «как подобает и наилучшим образом». В письме племяннику Матео, одному из руководителей Генуи, Карло сообщает, что располагает десятью нефами с 250 воинами (кроме экипажей) и семью галерами для продолжения борьбы с Алексеем Феодорским и Олубеем Первородным. Капитан планировал нанести удар на этот раз через Чембало, куда спешно перебазировался из Кафы. Но ему не суждено было сбыться. Ближайшее окружение, мнение которого выражено в донесении Николо дела Порто тому же Матео Ломеллино, настояло на начале переговоров. Кроме того, в разоренной местности стал ощущаться недостаток съестных припасов.

27 июня отряд татар в 200 человек подскочил к воротам Чембало и потребовал сдачи. Со стен им знаками показали, что готовы начать переговоры, татары ответили согласием. Начались переписки между Солхатом, Кафой и Чембало, несколько позже прибыли посредники из Трапезунда. Переговоры шли с трудом, Николо дела Порто очень жаловался на Хаджи Гирея: «этот император – человек непоследовательный и худший, чем наихудшие наши недруги». Но, в конце концов, 13 июля под Солхатом заключили мир. Колонии обязались платить дань хану, но Чембало осталось под властью генуэзцев. Пленных из армады выкупило государство из расчета по 600 аспр за голову простолюдина. Другим сословиям предлагалось выкупиться на свои средства. Татары заявили о 42 знатных пленниках, 25 из них оказались кафинскими ноблями, они пошли по 2000 аспров за голову. Кем были остальные 17 несчастных: слугами, выдававшими себя за убитых господ или людьми из армады – неизвестно. Во всяком случае, генуэзцы заявили, что пленных из начальства армады не имеется. После чего корабли подняли якоря и отправились домой.

Причиной поражения генуэзской экспедиции стали: неумение Карло Ломеллино правильно распорядиться имевшимися силами; незнание тактики неприятеля; головокружение от первых

успехов, передавшееся от начальства к рядовому составу. Именно поэтому, по его словам: «Наши же, которые подобно мужчинам действуют против греков, как женщины действуют против татар». Но все это – вина начальника, а не войска, заплатившего за его ошибки, как минимум, 630 жизнями (экипажи трех галер), не считая представителей кафинской общины. Впрочем, Карло ненадолго пережил свой позор, в 1435 году он умер [22, с. 513].

Хаджи Гирей на Крымском Улусе не удержался. В том же 1434 году его изгнал Сеид Ахмет – ставленник эмира кунгратов Хайдар мирзы и союзник Свидригайло. Как и почему такое случилось – неизвестно. Хаджи бежал в Литву к Сигизмунду [15, с. 242]. Второе и окончательное пришествие Хаджи Гирея в Крым произошло в 1443 году, когда по просьбе Шириных и Барыных мурз уже Казимир Литовский отпустил его. Если верить родословной Шириных, главную роль в этом призвании, сыграл сын Тегинэ бея Мамак. С тех пор влияние Шириных в Крыму мало уступало ханской власти.

Алексей Мангупский не получил от победы ничего. Правда, через море, в Трапезундской Империи про него стали говорить: «Кто же не знает о великом Алексии, муже страшном и сильном в боях, остром разумом и еще более быстрым в действиях? Это – несокрушимый столп Хазарии, ... Солнце, обливающее лучами всю землю Готфийскую» [19, с. 40–41]. Но моральное удовлетворение не могло заменить Чембало, за порт он долго и безуспешно боролся. Там и сложил свою голову в 1449 году. В Синодике Головиных осталась запись: «Помяни ... князя Стефана, который стал монахом под именем Симон, и его детей Григория и Алексея, что погиб в Балаклаве» [19, с. 42].

В выигрыше оказался Банк Святого Георгия – он заполучил все-таки крымские колонии в свое владение и выстраивал дальнейшую политику, играя на противоречиях среди претендентов на престол Золотой Орды. Пока не пришли Османы.

Улуг-Мухаммед, лишившись поддержки эмиров, престол потерял. Черной неблагодарностью отплатил ему и Василий Васильевич Московский. Результатом стало два известных сражения: под Белёвым в 1437 году и Суздалем в 1445. Но это уже история становления не Крымского, а Казанского ханства...

1. Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану. Барбаро и Контарини о России. – М.: Наука, 1971. – С. 136–161.
2. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. – М.: Рудамино, 2004. – 216 с.
3. Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. – М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2003. – 448 с.
4. Идегей. Татарский эпос. – Казань, 1990. – 256 с.
5. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. V. – М.: Наука, 1993. – 560 с.
6. Колли Л.П. Христофоро ди Негро, последний консул Солдайи. Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. № 38. – Симферополь, 1905. – С. 1–28.
7. Колли Л.П. Хаджи Гирей хан и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд на политические сношения Кафы с Татарами в XV веке. Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. № 50. – Симферополь, 1913. – С. 99–139.
8. Лашков Ф.Ф. Сборник документов крымско-татарского землевладения. Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. № 23. – Симферополь, 1895. – С. 118–129.
9. Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян. – М.: МГУ, 1994. – 151 с.
10. Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. – Одесса, 1837. – 105 с.
11. Мыц В.Л. Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. – Симферополь: Универсум, 2009. – 528 с.
12. ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско-Пермская Летопись. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. – 432 с.
13. Регесты документов фонда *Diversorum Filze* Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья. Причерноморье в средние века. Вып. 3. – М.; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 9–69.
14. Родословная Книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. II. – М., 1787. – 460 с.
15. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960. – 278 с.
16. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 41. – СПб., 1884. – 625 с.
17. Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. – Киев; Судак; СПб.: Академперіодика, 2006. – 380 с.
18. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992. – 296 с.
19. Фадеева Т.М., Шапошиников А.К. Княжество Феодоро и его Князя. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. – 280 с.

20. Шильтбергер Иоганн. Путешествие по Европе, Азии и Африке. – Баку, 1984. – 86 с.
21. Юргевич В.Н. Устав для генуэзских колоний на Черном море, изданный в Генуе в 1449 году. Записки Одесского общества истории и древностей. 1863. Т. V. – С. 629–837.
22. Agosto A. Due lettere inedite sugli eventi dei Cembalo e di Sorgati en Crimée nel 1434. Atti della Società Ligure di Storia Patria. Nuova serie. Vol 17(91). Genova, 1977. – P. 513–517.
23. Chronique normande du XIVe siècle. Ed. A. et E. Molinier. – Paris, 1882. – P. 210–213.
24. Diario del Consilio di Basilio di Andrea Gatari. Wackernagel. Studien und Quellen zur Geschichte des Konzil von Basel. Vol. V. – Basel, 1885. – S. 376–423.
25. Giornale storico e letterario della Liguria. – Genova, 1904.
26. The age of the galley. – New Jersey, 2005. – 260 p.

«Документ Гатари». Текст

Azò ch'el tuto a vuj sia noto, adì quatro zugno zonsse l'armada de zenovexj al Cinbano che fono nave x galie 9 et doe galiote, dele quale al deboscar del mar mazor ne mandò una per riviera con uno suo inzegnero fino in Sino-polj et lì dismontà mostrando di voler andar in Tribixonda, e tolto quello aviso tornò ala sua galiota; de lì partitossi andò a trovar la sua armada, la quale era zonta al Cinbano. El sabado sequente che fo adì cinque zugno da maitina habiando la dita armada fato inbarbotare le barche de le sue nave et quele messe soto el porto, e qui con grieve battaglia et taglia la catena del dito porto. Dove di subito sporsse el suo irgano dentro dal porto et l'j se tirò a due a due senpre stando adimpeto dele dite nave et con grande et assaj bombarde et mangani, tuti si misse quel zorno a suo luogi. La domenega smontò la zente et messe l'assedio atorno et fu fato grieve battaglia dove ne fo morti gran quantità de l'una parte et de l'altra. El dì sequente la dita armata feno trare alcune bombarde di nave, non de le mazor, et cominciorono a trar più volte in una torre et di queste butò zoxo gran parte, et con uno gran pezo di muro; per che quilj dentro molto si sbigotino e per alcunj habitantj di quel loco fono a parlamento la sira con el capitano de l'armada per tratar de darli el loco salvo l'aver et le perssone. El quale capitano volsse che i stessee a sua discrezione; per che el marti matina dandolj la battaglia gli fu dato una dele porte. Vedendo questo el fio de signor Alessi, el quale s'atrovò a esser dentro al dito locho, se ritrasse con cercha 70 perssone. La zente intra dentro et seguitando coloro per lo simile ebe el dito colle fazando uccisione di tuti salvo el fio del signor Alexi, el quale fu prexo con uno candioto et cercha di suo mazorj i quali fono tuti menatj ale nave e missi a gran destrita. Fato questo fu messo tuto il Cinbano a sacomano con grande ocisione di perssone. Adì viiij del dito se partì le galie del Cinbano lassando le fantarie atorno ala Calamita dove a queloro dimandò quel loco; fogli risposto ch'el di sequente a ora di vespro gli seria dado, salvo l'aver et le perssone. Venuto l'altro zorno molte zente d'arme ch'eran rimasti al Cinbano se misse no ad andare per terra per fin ala Calamita, dove vedendo che non apparia alcuno se misseno in ordine et appressentosse ala terra con scale et altri guarnimenti, et non trovando resistentia intraron dentro et atrovano che tuti era faziti et portate via tute le lor cosse. Vedendo questo subito misse fuoco per tuta la terra et quella arse lassando solamente le mura in pie, et ritornò al Cinbano: l'armata si misse in ordine per scorere quella reviera di Gutia: l'altra armada andò scorendo per la riviera robando zò ch'i trovava, tuti coloro che in sua ubidientia non voleano esser. Adì sabado chiamò suo consiglio. El luni fo divulgato la dita armata andasse in Sorgati. Tuti aliegri se misse in ordine tirando versso la porta de Latinborgo. Lì aspetò suo capitano. El zorno avanti fo mandato uno ambascadore a Sorgati per far paxe et cossi fo fato. Insido il dito de la porta a mezo meo fo taiato a pezi. Torniamo al capitano eh'era zonto. Et trovò tuta la hoste esser zonti ala porta; qui tutj di suo comandamento ad uno ad uno mostrando di far la mostra i fé entrar dentro armadi et circunda alcuni caruzi de la dita terra; et cussi s'andono a disarmar.

A 22 del mese da maitina se misse in ordine la dita hoste. Andando la tronbeta per la terra tuti furono in arme, et tirando la dita zente chi a pie parte suso i carj, i quale furon per numero 612 sui qualj avian messo le sue arme, balestre, monition de veretonj et manteliti, scale, bombarde et altre cosse necessarie. Insidi andò per ispatio di due miglia dove tuta zente riduta aspetava il suo capitano, el quale se partì cercha a ore 18 con cavagli forasi 60 con tre bandiere spiegate, l'una dela comunità sua, l'altra del duca, l'altra del dito capitano. Al'insire dela dita porta de Lantiborgo colui che portava la bandiera la rompe in la porta; subito fu rimessa un'altra et ussì fuora, tirando versso l'hoste; dove atrovadi tuti d'una voxe disse d'andare avanti. E volsse la fortuna che per lo caldo grande tuti misse le sue armi suso i cari. E per lo simile le balestre, et tuti erano in zupoui [che pareva andarssamo a noze], et cossi se misse in camino versso Sorgati; caminando le dite zente per spatio de meia x se atrovò ad un luogo che se chiama Castazonia, ch'è miglia cinque luntan da Sorgati. Dove in quel luogo aparsse suso una montagna cavagli cinque de Tartarj. Viste le zente che andavano in anzi ch'erano cercha cavagli 300 sui qualj erano patroni di nave et altre zente mazore i qualj avian fato smontare i cavalarij et quilj erano senza armi; visti, i diti cavali cinque se ritrasse, avanti subito se discoversse altri x et tirando con gli archi le freze, subito arsaltano le dite zente; et subito se discopersse ij cento cavagli et non più, con archi in mano traendo a nostril christiani con voce crudelissime; et trovandoli conio di sopra d'ito disarmati, cadann ferito, piovando le freze, se misse in fuga. I Tartarj quilj seguendo, facendo carne, per modo che l'hoste che dappe venia vedendo i suo da cavalo scampar, parsse ch'el mondo ge vegnisse a mancho; non attendendo de tuor arme ni balestre se misse in rotta, fozendo in drieto tuti; i quali podevano esser per numero cercha perssone 5000 et del armada et altre zente in tuto perssone 8000, dove in fuga missi lassavan i careazi et

arme, dove che li Tartari li seguì più de mezo ineio. Et se la note non fosse sopraconta non ne campava homo. Fo cominciata la bataglia a ore xxij et durò fino a serra; quili ch'era fuziti camino et intro in la cita a pocho a pocho. Molti se aviano messo fra corpi morti per non eser guasti. E po la notte se levavano et veniano ala terra. Quili ch'erano scampadi pochi ne fu che non fusse ferito, e biato era colui che non avia più de tre ferite, chj de freze, chi di spade, chi de lanza. Romase i Tartarj con Victoria, menadi li careazi con tuta la roba in Sorgati, feno miravigliosa festa. El sequeute di doppo la Victoria feno che ciaschadun andasse fuera ala campagna et a tuti i morti tagliasseno le teste et quello che avesse indosso fosse suo. Cossi fo deliberado et fu cargadi molti cari de teste et quele condute in sieme in certo luogo, feno fare doe torre dele dite teste; per lo quale comandamento i zudej che stano lì prexe animo et metesse a scuoder di christiani, i quali scossi, subito ge tagliavano la testa et quella portavan appresso l'altre, et cussi seguì miranda crudeltà. Di 27 zugno corsse cercha 200 cavagli di Tartari fin su le porte del Cinbano per che dado la stremia tuti con le arme corsseno; fo fato segnale per quili di fuera di voler esser a parlamento; insi fuera uno de quiglji, fu dito che i diti tartarj voliano parlare con essi; gli fu risposto che gli vigniria mandado uno ambascadore. Et cussi le zente tartare se trasseno in drie. Fossa i diti sono stati in molte pratihe di paxe. Abiando manda questi suoi ambascadori a Sorgati adimandàno i prisioni: fu risposto ch'erano contenti di dargli, ma voliano per ogni prixone di bassa conditione, zoè da remo, aspri 600. Li altri voliano se riscatasse secondo la sua possibilitade. Ai quali fu risposto ch'el non g'era presoni de tal conditione. Queste pratihe durò per fina adi 13 luio. Et finalmente fu conclusa la paxe fra i Sorgati et quili di Chaffa, di quale prexoni non se ne atrovò sonno 42 di quali se ge n'era convegnoto dare aspri 2000 per uno et non scosse de 42 se non 25. In Chaffa è stato disarmato doe galie et una galia ch'era patron ser Babilam di Negro, de che l'armata subito levò la zurma; et cossi è passato tuti quisti caxi per questa forma.

Публикуется по: Diario del Consilio di Basilio di Andrea Gatari. Wackernagel. Studien und Quellen zur Geschichte des Konzil von Basel. Vol. V. Basel, 1885. S. 406–408.

«Документ Гатари». Перевод

Сообщаю вам следующее: 4 июня достигла Чембалю генуэзская армада, состоящей из 10 нефов, 9 галер и 2 галиот, из коих одна, при входе в Великое море (Черное море), была послана, под начальством нашего фортификатора, вдоль берега до Синопа. Здесь он высадился и рассказал, будто направляется на Трапезунд и немедленно сел опять на галиоту. Отсюда, отправился искать свою армаду, которая уже достигла Чембалю. На следующий день, в субботу, 5 июня, на рассвете, армада спустил на воду свои судовые шлюпки и направил их к гавани. После жестокого боя, воины разрубили цепь, закрывавшую вход в бухту. Вслед за этим натянут был конец ко входу в гавань, и нефы, один за другим, стянувшись до самого порта, с большими и многими бомбардами и машинами, заняли в тот же день каждый свое место. В воскресенье (6 июня) войско высадилось на берег и обложило (крепость) кругом, и тут дано было жестокое сражение, в котором с обеих сторон пало много народа. На следующей день (7 июня) сказанная армада выгрузила на берег с нефов несколько небольших бомбард, и тут началось обстреливание одной из башен, большая часть которой, а также и значительный кусок стены обрушились. Это зрелище произвело среди осажденных граждан большое смущение. К вечеру некоторые из них просили капитана армады завязать с ними переговоры о сдаче (города), с условием пощадить их жизнь и имущество, но капитан потребовал, чтобы они безусловно сдались на волю победителя. Поэтому во вторник (8 июня) утром возобновилось сражение, и одни из ворот заняты были осаждающими. Увидав это, оказавшейся в числе осажденных сын синьора Алексея отступил внутрь (крепости), вместе с 70 или около того человеками. Воины вошли тогда в середину (крепости) и, преследуя неприятеля, заняли холм, произведя большую резню. Дана была пощада одному только сыну синьора Алексея, его приближенным и одному кандиоту, всего в числе около... Все они были переведены на корабли и закованы. После этого Чембалю был совсем отдан солдатам на полное разграбление, и истреблены были многие граждане. Девятого июня часть галер вышла из Чембалю и высадила пехоту около Каламиты, требуя от жителей этой местности сдаться. Эти ответили, что если будет им дана пощада со всем их имуществом, то на другой день вечером они сдадутся. 10 июня утром многие из оставшихся в Чембалю вооруженных отправились сухим путем в Каламиту, но, заметив, что никто из осажденных не показывается, солдаты образовали ряды и приблизились к Каламите с лестницами и прочими приспособлениями. Не встретив, однако, никакого сопротивления, воины вошли в местность и увидели, что все жители убежали, унеся с собою все свое имущество. Тогда солдаты предали огню все дома. Все сгорело. От Каламиты остались одни торчащие стены, и солдаты вернулись обратно в Чембалю. После этого, сухопутное войско, образовав ряды, получило приказ идти по побережью Готии и производить набеги, другая же часть войска, морская, занялась каперством вдоль берега, грабя все, что попадалось ей на пути, и требуя от жителей полной покорности. В субботу (12 июня) собран был военный совет. В понедельник (14 июня) было объявлено войску, что они пойдут на Солхат. Все дружно построились и направились к городским воротам Латинборго и остановились там в ожидании своего капитана. Накануне (13 июня) был послан в Солхат один посланник для мирных переговоров, но в полумиле расстояния от городских ворот его убили. Между тем пришел ка-

питан и, встретив все войско, собранное за воротами, произвел ему смотр и учение и приказал всем вернуться в город и стать за стенами. Солдаты повиновались, сняли с себя оружие и наполнили собою все прилегающие к воротам улицы.

В понедельник утром, 22 числа этого же месяца, все войско построилось в боевой порядок. При звуках труб воины тронулись, кто пешком, кто на возах; последних было 612, на которых нагружено было все вооружение, арбалеты, запасы болтов к ним, облачения, лестницы, бомбарды и прочие необходимые вещи. Войско прошло, таким образом, около 2 миль и остановилось в ожидании своего капитана. Он отправился из города в 10 (18) часу, в окружении около 60-ти всадников и тремя развернутыми знаменами, именно, первое было генуэзской комунны, второе – герцога, третье – капитана. При выступлении из ворот Латинборга знаменосец генуэзской республики сломал древко своего штандарта. Ему тотчас же вручили другое знамя, после чего все поскакали, чтобы соединиться с ожидавшим на дороге войском. Увидав капитана, все войско общим голосом воскликнуло: «вперед!». Нужно заметить, что, вследствие летнего зноя, солдаты положили свое вооружение, а также арбалеты, на повозки, так что все шли налегке, как бы на свадьбу, и все в такой обстановке стремились к Солхату. Пройдя десять миль, войско, достигло уже местности, отстоявшей на пять миль от Солхата и называвшейся Кастадзоной (Castazonia). Здесь, на вершине одного холма, неожиданно показались пять всадников Татар. Увидев это, передовой отряд, человек из около 300, состоявшей из патронов нефов и другого начальства, соскочил с лошадей и оказался безоружным. Вскоре эти пять всадников скрылись из виду, но вдруг показались другие десять, которые начали пускать в шедших стрелы из своих луков. Тут воины переполошились. Около 200 верховых рассыпались. Остальные христиане, очутившись, как уже сказано, безоружными, и многие уже раненные, под дождем стрел, бросились в бегство. Татары их преследовали и рубили. Войско, которое шло по дороге, не отдавая себе отчета в том, что происходило, вообразило, что имеет пред собою громадное число неприятеля. Не заботясь о том, чтобы взять с повозок оружие и самострелы, первые ряды также побежали в беспорядке. Между тем татар могло быть всего около 5000, в то время как генуэзского войска было до 8000, и оно в бегстве все забыло, и повозки, и оружие. Татары преследовали их до половины дороги, и если бы не наступила ночь, не спасся бы ни один человек. Сражение началось в XXII часу и прекратилось с наступлением ночи. Очень, очень мало спаслось от смерти бегством в город (Кафу). Многие, не будучи в состоянии укрыться от ударов татар, прятались среди трупов, притворяясь мертвыми. Когда настала ночь, они поднялись и побежали в город, но из этих уцелевших людей очень мало было таких, которые не получили менее трех ран, кто от стрел, кто от сабли, кто от копья. Греки и Татары после победы вернулись в Солхат, набрав много воез добочи, и устроили великолепный праздник. На следующей день после победы (23 июня) все вернулись на поле битвы и со всех трупов отрубили головы, взяв себе все, что могли. Им было приказано нагрузить много возов головами и перевезти в указанное заранее место, где из этих голов сложены были две башни. Воспользовавшись этим распоряжением, евреи, бывшие на той стороне, грабили и уродовали тела христиан, отрубали им головы, со столь же ужасною жестокостью. 27 июня около 200 конных татар прискакали к воротам Чембало, требуя от гарнизона сдаться им с оружием. Генуэзцы ответили знаками, что желают вести с ними переговоры. На это татары ответили таким же образом, что также желают переговорить. Генуэзцы обещали прислать одного посланника после чего татары ушли обратно. Объявлено было перемирие, и обе стороны выразили желание помириться. Из Кафы был послан в Солхат один посланник с предложением выкупа пленников. Ему отвечено, что это сделают охотно, если за каждого пленного низшего сословия, например гребца на судне, будет уплачено 600 аспр. Что касается до лиц других сословий, то им предлагалось выкупить себя самим. На это последнее было отвечено, что пленных этого рода нет ни одного. Эти переговоры продолжались до 13 июля. Наконец мир был заключен под Солхатом. Из жителей Кафы, попавших в плен, не нашлось более 42, за выкуп которых было договорено уплатить по 2000 аспров за каждого, но, в сущности, вместо 42, таких оказалось всего 25 человек. В самой Кафе разоружены были две галеры и еще одна галера патрона Бабилама ди Негро, после чего флот не замедлил поднять якоря. Таково событие, о котором здесь сказано во всех подробностях.

Публикуется по: Колли Л.П. Хаджи Гирей хан и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд на политические сношения Кафы с Татарами в XV веке. Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. № 50. – Симферополь, 1913. – С. 116–120. Перевод Колли Л.П. с некоторыми уточнениями, выполненными Селиверстовым Д.А.

+M

Nobilis nepos carissime. Post obtenta victoria de Cimballo, de Calamita, de Brozoni, de tota Gotia, venimus Caffam, ad instanciam Consulis, etc. Incitati fuimus off endere Sulcatum. Nostri veto qui sicut homines fecerunt contra Grecos, tamquam femine contra Tartaros fecerunt, a se ipsis terga dantes nec profuit substitui eos multociens cum nostro periculo, quod possibile non fuit quin a se ipsis, absque ofensa inimicorum, fugam acceperunt. Hinc est quod reformavimus exercitum nostrum potenciolem quam fuerit et magis ordinatum cum navibus decem, hominibus 250 pro qualibet, et galeis septem ituris ad explorandum contra Alexium quod Theodoro ex medio Olobo primogenito ipsius et aliorum maiorum per modum quod maiora audietis, Deo volente, et de Trapezunda et aliis in

quibus diligentissimam curam habemus. Nam destructa erant loca ab istis si armati non fuissent nec credatis nostra intentio esse Januam venire, donec inimicos nostros senserint iacturam, quia omnes de exercitu sunt animati stare multo tempore plus quam extimabatur. Domino concedente.

Datis Gaffe die 9 Julii 1434.

Karolus manu propria.

a tergo:

Nobili Domino Matheo Lomellino

Recepta de Caffa die 7 septembris 1434.

Публикация по: *Agosto A. Due lettere inedite sugli eventi dei Cembalo e di Sorgati en Crimee nel 1434. Atti della Societa Ligure di Storia Patria. Nuova serie. Vol 17(91). – Genova, 1977. – P. 515.*

+(Дата зашифрована?)

Возлюбленный благородный племянник.

После одержанной победы над Чембалом, над Каламитой, над Brozoni, надо всею Готией, [мы] пришли в Каффу, по настоянию консулов, etc. Принуждены были напасть на Солгат. Наши же, которые подобно мужчинам действуют против греков, как женщины действуют против татар, сами по себе показывают спины, и бесполезно опираться на них при угрозе для нас, ибо недопустимо, чтобы [войска] сами по себе, без вражеского нападения, предпринимали бегство. По этой причине преобразовали войско [находящееся под] нашей властью, как подобает и наилучшим образом, с десятком больших кораблей, двумястами пятьюдесятью годными для всего людьми, и семью галерами, которые отправятся для разведки против Алексея, который [властитель княжества] Феодоро, Оловея первородного, и [против] других могущественных, так что услышите большее, Бог даст, и [галеры и люди] из Трапезунда и прочих [мест], в которых имеются требующие внимания дела. Так как из сокрушенных мест их войска не пришли и не верится [что придут], наше намерение состоит в том, чтобы придти в Геную, до тех пор, пока враги наши не ощутят [нашего] отсутствия, так как все в войске продолжают оставаться воодушевленными долгое время, большее, чем могли ожидать.

С Божьего соизволения

Карл собственной рукой

на обороте:

Благородному господину Матео Ломеллино

Получено из Каффы 7 сентября 1434.

Перевод со средневекового латинского языка – Часовитина Ольга Владимировна и Часовитин Дмитрий Викторович.

+ 1434 die 20 Julii in Pera.

Domino Matheo Lomellino,

Venerande Domine, scripsi vobis perplures modos ad responsionem vestrarum tam via Chii, quam aliis locis, ultimate per terra per Ambrosium de Casanova et omnia predicta affirmo; inter alia vos avisavi de armata nostra et de victoria qua fuit de Cimbalo pulchra et presta. Et sperabamus de dicta armata omnes consolare et specialiter istum desolatum orientem, cum utinam dicta armata fuisset in Janua et unquam exisset, quia cum fuit in Caffa, credo a ii 19 vel circa Junii, fuerunt diverse opiniones quod Capitaneus ire deberet ad capiendum cum sua potentia Sorcati et, secundum quod scribitur, consiliarii, patroni navium et galearum se oponebant, non parendo eis utile negotium pur ad exortationem certorum burgencium, deliberaverunt in dicto loco acedere per modum quod exiverunt de Call a circa homines 10.000, habebant carros circa 700 et quando fuerunt prope Sorcati miliaria tres vel circa nostri, non obediens ad ordinem et inordinati, viderunt equos 30 vel circa tartarorum et sine prelio nostri se posuerunt ut in fuga, per modum quod uni alteri et alter uno omnes terga se dederunt; videndum sic Tartan impetum dederunt per modum quod nostri omnes positi ad fugam Tartan feriverunt et ceperunt de nostris plus de 2000 et ultra ceperunt ii carri cum armaturis de quibus 2000 deficientibus tenent maiorem partem mortui, partem in Tartaribus, in Sorcati unquam audita fuit tanta decutio nec tantum disordinem, scribunt aliqui quod trattabunt acordium cum illis de lo Sorcati, in se habendo nostros et arma quod credo non falibit; quid postea faciet dicta armata ignoramus, sed scribitur quod ire debet in Cimbalo pro realtandas illas res cum illo Alexio de lo Tedoro et postea transirent Trapezunda, non ostante in hoc; diverse sunt opiniones debemus putare amodo, omnes de hic remanemus desolati et mesti de tanta decutio verecundi et damnum quod patimur, et ab alia parte, quando Capitaneus de hic recesserat cum isto Imperatore, nullum ordinem dederit de factibus nostris, de hic quia amodo semper vobis scripsi iste Imperator est male dispositus homo et sui peius et pessimi nostri inimici, pro qua de causa deliberatum fuit Potestas nuntium ibi mittere et avisare dominationi ut provideat ad necessaria, pur non sum sine spe quod in reditu Capitanei non ponat aliquod assestum in factis nostris, quia aliter male staremus, ad quod rogo et orto provideatis ad quid potestis. Poterat dicta armata nostra in omni loco habere magna victoria sine gladio quia, cum fuit in Caffa, illi de Sorcati vene-

runt cum papiro albo petentes pacem et offerebant circa 2000 et ultra obsides et multa alia, quod nostri recusaverunt, et sic de omni loco ambasciate veniebant illi de Trapezunda, similiter miserunt in Caffa ambasciatorem suum ad faciendum totum quid volebat et sic in omni loco habuisset, si voluisset, sed fortuna nostra aut peccata nostra non voluerunt. Dominus Pius dignetur nos consolare ab alia parte quid erit per alias scietis. Nec alia pro vobis paratus in Christo.

Vester Nicolaus de Porta.

a tergo: Domino Matheo Lomellino Januam.

Публикация по: *Agosto A. Due lettere inedite sugli eventi dei Cembalo e di Sorgati en Crimée nel 1434. Atti della Societa Ligure di Storia Patria. Nuova serie. Vol 17(91). Genova, 1977. P. 515–517.*

+ 1434 дня 20 июля, в Пере

Господин Матео Ломеллино.

Дорогой господин, я писал к вам различными путями для ответа вам, как по пути через Хиос, так и из других мест, последнее из всех [писем отправлено] земным путем через Амбросио де Казанова, и всё ранее сказанное подтверждаю; между прочим вы извещены [голубиной почтой?] о походе нашем и о победе, одержанной над Чембалом, прекрасной и быстрой. И надеялись на утешение для всех от описанного военного похода, и особо тем восток опечален, что названная армия собирается в Геную и когда-нибудь уйдет, поскольку, когда пришли в Кафу, считаю, что 19 июня или около того, были разные мнения: [первое,] что капитан должен идти со своими военными силами, чтобы захватить Солгат, и второе, о чем следует написать, советники, патроны кораблей и галер возражали, не подчиняясь этому полезному предприятию, но при общем одобрении от горожан приняли решение принять в этом участие, так что вышли из Кафы около 10000 человек, имея при себе около 700 повозок и тысячи три или около того наших, не повинующиеся приказу и без строя и порядка [идуших], и когда оказались вблизи Солгата, увидели 30 или около того татарских всадников, и без промедления наши обратились в бегство, так что один другого и всякий каждого, всех обратили в бегство; увидев такое, татары предприняли натиск, так что татары обратили все наши порядки в бегство и захватили из наших более 2000, и сверх того захватили повозки с вооружением, из коих 2000 отсутствующих, как считают, большая часть мертва, а часть в Татарии, в Солгате тогда, как слышали, был не столько беспорядок, а скорее смятение, пишут некоторые, ведущие переговоры с теми из Солгата, в котором находятся наши и оружие, и коим верю, что не обманывали; что затем совершило названное войско, не осведомлен, но писали, что следует идти в Чембало для возобновления других дел с тем Алексеем из Феодоро и затем миновали Трапезунд, не останавливаясь в нем; впредь следует предполагать разное, все здешние пребывают безутешны и печальны, от такого смятения опасались и потери, которые несём, и о прочем, когда капитан отсюда отступил [в борьбе] с этим императором, в наших делах [не] стало никакого порядка, поскольку впредь всегда вам буду писать отсюда, этот император – человек непоследовательный и худший, чем наихудшие наши недруги, из-за которых в оговоренном случае Подеста могут отправлять вестников и посылать известия с почтовыми птицами [avisare] к их господству, когда предвидится необходимость, не без надежды, что по возвращении капитан не оставит без помощи дела наши, поскольку иначе станет худо, о чем прошу и чего ожидаю по мере возможности. Мог описанный наш военный поход во всяком случае иметь великую победу без меча, поскольку, по приходе в Кафу, эти из Солгата пришли с белой бумагой, почтительно просили мира и предоставили около 2000 и сверх того заложников и многое другое, что наши отвергли, и так при всем при том пришли те посольства из Трапезунда, подобным образом отправленные в Кафу посланными их для совершения всего, что предписано, и так имелись все возможности, если бы [мы] пожелали, но фортуна наша или грехи наши не позволили. Господин Пий изволили нас утешить, касательно прочего, о том, что случится далее, через других узнаете.

Ничего иного [не чающий], как вашего спасения во Христе

Ваш Никола де Порто

на обороте: Господину Матео Ломеллино в Геную

Перевод со средневекового латинского языка – Часовитина Ольга Владимировна и Часовитин Дмитрий Викторович.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

(под редакцией И.М.Миргалеева)

Круглый стол

«ВОЕННОЕ ДЕЛО ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ»

Казань, Кремль, Лекционный зал
Центра «Эрмитаж-Казань». 30 марта 2011 г.

Председательствующие: В.А.Иванов, И.М.Миргалеев

Участники:

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., проф., БГПУ им. М.Акмуллы (г. Уфа)
Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., зав. ЦИИЗО ИИ АН РТ (г. Казань)
Свентославский Витольд, д.и.н., проф., Гданьский университет (г. Гданьск, Польша)
Измайлов Искандер Лерунович, к.и.н., с.н.с. НЦАИ ИИ АН РТ (г. Казань)
Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., зав. отделом Востока ГЭ (г. Санкт-Петербург)
Бурханов Альберт Ахметжанович, к.и.н., проф., ТГГПУ (г. Казань)
Гоняный Михаил Иванович, к.и.н., зав. отделом комплексных историко-археологических исследований, ГИМ (г. Москва)
Ситдинов Айрат Габитович, к.и.н., зав. НЦАИ ИИ АН РТ (г. Казань)
Зайцев Илья Владимирович, к.и.н., зав. научно-издательским отделом ИВ РАН (г. Москва)
Исхаков Дамир Мавлявеевич, д.и.н., гл.н.с. ИИ АН РТ (г. Казань)
Губайдуллин Айрат Маратович, к.и.н., с.н.с. НЦАИ ИИ АН РТ (г. Казань)
Селезнёв Юрий Васильевич, к.и.н., доцент, ВГУ (г. Воронеж)
Кулешов Юрий Алексеевич, ученый секретарь Проблемного Совета «Военная Археология» при ГИМ (г. Москва)
Зиливинская Эмма Давидовна, к.и.н., с.н.с. Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва)
Абзалов Ленар Фиргатович, к.и.н., с.н.с. ЦИИЗО ИИ АН РТ (г. Казань)
Хабибуллин Алмаз Наильевич, аспирант, ИИ АН РТ (г. Казань)
Шайхиев Наис Фанисович, аспирант, ИИ АН РТ (г. Казань)

Круглый стол на тему «Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения» был организован Центром исследований истории Золотой Орды им. М.А.Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (ЦИИЗО) в рамках Международного Золотоордынского Форума, прошедшего 29–30 марта 2011 года в Казани. Форум является площадкой для специалистов и проводится раз в два года в Казани. Участники Круглого стола обсудили основные проблемы и перспективы изучения военного дела Золотой Орды и, в частности, главный вопрос: производство оружия.

Участники Круглого стола посетили в Центре «Эрмитаж-Казань» выставку «Художественное оружие» из собрания Государственного Эрмитажа. Далее были заслушаны следующие доклады: *Иванов В.А.* «Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологическом контекстах: где истина?»; *Горелик М.В.* «Монгольская латная конница и ее судьбы в исторической перспективе» (зачитан И.Л.Измайловым); *Кулешов Ю.А.* «Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения»; *Губайдуллин А.М.* «О типах средневековых воротных проездов на территории Среднего Поволжья»; *Хабибуллин А.Н.* «К вопросу о реконструкции крепостных ворот в Казани периода Золотой Орды»; *Измайлов И.Л.* «Производство оружия в Улусе Джучи: от стрелы до пушек».

После того как были заслушаны все доклады, участники перешли к обсуждению.

Миргалеев И.М. Уважаемые участники Круглого стола! Мы благодарим вас за участие в нашей встрече. К сожалению, не все специалисты смогли приехать, но, думаю, и с таким внушительным количеством участников мы сможем обсудить поставленные вопросы. Не скрою, после очередного, третьего, выпуска нашего ежегодника «Золотоордынская цивилизация» на статью Юрия Кулешова «Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения» мы получили множество отзывов от коллег. Отзывы были диаметрально противоположными. Понятно, что многие вопросы в данной тематике требуют как теоретического осмысления, так и практического исследования. Несомненно, что существующие работы по военному делу в Золотой Орде не устраивали многих специалистов. Поэтому мы и решили предложить участникам Международного золотоордынского форума эту тему. Хотя, например, Искандер Лерунович сказал тогда мне, что не видит смысла в таком обсуждении. Но уже сами доклады и интерес коллег все же говорят о том, что мы выбрали тему удачно. Ведь для нас, организаторов, важно, чтобы была еще и полноценная дискуссия. А судя по накалу страстей, дискуссия сегодня состоится. Я призываю коллег придерживаться этики спора и временных рамок и, конечно же, слушаться ведущих. А теперь я передаю слово Владимиру Александровичу.

Иванов В.А. Коллеги, я очень рад, что сегодня мы обсуждаем эту тему и думаю, нам есть что обсуждать. Искандер Лерунович озвучил нам доклад Михаила Викторовича Горелика, но так как Горелика нет, то на многие вопросы придется тебе отвечать, дорогой. А ты должен отвечать за себя. Поэтому тебе и даем слово, так сказать прояснить позицию.

Миргалеев И.М. Это будет и доклад, и основа для обсуждения. Тема выступления Искандера Леруновича: «Комплекс вооружения Улуса Джучи: от стрелы до пушек».

Измайлов И.Л. Спасибо, коллеги. Золотая Орда возникла в результате военных походов и завоеваний и в сражениях же погибла. Вся история этой средневековой империи во второй половине XIII – начале XV в. была историей войн, междоусобиц и битв. Не удивительно, что эта эпоха стала временем сложения и развития оригинального комплекса вооружения, военного искусства и освоения военно-технических новинок.

Складывался он строго на основе принесенных с востока, в основном из Центральной Азии, тюрко-монгольских традиций оружия, но восточноевропейская среда с ее развитым ремеслом и торгово-ремесленными связями, особенно с мусульманской Средней Азии и Ближним Востоком, как – все это не могло не сказаться, и сказалось на развитии золотоордынского оружейного комплекса. Дело в том, что в Восточной Европе они застали мощные и передовые для своего времени военные и ремесленно-оружейные традиции. Причем характерно то, что, несмотря на этноконфессиональные различия и государственную обособленность многие черты вооружения и военного дела разных народов и государств Восточной Европы оказались сравнительно близкими и все вместе «противостояли» традиции центральноазиатской, принесенной и внедряемой завоевателями.

Действительно, какую бы военную традицию Восточной Европы мы ни рассматривали, везде мы увидим практически единый тип защитного вооружения, близкий набор оружия наступательного. Это, разумеется, касается прежде всего снаряжения основной военной силы того времени – конных дружин владык этих территорий, будь то Хорезмшахи или дагестанские владетели, русские князья или болгарские эмиры, кыпчакские ханы или беки Черных Клобуков, аланские ардары или черкесские пши. Везде мы видим господство в защитном вооружении кольчуги с добавлением ламеллярного короткого панциря, сфероконического шлема с кольчужной бармицей, дощатых щитов каплевидной, а все чаще – круглой и треугольной формы. Боевые топоры и булавы, копья и луки все более унифицируются на всем пространстве Восточной Европы. Предпочтение сабли или меча различает не столько этнокультурные массивы (хотя, скажем, предпочтение сабли для юго-востока, особенно степи, как предпочтение меча на северо-западе региона – факт безусловный), сколько локальные, часто орнаментально-стилистические, изменяющиеся вместе с меняющимися мировыми военно-политическими обстоятельствами традиции.

В период и после завоевания Восточной Европы и становления военно-административной и клановой системы здесь стал формироваться новый комплекс вооружения. Особенностью его стало то, что войска Бату, пополняемые за счет завоеванных народов, вступили в прямой контакт с местными военными традициями. Особенностью этой системы являлось то, что местные воин-

ские контингенты, были включенные в военную систему Улуса Джучи, явно преобладали. Недаром Рашид ад-Дин прямо указывает на доминирование в войсках Джучи не монгольских, а тюрко-татарских (в археологии их принято называть «кыпчакскими») контингентов. Характерно также упоминание среди войск Бату также русских и черкесов. Раскопки последних десятилетий раскрыли богатейшую картину воинского снаряжения древнерусских княжеств и северокавказских обществ. Не менее разнообразной предстала картина вооружения и в результате раскопок ремесленных центров Булгарского улуса. Не случайно мы наблюдаем, что в булгарских городах сравнительно скоро после завоевания Бату-хана происходит процесс возрождения городов и ремесла, а позднее произошел их бурный рост. Характерно, что в типах, формах и во внешнем облике изделий прослеживается синкретичное сочетание центральноазиатских элементов и местных традиций. Видимо, этот процесс сопровождался и расселением в булгарских городах пришлого населения, в том числе русских и особенно армянских и сельджукских мастеров, среди которых известны оружейники. Но больше всего было приведено мастеров из мусульманских областей левого крыла Улуса Джучи – особенно из сильно разоренного Хорезма.

Если описанные выше этнокультурные массивы участвовали в культурном взаимообмене, а области оружейного ремесла, опираясь на собственную традицию и воспринимая (вольно или по необходимости или даже по принуждению) татарскую имперскую традицию, то хранителями и ее ревнителями были собственно монголы, а также приведенные ими в Европу тюрко-татары, которые являлись уже носителями новой военной культуры. Именно они составляли кочевое население ордынских степей и основу военной силы Золотой Орды. В отличие от горожан-мусульман они сравнительно долго оставались язычниками (по крайней мере, определенная их часть во второй половине XIII – начале XIV в.) и являлись основой военно-служилого сословия – профессиональными военными. Они «жили» войной, а продолжительность их жизни была, очевидно, короче, чем горожан, поскольку они погибали в бою или умирали от ран.

В результате мы наблюдаем сложение синкретичного золотоордынского оружейного комплекса. Традиция его восходит – для Центральной Азии к III–V вв., когда она начала формироваться, полностью оформившись к XII в. именно в чжурчжэньско-татарском варианте. Анализ его посвящен целый ряд специальных исследований, в первую очередь отметим труды М.В. Горелика и Ю.С. Худякова. Однако эти исследования, хотя и далеко не исчерпывающе представляют все находки предметов вооружения и снаряжения, но позволяют сделать вывод о том, что оружие татарской знати было не случайным набором разнородных элементов, приобретенных где-то и когда-то, а цельным комплексом вооружения.

Это был комплекс вооружения прошедший путь, условно говоря, от стрел до пушек. Имеется в виду, что он не был раз и навсегда однообразным, а являл собой развивающуюся систему, способную аккумулировать и перерабатывать различные боевые средства, при этом используя только те, что могли использовать и применять.

Судя по анализу значительного по объему предметов вооружения как из могильников, так и из поселений, основу его составляло вооружение латной кавалерии с типичным для нее набором доспеха и вооружения – пластинчатых доспехов, шлемов с масками и полумасками, кольчужные доспехи, пики, сабли и булавы. Если судить по количеству, то подобные комплексы составляют около 10 % всех погребений с инвентарем. Даже учитывая случайность количества всех изученных погребений и подобных находок, мы должны сделать вывод о том, что со всеми возможными оговорками эта цифра наглядно демонстрирует процент знатных латников в татарском войске. Следует отметить, что в Западной Европе, где количество рыцарей ни в одном войске практически никогда не дотягивало до этого значения, именно тяжеловооруженная конница господствовала на полях сражений, определяя своими действиями исход сражения. Нет никаких оснований полагать, что в Улусе Джучи дело происходило иным образом. Именно татарская аристократия – военно-служилое сословие Золотой Орды, обладающая полным набором оружия и воинского снаряжения, была главной силой ее войска, долгое время определяя направление и характер эволюции ее военного дела.

В последнее время часто возникает вопрос о соотношении привозного и собственного производства оружия в Золотой Орде. Вопрос представляется не просто надуманным, но и страдает, так сказать, «археологическим идиотизмом». Главным аргументом здесь является довод «от противного». Дескать, поскольку в открытых кузнечных и металлургических мастерских в городах Улуса Джучи не обнаружены склады с оружием, то это является фактом отсутствия подобного произ-

водства. На это можно сказать только то, что с таким же успехом долгое время игнорировались достижения золотоордынских мастеров в ювелирном деле – ведь мастерских с полуфабрикатами из золота и серебра так и не найдено. Кроме того, подобный аргумент с легкостью может быть обращен и в обратную сторону – в Италии, Анатолии и Египте, откуда якобы в массе поступало оружие для золотоордынского войска, также не открыто никаких мастерских для его массового производства. Есть и другой аргумент подобного же рода – не найдено ни одной мастерской в городах Руси, где бы были найдены остатки производства такого сложного и дорогого оружия, как мечи, тогда как ни у кого нет ни малейших сомнений в том, что подобное производство было и не в одной мастерской, надежным свидетельством чему служат мечевые клейма – надписи на кириллице. Поскольку на ряде золотоордынских сабель открыты подобные же клейма, то их следует считать сохранившимися образцами местного массового производства.

Но аргумент против производства оружия в городах Золотой Орды не может быть принят во внимание и по другой причине – мы опираемся не только на данные археологии, но на весь комплекс источников, а он явно свидетельствует словами очевидцев, что оружие в империи Чингизхана производилось в массовом порядке и на собственной базе. В городах и ставках беков Улуса Джучи эта традиция получила дальнейшее развитие и уже в середине XIII в. вооружение по татаро-монгольским образцам начинает производиться на Руси и с успехом использоваться в военном деле различных княжеств. Можно прямо сказать, что кроме отдельных дорогих раритетных предметов оружия, являвшихся предметом торговли (арабский меч, топор из Подонья, булава из мамлюкского Египта и других подобных), все остальные производились на месте и собственными ремесленниками. Вообще, трудно вообразить, что какие-либо аристократы будут в массовом порядке закупать оружие и снаряжение для себя и своих людей. Дело в том, что качественное оружие всегда было дорогим и чем оно было лучше, тем оно было дороже. Если бы татарская знать закупала свое воинское снаряжение, то она бы просто разорилась, поскольку никакая военная добыча не окупала бы ее затраты на качественное оружие. У этого ответа есть и другая сторона – зачем закупать дорогое оружие, если можно побеждать соседей и применяя более простое? А если мы знаем, что все соседи Золотой Орды обладали качественным комплексом вооружения, то равное им по силам татарское войско не могло не иметь собственного тяжелого вооружения.

Но и это еще не главное. Возможность приобрести с помощью торговли или как трофей то или иное оружие еще не означает, что его смогут использовать и применять, не говоря уже о том, что всякое вооружение со временем требует ремонта и обновления. Утверждать, что в Золотой Орде не было собственного производства качественного оружия, все равно, что доказывать отсутствие у татар военно-служилого сословия и всей связанной с ним социальной средой. Поскольку историческая наука далеко ушла от стереотипов «Века Просвещения», то полагать отсутствие развитой социальной организации в Улусе Джучи могут только непроходимые дилетанты или догматики петербургской «школы Фроянова». Все другие, опираясь на комплекс источников полагают, что общество Улуса Джучи имело развитый характер феодального сословного типа. В таком обществе аристократия непременно опирается на соответствующие социальные институты – военные слуги, дружина и т.д., а в военной сфере формирует слой профессиональных воинов со строго определенной структурой военной организации. Подобное общество не может не иметь устойчивой хозяйственной основы и развитого ремесла, включая и оружейное. Соответственно, общество подобного типа в период средневековья не может не иметь латной кавалерии, как основной род войск. Могут быть различные нюансы в наборе вооружения, наличии или отсутствии того или иного оружия, качества доспеха или его типа, но суть остается неизменной – важнейшим родом войск была и остается латная кавалерия.

Верно и другое. Если в обществе нет соответствующей социальной организации, то никакое заимствование отдельных предметов оружия не спасает от поражения при столкновении с более развитым в военно-социальном отношении обществом. Это было верным в древности, остается верным и до сих пор. Факты из истории военного дела слишком многочисленны и убедительны, чтобы приводить их здесь. Достаточно обратить внимание на военное дело мордовских племен, которые в IX–XI вв. заимствовали передовые для того времени предметы вооружения, включая сабли, кольчуги и пики, но не имея развитого социального строя постепенно утратили самостоятельность, попали под военно-политическое влияние соседних государств и к XII в. их комплекс вооружения деградировал. Этот пример самым наглядным образом свидетельствует о неразрывной связи социального строя с военной организацией и комплексом вооружения.

В период средневековья ни одно общество не могло просто заимствовать некоторые виды оружия, поскольку, как и в современной войне, любое оружие надо не только иметь, но и уметь его правильно применять. Нельзя просто вооружить часть своего войска рыцарским оружием, чтобы добиться победы. Восстания крестьян в разных концах Европы показывают, что одним вооружением дело не исчерпывается, поскольку немногочисленные рыцарские отряды с легкостью разгоняли многотысячные крестьянские армии. Также было и во время завоевания Америки испанцами. Индейцы, даже владея лошадьми и огнестрельным оружием, не могли, за редким исключением, противостоять конкистадорам, поскольку опыта использования этих видов оружия они не имели и противостоять атаке конных рыцарей, не имея адекватного вооружения, не могли. Точно так же и в Восточной Европе, и на Ближнем Востоке, когда монголо-татары, используя передовую тактику боя и осады, имея качественное оружие и массированно используя латную кавалерию на направлении главного удара, довольно легко наносили поражения своим противникам, часто не менее тяжело-вооруженным (булгары, русские, венгры, поляки и немцы). Но уже при столкновении с адекватно вооруженными мамлюками, применявшими такую же тактику, успеха они не имели.

Иными словами, войска Улуса Джучи использовали развитый комплекс вооружения и это факт не только исторический, но и археологический. Но с успехом использовать можно только тот комплекс вооружения, который сложился традиционно, который является плотью от плоти своим, от производства до использования. Это не может быть случайным набором боевых средств, заимствованным в разных регионах, а является цельным комплектом достаточно унифицированных боевых средств. При этом этот комплекс вооружения имел социально-сословную привязку. Эта неразрывная связь между латной кавалерией и развитой социальной организацией настолько прочна, что как не существовало рыцарства без латной конницы, так и латной конницы без сословия аристократов. Недаром стойкие пехотные подразделения возникли там, где не было служилого сословия.

Итак, мы видим, что оружие Улуса Джучи, в котором традиции, принесенные монголами с Востока, наложились на ремесленную и воинскую традицию Восточной Европы, активно развивалось на протяжении XIV–XV вв. и выработало целый ряд оригинальных форм, новшеств, которые получили поистине мировое значение, приобретя популярность на огромных просторах Азии и Европы, и у самых различных народов – от поляков и русских до китайцев и арабов.

Миргалеев И.М. Спасибо, Искандер Лерунович. Конечно, уже в прочитанных докладах многие проблемы были подняты. Но я думаю осталось еще немало вопросов. Поэтому давайте перейдем к вопросам.

Бурханов А.А. У меня вопрос Кулешову, по его докладу. Достаточно ли материалов, для таких глобальных выводов?

Кулешов Ю.А. Если касается предметов вооружения, то я указал, что порядка 90 шлемов. На мой взгляд, это достаточно репрезентативная выборка. Т.е. это именно золотоордынского периода. Ну а если мы говорим о более широких датировках, скажем с 10 по 15 вв., мы можем говорить о 150–170 шлемах. Т.е. ничего подобного в Восточной Европе, на Балканах, на Урале и на Кавказе не было.

Измайлов И.Л. Можем ли мы говорить о том, что все они были произведены в Египте?

Кулешов Ю.А. Нет, но в принципе, на мой взгляд, разница в том, что это вещь импортная, либо изготовленная «импортными специалистами» нет. Потому что использовались свои же технологии, технологические схемы. По оружейникам, в Золотой Орде сведений нет, но, тем не менее, в другие государства мамлюки поставляли своих специалистов для изготовления оружия.

Измайлов И.Л. Значит, вы считаете, что большая часть оружия, производившегося в Золотой Орде, в частности речь идет о шлемах, изготавливалась на территории Золотой Орды, какими-то «иностранными» ремесленниками?

Кулешов Ю.А. Нет, я не сказал, что большинство шлемов. Я имел в виду находку, которую представил в своем докладе. Что касается остального массива находок, здесь вопрос неоднозначный.

Измайлов И.Л. Следовательно, нельзя делать выводов о том, что оружие в массе ввозилось из Египта и Ближнего Востока.

Кулешов Ю.А. Я указал, что на данный момент оружие мамлюкского Египта абсолютно не разобрано, и это достаточно большая проблема.

Миргалеев И.М. Коллеги, есть еще вопросы?

Зиливинская Э.Д. У меня вопрос Владимиру Александровичу Иванову. Насколько адекватно отражают материалы погребений реальную ситуацию при жизни. Это ведь две большие разницы.

Иванов В.А. Замечательный вопрос. Археологам, занимающимся проблемой Золотой Орды, нужно все-таки уяснить для себя, насколько оружие присутствующие в погребениях, адекватно отражает реальную ситуацию. Мы этого сейчас не знаем.

Свентославский В. Сколько генералов в современной армии? И сколько солдат? Какой процент? Прежде всего, надо думать, что большинство погребений это будут только погребения с наконечниками стрел. Потому что в армии генералов и офицеров мало, а солдат много. Возьмем, например, Польшу. Сейчас мы знаем, что ежегодно в Польше в XIV–XV веках производилось больше пяти тысяч шлемов. У нас нет погребений, как в Золотой Орде, так как совсем другая ситуация. Если вы меня спросили бы, сколько шлемов мы, археологи, нашли или сколько находится в польских музеях, то я бы ответил: меньше 10, о которых мы можем точно сказать, что они с территории Польши. Что это означает? В археологии очень много находок – это счастье. Не все находят Тутанхамона, не все находят такие погребения, как например Ченгульский курган на Украине.

Исхаков Д.М. У меня есть два замечания по выступлению В.А.Иванова. Есть такая старая социологическая шутка. Она заключается в том, что в одном из городов Индии сделали вывод о том, что половина приезжающих врачей там умирают от болезней. Потом посмотрели генеральную совокупность: два врача приехали, один умер. Когда мы имеем дело с находками, нам не известна генеральная совокупность. Мы вот какую-то кучу вырыли, оттуда мы делаем вывод. Поэтому я думаю, что надо делать ограничения в своих выводах. Это первое. Второе замечание другого характера. Когда мы имеем дело с оружием, надо принимать во внимание, что это некая драгоценность. Приведу конкретный пример. Есть поздний татарский источник «Дафтар-и Чингизнаме». Там есть описание клана и клановых вождей. И при этом описывается процедура, когда от имени Чингиз-хана дарятся кольчуги как племенные атрибуты. Причем не просто дарятся, а в каждой кольчуге нужно собственное наименование. То есть это был предмет дорогой и, возможно, передавался из поколения в поколение, и он может и не попасть в могилу.

Свентославский В. Сколько стоили шлем, меч, кольчуга, доспех? В Польше источников по данной проблеме немного, в отличие, например, от Франции. Но и в Польше мы можем сказать так: на шлемы были разные цены. И были такие шлемы, которые стоили не так дорого, можно было купить и по цене сапог. Цены на мечи от 20 до 180 грош. За 20 грош можно было купить бочку пива. Дорого? Нет. Разные цены были. Были дорогие и очень дешевые вещи. Я так думаю, что также было и в Золотой Орде. Есть еще много различных проблем. Дорогие друзья, кто из вас знает погребение в степи с булавой или шестопером? Одно или два погребения? Почему вы говорите, что шестопер, булава – типичное оружие кочевников, когда мы не находим в погребениях этих вещей. Есть другое – иконография. Необходимо смотреть, кто и где их рисовали? И почему так делали? Нельзя использовать иконографические данные без надлежащей критики. Здесь требуется особая осторожность. Еще большая проблема – это то, что в Монголии ничего нет. Я там

был, смотрел. В Монголии нет вооружения. Нам очень тяжело относить к тому, что монгольское. Что означает монгольское?

Миргалеев И.М. Коллеги, есть еще вопросы? Прошу вас, Юрий Васильевич.

Селезнёв Ю.В. Коллеги, тема очень интересная, и я бы хотел задать Искандеру Леруновичу несколько вопросов. Среди мастерских археологически прослеживаются ли оружейные склады? И если они прослеживаются, то можем ли мы рассматривать как склады какого-то военного командования, стратегического запаса, а не признаки импорта, то есть привоза и складирования перед распределением? Спасибо.

Измайлов И.Л. Во-первых, в этих самых ремесленных мастерских, как известно....

Селезнёв Ю.В. Мастерские не интересуют. Мастерские есть, все хорошо.

Иванов В.А. Искандер Лерунович, здесь одно слово должно быть, или да или нет.

Измайлов И.Л. Ответ на этот вопрос не предполагает простой дилеммы да или нет. Я вам тогда могу сказать, а производство сельхозхозяйственных орудий тоже не зафиксировано, и что они не производились?

Селезнёв Ю.В. Как? Оружие есть или нет?

Измайлов И.Л. Оружие есть, но производство его не всегда можно проследить достаточно уверенно, хотя наличие остатков огромных государственных железоделательных мастерских, открытых раскопками экспедиции Г.А.Федорова-Давыдова, заставляет думать, что и производство оружия имело развитый почти мануфактурный характер. Кроме того, по письменным источникам это производство также фиксируется.

Селезнёв Ю.В. По письменным есть, да я знаю. Но если складов нет, тогда мы и об импорте говорить не можем. Потому что если есть импорт широкий, то должны быть склады.

Кулешов Ю.А. У меня к Вам, Искандер Лерунович, первые два простых вопроса: Как Вы себе представляете процесс производства оружия от и до?

Измайлов И.Л. Вопрос снимается, это не для этой аудитории и не для этого времени, поскольку даже при простом описании производства оружия у нас не хватит времени обсудить более серьезные вопросы.

Кулешов Ю.А. А вкратце, если можно?

Измайлов И.Л. А вкратце я хочу сказать вот что. Дело в том, что у нас есть клуб «Витязь» при Национальном музее Республики Татарстан, и ребята там вполне сносно куют оружие...

Кулешов Ю.А. Да, современными средствами: болгарками и т.д. т.п., это совершенно другое.

Измайлов И.Л. Они и без болгарок обходятся. Дело не в этом. Достаточно богатый опыт многочисленных клубов любителей оружия в стране показывает, что на самом деле для производства даже такого сложного оружия, как сабли, не нужно обладать какими-то сверхспособностями. Понятно, что оружие различалось, как мы уже выяснили, по качеству. Было такое, которое делали массово, так сказать «на коленке», и которое было штучным и дорогим...

Кулешов Ю.А. Можно пояснить, что значит «на коленке»?

Измайлов И.Л. Значит практически в домашних условиях. Коллеги, неужели, кто-то думает, что кочевники не могли себе сделать кожаные доспехи, как это описано у Дж. де Плано Карпини? Мы, что их вообще безрукими считаем?

Кулешов Ю.А. Второй вопрос. Как вы представляете проблему средневековой торговли?

Измайлов И.Л. Я не понял вопроса, что значит представляю? Ну, представляю: товар – деньги – товар. В чем Ваш вопрос?

Кулешов Ю.А. Масштабы какие?

Измайлов И.Л. Ну, одно дело торговля фарфором, шелком, пряностями, а другое дело...

Кулешов Ю.А. Возьмем самое простое, через итальянские колонии в Причерноморье проходил огромный объем товаров...

Измайлов И.Л. Ну было и что?

Кулешов Ю.А. Какие-нибудь объемы вы себе представляете?

Измайлов И.Л. Представляю. У С.П.Карпова прекрасно все это написано. Давайте не будем проверять эрудицию и знания друг друга. Давайте говорить по существу...

Кулешов Ю.А. 1000 тонн в год.

Измайлов И.Л. Да может быть и больше. Было много и других товаров, кроме оружия.

Кулешов Ю.А. Сюда везли конгломерат металла тоннами. Отсюда же вывозили зерно тысячами тонн. Это все зафиксировано. Все железо, которое сюда ввозилось, это тоже зафиксировано.

Иванов В.А. Сюда, это куда?

Кулешов Ю.А. В Крым. Нет, но везли не только в Крым...

Измайлов И.Л. В чем вопрос?

Кулешов Ю.А. Я не пойму просто. Вот вы говорите, не может поставаться оружие в таких количествах, невозможно вооружить армию за счет импортных поставок.

Измайлов И.Л. Вы или невнимательно слушали, или не хотите слышать. Я сказал, что любая армия для того чтобы что-то заимствовать должна иметь возможность это что-то использовать. Если у тебя нет слюда знати, которая умеет этим качественным вооружением пользоваться, которая тренируется с ним, учится его применять...

Кулешов Ю.А. Спасибо, я вас понял. Следующий вопрос. Собственно, что вы вкладываете в понятие «тяжеловооруженная конница»?

Измайлов И.Л. То, что вы опубликовали с госпожой Потемкиной в Донецком сборнике, эти самые 40 комплексов с доспехами...

Кулешов Ю.А. Ну не 40, а их порядка 170.

Измайлов И.Л. Ну вот, тем более. Хотя коллега Иванов настаивает, что их около сорока.

Кулешов Ю.А. Статья была посвящена не социальной структуре, а традициям погребально-го обряда.

Измайлов И.Л. Да не важно. Я говорю, что доспех...

Кулешов Ю.А. Доспех или тактика?

Измайлов И.Л. И то и другое, одно неотделимо от другого. Что такое танки и танковая атака, их разве можно отделить одно от другого?

Кулешов Ю.А. Собственно, у вас прозвучала мысль, что наличие копий предполагает наличие тяжелой кавалерии. Можно вернуться к периоду наполеоновских войн, те же гусары использовали пики. Гусары первой шеренги были вооружены пиками. Это сейчас достоверно известно.

Измайлов И.Л. В чем вопрос?

Кулешов Ю.А. Как вы себе представляете использование кавалерии? Что вы вкладываете полностью в понятие тяжелой кавалерии?

Измайлов И.Л. То есть вы оружиевед и не представляете себе, что это такое?

Кулешов Ю.А. Я себе представляю. Я хочу услышать от вас.

Измайлов И.Л. Нет, я не понимаю вопроса. Мы все представляем, о чем идет речь. Что Вы хотите услышать? Как они строились? Как скакали? Вы сомневаетесь в моей эрудиции или в своей?

Иванов В.А. Искандер Лерунович, я выплескиваю на твою голову целую серию и вопросов, и размышлений, и в меньшей степени критики. Вот смотри, мы с тобой археологи. Персидские, миниатюры изображают в интерпретации Горелика...

Измайлов И.Л. Они просто изображают, без Горелика.

Иванов В.А. Ты знаешь, без Горелика они не могут изображать, знаешь почему? Потому что, ты прекрасно знаешь, мы с тобой заканчивали классические университеты. Есть такая наука – историческое источниковедение. И каждый источник, в том числе и миниатюры и картины, – это вот источники. Он должен быть проанализирован.

Измайлов И.Л. Вот вы тоже невнимательно слушали. М.В. Горелик прежде чем приступил к этому, он их проанализировал, выяснил хронологию, выявил школы и т.д.

Иванов В.А. Искандер, давай не будем вести нашу беседу в ключе, что Иванов такой-сякой, нападает на Горелика, а Измайлов – его защищает. Давай не будем в этом ключе вести дискуссию. Понимаешь, я многое хочу понять для себя. Да и ты хочешь, я полагаю...

Исхаков Д.М. Проблема в том, что здесь нет самого Горелика.

Крамаровский М.Г. Михаилу Викторовичу нужно было приехать сюда, в Казань, и выступить. Что я хочу сказать. Довольно интересно все это слушать, безусловно. Я тоже не специалист по вооружению, в отличие от моего дорогого друга Искандера Леруновича. Но Владимир Александрович просто парадокса друг. Если идти по тому пути, который вы предложили, то у нас же и ханов-то не было ни одного. Где у нас хоть одно ханское погребение? И я сейчас не буду перечислять другие категории. По-видимому, здесь что-то отсутствует, какой-то элемент в этом механизме рассуждения, автор не доверяет собственной конструкции. Потому что действительно это парадоксально. Но здесь конструкция не работает. Да у нас вот столько материалов, такая

процентная картина. Соответствует, не соответствует, не думаю, что это можно перекладывать на тьмы или на какие-то другие воинские подразделения. Это первое. Вот здесь я прямо присоединяюсь всей душой, что между археологами и историками существуют определенные разночтения. Но все-таки мы стремимся быть историками. Уж настолько это убедительно, насколько убедительно мы излагаем свои материалы и размышления. Это другой вопрос. И, может быть, это жизненная ситуация нас спасает. В целом мы лабораторно рассуждаем. Но по-настоящему мы не делаем из этого кумира. Это один момент. Теперь несколько рассуждений, которые я хотел бы адресовать Юрию Алексеевичу, и вот по какой причине. Дело в том, что молдавский комплекс нашли и привезли в Эрмитаж, и он у меня 2 года лежал в сейфе, потому что я никак не мог организовать реставрацию. Было, конечно, очень важно очистить, прочесть надпись. Я страшно удивился, что надпись не прочитана. Конечно, это статусные вещи, которые показывают направление связи, и мы по письменным источникам хорошо знаем, что дорогие подарки дарили. Наконец-то, вот оно счастье. Мы попали на дорогой подарок, который мы знали по письменным источникам и никогда не видели в глаза. Делать из этого вывод, что все это вооружение идет из Египта, это наивно. Другая-то были по несчастью, всякие заигрывания и т.д. Это даже не обсуждается. И то, что такой комплекс есть, это прекрасно. И это важно для взгляда на мамлюкское вооружение и т.д. Несколько находок, и в том числе на Северном Кавказе, вообще структура мамлюкского войска и поставка кыпчаков в Каир, и влияние Каира на нас, и история с Бейбарсом. Здесь есть о чем рассказать, но из этого не следует, что Каир буквально устроил какое-то перевооружение, защитные доспехи и т.д. и т.д. Прекрасно известно, что весь воинский прогрессивный мир стремился овладеть монгольским оружием. Это тоже как политония. Но понятно, о чем я хочу сказать. Это кидани, чжурчжени, Центральная Азия и эволюция, но это мы знаем через монгольский спектр. Это уже монгольское. Я думаю, что Горелика надо одобрить и не в том дело, что я защищаю интересы своего друга. Но то, что он обратил внимание на замечательный иконографический материал и благодаря своему таланту нарисовал сотни этих фигур и дал нам представление как бы это должно быть. Это, конечно, его заслуга и то, что мы должны дополнять, но при удачных вариантах в комплексе, нет никаких сомнений. Значит, ответ совершенно ясен, на мой взгляд, если я ошибаюсь, вы меня поправите. Я тоже буду учитывать это. Никакого основания для утверждения о том, что армия джучидов была вооружена за счет абсолютного импорта, не существует. Что возникают гибридные формы благодаря взаимодействию культурных миров на месте, да. Потому что ни где в мире этих гибридных форм нет. Но подтверждает мысль о том, что это ремесленное производство существует и, конечно, надо более внимательно и более четко подходить к тем, может быть, иногда жалким артефактам, связанным с тяжелым вооружением. Потому что где же возьмешь целого всадника? Но я сейчас не хочу уходить в мелочи, потому что этот воинский доспех имеет не только защитные структуры, в том числе в конском, и еще массу деталей в костюме с поясами и с тем другим. Я вам скажу на собственном примере, когда мне удалось найти вначале один, а потом три или четыре поясных набора на каком-то представительном статусном уровне, я был безумно счастлив. Потому что стало ясно, что это существует, но если бы я подходил из этой парадоксальной идеи, что четыре на такое пространство?

Кулешов Ю.А. Если можно, я хотел бы Марку Григорьевичу ответить кратко. Мой доклад был иллюстрацией к тому, что по письменным источникам был целый ряд источников, свидетельствующих о том, что из мамлюкского Египта поставлялось оружие. Причем это не единственная страна, которая поставляла оружие. Более того, есть итальянские источники. Это достаточно точный архив Банко сен Джоржа, где, в частности, есть информация об этом. Одна галера перевозит 300 сабель. Понятно, что в XIV–XV вв. в Италии никаких сабель не использовали абсолютно на 100%. Соответственно работали под местной рынок. Что касается мамлюкских поставок. Я проиллюстрировал одну находку статусных вещей, о которых известно, что это богатые подарки. И простые функциональные вещи, которые мне удалось выявить в количестве одной партии. Это 200 полных комплексов шлемов и доспехов. Это достаточно весомая партия. Что касается утверждения, что все стремились подражать монгольскому вооружению. Но что есть монгольский комплекс вооружений? Кавказские, европейские, греческие, да и русские источники, они все говорят об отсутствии комплексов вооружения у монголов на начало их завоевания. По работам Горелика. Самый большой вопрос, на каких критериях Михаил Викторович строит заключения. И какой подход был для отбора собственно этих источников? У него есть две группы

миниатюр. Очень маленькая группа, которая датируется 1307–1314 годами, которая, насколько я знаю, хранится в национальной библиотеке в Берлине. И табризские миниатюры, они совершенно отличаются. На это внимание обратил, к сожалению, трагически погибший Артемьев. У него ряд работ на эту тему выходило. У Михаила Викторовича достаточно не обоснованный подход именно по миниатюрам.

Иванов В.А. Вот смотрите, если брать по большому счету, то вся реконструкция тяжелых латников, а я не говорю, что их вовсе не было. Тяжелые латники, тяжелые конники – это все реконструируется по персидским миниатюрам. Что такое персидская миниатюра, это тоже объект источниковедческого анализа. Понимаете, «Витязь на распутье» художника В.Васнецова и «Три богатыря» – иллюстрации к сказкам И.Билибина, вот тебе источник для реконструкции вооружения русского дружинника. Ты будешь этим заниматься Искандер?

Измайлов И.Л. Но ведь дело не только в персидских и китайских миниатюрах. Да Вы сами, Владимир Александрович, опубликовали доспехи из мавзолея со шлемом и ламеллярной броней ...

Иванов В.А. Да, я опубликовал доспехи, но какой это был латник, понимаешь вопрос?

Измайлов И.Л. Т.е. вы не видели, как он так сказать скачет на коне?

Иванов В.А. Нет, я не видел, мне вон Олег Федоров, который без моего разрешения опубликовал эту реконструкцию, он мне показал, как он скачет на коне. Но я о другом говорю. Есть целый комплекс источников: иконографические, письменные, археологические. Я не спорю с тобой. Я хочу только одного. Давайте, ребята, договоримся, что существует наука история. Она живет и работает по своим методам. Но есть еще археология. Например, Искандер Лерунович, значит садится и пишет, что монголы воевали, у них сабли были излюбленным оружием....

Измайлов И.Л. Можно я прерву, а то мы уйдем в сторону от темы. Дело в том, что если бы все было так, как вы сказали, то все было бы очень просто. Меня можно было объявить не археологом и выставить за дверь. А саму дискуссию свернуть за отсутствием самого предмета спора. Но беда-то в том, что прежде чем написать вот это, что Вы процитировали, я проанализировал археологические материалы и сделал выводы.

Иванов В.А. Ну и какие? Где вы увидели, «что на втором месте», как вы пишете, «на втором месте, после сабли были излюблены шестоперы».

Измайлов И.Л. Судя по количеству находок, да!

Иванов В.А. Где?!

Измайлов И.Л. В археологических памятниках. Всех, а не только погребальных. Историю Золотой Орды мы рассматриваем совокупно так, как, допустим, рассматриваем территорию Древней Руси, и все вооружение с ее территории берется также совокупно. Только изучив весь комплекс, можно сказать, в чем была особенность и в чем заимствование, где свое, а где чужое. И никто не говорит, что оружие Новгорода следует рассматривать отдельно, и оно было особым, а в Южной Руси – каким-то другим. Все это сначала рассматривается в виде теоретической реконструкции, которую называют комплексом древнерусского вооружения. И у Анатолия Николаевича Кирпичникова этому вопросу посвящена большая теоретическая статья и монография. Он представил как на основе изучения археологического оружия, и сопоставления его с данными письменных источников, делать оружейно-исторические выводы. Это и есть комплексное источниковедение. И я настаиваю, что не простое умствование историка, едва знакомого с археологией, а результат именно такого анализа. Если бы мы в 3-й том «Истории татар» все материалы включили, то он был бы объемом еще вот таких же три тома. Поэтому в первой части статьи нами были проанализированы археологические материалы, а потом сделаны выводы о составе комплекса вооружения. А на основе этого

комплекса вооружения реконструируется уже собственно военное дело. И вот там, где заканчивается археология, начинается история и комплексное источниковедение. Все, точка!

Миргалеев И.М. Спасибо Искандер Лерунович. Коллеги, давайте не вопросами загружаться и выяснять, кто как себе представляет, давайте больше теоретических осмыслений выдвигать. Чтобы это обсуждение стало причиной для новых работ. Хотелось бы увидеть «мозговой штурм». Для нас, историков, важно, прежде всего, приблизиться к истине. Может быть, начнем высказывать по теме свои соображения?

Ситдииков А.Г. Я тоже хотел бы высказать свою мысль на примере крепости Казани, которая и в золотоордынский период имела укрепления. Конечно, появление монгол наложило свой отпечаток на развитие болгарских городов. Монголы захватили большинство крупных городов Волжской Булгарии и подчинили себе ее население. Фактов, свидетельствующих о разорении города Казани неизвестно, хотя в позднем сочинении Гаффари (вторая половина XVI в.) она перечисляется среди городов, покоренных монголами. Следы монгольского разрушения не выявлены и археологически. Казань представляется привлекательным для изучения городом, который имел непрерывное развитие с домонгольского времени. В золотоордынский период Казань из окраинного города превратилась в один из заметных экономических и политических центров Среднего Поволжья. Укрепления поселения на Кремлевском холме сохранялись весь золотоордынский период в тех же размерах, что и в домонгольское время. В отличие от многих городов этого времени Казань в течение всего золотоордынского времени имела укрепления, что противоречит мнениям многих специалистов, считающих, что укрепления городов в это время целенаправленно разрушались.

Гоняный М.И. Коллеги, я – реалист. Суть такая, если мы говорим в целом об огромной территории, то можно привлекать любые источники. Для того чтобы понять, на мой взгляд, как было, надо куда-то опуститься, в какую-то небольшую, хорошо изученную археологически нишу. Опуститься в факты. Кто делал оружие? На какой территории? Скажем, я за 30 лет на Куликовом поле облазил 600 кв. км. Я нашел целую серию металлургических мастерских. И мой ученик защитил прекрасную диссертацию. Там нет ни одной находки полуфабриката изготовления оружия. Нет. Плавил железо, ковали чего угодно: косы, серпы, но оружие не делали. Это регион большой. Оружие на Куликовом поле, я не беру место сражения, регион, пограничный, страшный, опасный. Конечно, там жили не простые русские мужики. Они ждали опасности, и в случае чего должны были дать отпор. У них было оружие. Но самое удивительное, что все найденное, а с приборами мы находим много данных, с которой можно работать и осмыслять, все вооружение скопировано с Золотой Орды. Они переняли все, что есть. Конечно, свои наконечники, свои формы, но та же кольчуга – ордынская. Откуда ее получали, пока мы не знаем. Кто воевал? Оружие ведь есть не везде. Оружие есть в двух случаях: или поселение сожгли, потому что мы находим кучу стрел и всего прочего, или мы находим следы усадьбы. Какая она была, я ни одной не раскопал. Но набор предметов выявляется сразу, два наконечника, сразу обнаруживаются копья, определяется статусность памятника, статусность усадьбы и соответствующий набор вещей. Где их делали, я не знаю. Я думаю, что на Куликовом поле в этом регионе, никаких складов не было. Что складывать? Оружие мог купить тот, кто хотел выжить. Рядовой крестьянин – он ни с кем не сражался. В случае опасности, он бежал в лес. Сражался профессионал. Местный кузнец ничего не ковал, поэтому мы ничего не находим. Мы находим бляшечки, мы находим на русской территории подражание болгарам. Оружие делали там, где его могли делать. Но пока мы такого места не нашли. Нам надо рассуждать не глобально, где был арсенал страны, всей территории. Да, его было много. Если мы хотим найти истину, надо начинать с малого.

Кулешов Ю.А. Продолжая тему, начатую Михаилом Ивановичем могу сказать, что представленные аналогии Искандером Леруновичем, что современные военно-исторические клубы, которые делают все эти наколенники в «гаражах», не соответствуют реальности, не могут являться аналогией для средневекового производства. Потому что средневековое производство – это сам по себе достаточно сложный процесс, начиная от добычи руды, до получения металла. Процесс очень объемный, затратный, очень дорогой. Если мы смотрим на металлографию этого оружия, к сожалению, по Золотой Орде проблемы с металлографией. Правда, есть несколько работ Семь-

кина и еще ряда казанских коллег. Но, к сожалению, оружие там рассмотрено очень мало, в основном это наконечники стрел, но наконечники стрел это расходный материал. Поэтому здесь, естественно, есть эксклюзивные вещи, но это уже отдельная тема. Что касается непосредственно оружия функционального, которое использовалось. Если мы смотрим на металлографию, сравнивая от Британии до Китая, на оружие идет сырье очень высокого качества. Это не те кузнецы, которые сидели на окраинах и у которых были горны, – они не в состоянии были эти вещи делать. Я посвятил этой теме доклад потому, что в нашей историографии почему-то на нас очень долгое время не обращали внимания, а на западе (англоязычные, франкоязычные, немецкоязычные), эта тема достаточно развита. Есть несколько производственных центров, допустим Милан, который снабжал своими доспехами практически всю Европу. Вот эти оружейные центры поставляют очень много. Если взять средневековье, то итальянские поставки были на Балканы и Сербию. Даже те источники, которые мы знаем, указывают на то, что у мамлюков были латинские шлемы. А они их могли лишь закупать.

Бурханов А.А. Дискуссия пошла таким образом, что я не совсем понимаю ее сути. Искандер Лерунович говорит, что в Золотой Орде производство оружия было, а вы говорите, что все привозили?

Кулешов Ю.А. Нет. Вы меня немножко неправильно поняли. Я не говорю, что Золотая Орда ничего не производила, это в корне не верно. Я лишь указываю на то, что сам по себе процесс формирования золотоордынского оружия достаточно сложный. То есть здесь нужно учитывать импорт, учитывать получение в качестве «дани» с подвластных территорий каких-то предметов вооружения. Это известно из русских и армянских источников. Я хочу оспорить тезис Михаила Викторовича Горелика о том, что пришли монголы и все принесли, а все остальные это оружие заимствовали. Это в корне не верно. Процесс был намного сложнее, и на его характер влияли экономический, технологический, политический факторы. И мы должны их, безусловно, учитывать, и не только обращаясь к археологии и письменным источникам.

Исхаков Д.М. Здесь у нас возникает проблема. На самом деле вам неизвестна совокупность всего. Вы находите два предмета и из этого делаете обобщение. Это же невозможно на самом деле. Материал не позволяет вам делать такие выводы.

Бурханов А.А. Это все из-за того, что исследования золотоордынского вооружения пока не на достаточном уровне.

Измайлов И.Л. Мы говорим о ближневосточном оружии, которого в десятки раз меньше золотоордынского. На Ближнем Востоке еще меньше находок. Оттуда все вывезли сюда что ли?

Кулешов Ю.А. Это совсем другое.

Измайлов И.Л. Что значит совсем другое?

Кулешов Ю.А. Да там почва совсем другая, и сохраняются железные предметы совершенно по-другому.

Измайлов И.Л. Да, к тому же на Ближнем Востоке уже шестьсот лет царствовал ислам, там не могло быть никаких погребений с оружием. Да и у нас тоже после середины XIV века нет погребений с оружием.

Иванов В.А. Я понял великолепную мысль. Чтобы мы от нашей дискуссии ушли в размышления, давайте каждый из нас будет говорить, что он думает. Не то, что хочет услышать публика.

Миргалеев И.М. Коллеги, основные проблемы тематики понятны, это и анализ источников, и вопросы производства оружия. Конечно, оружие было разным. Как видели и на посещенной выставке, художественное оружие, оружие для элит, оружие ударных частей, тяжелой конни-

цы, также и оружие легковооруженных воинов. Наверное, такое положение также должно учитываться. Было ведь так называемое разделение труда, где-то производили высокохудожественно оформленные доспехи и оружие, где-то добротное и практичное оружие, а где-то просто нужны были наконечники стрел, копии и т.п. Понятно, что в Золотой Орде не было необходимости покупать наконечники стрел, но вот другое оружие, оно, конечно же, могло закупаться. Вопрос только в процентном соотношении покупного и произведенного в самой Золотой Орде оружия. Ведь качество металла также было очень важно. Да и для производителей была важна продажа своих товаров. Чем больше, тем лучше. Поэтому вопросы торговли, какие товары какое место занимали, все это очень интересно. Нельзя забывать, что кроме Среднего Поволжья, Руси, Урала, Хорезма, территория Северного Кавказа была также частью золотоордынского государства, а эта территория издавна славилась производством хорошего оружия. Так что тут крайности не нужны. Как известно, где начинаются крайности, там заканчивается истина.

Зайцев И.В. По поводу военного дела Золотой Орды, я оперирую источниками более позднего времени. Мне кажется, что спор в общем ни о чем. Значит, что-то завозили, что-то производили. Это очевидно. Вот жалко, что В.В. Трепавлова здесь нет, он все бы рассказал...

Миргалеев И.М. Вадим Винцерович у нас на основной конференции остался.

Зайцев И.В. Да. Вот есть ногайские посольские книги. Почти в каждом письме: каждое посол приезжал, и обязательно мирза просил доспехи. Доспехи просил себе и детям. Были престижные вещи, которые где-то там в Кремле лежали. Был фонд определенный, который выделялся специально для таких целей. Это вещи, как правило, не производились в самой Руси а «кочевали». Это вещи, которые поступали с посольскими дарами и специально хранились, чтобы потом, при случае, одарить какого-нибудь, в данном случае – мирзу, например, потому, что тот к России хорошо относится. А если плохо – значит не поощрить. Но давайте посмотрим. А был ли импорт вооружения из Московской Руси в Ногайскую Орду? Конечно, нет. Ну, нет этого по источникам. Потому что запрещено было металл вывозить. Кто будет вооружать в массовом порядке своих потенциальных соперников? Это глупо. Ни один правитель, который думает о будущем, никогда не будет этого делать. Это факт. Специальный список товаров был, который был запрещен к вывозу. И металл всегда находился в списке, в любом виде. Они гвозди просили. Но нет. О чем это говорит, что в Ногайской Орде в XVI–XVII вв. производство даже таких простых вещей не было. Я вот не помню, по-моему, Исмаил пишет в Москву, хочу построить мечеть. У него не было металла, чтобы покрыть крышу. Он металл этот просил в Москве. Хотя мог просить и наверняка просил и в Хиве и еще где-нибудь, потому что связи были везде, и в Бухаре. О чем это говорит? Если существовал импорт, импорт этот существовал только на уровне посольского обмена, престижнейшими вещами. Вот в Ногайских посольских книгах масса упоминаний, о том, что просят доспех у хорошо известных уже в Ногайской Орде. Вот Салтыков, убитый во время Казанской войны, его доспехи попали потом в Москву. И тот же Исмаил пишет в Москву: «пришлите мне его панцирь». Он знал об этом панцире. То есть эта вещь единичная, вероятно, очень хорошо украшенная, причем со своей историей. Я допускаю, что Салтыков был далеко не первым его владельцем. То есть, скорее всего, она к нему пришла или как военный трофей или каким-то иным способом. Потому что это дорогая вещь, это мог позволить себе только боярин. Поэтому мне кажется, что массового импорта быть не могло. Но импорт дорогих вещей, конечно же, был. Но в данном случае слово «импорт» не корректно. Это подарки в качестве дани и уважения, в какой-то степени подкупа даже. Тоже самое касается, кстати и огнестрельного оружия. Вот более поздние материалы: посольские книги. Значит, едет пушечник. Из Италии пушечник едет в Московское государство. Но, может быть, итальянец. Хотя Кузьма его зовут. Его задерживают в Крыму. Полтора года идет переписка, которая ничем не закончилась. Мингле-Гирей долго его держал. Почему? А потому, что хотел использовать для своих нужд. Потому что такие мастера – на вес золота. Их было мало, их знали все. То есть этот человек удостоился того, что полтора года, даже больше, его судьба на межгосударственном уровне обсуждалась. Его так и не отпустили. Возьмите Крым XVI века. Все эти пушки, количество пушек до единиц описаны в Крымских источниках. Это означает, что эти вещи были не просто известны. Были мастера, которых покупали за большие деньги. Эти были очень богатые люди и очень влиятельные.

Кулешов Ю.А. Хотел уточнить. Данные нам источники говорят о том, что десятки, сотни доспех везли. Это вы считаете, что все подарки? Указывается, что одна галера перевозит полторы тысячи кинжалов. Это тоже подарки?

Измайлов И.Л. Нет, это не каждая же галера везла оружие. Не каждая везла 200 доспехов. Может они зафиксированы из-за того, что это было нечто экстраординарное.

Кулешов Ю.А. Нет, это не вырванное из контекста, это простая документация.

Измайлов И.Л. Да, но это только один факт из тысячи, когда везли вполне мирные грузы. Как раз перевозка оружия – это нечто необычное, тогда как чаще везли совсем другие товары. Впрочем, у С.П. Карпова все очень подробно и детально изложено.

Исхаков Д.М. Вот мы же говорили 150 тысяч или 200 тысяч. Если такие цифры, то полторы тысячи кинжалов это не так уж и много.

Зайцев И.В. Во-первых, нужно посмотреть источник, что это за кинжалы. Ну, вполне возможно, что это обыкновенные кухонные ножи.

Свентославский В. Всегда было так, что было оружие свое и было оружие привозное. И не только подарки, подарки всегда были. Но большая часть это не подарки, а только торговля. Скажу так, в Польше в XIX веке, когда кто-то находил позднесредневековый меч, то говорил, что тевтонский. Потому что думали, что у нас не могли делать мечи. Теперь мы знаем, что в начале XV века в 60 городах были такие мастерские. Мы знаем имена тех, кто делал мечи. Мы знаем, сколько в один год можно было сделать мечей. Это было так много, что все воины, которые пошли бы под Грюнвальд имели бы мечи, сделанные в Польше. Но мы знаем также, что много мечей доставлялось в Польшу из южной Германии. Все было, и подарки тоже были. Не нужно утверждать, что формирование оружия в Золотой Орде происходило только через импорт или же, что только здесь производилось. И импорт и подарки были. Все было. Один польский человек 50 лет тому назад написал книгу о саблях. И написал вначале о происхождении сабли. «Некоторые говорят, что сабли выдумали где-то в степи тюрки. Не могли ранние средневековые тюрки из Алтая сделать сабли. Потому что они не знали, что делать с железом и не были кузнецами». Но вы знаете, что в китайских источниках раннесредневековые тюрки из Алтая – это, прежде всего кузнецы! Из многих стран привозили и внутри страны было. Юрий Алексеевич, я Вашу статью в ежегоднике «Золотоордынская цивилизация» прочитал. Хорошая статья, но я не согласен, что все оружие привозилось. Было и свое производство, и импорт и подарки. Владимир Александрович, с Вами также не могу согласиться, с Вашими расчетами, здесь не может быть взяты за основу только археологические находки из языческих погребений. Здесь эти показатели не могут быть корректными. То, что не нашли у себя на поле весь комплекс вооружения, или в основном только наконечники, это не правильно, мы тоже не нашли. В Польше, как я уже сказал, производилось много оружия, шлемов. Как видите, это не совсем корректный показатель. Также и в Золотой Орде оружие производилось.

Миргалеев И.М. Возможно ли для определения производства и использования оружия предложить какую-то типологию, как в археологии? Здесь наш польский коллега Витольд Свентославски абсолютно прав. Никуда не деться от письменных источников, тех же самых изображений воинов. Тут нужны другие подходы. Да, торговля была, в том числе и оружием, прежде всего, более высокого качества, художественного. Но Золотая Орда была огромным государством, если не постоянно, то часто воевавшим в разных направлениях, но, конечно, прежде всего, в южном направлении, против Хулагуидов. И считать, что Орда использовала только привозное оружие, это просто было бы неграмотно и неправильно. Тут нужно смотреть по совокупности источников и анализировать, а не делать поспешных выводов. Считать, что оружие не производилось самими монголами, а потом и в Золотой Орде – это полный абсурд. Но при этом игнорировать и импорт также не стоит, какой процент и какое значение оно имело, вот это вопрос.

Иванов В.А. Я, прежде всего, сам все хочу понять. Я не утверждаю категорически, я пытаюсь понять полученные данные. Вопросы ставятся серьезные и очень интересно докопаться до истины.

Измайлов И.Л. Подводя некоторые итоги, могу сказать, что дискуссия удалась. Я несколько скептически относился к идее ее проведения, когда Ильнур Мидхатович предложил такую тему. Но я сейчас вижу, что даже если был бы более широкий круг, то этой проблеме можно было бы уделить особое внимание, провести специальную конференцию. И специально разобрать многие вопросы, связанные с историей, археологией оружия, с историей военного дела Золотой Орды, в том числе численности войск, военной организации и т.д. Вопросы назрели и их решение необходимо поставить в повестку дня. И не исключено, что как раз нам понадобятся комплексные исследования, более широкий круг специалистов смежных дисциплин и ученые из разных регионов. И я думаю, что тогда бы мы нашли вот тот самый баланс и выяснили те вопросы, которые в дальнейшем могут стать основой для дальнейших дискуссий и для плодотворных исследований. Благодарю за внимание.

Бурханов А.А. Дело в том что, предмет дискуссии действительно важный. Действительно, как сказал Искандер Лерунович, какое-то крупное мероприятие можно провести. Может быть Евразийский форум, посвященный проблемам военного дела и вооружения. Я вот буквально понял, что одни говорят, что все здесь производили, а другие все привозили. У меня такое впечатление сложилось. Ну, я просто скажу в пользу и того и другого. Дело в том, что мы хотим реконструировать какую-то искусственную историю. А реальная ведь история немного другая была. Поэтому нужно привлекать не только миниатюры, но и письменные, и археологические источники. Возьмем археологические источники. Владимир Александрович Иванов, наш уважаемый профессор говорил больше о захоронениях, курганах и т.д. Действительно, вот городские поселения: в массовом порядке выходят различные железные вещи. Мы не говорим, что здесь все чеканилось, все делалось т.д. Я вот беру только территорию Татарстана, Нижнего Поволжья и Хорезма. Ежегодно во время раскопок выходят какие-то предметы вооружения. Я бы не сказал, что это все привозилось. Что-то делалось здесь. Металлургия была достаточно хорошо развита. Вот даже в провинциальной территории Татарстана, Кукморском районе, неизвестный памятник золотоордынского времени – там была найдена мачкара и прекрасные наконечники стрел, копья. На других территориях огромное количество наконечников, топоров, причем многие из них оригинальные и не опубликованы. Естественно, были центры и в Хорезме, и в Крыму, и на территории бывшей Волжской Булгарии и в сибирских территориях. Что-то производилось тут, что-то привозилось. Поэтому в массовом порядке привозных вещей вряд ли было. И такое впечатление, я вот не знаю, мы историей Востока занимаемся, и если взять в целом культуру Востока до XV века, то Восток не отставал от Европы, а даже опережал в развитии по многим направлениям. А Золотая Орда – это мусульмане, восточная страна и достаточно хорошие связи были и с Ираном, и с Сирией. В то время границы фактически были открыты. И мастера могли ездить. Естественно, мастера были прекрасные профессионалы, но они имели свои школы. Поэтому ставить вопрос так, что все привозилось или все делалось здесь невозможно. Все равно 90% здесь делалось, а 10% процентов привозилось.

Исхаков Д.М. Я думаю, что когда мы обсуждаем эту проблему, мы должны посмотреть несколько с иных точек зрения, с которых мы еще не смотрели. Я прекрасно понимаю, хотя не специалист по металлургии, что там довольно сложный химический процесс происходит. И без определенных химических знаний невозможно металлургией заниматься. Но в то же время мы знаем, что здесь, в Золотой Орде, достаточно большие знания по химическим процессам. Скажем, мы по Болгару этот процесс можем проследить. Поэтому, чисто технологически знаний было достаточно. Но даже при технологии абсолютно ясно, что металлургией можно заниматься не везде. Потому что источник рудный нужен. Это вот один момент. Поэтому мы должны искать, может быть, в других местах.

Миргалеев И.М. Дамир Мавлявиевич, Юра Кулешов говорит, что металлургия это одно, а производство оружия – это уже совсем другое. Это тоже вопрос.

Исхаков Д.М. Кстати, я могу вам возразить и в таком плане. Вы помните, что в свое время мы продавали японцам топоры? Они очень хорошо использовали их для других дел. Я думаю, что ввоз большого количества кинжалов еще не говорит о том, что они потом были использованы по назначению. Потому что нужен был и источник металла тоже. Могли и из Европы получать металл. Потому что мы знаем, есть хорошие металлы там, и это ни о чем на самом деле не говорит. И я думаю, что достаточно важно, в связи с выступлением Ильи Зайцева. К сожалению, мы не можем моделировать ситуацию в Золотой Орде, скажем, сравнивая с Ногайской Ордой. Мы знаем, что Ногайская Орда попала в специфическое положение. Там практически не осталось городских центров. А вот во времена расцвета Золотой Орды мы наблюдаем огромную урбанистическую территорию. И когда вот эти центры были разрушены, там возникла другая ситуация. И здесь прямое сравнение невозможно. Вот я думаю, если в дальнейшем этот вопрос будет обсуждаться, надо обязательно посмотреть на технологический процесс. Ну, если там, скажем, в Болгаре, дошли до производства чугуна, значит, технологические процессы были достаточно хорошо изучены. Но это надо конкретно рассматривать. И, во-вторых, конечно, обязательно металлографический анализ необходимо произвести. И тогда можно более конкретно подходить. Хотя тоже на самом деле решающий вывод будет не здесь, из-за ограниченности материала. Случайный фактор тоже может сыграть свою роль. Если вот больше площади охватить, то тогда да. И завершая, хочу сказать, что для любого средневекового общества обмен продуктами с соседями – это нормальное явление. И поэтому это не говорит об уровне развития. Это говорит о том, что каждый имел нечто свое. Ничего плохого в этом нет, если из Европы ввозилась тысяча кинжалов.

Кулешов Ю.А. Дорогие коллеги, я соглашусь, что проблема неоднозначна. То есть, уважаемые коллеги не совсем поняли то, что я хотел донести. Основная мысль не в том, что в Золотой Орде пользовались исключительно привозным оружием. Я обратил внимание на то, что сам по себе комплекс формирования золотоордынского вооружения намного сложнее, чем просто заимствование имперской культуры. Это немножко разные вещи. А какой процент был, в разные времена, например в период «замятни», – могло быть что-то больше, что-то меньше. Что касается того, насколько мои выводы верны, здесь я полностью соглашусь с предшественником. Нужны масштабные металлургические исследования, не только в пределах Булгарского улуса, а от Дуная до Урала. Но и здесь можно столкнуться с проблемами. Потому что нам ничего о Востоке по металлу неизвестно. То есть технологические схемы не с чем сравнивать. Пока мы можем оперировать данными письменных источников. Я думаю, дальнейшие исследования опровергнут или подтвердят данные этих источников, насколько они объективны. Естественно, одной статьей ничего не решить. Это лишь постановка проблемы. Сколько бы мы не пикировались с Искандером Леруновичем, он сказал замечательные слова, что очень много назрело вопросов. И действительно, если мы соберемся в более расширенном кругу, с привлечением специалистов по металлургии, по географии, именно по торговым вопросам, потому что средневековая торговля это колоссальные масштабы. Я много всего для себя открыл. Вчера на форуме доклад был, по-моему, у Марка Григорьевича Крамаровского, когда он говорил, что 220 тысяч материала (камней) привезли для постройки стены, это же колоссальные перевозки, колоссальное количество людей. И это не только в пределах одного полуострова. На эту тему торговли есть хорошая работа у Александра Еманова. Это вот постановка вопроса, я думаю, что здесь очень много составляющих. Если мы будем решать эти вопросы необходимо приглашать специалистов по этим узким вопросам. Это больше прольет свет, чем одна работа, которая поставила этот вопрос, и не более.

Иванов В.А. Я хочу высказаться, потому что не хочу заканчивать нашу конференцию и уезжать отсюда человеком, который там что-то такое высказал и все. Самое интересное, когда шло обсуждение темы, мой-то вопрос никто не затронул. Я хочу, прежде всего, к моим коллегам археологам и, естественно, к коллегам историкам обратиться. Вот поднимая тему военного дела и вооружения Золотой Орды, я очень бы хотел рекомендовать, что когда мы будем писать, как были вооружены золотоордынские воины, как они воевали, не упускать из виду соотношение данных исторических материалов и археологических данных. Понимаете, когда я слушал вас, прозвучало такое: «Было производство оружия в Золотой Орде? Было! Был импорт оружия? Был! Все. Вы проблему сняли». Юрий Алексеевич, который поднял проблему импорта, он прав? Прав! Все с этим согласны. Искандер Лерунович сказал, что импортировать-то импортировали, а свое произ-

водили. Прав? Прав! То есть проблему мы закрыли. Но осталась проблема, это методика, методологические соотношения исторических и археологических материалов. На примере вооружения это хорошо прослеживается. Сейчас любой археолог, обращаясь к археологическому материалу, будет сталкиваться с той же проблемой: «копий семь, топоров четыре». Этих шлемов там одиннадцать. Обращаясь к историческому материалу, он будет читать...

Исхаков Д.М. Владимир Александрович, извини, прерву тебя, конкретно по отношению к твоему докладу, опираясь на твои подсчеты, мы поделили сколько процентов было кого-то. Вот берем, скажем, одно конкретное событие, большой праздник в районе Пятигорска во времена хана Узбека, собрались 17 темников. Я думаю, что это были войска правого крыла. Если вот мы пойдем по твоей схеме, значит, 17 туменов. Если из них каждая тьма будет выставять хотя бы по 1000 человек всадников, то я думаю, на самом деле очень существенное войско появляется. Если, добавить остальных, на самом деле это есть самая настоящая танковая атака. Вот представь 20 тысяч воинов латников. Больше ничего не надо же. Поэтому в твоих рассуждения доля истины есть, и никто это не отрицает.

Иванов В.А. Может быть, ты и прав.

Селезнёв Ю.В. Во-первых, хочу сказать о методике. Владимир Александрович разделил сначала историков и археологов, потом он их все-таки объединил. Есть такая дисциплина, как историческая источниковедение. Эта дисциплина учит тому, что историческим источником является то, что несет информацию. Мы все работаем с информацией. И вот трактовка информации это та самая методика, то есть извлечение информации и ее применение. Теперь ближе к делу. На самом деле Владимир Александрович совершенно прав. Мы скатились к обсуждению локальной, узкой проблемы, которая к заявленной теме имеет отношение, но не охватывает все. Поэтому возникает проблема в следующем, в перспективе изучения. Звучали предложения, одна из перспектив это собственно тема Ю.А.Кулешова, и, может быть, отдельная конференция или сборник, именно по военному делу или военному искусству. А это широкий спектр проблем. Во-первых, система комплектования армии. Сюда входит резервирование, система обучения, что по «Сокровенному сказанию» прослеживается. Это структура, командование, тактика, стратегия, военная мысль, полководческое искусство. Как это менялось, например, на протяжении от времен завоевания Бату и до времен распада во время Идегея. Это все менялось. Вооружение и производство, применение вооружения. Тактика тоже зависит от вооружения, которое есть. Они взаимосвязаны. Может быть, действительно эти кинжалы были закуплены для какой-то локальной кампании и специально для какого-то действия. Тактика, наступательная оборона, они разные. И на всю эту систему влияет экономика и социально-политическая ситуация. Это все меняется на протяжении большого периода существования Золотой Орды. И вот эти все аспекты на сегодняшнем Круглом столе, оказались в стороне. Практически не освещены. Между прочим, ответ на эти вопросы может дать и ответ на тот локальный вопрос. Что, где, когда и зачем производилось в Золотой Орде и что, где, когда и зачем импортировалось и закупалось. Или там какие-то статусные вещи дарились.

Миргалеев И.М. Ну, наверное, мы на этом все-таки закончим. Целый день тему разбирали. Я и вправду очень доволен, как издатель «Золотоордынской цивилизации», что опубликованная в сборнике статья нашла такой большой отклик. Доволен и сегодняшним мероприятием. Искандер Лерунович признал, что тема еще далека от разрешения и что тема была актуальна, даже предложил продолжить обсуждение на другом уровне. И это очень даже правильно. Юра Кулешов будет прав или не будет, но от такого обсуждения выигрывает наука. Насчет другого формата будем думать, нужно думать всем вместе. Пока вам такой организационный вопрос. Мы будем издавать материалы. По вашим предложениям, сборник будет отдельный, ваши статьи тогда не войдут в «Золотоордынское наследие», в материалы конференции. Издадим отдельным сборником, как материалы «Круглого стола». Поэтому нужно попросить и других специалистов, чтобы и они прислали свои статьи для этого сборника. Издадим и стенограмму нашего «Круглого стола». Конечно, и после докладов задавались вопросы, и были интересные ответы, приходилось вас сдерживать от споров. Но думаю и обсуждение после докладов будет интересно коллегам. Очень жаль, что из заявившихся коллег не все смогли приехать, а мы вышли практически на всех спе-

циалистов, занимающихся военной тематикой. Было бы, конечно, интересно послушать и самого Михаила Викторовича Горелика, не только его доклад, но и его рассуждения.

Исхаков Д.М. Горелику нужно было приехать обязательно, он бы узнал, что не все из миниатюр можно вытащить.

Миргалеев И.М. Давайте приглашать к участию в сборнике и других коллег, вы работаете в этой тематике и знаете многих. По металлу, я знаю, в Уфе есть Рязанов Сергей Владимирович, можно его попросить написать статью.

Исхаков Д.М. Есть предложение. Мы поработали и в итоге вынесли решение, что военное дело, военное искусство требует отдельного обсуждения. Может, вынести как общие наши выводы?

Миргалеев И.М. Хорошо. Спасибо, на этом закончим. Благодарим всех за хорошую и дружескую дискуссию. Всем удачи!

Список сокращений

АГУ – Алтайский государственный университет
 АКМ – Азовский краеведческий музей
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук СССР
 БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмуллы
 БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН
 ВГУ – Воронежский государственный университет
 ВИ – Вопросы истории
 ВКТ – Военно-культурная традиция
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ГМИА – Государственный музей истории Армении
 ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока
 ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 ДонНУ – Донецкий национальный университет
 ИА РАН – Институт археологии РАН
 ИАЭТ – Институт археологии и этнографии
 ИВ РАН – Институт востоковедения РАН
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
 ИИФФ – Институт истории, филологии и философии
 ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории (искусства) им. Г.Ибрагимова
 КБНЦ РАН – Кабардино-Балкарский научный центр РАН
 КБР – Кабардино-Балкарская Республика
 ККМ – Кисловодский краеведческий музей
 КНР – Китайская Народная Республика
 КПЖД – Кавказская перевальная железная дорога
 ЛО ИВ АН СССР – Ленинградское отделение Института Востоковедения АН СССР
 МАИКЦА – Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.
 МАЭИТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
 МНР – Монгольская Народная Республика
 НАНУ – Национальная академия наук Украины
 НГУ – Новосибирский государственный университет
 НЦАИ – Национальный центр археологических исследований
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры
 РАН – Российская Академия наук
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 СВ – Советское востоковедение
 СМИЗО – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды
 СО АН СССР (РАН) – Сибирское отделение АН СССР (РАН)
 СФ ИВ РАН – Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН
 СЭ – Советская этнография
 ТГГПУ – Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет
 ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
 ТГУ – Томский государственный университет
 ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
 ЦИИЗО – Центр исследований истории Золотой Орды им. М.А.Усманова
 ЧИГУ – Чечено-Ингушский государственный университет

ЧИНИИИСФ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии

Сведения об авторах

Абызова Екатерина Николаевна – заведующий фондами археологии, Национальный музей археологии и истории Молдовы (Кишинев, Молдова).

Бобров Леонид Александрович – к.и.н., с.н.с., Лаборатория гуманитарных исследований научно-исследовательской части НГУ (Новосибирск).

Воронцов Игорь Александрович – к.и.н., главный специалист сектора археологии, Областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры (Волгоград).

Горелик Михаил Викторович – кандидат искусствоведения, с.н.с., Институт востоковедения РАН, академик Академии художеств Республики Казахстан (Москва).

Горбунов Вадим Владимирович – д.и.н., профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул).

Губайдуллин Айрат Маратович – к.и.н., с.н.с., Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань).

Иванов Владимир Александрович – д.и.н., профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмуллы (Уфа).

Измайлов Искандер Леронович – к.и.н., вед.н.с., Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань).

Кулешов Юрий Алексеевич – ученый секретарь Проблемного совета «Военная Археология» при ГИМ (Москва).

Кушкумбаев Айболат Кайрслямович – д.и.н., профессор, директор исследовательского центра «Евразия», Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева (Астана, Казахстан).

Миргалеев Ильнур Мидхатович – к.и.н., руководитель Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А.Усманова, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань).

Нарожный Евгений Иванович – д.и.н., директор Центра археологических исследований, Армавирский государственный педагогический университет (Армавир).

Пенской Виталий Викторович – д.и.н., профессор, Белгородский государственный университет (Белгород).

Пилипчук Ярослав Валентинович – к.и.н., м.н.с., Институт Востоковедения им. А.Ю.Крымского (Киев, Украина).

Почакаев Роман Юлианович – к.и.н., доцент, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург).

Рязанов Сергей Владимирович – н.с., Институт этнологических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа).

Сальников Алексей Викторович – к.и.н., Армавирская государственная педагогическая академия (Армавир).

Свентославский Витольд – доктор истории, профессор, Институт археологии Гданьского университета, Институт археологии и этнологии Польской Академии наук (Гданьск, Польша).

Селезнёв Юрий Васильевич – к.и.н., доцент, Воронежский государственный университет (Воронеж).

Селиверстов Дмитрий Анатольевич – Проблемный совет «Военная Археология» при ГИМ (Москва).

Тишкин Алексей Алексеевич – д.и.н., профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул).

Хабибуллин Алмаз Наильевич – аспирант, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань).

Худяков Юлий Сергеевич – д.и.н., профессор, гл.н.с. Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий кафедрой археологии и этнографии НГУ (Новосибирск).

Черкас Борис Владимирович – к.и.н., с.н.с., Институт истории Украины НАНУ (Киев, Украина).

**Военное дело Золотой Орды:
проблемы и перспективы изучения**

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М.Зигангареева, Л.С.Гиниятуллина*

Дизайн обложки – *Р.Ф.Гатауллина*

Подписано в печать 15.08.2011 г.

Усл. печ. л. 27,5 Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Фолиант»
г. Казань, ул. Профсоюзная, 17В